923
Н-45
Неизд. письма
1932

48546

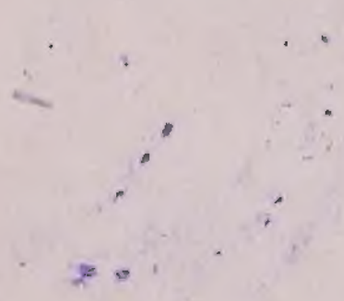
НЕИЗДАННЫЕ
письма

Л. Н. ТОЛСТОГО
И. А. ГОНЧАРОВА
Н. А. НЕКРАСОВА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
А. Ф. ПИСЕМСКОГО
И ДР.

ИЗ АРХИВА А. Н. ОСТРОВСКОГО

ACADEMIA

Письма к А. Н. Островскому имеют двоякую ценность: многочисленные корреспонденты в своих отзывах о драматурге дают важный документ для уяснения социальной значимости поэтической продукции творца «Грозы», «Леса», «Снегурочки», для определения роли Островского в современной ему журналистике; с другой стороны вырисовывается пестрая, многообразная, с характернейшими подробностями, общественная, литературная жизнь крупнейших мастеров художественного слова второй половины XIX века. Архив Островского превосходный историко-литературный материал, значительно обогащающий наши знания о минувших судьбах русского театра, литературы, периодической печати.



ACADEMIA

ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРНОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО
БЫТА

НЕИЗДАННЫЕ *письма* К А. Н. ОСТРОВСКОМУ

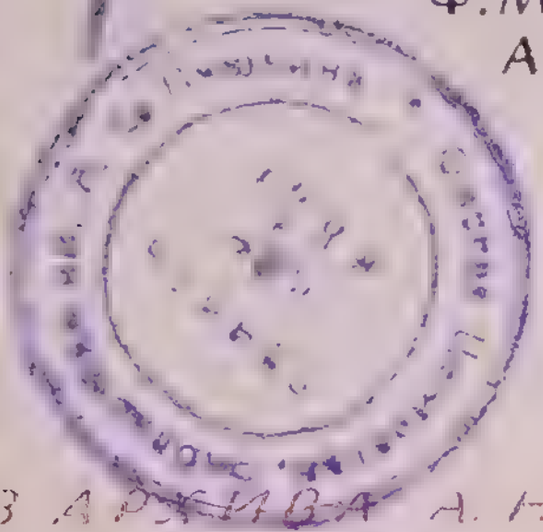
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД ACADEMIA
1932

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА

92В
Н-45.

Л. Н. ТОЛСТОГО
И. А. ГОНЧАРОВА
Н. А. НЕКРАСОВА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
А. Ф. ПИСЕМСКОГО
и др.

18546.



из архива А. Н. ОСТРОВСКОГО

ПО МАТЕРИАЛАМ ГОС. ТЕАТРАЛЬНОГО
МУЗЕЯ ИМ. А. А. БАХРУШИНА

ПРИГОТОВИЛИ К ПЕЧАТИ
М. Д. ПРЫГУНОВ, Ю. А. БАХРУШИН
и Н. Л. БРОДСКИЙ

АКАДЕМИЯ — МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1932

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А. БАХРУШИНА, ТОМ II

54

Титул, обложка и супер-обложка работы художника С. М. Пожарского.

А. Н. Островский

Гелиогравюра с редкой фотографии 60-х годов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая переписка корреспондентов А. Н. Островского — крупнейших представителей русской литературы, театра, журналистики — Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова, П. И. Панаева и мн. др., находилась в личном архиве покойного драматурга и в 1921 г. была приобретена у его наследников директором-основателем Государственного Театрального Музея им. А. Бахрушина. А. А. Бахрушин (1865—1929) собирался при участии Н. Л. Бродского издать с соответствующими комментариями весь архив и последние месяцы своей жизни посвятил подготовке к печати данной работы. Разобрав архив по адресатам, скопировав менее разборчиво написанные письма, он думал данную публикацию включить во второй том «Трудов Музея». Смерть помешала ему осуществить начатое дело.

Редакторы этого сборника взяли на себя труд довести издание до конца, сохранив план, выработанный А. А. Бахрушиным, и снабдив материал соответствующими примечаниями и аннотированным указателем.

Считая, что данная переписка является исключительно ценным материалом, характеризующим отношение к А. Н. Островскому громадного круга литературных, журнальных и театральных деятелей, редакторы издания нашли

нужным включить почти все, даже небольшие по объему, письма и записочки.

Остались не включенными в сборник письма композиторов — Серова, Чайковского и др.

Опубликовывая литературный архив А. Н. Островского, Музей преследовал задачу удовлетворить данной книгой не только исследователей литературы и театра, но и сделать ее доступной для широких читательских кругов.

Аверкиев, Дмитрий Васильевич

1

Грустною вестью, Александр Николаевич, должен я начать знакомство с Вами. Нашего Аполлона не стало. Вчера, в 3 часа он умер от удара. Вас, которого Григорьев так горячо любил, считаю долгом уведомить об этом первого. Знаю, что вы поплачете вместе с нами. В великом горе, утешительно, что не один ты горевать будешь.

Д. Аверкиев.

26 сент., 64.

2

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Вы, конечно, помните мнение Потехина о соединении московской и петербургской труппы в одну и о назначении общего для них начальника. Мнение показалось Вам, как и мне, весьма нелепым и мы горячо его оспаривали. Что же случилось? Мнение это помимо комиссии и даже можно сказать вопреки ей было окольным путем сообщено министру, им утвер-

ждено и Потехин назначен управляющим обеими труппами. [1] Такой обход комиссии и неуважение к ней, по моему, не следует оставлять без протеста, и я намерен протестовать. Весьма сожалею, что Вас в Петербурге нет; мне даже сдается, что для подачи мнения помимо комиссии нарочно дожидали Вашего отъезда.

Мой протест будет весьма неважен, если он будет только от меня, — но если и Вам будет угодно присоединиться к нему, то, конечно, на него обратят внимание. Если Вам угодно будет присоединиться к протесту, то прошу Вас уполномочить меня на то письмом или телеграммой.

Поздравляю Вас с праздником. Мой усердный поклон Марии Васильевне.

Уважающий Вас сердечно

Д. Аверкиев.

6 апреля, 1882. [2]

Николаевская, 67/А, кв. 17.

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Получив Ваше письмо, я *наперед всего* вышлю прямо в Прагу оттиск «Трогирского Воеводы». Что касается «уговариванья к представлению», то какое же может быть уговариванье? Одно разве: играйте мол с богом, коль нравится. [3] На всякий случай, я, однако, напишу, что буду доволен всем, что дадут.

Весьма сожалею, что в бытность мою в Москве, не застал Вас там.

Очень грущу, что до сих пор ничего не слышно о новой комедии Вашей. [4] Неужто и сезон пройдет без Вас? Этак и в театре побывать не придется.

Весь Ваш

Д. Аверкиев.

2/XII 83.

4

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Вы, конечно, знаете, что 5-го Октября, у нас празднуется 50-летний юбилей Самойлова. Нечего говорить, что и наше общество примет в нем участие, [5] — но доселе еще не известно какое именно. Если Вы ждете уведомления от комитета юбилейного, то вряд ли дождетесь, хотя я и толковал им, что следует обратиться к Вам, как к главе русских драматургов, без которого мы не двинемся с места. У распорядителей идет, по обычаю, кавардак. Сегодня еще я виделся с одним из них, и он просил меня написать Вам, боясь, что комитет не скоро еще подвигнется, и спохватится тогда, когда уже будет поздно.

Готовый к услугам.

Д. Аверкиев.

28/IX/84.

Николаевская, 65/А.

5

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Посылаю Вам три свои пиесы. [6] Будучи с Вами вполне согласен, что при нынешнем составе московской труппы в Малом театре комедии могут итти удачнее, не могу не заметить что в Трогирском воеводе три первенствующие роли расходятся очень легко между г-жой Ермоловой и г-дами Ленским и Горевым. Что касается комедий, то трудность распределения для меня заключается именно в женских ролях: требуются молодые актрисы. Впрочем предоставляю Вам решить, которая из пиес может быть поставлена с большими шансами на успехи.

Примите уверения в моем совершенном почтении
Д. Аверкиев.

27 марта 85.

Алмазов, Борис Николаевич

1

20 декабря [1856?].

Я был вчера у Каткова и рассказывал ему про твоего Минина. Катков изъявил большое сожаление, когда я, возвратившись от тебя, сказал ему, что ты уже уехал. Он просил передать тебе следующее:

Ежели ты еще не покончил дело * свое на счет *Минина* с каким-нибудь журналом, то имей ввиду Рус. Вест. и доставь сколь можно скорее рукопись с *обозначением условий*. [7]

Весь твой

Б. Алмазов.

2

[1857].

Любезный, Александр Николаевич! поручение твое я немедленно и всемилостивейше исполнил. У тебя дома все живо, здорово и благополучно и тебе кланяется.

Как-то вы там поживаете. С пользою ли провели это время, т. е. сделал ты что-нибудь по части Доходного места, [8] заметна ли в Садовском хотя искра раскаяния и впустили ли его наконец в публичную Библиотеку? [9]

У нас все обстоит благополучно. Евгений Николаевич все в одном положении. Я тоже веду себя довольно сносно. Алексей Семенович все в тех же выражениях отзывается о характере Прова Михайловича, коего дом в его отсутствии, говорят, стал еще красивее, вырос и потолстел. Васильев удит рыбу, чего вероятно и тебе желает. Все мы вам всем кланяемся, а некоторые даже вас целуют; к числу последних принадлежу и я, т. е.

Дон Сезар де Базан,
в просторечии

Б. Алмазов.

* Т. е. ежели ты еще не продал.

P. S. У тебя на дому я нашел письмо П. Пятирикова, который очень просит тебя взять его статью от г-на Дружинина и привести ее в Москву, справедливо называемую сердцем России.

Милостивому Государю Александру Николаеву Г-ну Островскому.

3

[1857, июль, авг.]

Алексей и Сергей Семеновичи Кашеверовы. а в том числе и П. М. Садовский, прочитав с достодолжным почтением и таковым же удовольствием любезно-игривое письмо Александра Николаевича, пожелали совокупно на оное ответить и известить в кратких, но точных словах означенного драматического писателя о достопамятных событиях, приключившихся, в его отсутствии в обеих столицах нашего любезного отечества. Редакцию сего документа по зрелом совещании и достаточном рассуждении, решились они вверить проживающему в здешней столице Б. Н. Алмазову, который. желая оправдать доверенность означенных лиц, приступает в настоящую минуту к описанию событий, имевших сильное влияние на ход развития искусства и на другие предметы.

Пров Михайлович с большим успехом возвратился из С.-Петербурга, [10] подвел под свой дом фундамент из белого камня. тротуар намостил из дикого, и возгордился. Теперь еще он себя несколько обуздывает; но когда будет окончена наружная штукатурка, то должно

полагать, что гордыня его дойдет до крайних пределов и людям обыкновенным нельзя будет продолжать с ним приятного знакомства. Что же косается до окраски полов и достоинства обоев, то первые разительным сходством с паркетом, а вторые живостью тропических растений на них изображенных, неоднократно повергали в обморок неопытных зрителей. Несмотря на это, Пров Михайлович играл 3 раза в Питере и 1 раз в Москве *Бедность не порок*, в отсутствии автора; Не в свои сани в Питере 3 раза, в Москве 1 раз; *В чужом пиру* в Питере 2 раза. Кроме того он так издержался на поправку и украшение дома что все свое спасение полагает в имени знаменитого Островского, и потому уже *заявил* для своего бенефиса две пьэсы сего в высшей степени замечательного драматурга, а именно «Праздничный сон до обеда» и «Картину семейного счастья».

Александр Николаевичь может при помощи собственных глаз видеть из июньских книжек Отеч. Записок и Современ., а также и изо всех Русских газет, каков был успех заслуженного артиста на севере. [11] Но никакое перо, ни типографический станок, ни даже самая кисть не может изобразить тех ощущений, которые произвел он на черствые сердца зрителей тамошнего холодного климата. Актеры ошеломлялись, жены их плакали и вообще все плакали. Это говорили те, которые видели. Они же говорят, что Пров Михайлович еще более поразил публику трагической стороной своего таланта, чем комической. Публика его смотрела

совсем не та, которая обыкновенно наполняет Александринский театр, но та тяжелая на подъем публика, которая не любит петербур. трупы. Во все время своего пребывания в С.П.Б. Пров Михайлович был храним материнскими заботами Сергея Семеновича. Даровитый артист был бы совершенно счастлив, еслиб его не беспокоило то обстоятельство, что он захлопотавшись перед своим бенефисом забыл послать билет М. Н. Островскому (брату писателя) и вспомнил о том с ужасом, когда уже начался спектакль.

Время мы проводим богобоязненно, целомудренно и... трезво; гуляем обыкновенно во Рву; * и в Александровском саду; а иногда посещаем и живописные окрестности Москвы.

Разные известия.

Евгения Николаевича повезли в Казань и в другие города. Впрочем к осени его доставят сюда.

Григорьев уехал в Италию, которая привлекает путешественников памятниками искусств и благорастворенным воздухом, о чем он, Григорьев, прочел в книге. Дорогой он заране восторгается Венецией на всем скаку.

У Погодина болит нос и он хочет возобновить *Москвитянин* и передать его официальным документом Григорьеву. . . . . .

* Так именуется в просторечии сад, находящийся в *самом* Кремле, недавно нами открытый.

Все слава богу здоровы и в настоящую минуту тебя целуют что есть силы все нижеподписавшиеся.

Любящий Борис Алмазов.
Истинно любящий *П. Садовский.*
Алексей Кашеверов.
Сергей Кашеверов.

Анненков, Павел Васильевич.

I

9-го Ноября, 1866. С.Пб.

Почтеннейший
Александр Николаевичь,

Комитет Литературного фонда прибегает к Вам за помощью в деле устраиваемого им «Чтения» по случаю Карамзинского юбилея. До сих пор он имеет статью Костомарова — Тушинские воры — составляющие продолжение его известной исторической монографии. главу из поэмы Майкова — «Странник» — да надежду на Вас. Если бы какие-либо обстоятельства и соображения помешали Вам исполнить просьбу Комитета на этот раз, то умоляю Вас не отказывать ему в обещании прочесть в течение зимы на его литературном вечере — новое и прибавлю от себя великолепное драматическое Ваше создание, которое и теперь уже возбуждает всеобщие толки между нами и в публике.[12] Кстати об этом создании. Я слышал, что Театральная Дирекция под

предлогом обладания Дм. Самозванцем Чаева отказывает в постановке Вашей драмы. Дикость и невежество ее мне были и прежде известны, но, чтобы они развились у нее до такой степени — это для меня новость. Как ни прискорбно должно быть для Вас такое решение, но вы можете утешаться мыслию, что не составили исключения из того батальона замечательных писателей, которым жизненный путь был не легок и которые встречали сопротивление и обиду именно тогда когда являлись с самыми зрелыми своими произведениями. Если вздумаете написать мне строчку то адрес мой нынче таков: «На Невском, дом Лонгиновой, квр. № 14».

Весь Ваш
П. Анненков.

2

27 Апреля, 1871. Спб.

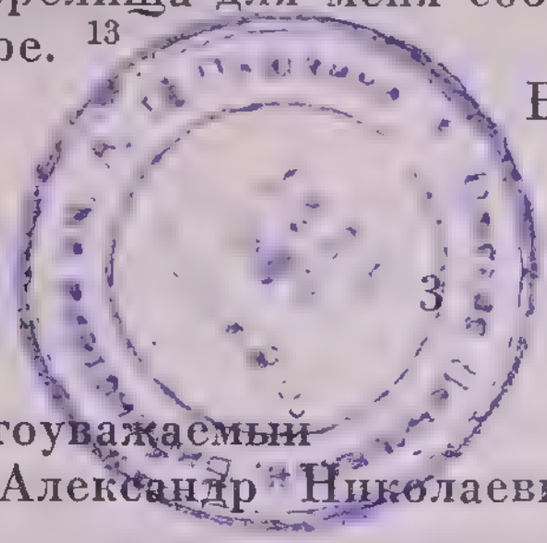
Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Под впечатлением только что прослушанных, прелестных Ваших сцен: «Не все коту масляница», на вечере у Феоктистовых, имею потребность выразить Вам, в нескольких словах, то чувство наслаждения, которое я испытал и за которое обязан принести посильную благодарность. Сколько тут поучающего, а не пошлого комизма, какая отделка и что за язык — просто музыка. Говорят — это безделица, написанная в виде отдохновения, между делом. но в безделице этой столько содержанья.

столько игры таланта, что о ней думается даже и более, чем о других, весьма заносчивых произведениях. И радует меня особенно то обстоятельство, что, под годами, не иссякает у Вас струя веселости и творчества, а как будто кипит еще сильнее. Не всякому дано это в удел, не всякий писатель так счастлив, но отраднее этого зрелища для меня собственно и нет в литературе. [13]

Весь ваш

П. Анненков.



19-го Августа. Баден.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

По старому и многолетнему нашему знакомству, я принимаю смелость просить Вас о принятии в число своих знакомых Вашего искреннего почитателя, г. Валериана Никаноровича Назарьева. Имя это не совсем незнакомо Вам — г. Назарьев автор многих бытовых очерков и рассказов, замеченных публикой. Ныне, он решился обратиться к Вам, как к признанному мастеру драматического отдела литературы, за советом по поводу задуманной им драмы и просил моего ходатайства перед Вами. Тем охотнее исполняю его просьбу, что вижу в его желании не попытку пробиться в драматические авторы тем или другим способом, а серьезное намерение овладеть идеей и мотивом, которые уже давно его мучают. Выслушайте, добрейший Александр Николаевич то, что у него

уже сделано и не скройте своего мнения о сделанном, каково бы оно ни было. Он вполне заслуживает этого по качествам своего ума, таланта и сердца, в чем может быть благоприятным свидетелем и Ваш брат, Михаил Николаевич, давно его знающий. [14]

Жму Вам крепко руку и остаюсь

Павел Анненков.

Бартенев, Петр Иванович

1

Уведомляю Вас, многоуважаемый Александр Никодаевич, что дневник Сапеги [15] в настоящее время имеется в Чертковской библиотеке, которая открыта от 10 ч. до 4 ч. утра в Понед. Середу и Субботу.

Петр Бартенев.

6 Ноября, 1866.

Бессонов, Петр Алексеевич

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Я долго приставал к купцу Коробову, чтоб он достал мне обещанную тетрадь народных стихов: теперь он достал, но тетрадь попала к Вам. Я уверен, что она Вам не так нужна,

между тем как я издаю Стихи. [16] Потому позвольте Вас попросить прислать тетрадку *хоть взглянуть*, поскорее. В этих случаях овладевает мною крайнее нетерпение, и ради его Вы, конечно, извините, что я Вас беспокою.

Ваш покорнейший слуга
П. Бессонов.

Марта 18. [1860].

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Ведь Вы были в Университете? Бывшие или кончившие курс, человек — пока — до тридцати, собираются по-товарищески пообедать 12-го января; вне всякой оффициальности; без лиц чиновных, но не бывавших в Университете; без взяточников и литературных подлецов; к сожаленью, — и без студентов, продолжающих курс; со всевозможною простотой; с подпискою не по магазинам, а от товарища к товарищу; с дешевизною — *три рубли*, кому трудно — *два:* без заранее назначенных тостов и писанных речей, и т. п.

Срок подписки — *девятое число;* собраться в доме кого-либо из бывших студентов: несколько таких в виду; но от количества сбора и поместительности зависит окончательное определение.

Если Вам будет угодно принять участие, то пришлите Ваше согласие и деньги ко мне (на

Никольской, в Синодальной типографии). А я, после 9-го числа, уведомлю Вас о доме.

Ваш покорнейший слуга

П. Бессонов.

1861 г., Января 2.

Не возьмете ли на себя труд переслать предложение Эдельсону; я не знаю его адреса.

3

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

П. И. Якушкин, о пропаже или взятии в крепость которого я так глубоко соболезновал, доказал мне свое существование весьма очевидно и наглядно: во время моей настоящей болезни, когда я отдыхал после обеда, явился, наделал шуму, разбил стекла, оборвал колокольчик и, в заключение, оставил мне какую-то книгу, которой ни владеть, ни пользоваться я не имею никакого желания. Позвольте Вас обеспокоить моей покорнейшею просьбою: при свидании потрудитесь возвратить ему прилагаемую при сем книгу. Этим Вы меня освободите от неприятности видеться и весьма дурно поступить с человеком, которого труды по собиранью памятников очень уважаю.

Готовый всегда к услугам Вашим

П. Бессонов.

Октября 13, 1862 г.

4

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Вам угодно было принять от Общества чествование Вашего юбилея. Позвольте просить Вас, по обычаю, заехать в Приготовительное собрание, в середу 29 марта, в моей квартире (над Правлением и комнатою Общества). Чтобы Вам поспеть к другому, члены приглашены пораньше, в 6½ часов вечера. Благоволите захватить с собою, что предполагаете к чтению, или хотя указать, что для того назначаете. [17] Чтобы не забыть Вам, послал я Вам особую повестку.

Примите уверение в искреннем уважении и преданности

П. Бессонов.

1872, Марта «26».

Берг, Николай Васильевич

1

Любезнейший и Почтеннейший Александр Николаевич! Графиня Ростопчина [18] давно ожидает Вас к себе и жалеет, что Вы до сих не были; в последнюю Субботу она заметила мне это и просила передать Вам, что если Вы почему-либо бывать по субботам у нее затрудняетесь, то приезжайте, когда Вам вздумается. она дома всякий день в первом часу дня. Между прочим она выразила также свое желание

видеть у себя Т. И. Филипова, и когда все молчали, то я вызвался его представить; передаю Вам это право и прошу пригласить его с собой, когда вздумаете отправиться к Ростопчиной; но лучше всего, если бы Вы, приехали к ней в Субботу; у ней начинают собираться часу в 10-м вечера и сидят не далее часу пополуночи. Приезжайте, пожалуйста; она женщина очень добрая и милая и желает блага Русским и России; в ней чрезвычайно много какой-то очаровательной простоты и естественности; Графиня она после всего, а прежде — она добрая русская барыня, исполненная Европейского изящества и ума.

Преданный Вам душою и готовый
к услугам

Николай Берг.

31 Генв. Вторник. [1850].

P. S. Прошу засвидетельствовать от меня усердное почтение всему Вашему уважаемому мною семейству.

2

6 Апр. Четверг. [1850].

Драгоценный мой Александр Николаевич! Чтобы заманить к Вам Федотова и Рамазанова в Пятницу, надо повидать их лично, потому что они оба народ шляющийся всякой вечер туда и сюда, и если с ними не условиться заранее, то и поминай, как звали: их уж и не найдешь. Так как Вы посвободнее меня, да и поближе к ним, то распорядитесь этим делом

сами, поезжайте, как можно *немедленнее* — и кончено; а я прикачу непременно и может буду ночевать.

Ваш *Н. Берг.*

3

Любезнейший мой и милейший человек Александр Николаевич! Я отправил к Вам записку в кофейну, [19] но там сказали, что Вы уже 3 дня не были у них и это меня обеспокаивает; уж не больны ли Вы? напишите, пожалуйста, я прийду Вас навестить. А если здоровы, то нельзя ли Вам ко мне вечерком в субботу, т. е. 20 мая, и пригласите еще непременно Садовского — я для него и назначил такой день, чтобы ему посвободнее, а если неравно, ему и Вам в субботу нельзя, то назначьте другой день, условясь с ним. Впрочем, конечно, лучше не изменять.

Да, прикажите, пожалуйста, достать мне для балета «Катарины» [20] *три*, или хоть *два* билета, в 11-й или 10-й ряд, коли цена местам будет обыкновенная; в противном же случае, отложить до повторения этого балета.

Ваш душевно

Н. Берг.

17 Мая. Середа. [1850].

P.S. Катарина, кажется идет завтра. Коли достанут, то велите мне отдать: я зайду.

4

Любезный мой друг и милый человек Александр Николаевич! Пожалуйста, распоряди-

тесь, чтобы мне были приготовлены 3 билета на Катарину — в 10-м, или в 11-м ряду, и притом, если цена обыкновенная, а не-то прикажите взять тогда, когда будет повторение Катарины. Да вот еще моя просьба: приезжайте ко мне в субботу на этой неделе, т. е. 20 мая, и пригласите непременно Садовского, милого человека, я звал Филиппова, еще позову несколько милых людей — очень не много, однако. Если же почему-либо Вам и Садовскому нельзя будет в Субботу, то назначьте другой день, условившись с ним, а если можно, так молчание да будет знаком согласия.

Преданный Вам душей

Н. Берг.

Мая 17. Середа. [1850].

5

Утро. 5 июля, 1850.

Милый друг мой, душечка Островский!
На манер Славянских древних песен,
Я пишу к тебе теперь посланье;
Извини, коли нескладно будет:
Вспомни, друг, что я пишу экспромптом,
Над стихом нисколько не ломаясь,
Не обтачивая разных фраз фигурных.
Где-ж ты это, друг, запропастился?
Али занят, аль куда уехал?
Ни откуда про тебя не слышно,
Завернул бы я давно и сам в кофейню,
Да минуточки свободной нету...
А давно с тобой мы не видались!
По душе давно не толковали;

Между тем воды уплыло много,
И различных штук таки набралось...
Получил я весточку от нашей —
Ну, от *нашей* — чай, ты понимаешь!
За кого шампанское мы пили,
Всю кофейню чуть не проглотили —
Помнишь ты? Андрей Ильич М.
Эвто самое устроил дело. —
Так от ней я получил посланье —
Надо бы его прочесть нам вместе
Да еще затеять толкованье,
Все об ней же, по тому ж предмету...
Есть еще приятное известье,
Что... но нет! листу дрянной бумаги
Не поверю я... нет, лучше после
Расскажу тебе я при свиданьи!
Приезжай, пожалуйста, сегодни.
Вечерком — коли тебе свободно,
У меня — же кое-кто сберется
Из своих, но не забудь, друг милый,
Что ведь я переменил квартеру
И живу в *Гранатном переулке*
У *Егорья, что на-всполье, в доме*
Дьякона — я чай, найти не трудно.
Приезжай, пожалуйста! Мне скушно
По тебе — ведь сколько не видались...
Но прощай покуда! — не спалось мне
Нынче ночь, так наверстать поутру
Надобно — а утро просто прелесть.
У меня теперь окно открыто
И оттуда свежий ветер веет,
И приносит благовонный запах
Зелени, что пышно развернулась
В садике, под окнами моими...

Воробьи чиликают, я слышу...
А кругом по улицам все тихо,
Видно, город спит еще спокойно...
Нет! Вон чу! гремят колесы где-то...
Водовоз — не велика фигура...
Вот и солнце крадется в окошко
И лучом меня вот — так и дразнит
И заигрывает, точно, как подруга
С молодцем... но нет! Невольно очи,
Я смыкаю... Сон тяжелый клонит
И виденья легкими роями
Замелькали... и снуют... и вьются...
На заре я сладко засыпаю...
Ну, прощай же, душечка Островский.

Твой *Н. Б.*

6

Третьего дня, т. е. в пятницу, был у меня Данилевский, тот, который воображает себя великим поэтом, и хотел пробраться ко мне в кабинет, которого двери по одному случаю были заперты. Мой человек, чтобы отделаться от него, сказал, что там отдыхает один барин, которому нужно Ник. В—ча. «Кто же такой?» — Островский. И Данилевский после этого остался в зале дожидаться или меня, или пробуждения мнимого Островского. Наконец, я пришел и, предупрежденный моим Иваном, должен был поддерживать этот фокус. Вообразите, что Данилевский сидел у меня до 12 часов ночи, желая дождаться пробуждения Островского и с ним познакомиться. Между тем разговаривая об этом предмете, я сказал

для естественности, что на другой день я сам буду ночевать у Островского, т. е. в субботу под Воскресенье, и этот урод вызвался приехать к Вам туда, и я не умел его отговорить. Обо всем этом я хотел-было рассказать Вам вчера, но не успел, да и забыл. И потому считаю нужным уведомить Вас, что он *явится* в *девять* или в *десять* часов утра сегодня, т. е. в воскресенье, и если Вы решитесь его принять, то поддержите, пожалуйста, мое сочинение и скажите, что Вы точно у меня ночевали! Иначе он может разнести, чорт знает, какую историю. Кто его знает, какой он. А лучше его не принимать и велеть сказать, что мы точно ночевали вместе, но сейчас только уехали. Напишите два слова, как вы думаете учредить. [21]

Ваш

Н. Берг.

Воскресенье, 3 Дек. [1850].

7

1851, Авг. 18.

Любезнейший Александр Николаевич, если Вам не нужен билет для входа в театр, то пришлите его, пожалуйста, мне: хочется посмотреть *Волшебного Стрелка* — [22] который идет в Воскресенье, я никогда не видал этой чудоморственной оперы. Вам кланяется Графиня Ростопчина, от которой я получил на днях письмо. Жалуется, что к ней никто не писал. Адрес мой: на малой Никитской, дом Черке-

сова, ближе к Вознесенью, нежели к Кудрину. А не-то пришлите в Банк.

Преданный душевно

Н. Берг.

8

Любезный друг, Александр Николаевич, я не застал вчера графини[23] С. дома. Распорядитесь же как-нибудь сами. Я думаю лучше всего написать записку, и объяснить все как следует.

Ваш *Н. Б.*

Нельзя ли вам завтра, т. е. в субботу, отправляясь к графине Ростопчиной, заехать ко мне поговорить по душе относительно моей повести, а потом вместе и отправиться.

Ваш *Н. Берг.*

15 Февр. Пятница. [1852].

[На четвертой стр. приписка карандашом другой рукой.]

Саша, я ей богу не знаю что делать с Хмельницким. Эти два дни я измучился искавши — и ничего не нашел.

9

Любезный друг Александр Николаевич. Сегодня рожденье Графини — она желает, чтобы мы все собрались к ней вечером, и велела мне известить Вас, и вместе и попенять, что никто не был в субботу. Ей сказали, что Вы назначили в этот день чтение романа Алмазова, — и она немного рассердилась, — разве не могли они выбрать другой день? сказала она.—

Приезжайте, пожалуйста, и объяснитесь с ней, а раньше, если успеете, дайте знать еще кому-нибудь из наших.

Ваш *Н. Берг.*

23 Дек. Воскресенье. [1852 г.].

10

Любезный друг Александр Николаевич, напрасно Вы не были вчера в театре: все прошло как нельзя лучше. [24] Играли все или почти все превосходно. У Е. Н. Васильевой расцелуйте ручки — прелесть, прелесть и прелесть! Ни жеста, ни слова рутинерского от начала до конца. Я написал небольшой разбор, но прежде, нежели отправить, хотел бы прочесть его вам. Народ мудреный. Поссоришься как раз за дело самое чистое и хорошее. Скажите Полтавцеву, чтобы не бухался на колени, как Грязный перед Марфой в *Царской Невесте.* У Васильева проглядывают комические ухватки, видимо Бородкина. Нисколько любви, из-за которой все и дело — и обидчивость, и упрямство, отчего он не так скоро уходит. Монолог Садовского — *значит уж.... ах ты, Максим Беневоленец, вот чем пробьем дорогу...* верх совершенства. Посылаю Вам с ним вместе по такому горячему поцелую, что, если их отправить не на бумаге, то обожгут. Был чуден один зритель подле меня, какой-то молодой человек. Он ужасно кипел против Мерича, зачем он такой подлец, и всякий раз, когда тот собирался уходить, он замечал вслух: ну, ступай, ступай, уходи! довольно! и т. п. А когда Мерич

рассуждает: *неужели она меня не любит?* — Замечатель не утерпел и сказал вслух: и даже очень. — Рядом с ним сидел генерал, его знакомый, который был недоволен повторениями: *я женщина слабая, позабывчивая* — и когда приходилось ему это слышать, он восклицал тоже вслух: ну, опять! — впрочем был вообще доволен. Публика вела себя хорошо.

Ваш душевно
Н. Берг.

2\ Августа, 1853.

P. S. Уведомьте меня, как бы нам потолковать — нельзя ли вам ко мне утром — или напишите, когда вы дома, и я приеду к вам.

11

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Мне надо с тобою обширно поговорить и потому позволь *завтра*, т. е. в Середу, к тебе приехать обедать вместе с редким экземпляром. Молчание твое да будет знаком согласия, а если почему-либо нельзя, то уведомь.

Твой душевно
Н. Б.

Вторник. [1862].

12

10 Декабря, 1867. Варшава.

Я тебе говорил, любезный друг Александр Николаевич, что здесь иногда идут твои пиэсы и кажется обещал прислать афиш. [25] Ты знаешь

нашу обломовщину: нам трудно иногда достать такие пустяки: все обещают хором, наговорят с три короба, а на деле ничего нет. Одного однако прорвало: через полгода после обещаний нашел в себе ретивость и разыскал одну афишу, которую при сем и посылаю к тебе. Прописанный спектакль шел в Варшаве около года тому назад. На днях идет спектакль в Новогеоргиевской крепости, где будет играться между прочим и твоя пиеса: *Доходное место*. Я заказал кое-кому из знакомых офицеров достать афиш, напишу и в крепость, и если пришлют, то сообщу тебе. Кланяюсь всем, кто меня вспомнит.

Твой душевно

Б.

P. S. Адрес мой: Новый Свет, № 1245.

13

Варшава. 14 Декабря, 1868.

Посылаю тебе, любезный друг Александр Николаевич, афишку одного здешнего спектакля любителей (все, по преимуществу, артиллеристов), где давали твою пиесу. Недавно давали и другую твою пиесу, *Бедность не порок*, которой афишку я послал твоему брату, в Пбург, вообразив тебя в то время почему-то в Пбурге. М. Н. по всем вероятностям увидишь.

Твой душевно

Б.

14

14 Генварь 1869. Варшава.

Любезный друг Александр Николаевич, здешняя труппа любителей — Артиллеристов (которые уже отправили к тебе афишку с пиесой *Бедность не порок* и *Не в свои сани не садись*) намерена в настоящее время дать твою же пиесу: *Свои люди сочтемся*, только в первоначальном виде, с тем *окончанием*, какое было в первом издании, но никак не могут достать его здесь и обращаются к тебе при моем посредстве с покорнейшей просьбой: прислать, как можно скорее, этот кончик, без *квартального*. Сделай милость, распорядись этим, и я к тебе прибегаю с тою же просьбою. А главное, если найдешь возможным удовлетворить этой просьбе, то — *поскорее*. С новым Годом, с новым Счастьем, с новыми трудами на наше утешение!

Твой душевно
Берг.

P. S. Адресовать ко мне: Краковское предместье, № 414.

15

9 Мая, 1869. Варшава.

Любезный друг Александр Николаевич. Артиллеристы весьма тебя благодарят за присылку конца к *Своим людям;* недавно еще давали твою пиесу в театре при Лазенковском Дворце, называемом Помаранчарн (Оранже-

рея) по причине примыкающей к этому театру оранжереи. Перед тобой афиша этого спектакля.

Твой душевно

Б.

16

2 Апреля, 1872. Варшава.

Любезный друг Александр Николаевич, не только внутри России, но и на окраинах ее тебе откликаются сочувственные сердца: с этою же почтою отправляется к тебе письмо со многими подписями, которые собраны в короткое время среди военных тревог и смотров. Еслиб не это и погодить, то подписей было бы несравненно больше. Верь мне, что тебя здесь так же любят и ценят твой талант, как и в центре нашей Руси. Твои пиесы идут здесь часто на любительских театрах. Ты знаешь это давно из афиш, которые я тебе посылал. О твоем юбилее, с которым от души тебя поздравляю, печаталось на двух языках, в здешней правительственной газете. [26] Я сделал распоряжение, чтобы тебе были посланы эти номера. Дай бог тебе всего лучшего и доброго здоровья для новых трудов и украшения нашей сцены. Ты знаешь, как все это в особенности приятно мне, кому твое имя, читаемое в последнее время беспрестанно там и там, напоминает целый дружеский, незабвенный кружок, целый мир, лучшие, невозвратные годы. [27] Дай бог читать мне это имя как можно дольше в числе деятелей отечественной литературы. Авось пропрыгнет еще 25 лет и отпразднуем твой 50-летний юбилей. Хотел

очень тебя видеть зимой, принимал все меры, но мы как-то разъехались. Тихонравов говорил мне, будто бы брат твой писал мне в Знаменскую Гостиницу, и Вы ждали меня обедать. Я не получил этого письма: я был тогда уже в Москве. А когда ты в нее воротился, я выехал в П.бург. Летом верно увидимся. А пока обнимаю тебя и целую заочно много-много раз. Будь здоров и работай на славу Руси! Если бы ты захотел отвечать на посланный тебе адрес, то пиши в Редакцию Варшавского Дневника, на Медовой улице. А я живу в Европейской гостинице.

Твой всегда душевно

Б.

P. S. На 50-летний юбилей к тебе приеду вероятно убеленный сединами, а теперь еще не очень сед и не робею.

17

27 Марта, 1873. Варшава.

Любезный друг Александр Николаевич здесь, с некоторых пор, к великому удивлению людей, наблюдающих здешнюю жизнь, — стали поговаривать о перенесении различных пиес нашего репертуара на польскую сцену. Даже появились некоторые переводы с русского, между прочим твое *Доходное место*, и представлены на рассмотрение Дирекции театров. Чем это кончится, неизвестно, но шаг сделан и без всякого толчка со стороны русских. В самом деле пора им опомниться и бросить нелепые

предрассудки, мешающие дотрагиваться до всего русского. Переводят чорт знает что с французского и немецкого, публика зевает, смотря на иные вещи и ругается, спрашивая, с какого дна морского достают такую вонючую тину, — а нетронутый репертуар родственного народа лежит подле, и никто туда не заглянет! Теперь, видишь, заглянули. Может, дело пройдет. В видах этого прошу тебя указать, что по твоему мнению наиболее из всего нашего репертуара может годиться для здешней сцены. В особенности желательно было бы, чтобы ты указал хорошие драмы с общим европейским содержанием; исключительно народное здесь не пойдет; поэтому большинство твоих пиес, к сожалению, неудобно. Начать с резко-русского никак нельзя. Хоть бы пошло обыкновенное. Мы подумываем о переводе *Свадьбы Кречинского*. Пришли мне, пожалуйста, твою *Грозу*. В издании, которое ты мне подарил (1859), ее нет. А если можно, пришли и прочее, что накопилось. Вероятно ты слыхал, что здесь есть превосходные артисты, и театр вообще хороший, столичный, первый польский театр Европы. Это говорят сами поляки. Комический артист Жулковский бесподобен. Драматическая артистка Модржеевская на славянских сценах не имеет себе соперниц. Удивительная во всех отношениях женщина, красоты неописанной. Тебе бы следовало приехать сюда как-нибудь и поглядеть на здешнюю сцену. Про тебя здесь знают. Пришли свою карточку Модржеевской: ты ее очень утешишь. Имя ее Елена. Не дальше как вчера вечером говорили о тебе у ней, за

чаем, и называли «первым русским драматическим писателем». По поводу различных разговоров, там бывших, и я решился написать тебе это письмо. Работники есть, захотели бы только им помогать люди и обстоятельства. Был один Карский, очень ретивый парень, который именно и перевел твое *Доходное место*. Придет ко мне на-днях толковать об этом еще. И так — протяни руку помощи.

Твой всегда душевно

Б.

P. S. Я живу в Европейской Гостинице, № 63; Так и адресуй.

18

1 Октября, 1877. Варшава.

Прости, любезный друг Александр Николаевич, что я только теперь догадался послать тебе моего *Тадеуша*, только теперь сообразил, что тебе не откуда иметь эту книгу, если я не пошлю ее сам. [28]

Кстати, тут же пристраиваю и *Записки* мои о последнем восстании польском и о предшествовавших ему восстаниях и заговорах после 1831. Одно могу сказать, что имел редкие материалы. [29]

Боже мой, сколько мы не видались! Хоть бы ты одно лето просидел в Москве, чтобы нам встретиться, или прикатил сюда. Как это тебя не подмывает заглянуть иной час в Европу? Я катаю ежегодно. И в этом году сделал большое

путешествие, от Берлина до Адриатики, через Бреннер, и к верху на Вену, через Земмеринг — не обращая внимания на проклятый курс.

Ты ведь, конечно, знаешь, что я женился. Откликнись: пришлю тебе наши карточки. Брата твоего, Михаила Николаевича, с Филипчиком вижу нередко.

Твой всегда прежний и неизменный

Н. Берг.

P. S. Варшава, Медовая, 18.

Увидишь в *Тадеуше* мои польские стихи: Посвящение труда моего другу Мицкевича, известному польскому поэту Одынцу.

19

2 ноября, 1877. Варшава.

Спасибо, что откликнулся, милый друг! Посылаю тебе карточки, мою и женкину. Приехать к тебе рад бы радостью, да мало для этого времени: отпускают всего на месяц или на шесть недель. Надо к себе заглянуть. Но не вечно же будет такая жизнь. Приедем тогда непременно. Для меня, мой друг, видеть старого москвича, от которого веет былым невозвратным временем, нашим кружком, — все равно что «меду напиться». Ведь немного нас осталось...

Твой всегда душевно

Б.

Боборыкин, Петр Дмитриевич

1

2 Марта, 1863 г. Петербург.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Мне все приходится с Вами разъезжаться. Я в Петербург — вы в Москву. И таким путем, до сего времени не удавалось мне ближе сойтись с Вами. Теперь же, сделавшись издателем журнала, мне как бы и совестно обращаться к Вам. Невольно говоришь себе, что это отзывается зазывом. Чем бы, впрочем, оно не смотрело — я все-таки обращаюсь к Вам с просьбою: не оставить меня Вашим сотрудничеством. Я приобрел «Библиотеку для чтения», и хотелось бы немножко поднять ее. Труды по редакции будет разделять со мною Е. Н. Эдельсон. Надо сделать журнал поживее, и уничтожить предубежденне, какое было против него.

Вы сделаете хорошее дело, уважаемый Александр Николаевич, если первый год поддержите нас, дадите нам хоть небольшую вещицу.[30] Вы и при прежней редакции помещали в Библиотеке, со мной же, надеюсь, Вы вполне сойдетесь. Объявление при февральской книжке покажет Вам направление журнала. Но одному, при всех усилиях, многого не сделать. Вашим знакомым, из пишущих, замолвите словечко об нас. В Москве я связей не имею, и трудно мне знать, куда и к кому обратиться. — Очень бы хотелось, между прочим, отыскать

дельного человека, который мог бы присылать статьи о Малом театре.

Извините, что я так просто к Вам обращаюсь; если Вы и не можете мне ничего обещать; по крайней мере я рад случаю войдти с Вами в сношения, и высказать мое искреннее к Вам сочувствие, которое началось гораздо раньше этого редакторского письма.

Поручаю себя Вашему распоряжению. Преданный и глубоко Вас уважающий

П. Боборыкин.

Адрес мой: у Красного моста, д. Зейферта, кв. № 4.

2

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ».

Августа, 17 дня, 1863 года. № 17.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Позвольте мне повторить мою покорную просьбу, которой я уже Вас утруждал и письменно и устно. Нужно ли мне повторять, что Ваше сотрудничество для меня ценнее, чем для кого-либо. Я уже не говорю о себе лично, о любви моей к драматической поэзии и искусству, я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что «Библиотека» желает серьезно заняться театром, и Ваше произведение, помещенное в ней, дало бы журналу кредит. Я думаю, что Вы не сомневаетесь в искренности нашего общего желания, меня и Евгения Николаевича: создать честный орган

глубоко сочувствующий всему, что есть живого и даровитого в нашей жизни и творчестве. Поэтому без обиняков скажу, что поддержать нас следует. Конечно, я не смею отбивать у какого-нибудь журнала то, что могло быть Вами обещано; я был бы доволен хоть тем, еслиб Вы мне позволили рассчитывать на Ваше содействие и написали бы мне, что я, хотя в течение будущего года, получу от Вас хоть небольшую сцену.

Я искренно сожалею, уважаемый Александр Николаевич, что жизнь не сблизила нас более, и что я принужден, так сказать, в сношениях с Вами являться более как редактор издания, чем как просто человек, но я прошу Вас верить тому, что в числе Ваших литературных и не литературных друзей не многие уважают Вас более, как человека и как художника, чем я уважаю Вас, и что я искренно желаю, чтобы наши отношения не ограничивались только сферой литературно-деловой.

В надежде, что Вы удостоите меня несколькими строчками ответа, позвольте пожать Вашу руку и просить передать мой задушевный поклон Прову Михайловичу.

Душевно преданный Вам.

П. Боборыкин.

Адрес: П. Д. Б — н. На Итальянской, № 20.

3

Уважаемый Александр Николаевич,

Уж идет слух, что Вы приготовляете к печати и на сцену две вещи: [31] большую комедию

и картины московской жизни. [32] Позвольте мне надеяться, что Вы, быть может, уделите одно из Ваших новых произведений редакции «Библиотеки». Мы так постоянно и так искренно занимаемся интересами драматического мира, что помещение Вашего труда было бы для моего журнала вдвойне знаменательно.

Евгений Николаевич обещал мне, с своей стороны, убедительнейше просить Вас о том же.

Почтите меня увсдомлением, и в случае согласия, не откажитесь сообщить мне Ваши условия.

Глубоко Вас уважающий и душевно преданный

П. Боборыкин.

23 Сентября, 64. Петербург.

Боткин, Василий Петрович

1

Париж. 16 Марта 1860.

Не могу удержаться, любезнейший Александр Николаевич, чтобы не написать Вам несколько строк. Цель этих строк — благодарить Вас за глубокое наслаждение, которое доставила мне Ваша «Гроза». Впечатление, какое сделало на меня чтение этой пьесы, так сильно, что даже теперь, неделю спустя после прочтения ее, оно не только не проходит во мне, а делается все глубже и глубже. Никогда Вы не раскрывали так своих поэтических сил, как

в этой пьесе. Конечно, во всех Ваших произведениях поражает удивительная яркость изобразительности, рельефность, определенность характеров, изумительная верность действительности, глубочайшее знание среды людей, которых Вы изображаете. И там, и во всем разумеется была поэзия, ибо через нее одну все эти вещи и события и живут. Но сюжеты всех этих пьес и Ваш удивительный художественный такт и тончайшее чувство действительности не давали, или лучше сказать, не представляли Вам возможности и свободы отдаться всей внутренней силе Вашего поэтического чувства. Оно пробивалось там, так сказать, помимо Вашего намерения и просвечивало только для тех, которые видели дальше своего носа. В «Грозе», напротив, Вы взяли такой сюжет, который насквозь наполнен поэзии, сюжет невозможный для того, кто не обладает поэтическим творчеством. Но несмотря на всю внутреннюю, поэтическую силу этого сюжета, его драматическое раскрытие подвергается величайшей опасности. Он так деликатен, так идеально-религиозен и так внутренно правдив сам по себе, что каждое слово в нем надобно брать из самой скрытой глубины души, ибо малейшая непродуманная и не прочувствованная фраза могла расстроить впечатление всего характера и погубить его правдивость. Но этого не случилось, и «Гроза» всею своею стихийною силою ложится на душу читателя. Да, именно стихийною, ибо любовь Катерины принадлежит к тем же явлениям нравственной природы, к каким принадлежат мировые ка-

таклизмы в природе физической. Найдутся критики, которые скажут Вам, что это неестественно, но ведь не всякий человек может подметить и почувствовать истинно-трагическое в жизни. Для нашей ежедневности трагическое всегда будет неестественным. Простота, естественность и какой-то кроткий горизонт, обнимающий всю эту драму, по которой время от времени проходят тяжкие и зловещие облака, еще более усиливают впечатление неминуемой катастрофы. Но помимо общего впечатления — сколько тут очаровательных подробностей. Какая драгоценность одна эта старая, мучимая страхом ада, «барыня». Я уж не говорю о Диком и Кабанихе, столь живых и ярких, да и смешно ставить Вам в достоинство верность действительности. В «Грозе» есть нечто гораздо выше этого: есть творчество того, что не представляется ежедневно в действительности и что надо отыскать только на дне собственной души. Из таких Катерин, при других условиях и другой обстановке — выходят Св. Терезы и поят мир своей религиозно-страстною поэзиею. Я еще под таким сильным впечатлением «Грозы», что говорить о ней могу лишь отрывочными восклицаниями, и потому Вы простите мое беспорядочное писанье. Жму Вашу руку — и еще раз спасибо и спасибо. [32]

Искренно почитающий Вас

В. Боткин.

Вейнберг, Петр Исаевич

1

Петербург. 29 Июля, 59.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Позвольте мне обратиться к Вам с покорнейшею просьбою и надеяться, что Вы не откажетесь исполнить ее. — С Нового года я предпринимаю издание еженедельного журнала «Век», в состав которого входит также беллетристика. [33] Писемский, Дружинин, Некрасов и др. были уже так добры, что обещали мне свое сотрудничество; — для украшения этого списка мне недостает еще Вашего имени, которое так любит и справедливо чтит наша читающая публика. Обращаюсь к Вам и убедительнейше прошу — не отказать мне в своем содействии; покамест, позвольте мне объявить Вас в числе сотрудников «Века» на ряду с другими, имена которых я выше сообщал Вам. Потом, когда Вы захотите уделить мне какую-нибудь частицу из своих трудов, — то верьте, что я приму ее с самою искреннею радостию и на всех тех условиях, какие Вам угодно будет предложить мне.

Смея надеяться, что Вы почтите меня в возможно скором времени ответом, я, с искренним уважением и преданностью

Имею честь быть
Ваш покорный слуга

Петр Вейнберг.

Адрес мой: Петру Исаевичу Вейнберг, в редакцию «Библиотеки для Чтения».

2

[1866].

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Обращаюсь к Вам, как заведывающий литературною частью журнала «Будильник», с покорнейшею просьбою. Не дадите ли для «Будильника» две три отдельных сцены, которые характером своим подходили бы к сатирическому журналу? Считаю излишним говорить Вам, что этот взнос в журнал, к улучшению которого (он редактируется мною с Апреля 1866 г.) я употребляю все усилия, послужил бы ему дорогим украшением, как по достоинству произведения, так и по имени Вашему.— Если он попадается Вам в руки, то — надеюсь — Вы увидите, что участием в нем не скомпрометируете себя.

Степанов, издатель «Будильника» [34] присоединяется ко мне в этой покорнейшей просьбе. Он тем более ласкает себя надеждой на исполнение ее, что за Вами, еще по «Искре» первых годов, осталось сто р. Впрочем, это обстоятельство пусть не стесняет Вас; эти сто р. весьма легко могут быть не зачтены теперь, и поквитаться ими Вы можете, когда захотите.

Теперь же мы просим только одного: пришлите что-нибудь и скажите Ваши условия. В каждом номере Вам может быть отделено от 500 до 600 строк.

Сделайте милость, Александр Николаевич, не откажите; помогите сделать журнал тем, чем хочется мне сделать его. Лучшая молодежь наша (Успенский, Шеллер (А. Михайлов), Благовещенский, Решетников и др.) работает в «Будильнике»; но этого мало. — Уповаю на Вашу доброту и остаюсь

Искренно уважающий Вас и преданный

Петр Вейнберг.

Присылайте — (если удостоите меня этого)— статью прямо на мое имя, по адресу: *Петру Исаевичу Вейнбергу, у Конюшенного Моста, дом Перемыкина, С-Петербург.* — Деньги же Вам будут высланы прямо Степановым.

Чтобы, между прочим, указать Вам, что «Будильник» отнюдь не имеет характера шутовского, скажу, что в нынешнем году в нем помещена в моем переводе знаменитая комедия Шеридана: «Школа Злословия».

3

Петербург, 15 Октября 82.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич. Обращаюсь к Вам с очень убедительной просьбой, смея думать, что Вы не откажетесь ее исполнить и ради старого литературного знакомства, и по сочувствию к предмету ее.

С Нового года намерен я издавать журнал, посвященный исключительно переводу *бельлетристических* произведений, в *повествовательной* и *драматической* форме и притом, не только современных, но и прошедшего вре-

мени. Цель моя — поправить по возможности зло, причиняемое изящному вкусу нашей публики совершенно безразборчивым наплывом всяческих продуктов иностранной литературы и, притом в невообразимо — безобразных переводах. Мне хочется таким образом сделать свое издание образцовым по содержанию — (в этих видах я и хочу помещать, кроме новых, лучшие старые произведения) — и по форме. Многие наши писатели — (из «хороших», из «эстетиков» нашего старого времени) обещали помогать мне; великое бы счастие было бы для журнала, если бы и с Вашей стороны я встретил тоже согласие. Само собою разумеется, что я могу — если могу вообще — рассчитывать только на самое крошечное в количественном отношении участие, — на перевод за весь год одной какой-нибудь пьески, рассказа и т. п., — но и за то, за несколько страниц, за позволение считать и объявить *Вас* в числе сотрудников журнала я был бы по истине несказанно благодарен. Понятно, что выбор предоставляется совершенно и безусловно Вам; но если хотите, я сам найду что-нибудь между классическими вещами и представлю это на Ваше усмотрение.

Остается еще вопрос о гонораре. Только начав дело и никаких средств особых не имея, я, конечно, далеко не могу в первое время платить то, что следовало бы платить писателю с Вашим именем; но надеюсь, что на этом пункте мы сойдемся при некоторой снисходительности с Вашей стороны, на которую смею рассчитывать.

В ожидании ответа Вашего, сердечно кланяюсь Вам и остаюсь глубокоуважающий
Всегда и неизменно преданный.

Петр Вейнберг.

Казанская улица, № 23.

4

ПЕТР ИСАЕВИЧ
ВЕЙНБЕРГ
Казанская улица, № 23.

Петербург. 26 Октября [1882].

Не получая ответа на письмо мое, снова убедительнейше и покорнейше прошу Вас, глубокоуважаемый Александр Николаевич, уведомить о Вашем решении, — так как в настоящее время всякая минута дорога — надо выпускать объявление.

Неизменно уважающий и преданный Вам

П. Вейнберг.

5

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С.-Петербург.
Казанская улица, № 23.

25 Декабря 1882 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич. С величайшим и, конечно, весьма понятным для Вас нетерпением, жду я исполнения любезного обещания Вашего — дать что-нибудь для нарождающегося журнала моего.[35] Появление Вашего имени в *первых* книжках журнала имеет осо-

бенную важность, — и вот почему я повторяю мою усерднейшую просьбу, если возможно, если позволяет Ваше здоровье и Ваше время, прислать какой-нибудь *перевод* Ваш, хоть в маленьком размере.—Крылов говорил мне, что Вы давно уже задумали перевод интермедии Сервантеса; для моего журнала этот перевод был бы истинной драгоценностью — и именно для моего, так как он посвящен классическим произведениям иностранной литературы. [36] Но, само собою разумеется — если Вы дадите что-нибудь другое, я за все буду глубоко благодарен.

Уповая на Вашу любезность — остаюсь
Всегда уважающий и преданный
Петр Вейнберг.

6

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
С.-Петербург
Казанская улица, № 23.

4 Января, 1883 г.

Само собой разумеется, глубокоуважаемый Александр Николаевич, что я с великим удовольствием и благодарностью напечатаю Ваш перевод комедии Гоцци, предоставляя выбор ее на полное Ваше усмотрение. Чем скорее получу, тем лучше. Не знаю только — так как это будет перевод в *стихах* — какой Вы назначите гонорар, будет ли он в средствах моего начинающего журнала? Не найдете ли возможным сообщить Ваше решение на этот счет, не

сомневаясь, что я сделаю все, что будет в моих силах.

Искренно уважающий Вас и преданный

Петр Вейнберг.

7

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

14 Января 1883 г.

Средства моего журнала, искренно уважаемый Александр Николаевич, покамест весьма скромные, так как я предпринял издание без всякой посторонней помощи. Но я плачу то — даже больше — что платят и большие журналы, — от 20 до 25 р. за лист, а мой лист значительно меньше, напр. «Отечественных Записок». Само собой разумеется, что Вам я не помышляю предложить эту цену, но если Вы с меня возьмете рублей по 50, то я крепко, крепко буду Вам благодарен. И скорее «Il re cervo», и перевод Пятницкого возьму с удовольствием, так-как это рекомендуете Вы; но еслиб можно было сказать, что перевод «под Вашею редакциею», то, конечно, это меня весьма бы аранжировало. — Если вышеупомянутая цена 50 р. для Вас не подходящая; скажите. — я, конечно, употреблю все силы, чтобы исполнить Ваше желание. А для Садовского и Пятницкого мои цены, вероятно, покажутся достаточными, так-как по этой цене переводят мне и Плещеев. и Пальм, и Ватсон, и другие...

С великим нетерпением жду Вашего перевода.[37]

Неизменно преданный Вам

Петр Вейнберг.

8

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

5 Сентября 1883 г.

С великим и понятным для Вас нетерпением, ожидаю я, глубокоуважаемый Александр Николаевич, присылки какого-либо из любезно обещанных Вами переводов. Это особенно важно для меня теперь, когда надо объявлять подписку на будущий год. Убедительнейше прошу Вас порадовать меня присылкой, или, по крайней мере, сообщить, когда можно положительно рассчитывать на нее — чтобы объявить о том.

Искренне уважающий Вас и преданный

Петр Вейнберг.

9

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

8 Ноября 1883 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич. Узнал я, что Вы вернулись в Москву и опять слезно молю Вас: исполните поскорее Ваше любезное обещание; дайте хоть одну сцену Сервантеса покамест. Всего две книги осталось выпустить, подписка начинается, и для меня *Ваше имя* теперь огромную важность имеет. Комедия Гоцци, если она еще не готова,

может пойти потом, а теперь бога ради хоть что-нибудь, хоть несколько страниц.

Искренно уважающий и преданный

Петр Вейнберг.

10

Петербург — 2 Апреля 84.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич. В то время, когда Вы, еще будучи в Петербурге, прислали мне записку, где выражали желание получить обратно Вашу рукопись — меня не было в Петербурге — я уезжал в Псков к больному родственнику — и если Вам не сказали об этом у меня дома, то потому, что я, уезжавший без служебного отпуска, говорить о том не велел. Вернувшись и прочтя в Вашей записке, что Вы желаете иметь рукопись для того, чтобы «сделать в ней исправления, так как в этом виде перевод напечатан быть не может» — я тотчас же отдал рукопись в набор, чтобы послать Вам корректуру. Но в то время, как набирали, явился от Вашего имени г. Молчанов и выразил от Вашего имени *требование*, чтобы рукопись была возвращена *немедленно, в каком бы то ни было виде*. Так как набор был уже готов, то я и без того собирался писать и послать его Вам,— но в виду настояний, сделанных г. Молчановым от Вашего имени, возвратил ему рукопись, присоединив к ней корректуры и экземпляр отдельных оттисков, приготовляющихся для отдельного издания. [38]

Исполнив таким образом Ваше желание — (хотя я решительно недоумеваю, как могут по-

требоваться радикальные исправления в таком безукоризненно — превосходном переводе) — я, в виду вышесказанной *формы* требования, выраженного *Молчановым от Вашего имени*, нахожусь в очень большой тревоге и очень большом огорчении. Вы, видимо, сердитесь на меня; но, бога ради, скажите, какая причина? Если за то, что я не был у Вас вторично в Петербурге, то честное слово — это было такое время, когда я чуть не помешался и от тяжкой болезни сына, и от бездны неприятностей весьма серьезного характера, и от недостатка при этом буквально одной свободной минуты. Если за то, что я до сих пор не заплатил за 2-ю интермедию, то при личном свидании я объяснил Вам, что посылал эти деньги в Москву Вам через одного очень близкого мне человека — (теперь вынужденным нахожусь сказать Вам, что это — мой брат) а он... Я думал отдать их Вам лично в Петербурге, но на меня обрушилось столько экстренных платежей, и вообще это время было такое тяжелое, что решительно не было возможности... Только эти две причины Вашего неудовольствия могу я предположить; но неужели из-за этого Вы лишили меня дальнейшего украшения журнала Вашими переводами, да и вообще того Вашего расположения ко мне, которым я всегда так дорожил и гордился? — Не говорю уже о том, что прекращение печатания «Интермедий» после того, как две уже напечатаны, поставило бы меня в весьма серьезное положение перед подписчиками — и что в таком случае пришлось бы выбросить уже отпечатанные 500 оттисков от-

дельного издания, собственно для Вас предназначаемого... Не хочется верить, чтобы Вы меня казнили так жестоко, тем более, что я право не виноват. Буду ждать с великим нетерпением Вашего ответа и буду надеяться, что он явится в сопровождении возвращенной корректуры, так как эту 3-ю интермедию я намеревался поместить в *Апрельской* книге. Что касается до гонорара как за нее, так и за 2-ю интермедию, уже напечатанную, то я крепко прошу у Вас позволения заплатить его в конце апреля. Мне покамест еще очень трудно справляться, — хотя подписка и идет несравненно лучше — и только некоторые льготы, предоставляемые мне людьми, ко мне расположенными, дают мне возможность постепенно становиться на ноги.

Искренно Вас уважающий и неизменно преданный

Петр Вейнберг.

11

Глубокоуважаемый Александр Николаевич. Не понимаю, каким образом Вы не получили моего письма, отправленного *немедленно* по получении Вашей рукописи, и в котором я очень благодарил Вас, сообщая в то же время, что интермедия будет напечатана в апрельской книге, и что деньги будут высланы тотчас же по выходе ее (т. е. в конце этого месяца). [39]

Искренно уважающий и преданный Вам

Петр Вейнберг.

[1884]

12

Петербург, 4 Июня 84.

Многоуважаемый Александр Николаевич. Сильно озабочиваюсь уплатою Вам долга, который буквально лежит у меня на душе, и покамест, не имея возможности уплатить его наличными, я прибегнул к следующему способу: сегодня же отправил к И. М. Кондратьеву в Москву письмо с просьбой удерживать из моего гонорара по Обществу драматических писателей деньги до тех пор, пока наберутся сто р., должные мною Вам как за 2-ю, напечатанную, так и за 3-ю, находящуюся у Вас в корректуре. Если этот способ Вы признаете возможным, за что я был бы Вам глубоко благодарен, то будьте так любезны, возвратите мне поскорее корректуру 3-й интермедии, с разрешением печатать. Подписчики настоятельно просят Сервантеса. — Я просил Кондратьева уведомить Вас о получении от меня вышеупомянутого письма и о том, что будет поступлено по моему желанию.

Крепко надеясь на исполнение моей просьбы теперь, когда платеж моего долга обеспечен — (я получаю по Обществу столько, что ста рублям набираться не долго). — Жду с великим нетерпением Вашего ответа и остаюсь

Искренно уважающий и всегда преданный

Петр Вейнберг.

Казанская, 23.

13

26 Июня 84.

Многоуважаемый Александр Николаевич! Боясь, что Вам не скоро представится случай

достать из Москвы корректуру «Театра Чудес», я сегодня высылаю Вам в деревню новый оттиск, убедительно прошу, если возможно, поскорее просмотреть и выслать обратно, тоже под бандеролью.

При этом считаю нужным прибавить, что было бы крайне желательно все остальные интермедии напечатать в нынешнем году.

Искренно уважающий и преданный

Петр Вейнберг.

14

13 Сентября 1884 г.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Многоуважаемый Александр Николаевич, будьте так любезны, сообщите мне — могу ли я ждать от Вас в нынешнем году еще хоть одной интермедии Сервантеса. Считаю лишним говорить, что удовлетворительным ответом весьма и весьма порадовали бы меня.

От Вас до сих пор нет заявления о перемене адреса, из чего заключаю, что Вы еще в деревне; но так как, вероятно, Вы скоро приедете, то адресую это письмо в Москву.

Искренно уважающий Вас и преданный

Петр Вейнберг.

15

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Петерб. 23 Янв. 85.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич. Вы сделали бы мне несказанно большое одол-

жение, если бы нашли возможным прислать одну интермедию теперь, т. е. хоть в первых числах февраля, чтобы она успела попасть в февральскую книжку. Для меня это в высшей степени важно, а для Вас не составит труда особого, потому что, как Вы сами говорили и показывали, интермедия уже совсем готова — нужны только заключительные стихи. А сделать их *без рифм* для Вас будет очень легко. — Убедительнейше прошу Вас не отказать мне; Вы сами знаете, как для редакции важны *первые* книжки. Деньги Вам доставлю немедленно по получении рукописи. [40]

Искренно уважающий Вас и преданный

Петр Вейнберг.

Гайдебуров, Павел Александрович

1

Простите меня, Милостивый Государь, за дерзость, с которою я осмеливаюсь писать Вам. Я нахожусь в необходимости сделать это, так как, не заставши Вас три раза дома, я потерял надежду иметь удовольствие Вас видеть и лично передать просьбу всего нашего Университета.

В Среду 16 Марта в 7½ ч. в зале Университета имеет быть литературный вечер в пользу бедных Студентов; И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов и А. Н. Майков изъявили согласие участвовать в нем — с этою же просьбою я осмеливаюсь обратиться и к Вам, Милостивый Государь. Если Вы не откажетесь ее исполнить

(в чем И. С. Тургенев мне почти поручился), то я буду покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, назначить к 10 часам утра завтрашнего дня пиесу, избранную Вами для чтения, так как необходимо заранее сделать распоряжения касательно предполагаемого вечера.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть,
Милостивый Государь,
Вашим покорнейшим слугою
П. Гайдебуров.

Среда, 9 Марта. [1860].

2

РЕДАКЦИЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ
«НЕДЕЛЯ»
с приложением ежемесячн.
журнала романов и повестей

---

28 Февраля 1884 г.

Милостивый Государь,
Многоуважаемый Александр Николаевич,

Не согласитесь ли Вы принять участие в чтении, устраиваемом комитетом Литературного Фонда на пятой неделе поста, и в котором будут участвовать Краевский, Пыпин, Спасович, Кони, гр. Голенищев-Кутузов, Гл. Успенский и др. Разумеется, я обращаюсь к Вам с этой просьбой в том предположении, что Вам, быть

может, придется быть к этому времени в Петербурге по другим делам.

Примите уверение в искреннем моем к Вам уважении и преданности.

П. Гайдебуров.

Галахов, Алексей Дмитриевич

1

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым поручил мне обратиться к Вам от его имени с покорнейшею просьбою — устроить в Москве литературное чтение в пользу Общества, по примеру двух чтений прошлой зимы, доставивших кассе около трех тысяч руб. Необходимо разными средствами усиливать фонд для распространения круга деятельности нашего Общества, которое не должно же остановиться на 15 пансионерах и нескольких десятках единовременных пособий. В настоящее время, когда театры закрыты по 1-е декабря, литературное чтение имеет много шансов рассчитывать на успех, не говоря уже о том, что Москва готова содействовать каждому доброму делу и всегда благодушно относилась к литературе.

При устройстве подобных чтений здесь, в Петербурге, положено читать что-нибудь новое, ненапечатанное, для вернейшего привлечения публики, которая на второй год не удо-

вольствуется тем, чем довольствовалась на первый, или по крайней мере будет ворчать, если станут снова читать ей известные вещи. Не привезете ли и Вы какой-нибудь нам новинки, чтобы, порадев на пользу литературного Общества в Москве, принять потом участие и в Петербургском радении?

Много обяжете, известив меня хотя несколькими строками по предмету моего письма, в ожидании которых примите уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности. [41].

Ваш покорнейший слуга

А. Галахов.

Петербург. 1860, Ноября 8.

2

1860, Ноября 14 Спб.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Я забыл написать в первом письме моем, что некоторые из артистов (Самарин, Щепкин) также были прошены содействовать устройству чтения. Разве они не говорили Вам об этом? Написал бы и к гг. Садовскому и Живокини — давнишним и любезнейшим моим знакомым — да не знаю их адресов. Если увидите их, сделайте одолжение—подвиньте их на благое дело. Надобно поднять цифру литературного фонда, а то он давно уже стоит на 20 тысячах. Касательно выбора пиес, Вы совершенно справедливо замечаете, что у Вас (т. е. в Москве) будет иметь полный успех

старое хорошее. Здесь непременно желают нового, и надобно удовлетворить общему желанию. Вчера собрались у Ковалевского многие литераторы, чтобы потолковать о предстоящем чтении. Думая, что Вам любопытно знать предложенную его программу, прилагаю ее:

1. Жизнь Шамиля, записанная по его собственному рассказу полковником Рудановским, который находился в Калуге приставом у Шамиля. Статья доставлена А. В. Дружининым. Прочтет или сам Рудановский, если скоро приедет из Калуги, или другой кто-либо.

2. Малорусское предание о Палее, стихотворение Шевченко.

3. Два новые стихотворения Некрасова.

4. Женщина в новогреческих песнях — Майкова.

Для будущих двух чтений (первое предположено на 23 или 25 сего месяца) имеются статьи тг. Писемского, Григоровича, Полонского, Потехина и других.

Передал я, во вчерашнем собрании, А. Н. Майкову желание Ваше видеть его в Москве. Он отвечал, что в настоящее время, по нездоровью и другим обстоятельствам, сделать этого не может.

Еще раз убедительно Вас прося об устройстве чтения или чтений, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашим покорнейшим слугою

А. Галахов.

3

Милостивый Государь,
Многоуважаемый Александр Николаевич,

Из письма Вашего в редакцию Нового Времени (№ 2916), [42] по поводу «литературных и театральных воспоминаний», напечатанных в № 2907-м той же газеты, видно, что Вы вините их автора за рассказ о покойном А. Ф. Писемском. Автор этот — я нижеподписавшийся, который вполне сознает свою провинность и просит Вас покорнейше отпустить ему оную великодушно. Рассказ не выдуман мною, а выслушан от одного знакомого; я виноват лишь тем, что забыл пословицу: не всякому слуху верь. Что с моей стороны не было тут и тени какого-либо недоброго умысла, в этом, кажется, излишне уверять Вас. Я был очень давно и очень хорошо знаком с Алексеем Феофилактовичем и часто проводил с ним время на литературных вечерах у Краевского; я принадлежу к числу тех Москвичей, которые — одни из первых — признали и почтили высокий талант его, и сохранили это почтение неизменным, навсегда. Помещение рассказа было частию простою неосторожностью или необдуманностью, на которую и старики иногда бывают так же способны, как и юноши; частию же увлечением забавностью рассказа, в роде тех, какими угощал нас сам покойный. Позвольте передать Вам один из таковых. Служа в Московском Губернском Правлении, Алексей Феофилактович присяжал иногда в Петербург. При свидании с ним (я в это время

тоже перебрался из Москвы в Питер), мы спрашивали его, как он поживает и что поделывает. — «Да все осматриваем и свидетельствуем страдающих душевными болезнями, то есть сумасшедших». — Из какого же сословия большинство их? полюбопытствовали мы. — «Почти все литераторы, а из них преимущественно фельетонисты». — Не хотел же покойный этими словами оплевать всю нашу литературу; он говорил это без всякого умысла, а так ради шутки и смеха, увлекаемый своим чисто-русским юмором. Равно и я, не отвергая своего проступка или прегрешения (назовите как Вам будет угодно), всеми силами души моей отвергаю какое-либо, даже малейшее намерение помянуть лихом того, кто при жизни очень хорошо знал меня, как поклонника его таланта и созданных им произведений.

Примите уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Ваш покорнейший слуга

Алексей Галахов.

13 Апреля, 1884 Петербург.

Гербель, Николай Васильевич

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Некрасов мне говорил, что Вы ему писали об окончании Вами перевода драматической пиесы Шекспира «Укрощение Строптивой». [43]

сделанной для нашего издания Шекспира. Будьте так добры, вышлите в таком случае, Ваш перевод как можно скорее, так как уже шесть пьес набрано для второго тома, который должен выйти в половине ноября месяца. Деньги будут Вам высланы мною тотчас по получении перевода. В надежде, что Вы не замедлите Вашим ответом, имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Николай Гербель.

12 Октября 1865 года. Спб.

Мой адрес:
Николаю Васильевичу Гербелю. На Моховой улице, в доме Есаковой № 26, кварт. № 13.

2

2 ноября 1865. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылаю Вам корректуру первого листа «Усмирения Своенравной» (за исключением первых двух страниц, которые уже отпечатаны, вместе с 15 листом «Шекспира», и которые будут Вам доставлены вместе с следующим листом), для скорости, в штемпельном конверте. Другой экземпляр корректуры (для театральной цензуры) вышлю Вам вместе с 17 листом «Шекспира», который будет готов сегодня вечером. Прошу Вас, уважаемый Александр Николаевич, выслать обратно корректуру немедленно (в штемпельном конверте в *два* лота: такие есть в Почтамте), не то будет большая за-

держка в печати, так как вся Ваша пьеса еще вчера вечером была окончена набором. Если Вы найдете корректуру не в порядке, что весьма вероятно, то пусть это не смущает Вас очень, так как я сам еще не читал ее, а только проверил по подлиннику все *выходы* действующих лиц, правильное следование *имен* один за другим и все то, что означено в скобках. В то время, как корректура будет путешествовать к Вам и обратно, я буду иметь время прочитать корректуру два раза, а по получении корректуры с Вашими поправками, нанесу их в свою корректуру и дам править. Деньги, причитающиеся Вам с издания переводов Шекспира (200 руб.), будут высланы Вам мною завтра; остальные 200 руб. вышлет Вам Некрасов, немедленно по отпечатании пьесы в ноябрьской книжке «Современника». В ожидании корректуры, остаюсь готовый к услугам

Николай Гербель.

Мой адрес:
В Моховой, д. Есаковой, № 26, квар. № 13.

Корректуры высылайте на мое имя.

Вместо Петрукио, я везде поставил Петручио, основываясь на одном из примечаний к последнему (пайтовскому) изданию Шекспира, где именно сказано, что надо произносить — *Петручио.*

В некоторых местах я означил карандашом, где, мне кажется, или описка, или не выходит стиха.

3

4 ноября 1865. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылаю Вам двести рублей; остальные двести рублей, как я уже писал Вам, вышлет Некрасов немедленно по напечатании пьесы в Современнике.[14] Вместе с этим письмом посылаю второй лист *Усмирения Своеправной*. Первые две странички вышлю вместе с третьим и последним листом. Остаюсь готовый к услугам,

Николай Гербель.

Жду корректуры и уведомления о получении денег.

4

Многоуважаемый Александр Николаевич! Посылаю Вам мое новое издание «Хрестоматия для всех», куда вошли отрывки из Ваших драматических произведений, написанных стихами. В настоящее время, когда половина издания уже разошлась, я приготовляюсь к второму изданию, в котором хочу поместить биографии наших поэтов в более полном виде, чем они появились в первом издании. Поэтому прошу вас исправить и дополнить Вашу биографию, которую посылаю Вам нарочно для того наклеенную на писчей бумаге, чтобы облегчить труд исправления. Примите уверение в совершенном моем почтении.

Николай Гербель.

19 декабря 1873 г.

Мой адрес: Николаю Васильевичу Гербелю. По Клинскому проспекту, что в Семеновском полку, в собственном доме.

Буду ждать с нетерпением Ваших исправлений и добавлений.

5

6-го Июня 1877. С. Етново.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Я получил Ваше письмо и был очень удивлен известием, что Вы до сих пор не получили от Некрасова денег за перепечатание во 2-м издании «Шекспира» Вашего перевода «Усмирения своенравной», так как по заключении счетов моих с ним по изданию 2-го тома 2-го издания «Шиллера», где перепечатана Ваша пьеса, он взял на себя уплатить Вам за нее, но только не 400 рублей, а 100 рублей. Что же касается того, что Некрасов заплатил Вам в первый раз 400 рублей, то это было потому, что он приобрел ее за 300 рублей для «Современника», где она и появилась в первый раз, а за перепечатку в «Шекспире» уплатил 100 руб., что и составляет вместе четыреста. Эту цену мы уплатили всем сотрудникам по «Шекспиру» за перепечатание их переводов во 2-м издании его сочинений, вышедшем в числе 2000 томов, тогда как 1-е вышло в 5000 экземпляров.

Приступая к печатанию 2-го издания, я уговорился с Некрасовым, чтобы он списался с Вами о перепечатании — и потом он говорил

мне, что получил от Вас согласие. Будучи таким же хозяином издания, как и я, он имел сношения с частью сотрудников помимо меня, в том числе и с Вами, при чем условливался сам в цене, как это было сделано и с Вами.

Одновременно с этим письмом я пишу и Некрасову, причем препровождаю ему Ваше письмо, с просьбой списаться с Вами и удовлетворить Вас. Готовый к услугам.

Николай Гербель.

6

7-го Апреля 1879 года.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Тотчас по получении Вашего письма по поводу перепечатания во втором издании «Полного Собрания Сочинений Шекспира в переводах русских писателей» перевода Вашего комедии «Усмирения Своенравной» я сообщал покойному Некрасову об взятой им на себя уплате Вам причитающегося гонорария — и до сих пор был вполне уверен, что деньги давно уже Вами получены. Но недавно, при встрече с вдовой покойного Николая Алексеевича, я узнал от нее, что вследствие хлопот, сопряженных с тяжелой болезней умиравшего тогда Некрасова, отсылка Вам гонорара [45] не состоялась тотчас, а затем — по смерти его — и вовсе позабылась, я, по сведении всех счетов по изданию с наследниками покойного, его братьями Федором и Константином Алексеевичами

Некрасовыми, высылаю Вам, по их поручению, причитающиеся за перепечатку пьесы деньги.

Пользуясь этим удобным случаем для выражения моего искреннего к Вам уважения, питаемого мною уже в течение почти тридцати лет, то-есть с появления на страницах одной из книжек «Москвитянина» на 1850 год первой Вашей комедии «Свои люди сочтемся», сделавшей на меня глубокое впечатление, оставшееся на всю жизнь. В настоящее же время Ваша «Бесприданница», с Савиной в главной роли, имеет несказанный успех на петербургской сцене, благодаря чему я видел ее уже три раза.

Если нам понадобится третье издание «Шекспира», то позвольте обратиться к Вам за позволением перепечатать Ваш перевод. Что же касается условий, то мы платили по сто рублей за перепечатку большой пьесы, а малой — 75.

В ожидании Вашего ответа, прошу принять уверение в полном моем уважении.

Николай Гербель.

Мой адрес: Николаю Васильевичу Гербелю. Клинский пр., собств. дом. Петербург.

Гончаров, Иван Александрович

1

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

К приветственным речам, которые раздадутся послезавтра около Вас в Москве, в день

Вашего и общего литературного торжества, присоединяю и свой скромный голос. Жалею, что не могу быть лично в многочисленной толпе Ваших почитателей, пожать Вашу руку и пожелать долгой жизни для Вас самих и для близких Вам лиц, для Ваших друзей и ценителей, не говорю для искусства; для него Вы совершили все, что подобало свершить великому таланту. Дальше, кажется, итти нельзя и некуда.

Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться: «Театр Островского».

Вам остается наслаждаться заслуженным отдыхом, оглядываясь с торжеством на пройденное со славою поприще, а нам, писателям, горячо любящим родное искусство, следует торжествовать, имея среди нас такого великого мастера, и гордиться Вашими подвигами, как будто мы сами участвовали в них. В этой благородной гордости кроются зерна того духовного братства, которое, помимо всяких международных литературных конгрессов, невидимо связует между собою искренних писателей по призванию.

Во имя этого братства приветствую Вас, как бессмертного творца бесконечного строя поэти-

ческих созданий, от *Снегурочки*, *Сна Воеводы до Талантов и поклонников* включительно, *где* мы воочию видим и слышим исконную, истинную русскую жизнь, в бесчисленных, животрепещущих образах, с ее верным обличьем, складом и говором.

Живете же, великий художник, долгие годы, наслаждаясь своею славою: не прибавлю к этому обычной фразы «и подарите нас еще» и т. д. Это был бы эгоизм и неблагодарность.

Примите благосклонно этот привет от стариннейшего, искреннейшего Вашего почитателя и глубоко уважающего Вас

И. Гончарова.

12 Февр., 1882. Моховая, д. № 3.

2

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

На письмо Ваше от 9-го текущего Декабря, за № 797, по поводу выбора меня в число судей для присуждения Грибоедовской премии, имею честь ответствовать, что я, к крайнему моему сожалению, не могу взять на себя исполнения этой лестной обязанности, так как, по причине ослабленного болезнью глаз зрения, для меня стало крайне затруднительно чтение даже печатных, не только рукописных сочинений.

Принося благодарность Вам и Комитету Общества Драматических писателей за оказанную мне честь и доверие, прошу Вас, Милостивый

Государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

И. Гончаров.

14 Декабря 1883.

3

17 Января 1884 г.

Искренно радуюсь, что Вы, многоуважаемый Александр Николаевич, так любезно приняли мой маловажный подарок, т. е. мои книги. Для меня же это было и удовольствие и долг предложить их Вам, в надежде, что они помогут сохранить в Вас обо мне дорогую мне добрую память. Хотя Вы не выражали мне, сколько я помню, на словах никаких комплиментов, но я всегда чувствовал, в Вашем благоприятном ко мне расположении, некоторую долю доброго мнения и о моих книгах. А для меня лестно и приятно заслужить это именно от Вас.

Посылая книги к Мих. Ник., я был вполне уверен, что они застанут Вас еще здесь, а Вы уже улетели в Москву, вероятно, для постановки Вашей новой пьесы!

Из репертуара на эту неделю я вижу, что она назначена на пятницу: я непременно соберусь ее посмотреть, но не теперь, так как у меня в настоящую минуту грипп или катарр и я по вечерам не выхожу.

Может быть, Вы сами будете сюда посмотреть Вашу пьесу на здешней сцене: в таком случае, значит, есть надежда увидеть скоро Вас самих. [46]

В этой надежде предаю себя в Ваше доброе ко мне и дорогое расположение.

И. Гончаров.

4

30 Января 1884 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вчера зашел ко мне Григорович, по желанию Вашему, как он объяснил, чтобы поговорить о присуждении Грибоедовской премии.

Не лишним считаю уведомить Вас о содержании нашего разговора на случай, еслиб вышло какое-нибудь недоразумение.

Прежде всего он пришел, сколько я мог заметить, предупредить меня, что он распорядился, или, по его выражению, «употребил мое имя», а каким образом — я не вполне понял.

Между прочим он объявил, что *он* с *А. Н. Пыпиным* писали, или телеграфировали в Москву (хорошенько не помню), «что нынешний год назначение премии состояться не может», и привел несколько причин тому.

«Моего имени ведь в этом решении нет»? — спросил я. — «Нет!» — «Стало быть, я тут не при чем, добавил я, тем более, что я, в конце прошлого года, в письме к Вам отказался от обязанности жюри в присуждении премии, так как болезнь глаз вовсе мешает мне читать». «Я этого совсем не знал!» заметил он.

А если он не знал о моем отказе, то почему не привлек и меня вместе с Г. Пыпиным к решению о премии — это его тайна. Вероятно, догадывался я про себя, ему лестно быть ре-

шителем вопроса одному или вдвоем и т. п., словом, я приписал это мелкому самолюбию и ничего ему об этом не сказал — и Вас покорнейше прошу тоже не говорить ему об этой моей догадке, тем более, что причина может быть и другая.

Однако я заметил ему, что между пьесами прошлого года есть одна Ваша — *Красавец — мужчина*, которая хотя уступает по достоинству *Без вины виноватым*, но, конечно, должна быть удостоена премии.

Он на это объяснил, что как в этой, так и в некоторых других прошлогодних пьесах, на сцене резко обозначены черты общественной безнравственности, между прочим у Боборыкина, Потехина, Крылова и что — также и по этому оказывается неудобно давать премию.

Я на это вскользь заметил, что литературное жюри призвано судить только художеств. сторону в пьесах и т. д., а за нравственностию наблюдает цензура.

Так он и ушел. Я и не знаю, каким образом он употребил мое имя: сказал ли, не повидавшись со мною, что и я согласен с его и Г. Пыпина решением, или, напротив, сказал, что я не согласился, и потому он обошел меня. Но до вчерашнего дня я его не встречал и не видал.

Что касается до рельефного изображения черт безнравственности на сцене, то я еще правда слышал, что будто на это было обращено в высших сферах внимание, и что в несмотрении за этим будто бы обвиняли театральный комитет, где, кажется, участвует и Григорович.

Не знаю, поручило ли ему театральное начальство или он сам взялся помочь этому горю и пришел к решению перенести премию на следующий год, только полагаю, что третейский суд может притти к такому приговору единственно по неимению достойных премии пьес. А этого за прошлый год заключить нельзя; уже по одному тому, что тут была Ваша комедия.

Не позволяю себе входить в дальнейшее рассмотрение причин, а только повторяю мою покорнейшую просьбу, в виду этой путаницы, исключить меня из числа литерат. судей.

Примите благосклонно мою просьбу, а также и выражение в глубоком моем к Вам уважении и преданности.

И. Гончаров.

5

4 Февраля 1884 г.

Как мне это жаль и больно, многоуважаемый Александр Николаевич, что я, по немощи моей вообще, по болезни глаз, и наконец и по моральной моей несостоятельности, нахожусь в совершенной невозможности исполнить Ваше желание относительно участия в Грибоедовской премии. — Об этой моей несостоятельности, т. е. о невозможности для меня читать и писать, я в прошлом году заявлял печатно, и все это знают. Меня даже, после моих категорических заявлений, несколько удивило обращение ко мне Комитета Общества драмат. писателей с предложением принять звание жюри в присуждении премии.

Поэтому я вновь прошу меня от этого освободить. Мое первое письмо, которое не застало Вас в Москве, теперь, конечно, у Вас в руках. Да будет же оно моим ответным извинением перед Комитетом Общества. — Прочие же мои письма, писанные после него, в том числе и настоящее, конечно, останутся в Ваших руках и туда не поступят, так как они имеют частный характер.

Мнения у меня никакого нет о пьесах, могущих претендовать на премию, так как я ни одной из них не читал и не могу прочесть, а между тем авторы их Гг. Потехин, Боборыкин, Крылов все имена известные. Вашу пьесу я прочел, т. е. прослушал случайно, когда одна посетившая меня в болезни дама, застав меня за разрезыванием книги, в один присест, в одно утро прочла ее всю.

Я, как и все, — нашел ее прекрасною и тонкою вещью в художественном отношении. Но чтобы перенести это мнение в решение жюри — нужно прочесть и те пьесы, о которых я упомянул выше — даже для того, чтобы иметь понятие о разнице. Иначе мое заключение было бы неполно или не верно. А я просто не могу развернуть книгу, а если почитаю минут двадцать, у меня темнеет в глазах.

Да к этому еще от меня не отстает катарр легких и желудка. Я пью Виши и еле брожу.

И слух слабеет. Припомните, с каким напряжением, сидя около Вас вплотную, я слушал Вашу пьесу. — Эти письма, которые пишу Вам и коротенькие записки, которыми я иногда принужден отвечать на длинные пись-

ма, суть исключения, не дешево мне достающиеся.

Меня несколько удивляет, как, кажется, я и говорил при свидании, что Комитет Ваш затрудняется выбором писателей для жюри. И в Москве и здесь — найдутся люди, столько же, или более компетентные, чем я и некоторые другие, в вопросах критики. Например. здесь есть профессор Веселовский, Орест Миллер, Страхов (Н. Н.), Ахшарумов, потом К. К. Арсеньев, Евг. Ис. Утин и другие. Последние два — присяжные критики Вестн. Европы и, конечно, разумеют отлично дело.

Мне кажется — они, т. е. не драматурги и не беллетристы, будучи совершенно нейтральны к произведениям искусства, могут скорее быть беспристрастными судьями.

Впрочем, в настоящем случае, сколько я мог понять смутно из слов Григоровича, всякое жюри едва ли бы могло сделать что-нибудь другое, кроме того, что они сделали, т. е. перенесли на следующий год. Вероятно, тут был какой-то посторонний импульс цензурного свойства.

А впрочем не знаю, как завязался этот Гордиев узел, и потому не знаю, как он и разрешится.

Жалею только, что не мог исполнить Вашего желания и прошу меня за это не винить. Примите мой искренний, сердечный поклон.

И. Гончаров.

6

9 Февраля 1884 г.

Вы не поверите, многоуважаемый Александр Николаевич, как мне больно, что я не мог исполнить такого простого желания Вашего, как участие в решении присуждения Грибоедовской премии.

Не могу не сказать еще несколько слов в свое оправдание этому делу, по которому я не чувствую за собой никакой вины.

А кто виноват — не могу решить. Прежде всего, я думаю, виновата небрежная постановка самого вопроса о присуждении этой премии, т. е. у всего этого дела была только идея, а плана исполнения никакого.

Не так было, когда обсуждались пиесы, представлявшиеся на конкурс на соискание премии, назначенной от общества же драмат. писателей. Тогда знали, какие пьесы надо читать и судить; тогда здешний агент общества, Г. Бурдин, препровождал к членам жюри эти пьесы, а члены жюри, прочитав их, каждый отдельно, потом собирались вместе и сообща излагали на бумагу свое решение, подписывали и препровождали к Вам.

Теперь же члену жюри неизвестно, — «какие пьесы подлежат решению и к какому сезону относятся они!» Потом ему надо собирать эти пьесы, иногда ненапечатанные и т. д. Где он их возьмет? Если он не посещает театра (как я, например, да и Гг. Майков, Пыпин, ка-

жется тоже), то он может и не подозревать существования их.

Вот тут и нужно бы было какое-нибудь посредствующее лицо, которым, конечно, мог бы быть, пожалуй, Григорович, но он, по словам его, обременен делами, все о чем-то хлопочет.

Он мне буквально заявил, что он и Г. Пыпин «решили отложить присуждение премии до будущего года», — а затем далее в разговоре упомянул и о некоторой неценсурности пьес для сцены, между прочим и Боборыкина и Потехина. Я не знал ничего о том, к какому сезону они относятся.

Словом, чепуха! Я до сих пор еще не знаю и не понимаю цели посещения меня Григоровичем. Он мне ничего не предлагал, не требовал, ни моего мнения, ни участия в решении, а только сказал, что «он употребил мое имя»— где и как — не знаю.

Я знал только — Вашу пьесу *Мужчина-Красавец*, которую, даже не зная других пьес, нельзя ставить с ними на ряду — и я же сказал Григоровичу, что жюри должно судить только художественность, а не ценсурность пьесы. Затем, поговорив о театре и т. п., он ушел, оставив меня совершенно в стороне от решения вопроса о Грибоедовской премии.

Зная, например, что к сезону театральному, кроме Вашей пьесы, принадлежит какая-нибудь пьеса Крылова (как Вы теперь пишете), даже если бы и две можно бы было, имея их в руках, пробежать самому, или попросить кого-нибудь прочесть — (для очистки совести, чтобы знать, какие они) и потом указать на Вашу.

Но не с кем было — ни поговорить, ни просто повидаться. Могло ли выйти из этого что-нибудь путное и толковое!

Прошу же и я Вас, многоуважаемый Александр Николаевич, — не винить меня в этом деле. Впрочем, я полагаю, что Вы лучше и яснее меня разберете причину путаницы, от которой я поспешил устраниться.

Примите уверение в неизменных чувствах уважения и преданности.

И. Гончаров.[47]

Григорьев, Аполлон Александрович

1

Поведение твое *гнусно* — если на него нет circonstances attendantes, — а в таком случае, т. е. при существовании circonstances attendantes, меня страшно беспокоит и твое молчание и твое отсутствие... Можно было бы хоть написать два слова... Не знаю, увидимся ли мы до Сентября — я отдался совершенно воле ветров — и куда они меня бросят, туда и поеду. Во всяком случае, до свидания — напиши хоть два слова. Здесь тебя ждали, ждали—да и ждать бросили — потому что нельзя же кормить все извинениями (и они имеют хорошую сторону). * (Этому я не верю). Прощай — кланяйся нашим, т. е. Бергу, Евгению и Алмазову. *

[Я привыкла в вас любить *не* светского человека — грустно, очень грустно, что прину-

* Далее приписка С. Энгельгардт.

ждена разочароваться на ваш счет. Знаете ли, что в Вас чуть-чуть не Печоринские замашки. Вы умеете кокетничать... Бог с вами. Вы обещаете приехать, и как красноречиво обещание и не едете. Вы даже не прибегли к вашим обыкновенным оправданиям: извините, что я не умею писать и ленив и т. д. — Разве страх к коровам вас удаляет от Юсукова....

С. Энгельгардт. *

2

Добрый друг, Александр Николаевич. Я болен и сам не могу притти к тебе. Если ты прочел «Целовальницу» Левитова — то не имеешь ли возможности пристроить ее хоть в «Развлечение». Да прими с свойственным тебе благодушием ее автора. [48]

Твой всегда *Аполлон.*

Григорович, Дмитрий Васильевич

1

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Искренно сожалею, что не могу сегодня лично передать Вам рукопись и поблагодарить за нее; вот уже 12-й день как я обязательно отправляюсь на выставку [49] в 8 час. утра ежедневно, там завтракаю, обедаю и возвращаюсь

* В этих скобках текст, в автографе написанный рукой С. Энгельгардт.
(Ред.).

домой часу в 8-м до такой степени уже утомленным, что едва добираюсь до постели. 16-е Мая открытие выставки и теперь самое жгучее время ее устройства. Дело сравнительно подвигается однакож медленно и по всей вероятности и открытие выставки будет происходить среди ящиков и распаковки.

Принося мой поклон Марье Васильевне, остаюсь искренне Вам преданный.

Д. Григорович.

Апр. 26. [1882]

2

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Истинно сожалею, что не могу послать Вам всех билетов; [50] осталось только два; попрошу Вас подождать до завтра; утром рано пришлю еще. Никому раньше 10-и и 12-и не стоит заглядывать на выставку, что я говорил Вам, когда имел удовольствие быть у Вас.

Искренно Вам преданный
Д. Григорович.

[1882]

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

С сегодняшнего дня прекращена выдача билетов для входа на один раз; выдаются билеты уже до 15-го Сентября. Пускай юноши [51] зайдут на выставку (платформа II-й Группы) и

меня спросят. Я не выхожу с выставки до 7-ми часов и не сегодня-завтра буду у Вас вечерком.

Преданный Вам искренно

Д. Григорович.

25 Сент. [1882]

4

Петерб. 12 Янв. [1884].

Глубокоуважаемый и дорогой
Александр Николаевич,

Получив сегодня письмо Ваше, я, конечно, сегодня же отправился к Всеволожскому. Вот что он сказал мне: все отставленные артисты и в том числе та, о которой Вы упоминаете [52],— давно представлены к пенсии не менее *300* р. Пенсия эта утверждена, и Всеволожский удивляется и сердится, что до сих пор это не получило своего действия. Тут же при мне Ив. Алек. сделал отметку на записке артистки, сказав, что в видах тяжелых условий во время Великого поста, прикажет выдать ей временное денежное пособие. В субботу, т. е. после завтра, я отправлюсь к Ив. Алекс. и снова подыму вопрос, чтобы убедиться, что дело перешло в контору для исполнения. Вы слышали, конечно, о письме, посланном здешними артистами Лентовскому, [53] о том, как оно было представлено Воронцову, и как Воронцов распорядился отнять бенефисы у артистов. Здесь в русской труппе происходит нечто весьма прискорбное: все перессорились, отношения спутались, идут препирательства, вражда. Грустно смотреть на это даже со стороны.

Пьеса Всеволожского и Крылова,[54] назначенная на 10 янв. в бенефис Дюжиковой, отменена; следствием такого странного распоряжения (пьеса могла итти и не для бенефиса, если уж на то пошло), — постановка Вашей пьесы,[55] сама собой, должна будет отойти на задний план; и все это в то время, когда до сезона остается каких-нибудь 7 — 8 недель. Кругом только и слышишь — попреки и неудовольствия. Хуже всего то, что не видно повода для перемены к лучшему, — разве произойдет какая-нибудь скандальная история, которая неожиданно встряхнет мозги и заставит очнуться. — Убедительно прошу Вас поручать мне все, что Вам будет нужно; я всегда употреблю все свои силы, чтобы исполнить желания Ваши и это с моей стороны совершенно искренно. Прошу Вас принести мой почтительный поклон супруге Вашей; Вам дружески жму руку и прошу не забывать истинно Вам преданного и уважающего Вас

Григоровича.

1884 г.

5

Глубокоуважаемый и дорогой
Александр Николаевич,

Не отвечал я Вам немедленно потому, что ждал представления Вашей пьесы;[56] успех самый полный от начала до конца; автора начали шумно вызывать с первого действия; надо думать, дирекция воспользуется таким давно небывалым успехом на русской сцене и станет

давать пьесу как можно чаще. Хотя пьеса поставлена наскоро, она прошла ровно, без зацепок как со стороны актеров, так и постановки. Замечательно была хороша Стрепетова; в сильных местах она была глубоко трогательна и вызывала слезы, которых давно не видал Ал. театр. Вся психологическая сторона ее роли была ведена с замечательным умом и тактом. За нею, лучше других, был Петипа: очень на этот раз отличился — хотя загримирован был забулдыгой, не имевшим по внешности ничего юношеского; ведь это заметили, и сегодня же исправит он свою ошибку. Роль эта пришлась ему по душе, и он считает ее лучшею в своем репертуаре. Давыдов был хорош, но от него можно было ожидать чего-нибудь лучшего. Очень мила была Дюжикова, она с самого начала взяла верный, хороший тон и до конца его выдержала. Вы бы хорошо сделали, написав Стрепетовой теплое словечко. Она право этого заслужила. — Ваш Бенвенуто [57] будет снова приглашен на службу, и я передал все бумаги не Всеволожскому, а Погожеву, который тут же дал мне слово, что дело будет сделано. — Получив второе письмо Ваше, я немедленно написал Майкову и Цыпину, прося их назначить день, чтобы свести мнения и составить протокол. [58] Жду их ответа. Приношу мой глубокий поклон супруге Вашей, а Вам дружески жму руку.

Искренно Вам преданный

Д. Григорович.

22 Янв. 1884 г.

6

Петерб. 26 Янв. [1884]

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Меня ввел в ошибку А. Н. Пыпин, потому я и написал Майкову, прося его списаться в свою очередь с Пыпиным, чтобы назначить день, собраться, обсудить дело и составить протокол. [59] Я писал Пыпину, но не получил ответа; на удивленье мое М. М. Стасюлевич, объяснил мне, что Пыпин болен, страдает глазами до такой степени, что не может ни читать, ни писать. Гончарова я не видал в последнее время, но знаю, что он болен и вряд ли в состоянии заняться делом. Сегодня нарочно съезжу и повидаю его. Одному мне с моим мнением выступать неловко, — да и вряд ли оно будет законно, так как требуется коллективное мнение. — По-моему беды бы еще большой не было, еслиб премию [60] отложили на будущий год за неимением в 1883 г. пьесы, достойной премии; тогда составилась бы сумма в 600 р. с процентами, и она всецело перешла бы на пьесу «Без вины виноватые», потому что она, бесспорно, будет лучшею за весь 1884 год. У нас так было по конкурсу на памятник Лермонтову и другим конкурсам по части живописи: — конкурс не состоялся и премия идет в приращение на будущий конкурс.

Искренно Вам преданный
Д. Григорович.

Сию минуту вошел А. Н. Пыпин; он говорит, что совещание судей не могло бы состояться уже по одному тому, что относительно их,— не выполнен § 13 правил, что: что никто не получил пьес, а только их наименование и с которым решительно ничего нельзя сделать — А. Н. Пыпин совершенно разделяет мое мнение относительно того, чтобы отложить премию на 1884 г. — Право, сделайте так, я по убеждению позволяю себе дать Вам такой совет. Гончаров болен и не может принять участия.

7

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Телеграмма Ваша пришла сегодня, в Воскресенье, в день Комитета,[61] к которому я должен был готовиться вчера и сегодня утром. Мне нет возможности ехать к Пыпину и Гончарову. Мнение Пыпина Вы уже знаете: отложить премию на 1884 г.; и мое такое же. Остается Гончаров, который болен и не только не читал пьес за 1883 г., — но ни разу не был в театре, чтобы сколько-нибудь составить себе мнение. Пошлите ему телеграмму; сегодня после Комитета я постараюсь увидать его.

Искренно Вас уважающий и преданный Вам

Д. Григорович.

29 воскресенье. [Янв.] [1884].

8

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Получив письмо Ваше, я немедленно отправил его к Пыпину, прося его дать отзыв о лучшей пьесе 1883 года, — но до сих пор не получил ответа. Законно ли только будет мнение двух, тогда как требуется отзыв трех судей; быть может это обстоятельство стесняет А. Н. Пыпина, и он колеблется. Я уже писал Вам, что Гончаров при свидании со мною положительно сказал мне, что он отказался от своей роли судьи. Если по уставу нельзя отложить премии и присоединить ее к премии 1884 г., — но необходимо дать премию за 1883 г. — лучшею пьесой считаю я «Красавец-мужчина» — мнение это и выразил и Г. Пыпину. Жду его ответа. Вы напрасно, в бытность Вашу в Петерб., не соединили нас и не переговорили об этом деле. Я и Пыпин не знали, напр., что Майков и Гончаров отказались. Агента общества я в лицо не видал; была какая-то дама, которая передала мне список пьес и скрылась. — Выберите скорее третьего судью, сообщите нам об этом, мы тотчас все соберемся и составим протокол. Всех нас здесь истинно обрадовало известие о получении Вами пенсии. [62] От души поздравляю Вас и супругу Вашу.

Преданный Вам *Д. Григорович.*

1 Фев. [1884]

9

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Очень буду рад, если препровождаемый при этом протокол [63] будет принят советом [64] и удовлетворит его. В другой раз не лучше ли выбирать жюри в Москве, дабы избежать путаницы, которая всегда может возникнуть при заглазном ведении дела. — Вчера слышал от Горбунова, что Марье Васильевне гораздо лучше; — ну и слава богу. Адрес Пыпина следующий:

Вас. Остр., 1-я линия, д. № 5.

Искренно Вам преданный
Д. Григорович.

10 Февр. 1884 г.

10

ИМПЕРАТОРСКОЕ
ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Сегодня справлялся насчет пьесы; [65] она в цензуре; если у Вас там есть знакомый попросите, чтобы ее не задерживали и доставили непременно в Комитет [66] в Субботу утром, в субботу в 5 часов она будет у Вас.

Искренно Вам преданный
Григорович.

[1885]

11

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Пьеса Гнедича [67] читалась прежде пьесы Садовского, [68] потому что автор был налицо, — и вот почему я посылаю Вам пьесу Садовского так поздно. К общему удивлению, пьеса Садовского найдена была скучноватой по отсутствию движения, лишнему многословию и крайней бедности содержания. Прочтите ее и сами в этом убедитесь.

Готовый к услугам
Григорович.

[1885]

Грот, Яков Карлович

1

О-ВО ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ
ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
№ 6
4 Января 1871 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Брат Ваш, Михаил Николаевич, сообщил Комитету Общества о желании Вашем прочесть перед публикою новую комедию Вашу, [69] с предоставлением вырученной при этом суммы в пользу литературного фонда.

Члены Комитета, глубоко тронутые вниманием Вашим к делу пособия нуждающимся литераторам, предоставили мне выразить Вам искреннейшую благодарность Общества и вместе с тем надежду их, что Вы не оставите означенного намерения Вашего.

С сердечным удовольствием исполняя это поручение, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем к Вам почтении и отличной преданности.

Яков Грот. [70]

2

О-ВО ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ
ЛИТЕРАТОРАМ И УЧЕНЫМ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
№ 58
4 Февраля 1871 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Комитет Общества предоставил мне выразить Вам глубочайшую благодарность Общества за то теплое участие, которое Вы приняли в устройстве 25-го прошлого Января чтения в пользу Общества.

С особенным удовольствием исполняя это поручение, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, принять уверение в отличном моем к Вам почтении и совершенной преданности.

Як. Грот.

3

М. Н. П.
ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
№ 45
28 Октября 1880 года.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Отделение русского языка и словесности, узнав от меня о Ваших занятиях по словарю русского народного языка,[71] и будучи уверено, что и по этой части труды такого талантливого знатока русской народной речи не могут не заслуживать особенного внимания, поручило мне обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшею просьбою, не изволите ли Вы найти возможным обязательно доставить Вашу рукопись по этому труду или хотя часть ее в Отделение, которое желало бы ознакомиться с Вашими словарными материалами, без сомнения не лишенными значения для отечественной лексикографии.

Примите уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Яков Грот.[72]

Данилевский, Григорий Петрович

1

2 сент. 1853.

Не судьба моя видеть здесь «Невесту»![73] Я решился просрочить против отпуска и по-

тревожил даже Иноземцева, который дал мне свидетельство о болезни; но — увы! назначенная на вчерашний день — она внезапно отложена, чуть ли не по болезни Вашей молодой артистки, в роли Маши![74] — Я еду сейчас на машину; прощайте! да хранит Вас господь! Я эти дни провел очень по сердцу: обедал и еще в другое время был у Григорьева, был два раза у Берга, а вчера после пяти часов у него с Филипповым — мы гурьбой отправились петь песни к Залетовым. Там я пробыл до двух часов ночи и потому не успел завернуть к Вам...

Вам душевно преданный
Гр. Данилевский.

2

С.-Петербург 5 Января 1856.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылая Вам книгу «Основьяненка»[75] по [а]казии, спешу известить Вас, что в следующей почтой высылаю Вам, известную уже по отрывкам Вам, рукопись: «*Десять повых украинских сказок*» с эпилогом к моим работам над малороссийскою легендой, что попрошу передать Т. И. Филиппову для его журнала. Вместе с тем высылаю Вам там же список моей былины «*Ян Усмошвец*», читанной также Вам. Последний я попрошу Вас прочесть с карандашом и еще возвратить мне для последних соображений; я три года обделывал эту былину, так подожду еще до напечатания сказок, хотя

Мей, знающий ее, с другими, и торопит меня также ее тиснуть при теперешнем настроении умов и литературных муравейников Петербурга.

Филиппову я также выслал с Вашим экземпляром экземпляр «Квитки», адресуя в 1-ю Гимназию. Буду Вам писать подробнее. А теперь, обнимая Вас мысленно, поздравляю с Новым Годом, и имею честь быть

Вашим преданным
Гр. Данилевский.

3

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылаю Вам, по обещанию, мое стихотворение «*Ян Усмошвец*». Прошу Вас прочесть его с карандашом в руках и возвратить мне снова. Вы уже знаете от меня, что эта былина есть собственно вставка в маленький очерк «*Семейный вечер у Царя Алексея Михайловича*». Не знаю, оставить ли былине ее обстановку, или откинуть последнюю. Это решат окончательные соображения. Вы же меня, по обещанию, надеюсь, подарите заметками касательно языка, что мне дорого будет для последующих моих работ. Ваш «Лазарь» не выходит у меня из головы.

«*Десять Украинских Сказок*» моих новых, где Вы знаете Ундину, Каратышку и еще кое-что, переписываются для Вас в окончательной уже обделке. Я работал над ними три года.

К ним присоединен еще «Эпилог о степных сказках» в прозе. Все эти Сказки писаны разными размерами, в образцах тона между сказкою о «Рыбаке и Рыбке» и «Кузьмою Остолопом». Рукопись Вы получите через С. Т. Аксакова, которому ее на-днях с другими разностями вышлю. Сказки по получении Вы можете считать собственностию «Русской Беседы». Былину же, повторяю, с заметками Вашими на полях, прошу выслать мне в возможной скорости, или прямо в Министерство Просвещения, на мое имя, или к Вашему двоюродному брату, с которым я вижусь.

Мне бы осталось до весны кончить и оставить свои сказки и эту вещь. А в Марте я еду в глубину Киевской и Черниговской Губернии, на Днепр, к Максимовичу и Ходолеям, встречать весну и разлив «батька Днипра»...

Не оставьте меня благосклонным Вашим участием и ответом.

Ваш покорнейший

Гр. Данилевский.

16 Янв. 1856.

4

Многоуважаемый

Александр Николаевич,

Позвольте Вас просить — принять на память от старого знакомого и Вашего усердного поклонника, прилагаемое издание (3-е) моих исторических и бытовых романов и повестей.

Вчерашняя счастливая встреча с Вами доставила мне великое удовольствие. Дай бог

Вам здоровья и сил — осуществить и упрочить народный театр в Москве, о коем мне, в редактируемой мною газете, привелось первому обнародовать благую Высочайшую волю, увенчавшую Вашу заветную мысль.

Ваш глубоко-преданный и уважающий

Григорий Данилевский.

18 Марта 1882 г.

Невский, угол Николаевской, д. № 69, кв. 5.

P. S. Кстати. Сейчас вспомнил о нашем общем знакомом, благодушнейшем и милейшем художнике Якове Львовиче Филатове, гостившем когда-то у Вас в деревне. По моей просьбе, Михаил Николаевич ему заказал несколько портретов нынешнего государя для М[инистерст]ва Гос. Имуществ. Филатов на этот заработок оделся, даже сшил себе теплое пальто (все ходил в пледе) — заработал он с августа на 5 портретах 300 р. Теперь у него есть еще один готовый портрет государя, — но в М[инистерст]ве ему объявили, что более не надо. Не можете ли Вы пристроить к Пасхе эту его работу где-либо. Если для М — ва более не надо, нельзя ли предложить в Москве.

Достоевский, Михаил Михайлович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Только нынче могу я отправить к Вам через почту триста руб. сер. При всем моем жела-

нии, — сделать это раньше не было для меня никакой возможности. Сделайте одолжение извините и припишите это стечению разных самых неожиданных для меня денежных и купеческих обстоятельств.

Ваши «сцены», [76] за которые приношу Вам большую благодарность, уже отпечатаны. Цензура обошлась с ними самым почтительным образом — не выкинула из них ни слова. Корректуру продержал я, и, надеюсь, вы будете довольны. Я буду Вам очень обязан, если Вы меня уведомите, во что Вы цените Ваш печатный лист. В пьесе Вашей 2 л. и 12 стр.

Считаю лишним прибавлять, что на все Ваши условия я согласен, и только прошу Вас поддержать наше начинающее издание. [77] Я был бы очень счастлив, еслиб новый год мог начать одним из Ваших произведений. В письме Вашем к брату Вы даете нам на это некоторую надежду.

Прошу Вас еще раз принять от меня искреннюю благодарность и вместе уверение в моем глубоком уважении к Вам, с каким честь имею пребыть Вашим покорным слугою

М. Достоевский.

P. S. Деньги отправляю к Вам нынче же по тяжелой почте. Сентябрьская книга «Времени» выйдет в начале двадцатых чисел.

14 Сентября 1861. Спб.

2

9 Ноября 1861. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Прошу у Вас тысячу извинений за то, что разные обстоятельства заставили меня задержать ваши деньги. Такой уж видно год несчастный, (а для меня он и, действительно, был несчастным), что все купцы сидят теперь с одними векселями, под которые почти невозможно достать деньги. Если Вы прибавите к тому, что несмотря на удовлетворительную подписку, я все-таки издаю в этот год журнал [78] с некоторым убытком, то простите мне эту неаккуратность, тем более, что в конце года и у старых редакций не всегда бывают деньги.

В течение этой недели, начиная от нынешнего дня, я должен получить деньги и могу Вам обещать почти наверно, что вышлю Вам долг [79] мой. Мне, право, так совестно перед Вами. Уверяю Вас честным словом, что все это время мы с братом только и думали о том, как бы поскорее отправить к Вам деньги. Он Вам усердно кланяется, а я прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении к Вам

М. Достоевский.

3

14 Ноября 1861. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылаю Вам долг мой — триста руб. Но чувствуя себя все еще в долгу перед Вами, тем бо-

лее, что заставил Вас ждать эти деньги, я прошу у Вас позволения недели через три-четыре, когда поболее разбогатею, выслать Вам еще сто рублей. Нам с братом все кажется, что мы Вас обидели, назначив такую несоразмерную плату с достоинством Вашего превосходного произведения. Мы извиняем себя только недостатком средств, сопряженным с первым годом издания. В будущем году, судя по началу подписки, мы надеемся иметь возможность лучше оценивать такие произведения, как Ваше.

Вы премного обязали бы меня, еслиб уведомили, могу ли я надеяться на Вас относительно январьской книги. Как бы это было хорошо, и как бы я был счастлив, еслиб мы могли начать второй год нашего издания с Вашим именем. В одном из писем Ваших Вы сами дали нам эту надежду, и потому извините, если мы за нее так крепко держимся.

Извините меня также еще раз за задержку денег и примите уверение в совершенном почитании

Вашего покорного слуги

М. Достоевский.

4

27 Февраля, 1862. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Позвольте Вам вручить оставшиеся за мною сто рублей. Несколько раз сбирался я передать их Вам лично в бытность Вашу в Петербурге и все как-то не удавалось. То выходило

некстати, то не заставал Вас дома. В день самого отъезда Вашего, когда Вы только отправились на железн. дорогу, я был у Михаила Николаевича, который передал мне оттиск Вашего «Минина». Очень Вам благодарен за память. Мы с братом предположили высказать о нем да и о всей Вашей деятельности свое посильное мнение к осени.

А между тем у меня до Вас большая просьба. Вы обещали нам следующее Ваше произведение. В марте, когда еще не совсем остыла подписка, самое время его напечатать. В апреле будет уже поздно и тогда придется отложить печатание до осени. Конечно, это расчет *редакторский*, но что же делать?

Вот почему я убедительно прошу Вас уведомить меня, могу ли я рассчитывать на Вашу вещь для мартовского номера. Нынче вышел февральский. Еслиб Вы помогли мне, я был бы Вам премного обязан.

Брат Вам кланяется. Мы оба с ним все это время хворали. Такая уж видно зима для нас вышла.

Примите уверение в самом искреннем почитании

Вашего покорного слуги

М. Достоевский.

5

17 Октября 1862. Спб.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Письмо Ваше застало меня во время совершенного безденежья. Мне следовало бы сей-

час же отвечать Вам, но так как я каждый день (буквально) ждал денег, то не хотелось мне посылать Вам письмо безденежное. Теперь я получил положительное известие, что деньги на-днях придут и пишу к Вам, не дожидаясь их, из боязни, чтоб Вы не перетолковали моего молчания в дурную сторону. На-днях, т. е. в течении одной недели я вышлю Вам деньги.

Убедительнейше прошу Вас, не взыщите, если я не сейчас исполнил Ваше желание. В декабре или январе я — Ваш покорнейший слуга и по первому требованию Вашему выслал бы сколько бы сами назначили. Теперь же при всем моем желании не мог этого сделать немедленно.

Считаю лишним упоминать с каким нетерпением и брат и я, мы ждем Вашего нового произведения. [80]

Примите уверение в искреннейшем уважении и преданности

Вашего покорного слуги

М. Достоевский.

6

25 Октября 1862. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Еще раз прошу у Вас извинения в том, что не мог немедленно исполнить Вашего желания. Посылаю Вам 300 р., о которых Вы мне писали.

В надежде скоро видеться с Вами лично в Петербурге, я прошу Вас принять уверение

в искреннем почитании и таковой же преданности

всегда готового к услугам

М. Достоевский.

P. S. Брат мой Вам очень кланяется.

7

Спб. 28 Декабря 1862.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылаю Вам по условию двести рублей серебром. Драма [81] Ваша уже в наборе, и к Вашему приезду, я надеюсь, корректуры будут уже готовы...

М. Достоевский.

8

Спб. 21 Февраля 1864.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Я поручил брату моему, который недели четыре прожил в Москве и теперь только-что воротился оттуда, побывать у Вас и просить Вас о сотрудничестве в моем новом журнале. [82] К сожалению, он два раза был у Вас и не заставал Вас дома. Вследствие этого я обращаюсь к Вам письменно с тою просьбой, которую ему не удалось передать Вам лично. Не откажите мне, в помощи и содействии, Александр Николаевич. Я был бы очень счастлив, еслиб Вы позволили мне рассчитывать на Вас в не очень отдаленном времени.

Примите уверение в уважении и преданности.

Вашего покорного слуги.

М. Достоевский.

Достоевский, Федор Михайлович

1

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

После многих колебаний, постигших нас по смерти брата, журнал наш «Эпоха» поднялся опять и в *издательском* (т. е. экономическом) отношении стал твердо. Право-же на издание утверждено семейству правительством. Все прежние сотрудники остались. Направление и все прежнее. Но теперь, *более чем когда-нибудь*, нам необходима помощь Ваша. Я надеюсь, что Вы не откажете поддержать «Эпоху». Обращаюсь к Вам с просьбою, если возможно, дать нам что-нибудь Вашего в этом году. Теперь именно нужно, чтоб Общество знало, что такие сотрудники, как Вы, не оставили журнала и, помещая в нем свое, интересуются его существованием. Зная Вас, я Вам приписываю (и беру это на себя), что Вы не захотите падения «Эпохи», которая и без того, по многим, очень тяжелым обстоятельствам не могла еще до сих пор основаться как-бы надо. Подписчики впрочем все те же (4000), но вспомните, что 1-е объявление было выдано в фе-

врале, а книга (янв. и февр.) вышла только 20 Марта.

Твердо надеюсь на помощь Вашу. Я работаю в журнале попрежнему и взял на себя всю хозяйственную часть. Редактор А. У. Порецкий писал когда-то у нас Внутреннее Обозрение; это ответственный редактор. Надеюсь на Вас.

Примите уверение в глубоком моем уважении.

Вам преданный
Федор Достоевский.

24 Авг. 64.

2

Многоуважаемый
Александр Николаевич

Крайне благодарен Вам за Ваше обещание. Еслиб только хоть к Декабрю поспела Ваша вещь и то было бы превосходно. Оно, правда, теперь (т. е. не в Декабре, а теперь) у нас время самое горячее. Нам именно хотелось бы поскорей заявить перед обществом, что прежние, главнейшие наши сотрудники со смертию брата нас не оставили.

Я вовсе не забыл тогда сказать брату, что Вы еще не получали журнал. Он тотчас-же, при мне же сделал распоряжение Вам высылать— и опять не исполнили. Конторщик у нас давно уже не тот, еще брат его прогнал за неисправность. Теперь все будет аккуратнее. — хочется сделать что-нибудь хорошее из журнала, вдруг нельзя, но к концу года надеюсь будет не худо.

Извините что не тотчас Вам отвечаю. (Книги тотчас послал) Сидел день и ночь над работой и имел два припадка падучей... Еще раз благодарю очень.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас *Ф. Достоевский.*

19 Сентября 1864.

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Извините, что еще раз решаюсь Вас беспокоить. Теперь для нас самое экстренное и роковое время: Январскую книгу надо составить хорошо, *приметно*, а у меня ничего еще для нее не имеется. Крепко надеюсь на Ваши слова, что в будущем году Вы поместите у нас Вашу большую вещь. Но Вы писали еще, что у Вас была начата еще одна вещь и что она поспеет в Декабре, а *может и ранее* — и тоже нам ее обещали. Поддержите журнал, Александр Николаевич! Если мне помогут, я за будущий год отвечаю. И теперь уже на Эпоху стали более обращать внимание, чем прежде. Сужу по отзывам, а главное, по начавшейся подписке. — В страшно затруднительном мы положении еще в том отношении, что спешим выйти в сроки, а от этого действительно очень страдает отдел Критики и публицистики, — а это очень важная вещь в журнале. А у нас в России журналы еще не *должны* обращаться в сборники. Но к весне, когда совершенно выйдем в сроки, мы надеемся крепко стать на ноги. Вообще говоря.

на будущий год мы надеемся. Помогите же если можно и не сердитесь, что я Вам надоедаю. Иначе, январский № выйдет совершенно ординарный, а это плохо.

До свидания, многоуважаемый Александр Николаевич. Жду Вашего ответа, как спасения.

Искренно преданный и глубоко уважающий Вас

Ф. Достоевский.

9 Декабря/64.

4

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Боюсь ужасно раздражить Вас моим надоеданием, и крайне досадую на обстоятельства, принуждающие меня еще раз писать Вам о том же. Недели три тому назад я послал Вам просьбу: Дать нам что-нибудь Ваше на Январь. Требуется выйти с чем-нибудь капитальным. а у меня на Январь еще ничего нет. А пора уже начинать печатать. Журнал идет *хорошо* тут-то бы Ваша вещь повершила-бы дело. Умоляю Вас: рассейте мое беспокойство, пришлите мне два слова — *да* или *нет*, чтобы только знать.

Боюсь не рассердились ли Вы на меня за что-нибудь, на мою назойливость, например. — Боюсь тоже не потерялось ли мое письмо к Вам (что с одним письмом моим еще на днях случилось). Во всяком случае я помню Ваше уверение в добром к нам расположении и верю

в него, а потому и надеюсь, что Вы взглянете на это письмо снисходительно.

С истинным уважением Ваш весь

Ф. Достоевский.

30 Декабря 64. Петербург.

P. S. Если даже и к 15 Января Вы-бы могли мне что-нибудь выслать, то и тогда поспело бы.

Мы в таком исключительном положении с нашим журналом и в литературе и в публике, что надо в высшей степени заботиться поддержать себя.

5

Старая-Русса, 2 Марта/75.

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Александра Павловна Орлова, жительница Старой-Руссы и желающая получить здесь, при летнем сезонном театре, место агента со стороны Общества Драматических Писателей, просила меня, как живущего в Старой-Руссе и уже три лета приезжающего на здешние воды, засвидетельствовать о ее способностях к искомой ею должности и о ее характере. Сим с удовольствием свидетельствую о моем глубочайшем уважении к личности и характеру Александры Павловны, которую имею честь знать уже три года. Здешний же летний театр ей особенно известен, так как сама она, артистка в душе, и нуждаясь в средствах к жизни, неоднократно и удачно исполняла на нем роли, но безо всякого контракта с антрепренером и к составу труппы не принадлежа. К сему прибавлю, что Алексан-

дра Павловна женщина уже известных лет, живет одиноко и независимо и бесспорно пользуется глубочайшим уважением всего Старо-Русского Общества.

При сем прошу принять уверение в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

Покорный слуга Ваш

Ф. Достоевский.

Дриянский, Егор Эдуардович

1

3 Марта. Раненбург. [1850]

В надежде, что не посетуете на меня за докуку решился бомбардировать Вас этим посланием уважаемый Александр Николаевич. — Знакомство с вами наделило меня множеством добрых воспоминаний и я бы, пожалуй, писал к вам и чаще, еслиб не боялся надоесть. Теперь дело вот в чем:

Во-первых, прошу не отказать во вниманни вручителю сей эпистолы — Александру Дмитриевичу Мирьякову: он же и дворянин и помещик и Адвокат и Актер и сверх того человек выучивший наизуст «Свои люди» поелику видит в них много толка. Коли угодно познакомиться с ним — дайте гитару в руки и заставьте говорить по жидовски: тут — и ложись умирай. Во 2-х, в прошлом Августе я послал к М. П. Погодину «Квартет» и просил его поместить в прошлогодние м-цы; теперь получил от него

письмо, из которого видно, что: «до сих пор не могут выручить повести из Цензуры». * «Соблазняет-де первая сцена из офицерского быта». Я отвечал, что, в случае нужды можно из 3-й главы выбросить линий соблазн, оставя в ней одну только необходимую связь с предыдущими. сверх того «Квартет» писал весьма осторожно и не думаю, чтоб после «Коляски» Гоголя и Вельтмановской «Офицерской пирушки» (Офицер. Пирушка) где все так резко и безвыходно— можно было к чему-либо придраться: в «Квартете» ясно просвечивает идея автора отнюдь не противная Цензур. Уставу. Досадно, чорт возьми! Прошу и молю Вас выведите меня из неизвестности, неоткажите уведомить, на которой точке замерзания повис Квартет и чего ждать впереди: сомнение и неизвестность меня *обуревают* и вяжут руки... Я просил Михаила Петровича выручить его из цензуры или уничтожить — чорт с ним и со всею литературой — лучше порскать. В случае пропустят и не больно окарнают, просил поместить в Апрель или Майскую Книги; будьте моим ходатаем и в этом деле и тем довершите уверенность в добром вашем ко мне расположении поелику в надежде на него остаюсь к Вам с истинною преданностию

Е. Дрианский.

P. S. Поздравляю Вас с новым успехом. — Достойному — достойное. С удовольствием читал 15 № Москов. Ведомостей и от души порадо-

* «Квартет», повесть в 2 частях, появилась в печати только в 1858 г. в журнале «Библиотека для чтения» (т. CLI, №№ 9 и 10).

вался. Нетерпеливо жду прочесть ваше новое дело. Сергею Николаевичу низко кланяюсь. Ах, кабы бог привел скорей свидеться! Извините, спешу. —

2

Раненбург [1850] Апр. 7-го

Благо — решился один раз, так теперь пошел писать и досаждать вам, почтенный Александр Николаевич! Теперь только держитесь, и, хоть браните, а все-таки читайте вторично мое послание. —

В прошлом письме, чрез Г. Мирьякова, (втсрично уже переданном вам Г. Повалишиным,) я убедительно просил Вас потрудиться известить меня о положении моей рукописи, десять м-цев назад тому отосланной для напечатания в прошлогоднем Москвитянине, на что спервa получил было согласие Мих. Петровича [Погодина]; но, в прошлом Генваре он известил меня, что рукопись о сю пору не выдает ему цензура по случаю оказавшихся в 3-й главе противузаконий — и вместе с тем о том, что он возьмет ее и убедит Цензора в ничтожестве его подозрений.

Решаюсь вторично и убедительно просить Вас: бога ради заберите справки о положении дела и не откажите обязать меня уведомлением. Неизвестность всего досадительнее, а писать еще к М. П. [Погодину] не решусь ни за какие пряники. В редакции не имею знакомых и полагаю единственную надежду лишь на Вас.

Бога ради, не оставьте в туне просьбы вам истинно преданного и готового на всякую послугу.

Е. Дриянский.

P. S. Что же для меня всего страннее, рукопись запрещена, а редакция всякий раз публикует о ней в Москв. Ведомостях? — Заглазное дело никуда негодится! Мой адрес:

Егору Эдуардовичу Дриянскому *в г. Раненбург*, Рязанск. губ.

3

[1850]

Ждал, ждал я Вас, любезнейший Александр Николаевич, в наш *обетованный*, да, вот уж и Фомина прошла. Видно быть тому так!

Прескверная дорога. Я доплыл только на 3-й день праздника к месту. Станции делал верст по 11-ти, просто была мука: ночевал в болоте! В половину только исполнил Ваше поручение потому, что посланный от меня не застал только нескольк. часами Григоровича: он ускакал в Москву; следоват. Ваше письмо к нему о сю пору не распечатано. Шут его знает, зачем ускакал так рано; сама мать не умеет объяснить его цели и намерения: по словам, он должен быть теперь в Петербурге, куда она должна адресовать письма, не знаю, был ли он у вас проездом?

Не умею сказать, что делаю сам все время. За работу не принимался еще. Страшно. При том же, правду сказать, у меня трудные роды. Все еще думаю. Авось, выносится; к зиме что-ни-

будь да вылупится. Прочел Москвитянина от доски до доски: пропасть ошибок. Не знаю, чем занимаются ваши корректоры! Коли пойдет в смеси *Охота* на июль пришлю вам *Регалию;* между дела успею. Всего бы лучше было увидать вас в Кашире: то-то бы обрадовался! Раз десять читал Каширянам *Свои люди:* есть человечка два смыслящих дело — прочее все — такая шваль. что боже упаси Да благословит Св. Аввакум доброе начало. Судя по перемене дирекции мнений, к будущ. году отсюда явятся четыре подписчика на Москвитянин. Пересылка идет медленно; сегодня 13-е, вчера вернулся посланный, а майской книги нет еще. Сергею Николаевичу и Колошину передайте мой низкий поклон. Поручаю себя вашему доброму расположению и благодарю за добрые впечатления, поселенные во мне приятным знакомством нашим. Давай бог нам лад да склад а Москвитянину ходкий путь и простор. Будьте уверены в истине моего полного уважения и преданности, с каковым останусь навсегда готовый к услугам

Е. Дриянский.

Михаилу Петровичу прошу засвидетельствовать мое почтение.

Маия 13
С. Воронцово.

4

[1850]

Посылаю вам, любезнейший Александр Николаевич, статейку в Смесь. Душевно рад, что удалось выполнить обещание: не знаю, хорошо ли. От вас зависит оценка; мое дело было сде-

лать — как сумелось. Правду сказать, я было начал ее сперва без основной идеи, а так, просто — с плеча! но вникнувши после в дело, когда оно пошло ровнее, нахожу, что этот отдел есть неисчерпаемый родник для пера, а потому, быть может ни к селу, ни к городу окрестил ее *Мелкотравчатыми* * и расположил так, что впоследствии можно будет разбить их как душеньке угодно: что нужно, выбросьте, не жалейте; ведь статья даровая!

Бога ради, не поленитесь перебросить в мою тихую келью строчки две-три и выразите ваше мнение, а также и то, чему держаться и что кинуть, если в Смеси пойдет *Охота?* Она таки было хорошо нашлась у вас. 2-го майя книжку *Москв.* я получил, но в ней уже нет этого отдела: неужели вы его бросили? Это все бы нужно мне знать.

Я почти не принимался за дело; ждал вас нетерпеливо — но, видно, по-пустому: подозреваю, что вы там порядком покучиваете. А очень бы не дурно было встретить вас тут и посоветоваться: один в поле не воин! все как-то не верится себе.

Если поступят в печ. *Мелкотравчатые,* то сделайте милость, отделите мне экземпляр. пяток (всего-то выйдет лист. 10, я думаю); пошлю их в Раненбург. Да не забудьте выполнить обещание Ваше и на[щ]ет экз. *Одарки.* **

* «Мелкотравчатые». Очерк из охотничьей жизни. Напечатан в «Москвитянине» 1851, ч. I, № 1.

** «Одарка Квочка». Повесть Дриянского в «Москвитянине» 1850, ч. V, №№ 17 и 18.

Прошу передать мой низкий поклон Автору Лихача, Садовскому и Сергею Николаевичу. Очень, очень обрадовали бы меня своим письмом, а еще *очеппее* известием о том, что гласят *Свои люди*. Неужто Вы о сю пору не — Сочлись и не свели концов с глупыми и мелочными притязаниями?!. Я думаю, что Михайло Петрович уже давно в Лондоне. Да будет с вами мир и вечная благодать. Прощайте. Спешу, благо, есть [а]казия.

Вас душевно уважающий

Е. Дриянский.

P. S. При печатании статьи, делайте от редактора выноски по табличке, приложенной в конце Охотнич. терминов.

5

[1856]

И не думали, конечно, что я разражусь к вам этим посланием, любезный Александр Николаевич, а между тем, вот что побудило настрочить его. Вчера, сидя в своем шелудивом №, за стаканом кофе, начал читать город[ской] листок № 97-й.* Признаюсь и поразила и возмутила меня эта наглая и придирчивая сплетня: видно, что *друзья*, пользуясь вашим отсутствием, вздумали насолить. Вырезываю нарочно фельетон и отправляюсь к Агафье Ивановне, чтобы послать его к Вам; из него ясно увидите, до какой дерзости доплыло возведение Литературного Мифа, этот, какой-то

* См. примечание 171.

Г. Горев (сочинитель вишь *комедий?!* подвизающийся на театральн. поприще) я полагаю, не что иное, как невинное орудие щелкунов и завистников ваших. Но, нелепица и брань, доведенная от устных толков до печатного вызова, по-моему не должна уже быть обходима молчанием. Вчитайтесь и увидите ясно, как ядовита и вместе бессмысленна основа всей этой болтовни. Вы, конечно, лучше знаете, как поступить с этим делом, но, на мой сгад — следовало бы пугнуть этих *Г. Г. Правдовых.* * Этак, пожалуй, у нас ни один дельный литератор не обойдется без двойника и, с легкой руки, начав с Вас, Правдовы станут родить их десятками. Впрочем, как знаете. Скажу только одно, что меня это возмутило.

Каково живется вам? а у нас в Москве пыль и скука. Краевский уехал 25 Апр[еля] почти ничем не кончив со мной; обещал, однакож, начать печат. *Кв[артет]* с Июльской книги, если не заупрямится Цензура. Хочу лето прожить на даче. За *Комед[ию]* ** жду 300 р.

Вам преданный
Е. Дриянский.

P. S. Гурию Никол. мой поклон. Агафья Ивановна приказала написать к вам, что она здорова и сказать больше нечего.

3 Мая.

* Псевдоним автора «Литературной заметки» в № 97 «Ведомостей Моск. Городской Полиции», обвинявшего автора «Банкрута» в плагиате.

** «Комедия в комедии». Комедия в 3 д. Дриянского. («Москвитянин» 1855, т. II, № 6).

6

Воскресение
5 Мая 1857.

Вчера я был у Агафьи Ивановны: она возится с цыпленком — а тот кричит на весь дом, Николка вертится тут же подле короба с новорожденным, а сапоги на нем — настоящий Китаец! и вдобавок голое гузко. Агафья Ивановна кланяется вам; писать не будет: она здорова и все вокруг благополучно.

Прочел ваше письмо от 29-го и порадовался; за Квартет, добрейший Александр Николаевич, вам — с п а с и б о! крепкое и всегдашнее. Дай-то бог, чтобы чрез ваши руки проклятое дело это отошло от моих рук. Надоело. Вспомнить страшно.

Эдельсон еще не вернулся. Его, бают, какой-то Бар. Корф усадил за какое-то дело. Модестов на днях вернулся из Питера: он был в театре при первом выходе Прова Мих. в Люб. Торцове — минут 10 простоял при появлении, а в сцене с братом фурор в публике дошел до исступления и неистовства. Во время всей пьесы «bis» повторялось раза три. Вслед за тем он играл в Женитьбе. Самойлову, говорят, приходит плохо. В Петерб. Ведом. писали коротко, обещая подробный разбор всего репертуара.

Проводивши вас, мы почти все дни путались; закончили Сокольниками 1 мая. Григорьеву отпуска еще нет. С Потехиным вышла оказия: Беринг увидал его в театре — выписал к себе

и приказал сбрить бороду. Накануне поездки к Берингу он был у меня с Железновым и — бедняжка — переконфуженный во-всю. Третьего дня уехал в Кишешму все-таки в бороде.

Крылов вносит свой пай в Москвитяшки, с целью оппозиции против Каткова и К°. В сентябре объявят: *Григорь[ев]* заведывать будет Славян. отд. Гурию Николаевичу мой поклон. Пишите о себе чаще, а на случай, что понадобится, поручайте, Все будет сделано. Мой адрес: на Патриарших прудах д. Васильевой.

Ваш весь

Е. Дриянский.

7

[1857]

Слыхнулось мне, любезнейший Александр Николаевич, что Вы пробудете в Пб-ге еще дней десять, а потому и строчу это послание, желая тем напомнить о себе, и надеюсь, что вы не откажете привести мое дело с Квартетом «к окончанию». Извините, пожалуйста, что я вам этим докучаю. Также не забудьте захватить и Патериковскую рукопись.

У вас я не был за недосугом и Аг[афьи] Иван[овны] не видел. Без вас же с бедным И. Ф. Шестаковым подеялась неприятная штука: его потянули к допросу за последнее малеванье, но, что всего хуже так это то, что украли у него фрак, штаны, жилет и галстук и тем лишили всей представительности для будущей аудиенции с Закревским. Бедняк, где коротко, там и рвется.

Прощайте, будьте здоровы: жду вас с нетерпением ваш

Е. Дриянский.

27 Мая.

8

[1857 май]

Уважаемый Александр Николаевич,

Нечаянным манером я очутился на пути к Серпухову, где пробуду два дня; а потому не в состоянии исполнить моего обещания и проводить вас завтра до станции железной дороги, как думал это сделать даже сегодня утром.

Надеюсь, что вы не откажете устроить мое дело с Квартетом в Пб-ге так, как бы он был ваше собственное дело. Если же Редакторы признают его и теперь вещью негодною, то бога ради привезите его с собой: лучше умереть с голоду, чем преклонить выю перед людьми, у которых корысть заглушает правду.

Поезжайте с богом, счастливый путь. Не забудьте вам преданного

Е. Дриянского.

P. S. Заехал к Александру Ивановичу и выпросил нарочного — не доверяя городской почте.

Алек. Иван. вам кланяется.

9

15 Июня. [1857]

Давно собираюсь писать к вам, любезнейший Александр Николаевич, да не знал верного адреса; теперь, кстати, Аг[афья] Ив[ановна]

едет в Углич и это дает возможность — повести с вами беседу пообъемистее. Новостей у нас было довольно, но, не обо всех стоит говорить; главное, что в особенности может вас интересовать — это необыкновенный успех Садовского в Пб-ге. Об этом вы верно уже слышали и от Евг. Никол., который поехал Волгой в Казань и в Костроме намеревал пробыть с вами дня два. Пров Мих. вернулся накануне Семика; увиделись мы с ним в Марьиной роще. Говорил много обо всем и между прочим очень рельефно выражался о проделках некоторых адептов Пе-т[ербургских] театров и литератур. мирка. О скверностях Петерб. фельетона трудно говорить без длиннот и желчи; нельзя однакож не поздравить вас с новым даром — брать целиком лица и содержание для своих пьес из репертуара, напр., хоть бы — театра С.-Мартенских Ворот, (зри фельетоны П-х Вдтей) * Теперь, прощай Горев! Да и к чему подобные сотрудники ловкому автору, имеющему у себя под рукой книжицу в роде: La Boulangère à des [? и т. п., прочел и — Большовы, Бородкины, Торцовы, Рисположенские посыплются, как горох; а такой талант, как теперь только достойно оцененный Пб. фельетонистами и даже понятый г. Гречем, г. Садовский — что хотите сделает и русским и понятным на сцене, как бы оно ни было бездарно, слабо и темно в книге. Нет, воля ваша, а я той веры, что между скверными людьми в мире сквернейшие суть — фельетонисты.

* «Петербургских Ведомостей».

Григорьев еще в Москве, хотя отпуск получил давно. Теперь он мычется страшно — вот по какому случаю: в одно прекрасное утро Погодин вызвал его к себе и передал ему Москвитянин, с правом полного и безотчетного распоряжения журналь[ной] частью и с буд[ущего] года Григорьев остается единственным его редактором без участия Погодина, кот[орый] обязан доставлять лишь капитал на издание и плату за статьи; 8-го послана уже бумага в министерство. Программа написана ловко. Я к вам ее, пожалуй, пришлю. Co to bentze?!

Теперь скажу Вам о своей болячке. Железнов ездил в Пб-г, ознакомился там со всем людом и, между прочим, виделся с Панаевым. Заговорили о Кварτете. Панаев вытащил его из стола и держал такую речь: «Не знаю, с чего выдумали присылать ко мне такие вещи, кот[орые] я никак не решусь допустить на страницы моего журнала. Язык — варварский; слог невыносимый; содержания никакого. Поверя письму Островского, я прочел печатное, выбросил несколько страниц, напечатал из них 2 листа и теперь остаюсь в убытке. Скажите, вы знакомы с автором? Сколько ему лет?»

Саввушка мой держал, в свою очередь, приличную речь. «Жаль. Ну, так если вы знакомы с г. Дриянским, передайте, пожалуйста, ему, что я очень уважаю его прежние статьи и скажите, что он успел уже заискать себе некоторую известность, но Кварт[ет] пусть уничтожит; он этим повредит себе. Это видно, что вещь давно лежалая и ему хочется получить за нее деньги. Ну, будь тут листа 3—4... Я дочитал только до

полковника — дурак, каких нет на свете... ни одного характера. Офицеры эти путаются, как сумасшедшие... дальше я не читал — и печатать не могу: вещь сырая, грубая, невыдержанная. Посоветуйте пожалуйста автору, чтоб он ее уничтожил для спасения собственной репутации, а если есть у него какой-нибудь разсказец, повесть или что-нибудь в роде этого — «Лихого Соседа» вот, что вышел в Библиотеке, покороче, пусть присылает; я плачу 50 р. за лист и возьму с удовольствием и т. д.».

Воображаю каков бы был «Квартет», вышедши из рук Панаева. Железнов говорит, что он при чтении из глав до Непотачкина, на кот[орых], по счастью, остановился, назначил к исключению целые страницы. Пришлось бы публично отказываться от своего дела. Впрочем, чорт его знает, мож. быть Кв[артет] и в самом деле так гадко, как говорят, или на нем лежит, незримая нами, печать проклятия. Скверно!..

Прощайте. Благодарю еще раз за ваше доброе участие. В ваше благородство я верил и верую навсегда, что делать, если дело не клеится?.. Эх, гадко!

Семевский вам кланяется, он в восхищении от «Доход[ного] места». Служба ему не везет; теперь поступил в должность учителя Словесности при Павловском Кад[етском] Корпусе. Железнов тоже бьет вам челом. Пожалуйста, не ленитесь извещать нас о себе хоть изредка.

Истинно уважающий Вас

Е. Дриянский.

Гурию Николаевичу мой поклон.

10

[1857?]

Пожалуйста, доставьте посылаемый экземпляр П. М. Садовскому. Я бы отослал к нему с нарочным — да не знаю где живет. Завтра по вечере обещал быть у меня *А. А. Григорьев;* не будет ли милости вместе — почитаться, коли свободны? Сейчас получил черновой Квартет.

Вам преданный

Е. Дрияпский.

11

[1860?]

Уважаемый Александр Николаевич,

Простите бога ради, меня за докучиливость. Я к Вам с новой просьбой: сделайте милость одолжите мне еще 12, а если можно то и 15 руб. На второй или 3-й неделе поста я должен получить из Рязани 300 руб. сер. и в ту же минуту, как эти, так и прежние 8 р., привезу вам с благодарностью. Теперь же, просто — кричи Караул! Сделайте милость, помогите. Сам я не могу явиться от страшной зубной боли. На Масляницe надеюсь побывать у вас персонально, а теперь рассудил послать свою Личардиху. Будьте здоровы и благополучны.

Вам истинно преданный

Е. Дрияпский.

P. S. К Ковалевскому отослал; благодарю вас крепко за последнюю редакцию письма — вышло щегольское. Что-то будет?

12

Что скажу я Вам, уважаемый Александр Николаевич, относительно общего нашего дела, о котором расположился было вчера ехать к вам и столковаться окончательно, когда именно нам тронуться в путь — чего так жажду и желаю...

Ко вчерашнему дню я привел было дела свои в такой строй, что уже вполне надеялся доброго всему конца — ан нет. Новая закорючка. Просто ноет душа и озлобляется сердце, — от этих поганейших и нежданных толчков жизнь становится, наконец, до того постылою, что, право, не знаешь, как с нею быть...

Знаете, я не фаталист и верю: что все несообразности и неудачи зависят исключительно от нашего неумения орудувать делом, от непрактичности, нерасчетливости и т. под. причин, но о себе имею право сказать, что я именно та исключительная личность, для которой придуманы нарочно исключительные препоны во всем. Напр., я твердо уверен, что если мне предстоит завтра перейтти улицу для того, чтобы получить что либо желанное, даже должное в смысле интереса и т. д., непременно посреди улицы окажется либо загородка, либо канава непроходимая, одним словом то, что скажет — ступай назад! Другим можно, тебе нет!

Чорт знает, что такое!.. Завтра быть у вас не могу. В понедельник приеду пораньше. Так ли, сяк ли, бог меня убей, становится совестно за самого себя.

И кружится голова и тоска разъедает душу.
До свиданья в понедельник

Вам преданный

Е. Дриянский.

Суббота
13 Апр. [1860].

13

Уважаемый Александр Николаевич.

Бывши у Вас в понедельник, я слышал от Агафьи Ивановны, что Иван Федорович собирается дать вечер в Купеческом, и что не безвредно было бы для него пригласить Ляхова с бандурой, а то, пожалуй, и Васильева с Мертеном — о чем я озаботился уже им передать; оба первые изъявили на то живейшую готовность. Если, действительно, это потребуется Ивану Федоровичу, пусть напишет ко мне, или же, если будет так добр, то завернет завтра лично на чашку чая в мою скудную конуру: оба (Ляхов и Васильев) будут у меня со скрипкой и гитарой, и если будет свободен Паж и Отнер, то состовится даже квартет. Послушать, есть что... Не будете ли и вы добры и свободны на проведку истинно преданного Вам

Е. Дриянского.

Дом Померанцева и квартир[illegible] мою укажет лавочник близь церкви Ивана Предтечи.

22 Апредя [1862]

14

[1864]

Уважаемый Александр Николаевич.

Вы часто бываете у А. Н. Андреева, где, конечно, встречаете и А. Н. Рамазанова: не забудьте, пожалуйста, передать ему, что я жду с нетерпением его статью о рисунках Боклевского: продажа идет до того плохо, что вчуже берет жалость за него. Хорошая рекомендация в таком случае вещь важная; он же обещал замолвить о них еще на 2-й неделе поста.

Все собираюсь к Вам, да никак не угожу. Дела оказывается столько, что никак не выберешь свободного дня. Из магазина Базунова извещают меня, что Катков зачем-то доискивается моего адреса, и Писемский тоже справлялся у них об этом. В случае спросят Вас скажите, что я живу на Средней Пресне в д. *Померанцева* № 11-й, в переулке, против ц. Иоанна Предтечи.

На праздник буду у вас, а на этих последних неделях хочется посидеть по пристальнее за делом.

Ляхов просто пузом хочет чтоб вы побывали у него в концерте, я дал ему Ваш адрес.

Да будет над вами благодать божия.

Вам преданный

Е. Дриянский.

Агафье Ивановне и всем домочадцам вашим мой поклон.

15

[1867]

Командирую к вам и г. Форста и Туза. * С первым, надеюсь, вы уладитесь в раз; если удосужитесь прочесть второго, не откажите составить от себя коротенькую рецензию; авось, она хоть немного двинет мое грешное дело. Просто тоска меня с ним одолевает.

Вам преданный

Е. Дриянский.

16

[1867]

Батюшка, Александр Николаевич. Вчера у меня совсем из памяти вон, попросить Вас — при случае осведомиться у кого подобает: на много ли я могу рассчитывать экземпляров «Туза» для отсылки в Пбг (на чистые, конечно, деньги, а не на комиссию). Вы, наверное, будете видеться с Кожанчиковым и с Сергеем Васильевичем, которому прошу передать мой задушевный поклон; им обоим это дело знакомисто; можно будет на деньги дать и до 25%. Сверх того, может быть, Вам случится поговорить об этом и еще с кем-нибудь; а мне, правду сказать, знать об этом — куда бы не мешало. В Москве, я знаю, что экз. 200 разойдутся в раз.

Всем этим Вы много одолжите истинно преданного вам

Е. Дриянского

В Марте.

* «Туз. Жизнеописание Антона Антоновича». Роман Е. Дриянского. Два тома. М. 1867.

17

После убийственного передвижения на пароходе и в вагоне я прибыл в Москву только в понедельник утром, полубольной, и не заехал к вам, как располагал, потому, что извощик протащил меня через устинский мост. Три дня вослед затем пролежал безвыходно дома с распухшей ногой и на четвертый очутился уже в Клинском уезде, откуда вернулся только 8-го и 9-го был у вас. Вот почему и замедлил этим известием, которого, верно, давно от меня ждете. Дома у вас все благополучно, дети здоровы, бабушка тоже; Миша [?] страшный и как говорит бабушка, скучает по брате; Маша будет красавица вполне; она сделалась, как говорят, очень резва и развязна; пошла прямо ко мне на руки и попрыгала достаточно; прежде, говорят, на такой подвиг вызвать ее было трудно. Дом ваш еще далек от окончательной отделки; бабушка очень недовольна действиями подрядчика; печи кончены; верх при мне оклеивали обоями, но оклейку нижних комнат оставят до вашего приезда; крыльцо переделано, но еще только загрунтовано; двери собираются красить; внутреннюю лестницу на верх устроили из бывшей кухни, что, по-моему, кажется очень удобно. Кухонная печь и плита с котлом устроены наверху от этого две передние комнаты внизу стали просторнее и чище; полагаю, что несмотря на отступление от вашего начального плана, взглянувши на все, вы останетесь довольны.

Вот все, что смогу на этот раз передать вам, уважаемый Александр Николаевич. Вчера заезжал в Контр. Палату, чтоб свидеться с Петром Николаевичем, но он недели полторы как не ходит: не знаю причины, верно *дачничает*. В Москве со дня моего приезда стоит духота невыносимая и пыль столбом или лучше сказать — город скрылся в пыльном облаке. Так поэтичнее. Обапольные дачники тоже першат. Слава богу, покончил с чужими делами; теперь примусь тверже за свои, так, чтоб к 1-му сентября поочиститься совсем. Как-то вы удите? Тут ни у кого не клюет. Вчера виделся с яростным рыболовом Багриновским — тоже не хвалится. Иван Егорович уже в Самаре и заправляет театром в отсутствие Рассказова. Этот приезжал сюда на 3 дня для закупок.

Прошу передать мой поклон Марье Васильевне, а Саше при прощаньи Миша поручил тоже кланяться *блату* и мамаше с папой.

Будьте пуще всего здоровы и все будет ладно.

Вам истинно преданный *Е. Дриянский*.

10 Августа [1868] *

18

Добрый, глубокочтимый Александр Николаевич.

В понедельник я с утра выбрался из дома; с твердым намерением быть у Вас, поздравить с наступающим праздником и привести

* К 1867—68 гг. П. О. Морозов относит напечатанное им в «Вестнике Европы» 1916, X, стр. 71, еще одно письмо Дриянского, автографа которого нет в нашем архиве.

к одному знаменателю все, что так тяжело гложет меня относительно моего священного долга перед Вами, но, дьявольская кура и непогодь допустила меня только до моста и совершить мой поход пешком и без калош не было никакой возможности. Тоже повторялось и следующие за тем дни. Между тем, мне так необходимо в настоящее время видеть вас, порешить скорбное и пятнающее меня дело и, надеюсь, уйти от Вас с обновленной душой... Узнавши все, что творилось со мной в продолжение этих 5 месяцев, Вы по благородству своему, надеюсь простите меня от души и разлучитесь со всеми сомнениями, какие немудрено, и западали в Вас, при мысли обо мне. Обстоятельства мои вследствие всего, сложились теперь так, что я очутился на распутии трех дорог: прямо итти плохо, направо — плоше, налево — и того хуже; но все еще, благодаря бога, я остаюсь не без твердой надежды — притти в раз к благому концу и, наконец, перевести дух!

В воскресенье надеюсь верно быть у Вас, если же что отклонится, то рано утром 1 мая, чтоб застать Вас дома, хоть будут камни валиться на голову, прибуду непременно, потому что видеть, наконец, Вас, сделалось для меня необходимою и целебною потребностью.

Душевно желаю застать Вас совершенно здоровым. Марье Васильевне и всем вашим мой нижайший поклон.

Вам истинно и нелицемерно преданный

Е. Дриянский.

25 Августа [1869]

19

Дай бог вам здоровья, добрый, уважаемый Александр Николаевич, — за Ваше письмо. Вернувшись вчера домой, я прочел его, признаюсь, со всеми болями сердца и поспалось мне после этого очень-очень плохо; за то, проснувшись утром, я ринулся, как дикий кабан и вдобавок раненный, с Вашим письмом и с вопросом: «*прочтите, и скажите, что вы со мной делаете*»? По справке однако ж оказалось, что меня, вот уже десятый день мучите не понапрасну, а на законном основании. Деньги 4/т. р. *взысканы*, *отосланы*, но еще не *получены*. (Подробное значение этого дела, объясню при свидании.) Теперь мне остается спросить у вас еще дня на четыре и никак не больше, как на пять, снисхождений. В этот срок, а может быть даже раньше, надеюсь твердо, явиться к вам лично и поблагодарить вас от полноты сердца за все, за все...

Давай бог вам хоть половину того, чего желаете истинно преданный

Е. Дрянский.

26 Сент. [1869]
9 часов вечера.

20

[1870]

До двух раз принимался я выполнять ваше поручение мною чтимый Александр Николаевич и оба раза результат выходил прегрустный: вот уж девятые сутки, как бедный Перов

лежит без языка. Доктор запретил ему говорить. Вчера я поглядел только на него, махнул рукой и ушел. Едва ли бедняга выцапает.

В воскресенье и в среду собирался к вам, но не мог. Делоне усиленно просит меня еще съездить к Вам и, пожалуй, не собрался бы завтра или в воскресенье.

Ох, горе и горе мое великое со всей этой моей настоящей обстановкой, и не знаю, когда уж пособит бог вычапать из беды. Нынче да завтра — и нет конца...

Весь ваш *Е. Дриянский.*

P. S. Марье Васильевне и всем вашим мой поклон.

21

Дорогой Александр Николаевич.

Наконец, мне началось во сне видеться, что я с вами в Щелокове, * но отъезд мой был в полной зависимости от Доктора, и вот нынче он просидел со мной 2½ часа и подписал отпускную. Надо все-таки, у вас долечиваться, но средствами именно теми какие имеются в Щелокове, а отнюдь не в Москве. А пробыть с вами 25 дней без забот и волнений при полном удобстве это будет для меня другая доза лекарства...

Вот о чем попрошу вас, если это письмо попадет к вам в руки ранее воскресенья т. е. 11 июля, то не откажите выслать в понедельник к утр. поезду Михайлу, с лошадкой и чтоб

* правильно Щелыково.

положил в телегу сенца побольше, поелику Якова и других тросчников боюсь брать; они, пожалуй, так тряхнут своим усердием, что к вашему крыльцу подъедут развинченные косточки.

В надежде скоро свидеться и побеседовать по душе с вами, жду не дождусь Воскресенья.

Ваш весь *Е. Дриянский.*

Марье Васильевне — нижайший поклон, деток целую.

5 Июля. [1871].

22

Пишу к вам из Царицына, добрейший Александр Николаевич. После мучительного переезда в сквернейшем вагоне III класса подлейшей Нижегородской дороги и бессонной ночи, что все устроилось силою маленького злодеяния вашего Михаила, я очутился в Москве. Первым делом было свидание с Н. А. Дубровским. Если вы не получили уже, то наверное получите вместе с сим от него подробное донесение о его трехнедельных помыкушках и хлопотах по вашему поручению, которое на половину им исполнено.

Москва, как и водится, в понедельник дохнула на меня ослепляющей пылью и местами самым вонючим зловонием, в силу чего, исправивши наскоро дела, я в 5 часов сидел уже в прекрасном вагоне Курской дороги. В Москве, повидавшись с десятком персон, я не услышал ни от кого новости, достойной упоминания.

Одно, что легко было подметить — это совершенное равнодушие к существующей еще тут в слабом виде холере; так что у вас в Кинеш-ме и Щелокове толкуют и заботятся о ней не в пример *заботливее* и чаще. В Царицыне умер только один с признаками этой расканальской болести и то — человек *шлющий*, у которого за пропитием своего дома и последнего зипунишки остались для квартирования — улица да могила.

Тут, помимо декораторов, живет множество танцовщиц и другого люда имеющего весьма частые сношения с Конторою и — *властьми*, но о том, что нового предстоит для будущего сезона, все твердят в одно слово «ничего». На Большом откроется — Коньком, на Малом, неведомо чем. По декораторской части только и распоряжений, что велено Куканову переписать вновь обветшавшую шаховскую декорацию 2 акта из Руслана и Людмилы. Вот и все. Пельт на даче, Бегичев тоже. Мерелли, как гласит общий совет, стремится к тому, чтоб арендовать окончательно Боль[шой] Моск. театр и озабочен, вишь еще подбором французской труппы для Пбурга. Водворение его, несомненно, рассеет наших немощных певунов a la Лавров, Баженовский и a la-Дмитриев. В Кремлевском саду кучи песку и мусора: роют и строят; а квартиры дорожают неистово: за три ничтожных комнатки с кухней 18 руб. и меньше — ни гроша. Чорт знает, к чему это все поведет.

Теплые Щелоковские впечатления и привычки еще не испарились во мне. Чувствую,

что стал я не в меру прихотлив и привередлив... Вчера даже, чтоб утешить — добыли откуда то малины; да что толку: велика, красива и — кисла.

Давай бог вам хороший успех в ваших полевых работах. Тут тоже сушь порядочная.

Марье Васильевне мой низкий поклон, а равно благодарность за добрый привет и теплое внимание ко мне — страждущему. Вам также —за все, за все... Пискунов ваших поочередно цалую.

Вам преданный

Е. Дриянский.

Четверг,
Кажется, 13-е Августа [1871]

23

Ох, многое мне было нужно выслушать от вас, дорогой Александр Николаевич, так что и теперь, после долгого раздумья я едва решился высказаться.

Во 1-х, я вас хотел было просить — быть полновластным распорядителем всего, что после меня останется, но тут придлежали вопроса 2, которые надо было нам оговорить лично.

2 обстоятельство, никому более и откровеннее не могу выразить, как — вам. Это грозящая отовсюду при моей тяжкой болезни — чистая нищета. Имей я возможность двигаться и сделать для себя все, но теперь, когда мой добрый доктор не отпускает от кровати, я не могу сделать ничего. А между тем — нынче 1 р. 19 к.

в аптеку, завтра сумма еще тяжеле на более необходимую потребность и на все на это тащится из дома последний скарб... О, тяжело!..

Добрый Александр Николаевич не откажите немощному, если можете, напишите в фонд, * чтоб меня ссудили хоть маленькой суммой до приезда Крейтера из-за границы.

Ей богу уплачу все.

Ох, изнемог.

Ваш весь до мозга костей

Егор Дриянский.

3 Декабря [1872]

24

[1872].

Александр Николаевич — надежда моя, моя опора!

Вчера я удостоился исполнить важный долг, исповедался и причастился.

Теперь вас, мой благороднейший друг, мне неизбежно видеть и — скоро. Без вас, вашего совета и вашего великодушного согласия я не могу сделать прочного ничего.

Вы нужны. Не откажите в одном часе отрады страждующему.

В Клинике меня обманули, но в тот же день доктор мой вернулся из Пбга и посещает меня

* 4 дек. 1872 А. Н. Островский послал письмо брату, М. Н. Островскому, с просьбой подействовать на кого-либо из членов Литературного Фонда «Поспешить на помощь несчастному Дриянскому». Письмо А. Н. было доложено в 32-м заседании Комитета Лит. Фонда, Дриянскому было назначено пособие в 100 руб.

каждый день. Сулит и выздоровление. А я вот только б вас увидать и готов на все.

Напишите мой ангел, когда вас видеть.

Ваш весь *Е. Дриянский.*

24.

25

[1872]

Бесценный Александр Николаевич.

Кажется мне, что я доживаю последние последние свои дни. С этим обстоятельством я примирился давно, но вот в чем мука невыносимая — это неотвязная мысль о том, что я ухожу из жизни не тем, каким вошел в нее. Мысль, что я сверх чаяния и намерения оставлю на памяти о себе темное пятно — это такая нравственная пытка, которая может довести до помешательства.

Во всех случаях я прибегал за добрым советом исключительно к Вам, и всякий раз слышал от вас теплое, разумное слово и полную готовность помочь на деле.

Не откажите и теперь посетить болящего: никому, как вам, хочу я передать мою задушевную исповедь и может быть, что ваш совет и ваша помощь оживят меня много.

Если вам есть время и возможность выполнить эту мою последнюю просьбу, прошу написать 2 строчки, в какой день вас ждать.

Пошли вам бог долгую и безмятежную старость и утешение в ваших детях.

Марье Васильевне мой поклон.

Вам преданный

Е. Дриянский.

Вот как меня найти.

Проехавши Прес[пенский] мост, первый не поворот, а *переулок* налево «*Безъимянный*» и налево же третий дом *Александровского*.

Резные ворота без надписи, ход кругом всего дома, последняя дверь.

Дружинин, Александр Васильевич

1

Спб. 17 Апр. [1858]

Добрый и многоуважаемый друг, Александр Николаевич, я давно уже имею до вас одну сильную литературную просьбу, о содержании которой Вы, конечно, догадываетесь, но по весьма понятной щекотливости в моих отношениях к «Современнику», должен был выжидать времени, когда вопрос об исключительном сотрудничестве вашем, Толстого и Тургенева в этом журнале достаточно разъяснится. Теперь Некрасов сам мне сообщил, что условие 1856 [83] года считается уничтоженным, на этом основании, я не теряя лишняго дня, считаю за приятнейшую и важнейшую для себя обязанность пригласить Вас сделать честь «Библиотеке для Чтения» Вашим сотрудничеством, на каких Вам будет угодно условиях, и с платою за статьи какую вам самим угодно будет назначать. За честность и исправность всех сношений по материальной части могу отвечать смело.

Если бы Вы имели в виду какой-нибудь труд, занимающий Вас в настоящее время, — и если

Вы можете располагать им, — я бы желал теперь же войти в сношение с Вами для его приобретения. Во всяком случае, для журнала было бы превосходно иметь какую-нибудь Вашу вещь к осенним месяцам. В случае, если бы, по Вашим соображениям потребовалось бы Вам получить теперь же деньги за этот труд — я берусь с особенным удовольствием доставить вам это удобство и вообще, раз навсегда, прошу Вас не стесняться мною и быть уверенным, что наши сношения и расчеты будут всегда вестись на дружеских и товарищеских отношениях.

За то, что в журнале нашем (по его направлению) Вам не будет совестно печатать свои произведения, могут быть порукой собственные наши с Писемским особы. Наши понятия вам известны, и отступаться от них мы едва ли способны. Если вся нынешняя зима была нами пропущена без особенного и сильного протеста против литературного безобразия, к сожалению, развившегося в нашей литературе, то причиной тому не уступчивость или робость, а физическая невозможность к сильному труду, в которую я был поставлен упорною и долгой нервной болезнью, которая, наконец, слава богу, меня оставила. Теперь я опять способен работать и, конечно, не замедлю, с прежним постоянством, высказывать то же, что высказывал прежде.

Прощайте, добрый и любезнейший друг Александр Николаевич. Все это время мы по нескольку раз ждали Вас в Петербурге и, как водится, понапрасну. Я познакомился с братом Вашим и должен сказать, что в жизнь мою, сходясь с тысячами людей, немного встречал таких,

которые бы оставляли на меня такое милое и привлекательное впечатление, как он. И вот Петербургская жизнь! Мы с ним живем в одной почти улице, и видимся раз в месяц, если не реже. Писемский процветает, *во чреве кита* не был уже давно, и рассчитывает, что Вы приедете к нему погостить летом на дачу.

Будьте здоровы и черкните несколько слов в ответ

Искренне преданнейшему Вам

А. Дружинин.

2

Спбург 29 Сент. [1858]

Добрый и многоуважаемый Александр Николаевич, обращаюсь к Вам с большою просьбою, в надежде на дружеское расположение Ваше. Подходит Ноябрь месяц, а ноябрьские книжки журналов, по исстари принятому обычаю, всегда составляются с особенным тщанием. Мы с Писемским рассчитываем на вашу комедию [84] к XI номеру, и ждем ее с нетерпением, какое Вы себе можете представить, вообразив себя на минуту на месте редакторов. Просим вас усерднейше — если время и здоровье позволяют, — подарите нам несколько вечеров, посидите над комедией и вышлите ее нам к 20 Октября, мы же, получив ее, воспляшем и долго будем помнить одолжение. Поддержите нас в эту пору кризиса, право, мы того стоим, трудясь по мере сил, и всеми средствами стремясь сделать наше издание проводником здравых литературных теорий. Еще попрошу у Вас

хотя одной строчки в ответ на это письмо, чтобы мы могли знать, к которому времени ждать комедии — и распорядиться сообразно.

Я вернулся в Петербург на прошлой неделе, и как кажется, вернулся в добром состоянии здоровья. Здесь я нашел Боткина и Анненкова. Тургенев вернется к концу Октября. Таким образом, у нас зимою соберется хорошая компания, мы надеемся, что и вы к нам заглянете. От Ап. Григорьева я получил письмо, исполненное всякого неразумия — кажется, он совсем погиб и проку из него никакого не будет. Писемского застал я больным, и еще вдобавок больным по своей вине, — он опять повергался во чрево кита с какими-то непотребнейшими джентльменами, составляющими позор рода человеческого, — offrobre du genre humain! Все это однако не мешает ему быть милым и трудолюбивым, больше чем когда-либо. Я все еще надеюсь, что эти периодические повержения во чрево кита когда-нибудь прекратятся, весною же вел он себя примерно. «Кориолана» я кончил, остается подвергнуть его окончательному просмотру. Вот еще причина, по которой я жду вашей комедии, — она даст мне досуг на этот просмотр, — если же вы не вышлете ее к 20 Окт. я буду должен пустить «Кориолана» не подвергнувши его последней операции. Пособите же и мне и журналу, дорогой Александр Николаевич, и во всяком случае не забывайте

преданнейшего Вам душевно.

А. Дружинин.

3

Спб. 30 Дек. [1858]

Не ужасайтесь, Милостивый Государь Александр Николаевич, ни безобразных корректур, ни слухов о цензурном безобразии. Корректуры Вам были посланы, вопреки моему приказанию, не третьи, а вторые. Третьи проглядит Вейнберг, человек очень аккуратный, а после него я подвергну их собственному четвертому просмотру. Так было с «Кориоланом», в котором нет опечаток, — явление странное для читателей «Библиотеки для чтения».

Причины сформирования комитета или, как его здесь именуют, bureau de la presse, а равно и круг его действия — совершенно скрыты мраком неизвестности. [85] Но из верных источников слышно, что он не будет иметь ни запретительной силы, *ни контроля над цензурой*. Каковы бы ни были задачи комитета, не подвержено сомнению, что чисто литературная сторона журналов остается в покое, посредничество же, наставление или направление, которыми себя ознаменует новый Комитет, без сомнения, будет касаться вопросов внутренней и особенно внешней политики. Все это так необычайно и ново, что и придумать ничего верного нельзя до той поры, пока чем-нибудь дело не обнаружится, а этого ждать не долго.

Тургенев совершенно поправился и успевает бывать на трех вечерах в один день. Чего он там ищет — это так же непонятно, как и новый комитет, по всей вероятности, он и сам того не знает, за чем он избран. Тург. должен для меня

написать крошечную статейку про обед английского литературного фонда, на котором он присутствовал.

Григорьева вижу довольно часто — кит его извергнул из своего чрева, и он ведет себя кротко. На днях едет в Москву Боткин, с ним я пришлю экземпляры «Кориолана» Вам, Фету и Толстому.

Будьте здоровы, обнимаю Вас

А. Дружинин.

Мысль ваша переводить латинских комиков — очень хороша, хотя, по моему мнению, из всех старых поэтов, писавших комедии, один лишь Аристофан (даже во франц. переводе, как я его читал) свеж и вполне доступен самому простому читателю. Но за переводами * Вы приучитесь к одному делу, которое у вас в Москве не процветает. — то есть к усидчивому труду, так часто начинаемому с холодностью и неохотою, но разгорающемуся, по мере работы и по временам переходящему в труд настоящий и творческий.

4

С. Мариинское. 22 Июня. [1859]

Только сию минуту получил я Ваше письмо, Милостивый Государь Александр Николаевич по причине отъезда в деревню и разных переездов. Во-первых, от души благодарю Вас за предложение комедии [86] — нечего и говорить Вам, как оно меня обрадовало, я готов петь и

* 23 дек. Островский начал перевод ком. Теренция «Гецира» («Свекровь»).

плясать по своей комнате от удовольствия. Хоть я не очень речист, но Вы знаете, что я думаю о ваших трудах и Вашем значении в литературе, а если не знаете всего, то скоро прочтете в статье по поводу Собрания ваших сочинений, которая почти кончена и, кажется, написана с искренним энтузиазмом. [87] Я сейчас же известил контору о высылке денег. Если б вам понадобилось и более 300 р., уведомьте Писемского. Я здесь останусь до осени, у меня очень хорошо, и Писемский хотел меня посетить. Вот бы Вы с ним приехали, хоть на недельку. Благодаря бога, наши дела идут хорошо, располагайте нами, мы знаем и ценим все, что Вы для нас сделали. Прощайте, добрый и дорогой Александр Николаевич, спешу скорей отправить это письмо.

Душевно преданный
А. Дружинин.

Если Боткин еще не уехал, и вы его увидите, обнимите его и попросите дать весточку из-за границы. Я ответом не замедлю.

5

Спб. 19 Окт. [1859]

Милостивый Государь Александр Николаевич, — сегодня начинается формирование Общества литер. фонда, список лиц желающих войти в его состав открыт у Е. П. Ковалевского для петербургских литераторов, отсутствующие же приглашаются дать отзыв кому-нибудь из учредителей. Ни баллотировки, ни выборов нет, — с 50 членами Общество считается открытым. О дне и месте первого собрания объ-

является в газетах. Если Вы одобряете цель Общества и желаете быть его членом, то благоволите известить меня о том, хоть одной строчкою, не позже 25 Октября. Первое собрание для выбора комитета распорядителей, определения взносов и пр. будет в первых числах будущего месяца [88].

Бедный Писемский в тревоге — драме его грозит цензурное бедствие.

Душевно преданный Вам

А. Дружинин.

P. S. Сейчас получил от Писемского печальное известие, что на драму его почти нет надежды. Позвольте же еще раз попросить Вас о присылке «Грозы» не позже 27-го этого месяца, если понадобятся какие-нибудь небольшие поправки, мы вышлем вам корректуры со всевозможной скоростью. Без этого хоть не выпускай книжки. Вот оно, журнальное дело в России!

6

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Очень обрадовала нас с Писемским записочка Ваша и обрадовала тем более, что в одно время с ее получением, мы узнали что драма Алексея Феофилактовича не встретила препятствий по цензуре. И так, теперь время присылки совершенно от вас зависит, и, если Вам будет угодно посвятить несколько лишних дней ее отделке, вы не получите надоеданий с нашей стороны, которые всегда нарушают спокойствие работы. Если Вам угодно поместить «Грозу» в Ноябрь-

ской книжке, то доставьте ее хоть к 25 (корректуры мы пошлем по железной дороге), если же в Декабрьской, то в первых числах Ноября. А в случае, коли она у вас совсем обделана, — то чем скорее, тем лучше, потому что редакторское сердце любит запасаться материалом заблаговременно.

Дай бог вам доброго здоровья и успеха в трудах, да соберитесь к нам, и кланяйтесь Толстому и Анненкову, коли их увидите.

Душевно преданный Вам
А. Дружинин.

[1859 Окт.]

7

Если бы вы пожелали, Александр Николаевич, слушать драму Писемского, то уведомьте, я за вами заеду около 8 часов, и мы поедем к Ковалевскому.[89] Ковалевского я на всякий случай известил, и вы убедитесь, что с этим добрым и любезным человеком можно поступать запросто, и он очень будет рад познакомиться с Вами.

А. Дружинин.

Я заходил к Вам, Александр Николаевич, чтоб просить вас и Мих. Ник-ча к себе вместо Воскресенья, в Понедельник, послушать к 4 часам. Егор Пет. Ковалевский пригласил меня в Воскресенье на некое совещание, и я боюсь, чтоб оно не затянулось, да сверх того И. А. Гончаров по Воскресеньям, кажется, не свободен.

Душевно преданный
А. Дружинин.

[Ноябрь, 1859?]

8

Приношу Вам душевную благодарность, Милостивый Государь Александр Николаевич, за Ваше письмецо и изъявленное в нем доброе намерение. Я сделал распоряжение о доставлении к Вам 300 р. — не взыщите, если днем или двумя эта сумма опоздает: у Печаткина умер отец, и он так хлопочет, что сегодня даже контора заперта.

У нас все эти дни было много хлопот. Писемский болен уже две недели жестоким ревматизмом во всем теле, может только ворочать головою, и вы, зная его, можете себе представить, что с ним делается. Он прощается с детьми, рыдает, и бедная Катерина Павловна совсем с ног сбилась. Болезнь не представляет смертной опасности, но крайне мучительна и протянется долго. Это он простудился на домашних спектаклях. Но еще печальнее участь одного из участвовавших — именно Сниткина, молодого человека с талантом, писавшего в Искре, под именем *Амоса Шишкина*. Он, больной, играл Держиморду в Ревизоре, простудился, получил воспаление в легких и умер. Начинается всеобщая эмиграция из Петербурга: Анненков уехал за границу, Тургенев тоже отправился под небо Франции своей, но мне, по всей вероятности, не скоро придется отсюда вырваться. Статьи Мокрицкого я просмотрел ранее получения Вашего письма, они валялись у Писемского, и я раз отобрал у него все рукописи, видя что этак дело никогда не

кончится. Вот мое откровенное мнение об этих статьях. Без значительных поправок языка их печатать нельзя, и не все главы будут интересны для читателя. Если автор разрешает мне сделать выборку, в течение лета можно напечатать главы три — в противном случае, я сдам рукописи, кому он укажет в Петербурге. Платы большой я дать за них не могу — предмет уже слишком известен. До нас уже дошли слухи о необычайных успехах Мартынова, — нельзя всему этому не порадоваться. От Толстого я на днях получил печальное письмо, — брат его Николай, с которым он чрезвычайно дружен, — заболел и, кажется, чахоткою. Фет живет у них. Вот, если поедете в Крым, вам будет по пути заехать в Ясную Поляну. Толстой по прежнему неистовствует на всю литературу.

Прощайте, добрый и многоуважаемый Александр Николаевич, путешествуйте благополучно и не забывайте

душевно преданного Вам

А. Дружинин.

9

Пятница, 13 Мая [1860]

Милостивый Государь, Александр Николаевич, я изловил Печаткина и сделал ему потребную нотацию, он же сообщил, что деньги высылает к Вам в Субботу (завтра). Хотя нет причины ему не верить, но я попрошу Вас, в случае замедления, черкнуть строчку мне или

Писемскому, так как часть той недели я намерен провести за городом. Вы знаете, что Печаткина я всегда считал ядрилой, но в этом случае, как исключительном, прошу за него снисхождения — он совершенно, как угорелый после смерти отца, от хлопот ли или от огорчения, уж не знаю.

На счет неисправности в доставке «Библиотеки для Чтения» он сваливает вину на Базунова и говорит, что неоднократно писал ему и еще скажет.

Есть у меня еще к Вам просьбица, Александр Николаевич. С 1861 года, я, Кавелин, Безобразов и Вейнберг затеваем дешевую еженедельную газету. [90] Редактором будет Вейнберг, так как я не имею права вести двух изданий,— но литературным отделом буду я заведывать. Цель наша — давать небогатым людям хорошее чтение за малую плату. Неудачи разных предприятий в этом роде показали нам, чего надо избегать и чего держаться. Средств у него довольно. Позвольте просить Вашего сотрудничества и имени для объявления. Эта газета тем хороша, что сотрудникам надоедать будет не стыдно. Сценка, отрывочек, заметка, — работа одного вечера и не обременяет собою. Зная, что вы не любитель писать письма, я попрошу Вас,—в случае *согласия*, отвечать молчанием, и так как 1-е объявление будет в Сентябре, то оно и удобно. Уведомления же прошу лишь в том случае, если бы наша газета или цель ее почему-нибудь Вам не пришлась по сердцу. Писемский поправился, хотя все еще слаб, но

дурных последствий болезнь его иметь не будет.

Душевно преданный Вам

А. Дружинин.

10

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Я получил от Е. Э. Дриянского письмо, в котором он просит справиться о результате его прошения на счет третейского суда с гр. Кушелевым. Так как я уже с неделю болен и не скоро еще рассчитываю выезжать, то я поручил сделать справку, что потребует некоторого времени. Вообще, по моему мнению, тут ничего выйти не может — Кушелева нет в Петербурге, да и вообще подобные суды никогда ничем не кончаются. По всей вероятности, просьба валяется в канцелярии Министра и хода ей не дадут.

Вообще. по смыслу письма видно, что Дриянский находится в бедственном финансовом положении и стало быть прямо подходит к пособию из литерат. фонда. Поэтому не переговорите ли Вы с ним и не подадите ли хоть от себя (а не-то и он может подать) прошение в Комитет о единовременном пособии. Займообразных выдач, по уставу, Общество делать не вправе, но никто не препятствует Дриянскому, по совершенном исправлении своих обстоятельств, пожертвовать в Комитет сумму, равную ему выданной.

Сообщая Вам обо всем этом, ожидаю ответа и остаюсь

душевно преданный Вам *А. Дружинин.*

27 Марта, 1861 г.

К Др[иянскому] напишу я, когда будет ответ по справке.

11

Добрый и многоуважаемый Александр Николаевич, — П. М. Ковалевский просит меня еще раз попросить Вас не прочтете ли Вы драмы Вашей в пользу лит. фонда, о чем он уже писал Вам на днях. Эту записочку пересылаю с его посланным, на случай, если Вы захотите отвечать сами. Вероятно Пав. Мих. и сам побывал бы у Вас еще раз, но жена его нездорова, а утро он на службе. Будьте здоровы, остаюсь

душевно преданнейший слуга

А. Дружинин.

14 Дек. [1861?].

12

Досадно, что не застал Вас, любезнейший Александр Николаевич. У нас все благополучно и все вам кланяются, особенно Писемский. Я остановился на Лубянке, в гостинн. Лобади. Я приехал с тем, чтоб ехать к Толстому, но по последним сведениям, он сам куда-то едет из деревни.

Душевно преданный

А. Дружинин.

[1859?]

Иловайский, Дмитрий Иванович

25 Февраля, 1866 г.

1

Многоуважаемый

Алексей [?] Николаевич,

Позвольте обратиться к Вам с маленькою просьбою. Я вчера прочел в «Ведомостях» известие о предстоящей баллотировке в члены-любители Артистического кружка. [91] Если это для вас незатруднительно, то позвольте просить вас предложить меня в члены любители или какие другие члены, только бы я мог с женой посещать вечера кружка. Чем много меня обяжете.

С полным уважением и преданностью

Ваш *Д. Иловайский.*

На всякий случай мой адрес:

На Грачевке, против церкви Николы, дом Угримова.

Катков, Михаил Никифорович

1

Если бы я сбирался куда-нибудь, то непременно остался бы дома, чтобы иметь удовольствие видеть у себя Вас и Платона Васильевича. Итак жду Вас завтра (т. е. в пятницу) вечером.

Душевно преданный Вам

М. Катков.

Ковалевский, Егор Петрович

1

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБИЯ
НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМ
И УЧЕНЫМ.
Февраль, 1867.
№ 32.
С.-Петербург.

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Письмом от 16 Ноября минувшего года, на имя предместника моего по званию председателя Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, Я. К. Грота, Вы обязательно дозволили Комитету обращаться к Вашей, столь высокоценимой им помощи, когда представится надобность устроить литературный вечер.

В настоящее время Комитет желал бы, если это возможно, воспользоваться Вашим любезным дозволением. В первой половине предстоящего Великого поста Общество предполагало бы устроить литературный вечер, посвященный вполне чтению отрывков из новой Вашей драмы,[92] которая печатается в «Вестнике Европы». Капитальные достоинства этого произведения обеспечивают успех чтения; но он был бы блестящий, еслиб, соревнуя Обществу, Вы согласились сами ознакомить петербургскую публику с новым детищем Вашей любви

к России и глубокого изучения ее исторических судеб. Кто же лучше Вас выберет места и прочтет их?

Комитет и все Общество приняли бы с несказанною благодарностью, еслиб Вы согласились принести им эту жертву и приняли участие в чтении, вызванном Вашим высоким талантом.

Но еслиб, к величайшему сожалению, какие-нибудь обстоятельства сделали эту надежду и горячее желание Общества неосуществимыми. то в таком случае позвольте покорнейше просить Вас указать, по крайней мере, на те места из Вашей драмы, которые всего лучше могли бы ознакомить публику с ее духом и разнообразным содержанием, и назвать лицо в Петербурге, которое, незаменяя Вас, могло бы, хотя приблизительно, удовлетворить Вашим требованиям от публичного чтения Вашего произведения.

В надежде и ожидании благоприятного ответа, имею честь быть с чувствами отличного уважения и искренней преданности Вашим,

Милостивый Государь,
вашим покорным слугой
Ег. Ковалевский. [93]

2

Павел В. Анненков объявил мне, что вы, почтеннейший Александр Николаевич, были так добры, что изъявили свое согласие читать «Мишина» завтра у меня. Искренно благодаря Вас за это, я убедительно прошу пригласить ко мне

брата вашего, само собою разумеется, что если бы вы захотели привезти кого-либо из своих знакомых, то только меня обяжете этим.

Искренно преданный

Е. Ковалевский.

Январь, Понедельник. [1862] [94]

3

Если вы можете, многоуважаемый Александр Николаевич, приехать к 23 Апр. и участвовать в устраиваемом нами вечере в память Шекспира, то вы крайне обяжете нас и наверное вполне удовлетворите желанию публики видеть и слышать вас, как достойнейшего и любимейшего ею представителя русского театра и драматического искусства.

Искренно преданный и многоуважающий вас

Е. Ковалевский.

10 Апр. [1864] [95]

Корш, Валентин Федорович

1

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Спешу сообщить вам, что Ваше объяснение [96] помещено мною в сегодняшнем (80-м) нумере «Московских Ведомостей», [97] и притом с особенным удовольствием, с некоторыми изменениями, сделанными цензором. Впрочем, я отстаивал каждое слово и жаловался попечителю, но без успеха. Мне удалось только спасти последние

строки, в которых говорится о законах приличия и других.

Так как в Твери нельзя найти «Моск. Вед.», то я считаю не лишним, вместе с этим письмом, доставить Вам один экземпляр Вашего объяснения.

Будьте уверены, что «Москв. Вед.» всегда готовы к услугам литератора, столь добросовестного и талантливого, как Вы. Мне было очень горько прочесть в Вашем письме нечто в роде сомнения: как будто я мог, хотя на минуту, затрудниться помещением Вашего объяснения.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

В. Корш.

Четверг, 5 Июля [1856]

2

Петербург, 14 августа. [1862]

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

При свидании со мною в Москве Вы уполномочили меня поставить И. Ф. Горбунова в число будущих сотрудников «Спб. Ведомостей».[98] Я сделал это тогда же; но, по свойственному мне тревожному сомнению духа, опасаюсь печатать свою программу, не переговорив или не списавшись с Горбуновым. Возможность какого-нибудь неприятного недоразумения в настоящем случае, заставляет меня беспокоить Вас этим [*лист оборван*]. Я старался отыскать [*лист оборван*] в Петербурге, но все... старания были тщетны. Оказалось, что он в отпуску, и

возвратится скоро, но когда именно — неизвестно. Между тем я очень желал бы иметь его имя в числе сотрудников, и мне остается только просить Вашего посредничества между нами. Если Горбунов в Москве, или Вам известно его нынешнее местопребывание, то я уверен, что Вы не откажетесь помочь мне.

Позвольте мне воспользоваться этим случаем, чтобы напомнить Вам и Ваше собственное, дорогое для меня обещание — участвовать в «*Спб. Ведомостях*» с будущего года. Программа и план [*лист оборван*] [реда]кции будут напечатаны [*лист оборван*] августа и если цензура не испортит мне моего объявления, то Вы увидите, что мы не расходимся в существенных вопросах, и что направление газеты не будет Вам антипатично.

Примите уверение в полном уважении и преданности

Вашего покорного слуги

В. Корш.

P. S. Мой адрес: в Галерной, дом графа Стенбок-Фермора.

3

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Мне очень совестно, что я по доверию корреспондента напечатал неверные сведения об артистическом кружке. [99] Часть вины в этом случае падает на тех москвичей, которые могли бы с самого начала сообщить в «СПб. Ведомо-

сти» другие сведения и тем предупредить бы ошибку газеты. Но я не слышал и не получал ни от кого ни одного слова об этом учреждении до самого вашего письма. Последнее, конечно, вызвало сделать поправку, которая уже напечатана во вчерашнем листе газеты, в отделе разных известий. Корреспондента я уже предупредил, что если он не член кружка и не может бывать там, то и не должен сообщать о нем по одним только слухам.

Благодарю Вас сердечно за намерение прислать несколько сцен. [100] Если я получу их в этом месяце, то начну ими новый год. Пожалуйста, не откладывайте отсылку Вашей рукописи, если она окончательно отделана Вами. Исполнением этой просьбы Вы много обяжете преданного Вам

В. Корш.

16 Декабря, 1865 г.

4

9 Января. Спб.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Вы, может быть, удивляетесь моему молчанию после Ваших писем, но оно объясняется очень просто. При всем моем желании поскорее выслать Вам оттиски, я до сих пор не мог сделать этого, и притом по самой странной причине. Я не мог сделать этого потому, что газета издается без цензуры. Причина эта так нелепа, что я должен просить Вас поверить мне на слово. Для того, чтобы делать оттиски ста-

тей, помещенных в безцензурных изданиях, нужно вновь представлять *рукопись* [101] в цензуру и ждать выдачи билета из цензурного комитета, точно печатаем что-нибудь еще не напечатанное. Поэтому еще не готовы, и будут ли готовы на этой неделе — не знаю. Посылаю Вам просто вырезки из газеты, которую, впрочем, Вы и без того получаете.

Потрудитесь уведомить меня, сколько редакция должна Вам за «Пучину». Мне остается от всей души благодарить Вас за эту пиесу, в которой есть очень хорошие вещи. Она читалась здесь всеми и возбуждала разнообразные отзывы.

С полным уважением остаюсь Вашим покорным слугою

В. Корш.

[1866] [102]

5

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Посылаю Вам переводный вексель, по которому Вы получите из магазина Юнкера 20 или 21 января триста рублей. При этом позвольте мне не считать этого расчета с Вами окончательным, так как я не знаю, до какой степени Вы будете удовлетворены таким вознаграждением. До сих пор я имел дело с такими сотрудниками, которых вознаграждение определяется числом печатных строк. С вашими сочинениями это, конечно, невозможно, и отсюда происходит мое затруднение. Посылая Вам 300 р.,

я руководствуюсь тем только соображением, что эта сумма составляет вдвое больше той высшей цифры вознаграждения, какая назначена у нас для других сотрудников. Но я очень хорошо понимаю, что это соображение не может быть обязательно для Вас. Во всяком случае, Вы можете быть уверены, что серьезного разногласия по этому поводу между нами быть не может.

Преданный Вам

В. Корш.

17 Января, 1866.

6

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

С величайшим удовольствием исполняю Ваше желание, и спешу сказать в объяснение первой недостаточной причины, что Ваши сцены [103] показались мне гораздо меньше больших пятиактовых пиес, которые Вы печатали в «Современнике». В противном случае, я распорядился бы с самого начала так, как Вы теперь желаете.

К сожалению, я еще не добился толку относительно оттисков. Типография уверяет, что Вам послано все в порядке. Попытаюсь еще и, если хлопоты будут успешны, то вышлю Вам недостающее.

Будьте здоровы и не забывайте преданного и уважающего Вас

В. Корш.

12 февраля. [1866] [104]

7

Уважаемый Александр Николаевич, у меня есть до Вас большая просьба, и притом под большим секретом. Я очень желал бы приобрести Вашу новую историческую драму [105] для ежемесячного журнала, который я, *может быть*, буду издавать с нового года. Дело это решится непременно к началу октября, а может быть и раньше. Прибавлю по секрету, что Плетнев намерен хлопотать в Сентябре о возобновлении «Современника» и о передаче его в мое полное распоряжение. Если это предположение состоится, то Ваше содействие и поддержка будут мне крайне необходимы, и я надеюсь, что Вы не откажете мне в них. Будьте так добры, уведомьте меня в двух словах, могу ли я рассчитывать на Вашу новую драму и на другие Ваши сочинения, если удастся возобновить «Современник», и если мои денежные средства позволят мне удовлетворить Ваши требования.

Убедительно прошу Вас не говорить никому о том, что я пишу Вам теперь. Это может испортить дело.

Преданный душевно

В. Корш.

23 Августа, 1866. Спб.

8

Я еще не знаю, удастся ли мое предположение о восстановлении «Современника», уважаемый Александр Николаевич. Я не знаю

также, какое предложить Вам вознаграждение за печатный лист стихов или прозы. Но мне хотелось бы предложить Вам то же самое, что Вы получали от прежнего «Современника». Ваш «Самозванец» соблазняет меня до такой степени, что я выпросил бы его у Вас для газеты, [106] помимо «Современника», если бы газета давала доход, и если бы третье предостережение не грозило еще больше расстроить дела. Во всяком случае, я убедительно прошу Вас не отдавать «Самозванца» какому-нибудь аферисту Гану или аферисту Краевскому, не получив от меня окончательного ответа. Мне больно думать, что Ваше имя попадет в журналы, украшенные этими нехорошими именами.

Преданный Вам

В. Корш.

8 Сентября, вечером [1866]. [107]

9

Многоуважаемый Александр Николаевич, я спрашивал конторщика Стасюлевича о Вашей книге. Он говорит, что Стасюлевич ему ничего не поручал, и что он даже не знает, где находится Ваша книга.

Душевно Вам преданный

В. Корш.

4 Октября [1867].

P. S. Я думаю, что Стасюлевич возвратится из Петербурга в конце этой недели.

10

Сегодня я получил довольно хорошие вести относительно возобновления «Современника», многоуважаемый Александр Николаевич, и потому спешу напомнить Вам о Вашем обещании. Дело еще не кончено, но должно кончиться в этом месяце.

Еслиб у меня были свободные деньги в настоящую минуту, то я бы непременно предложил их Вам. Но что же делать, если обстоятельства не позволяют этого. Мне будет очень жаль, если Ваша крупная вещь, хотя бы и не «Самозванец», появится в каком-нибудь шарлатанском журнале, тем более что это может быть вызвано только моим и Вашим безденежьем. Если есть какая-нибудь возможность, подождите до начала января.

Преданный Вам

В. Корш.

11 Октября, 1866.

11

К сожалению, уважаемый Александр Николаевич, дело о журнале затянулось так, что я принужден развязать Вам руки относительно «Самозванца». Мне совестно даже оставлять Вас при одном только ожидании. По всей вероятности, я не буду издавать журнала в будущем году и обращаюсь к Вам за поддержкой и участием разве только на 1868 год. Надеюсь,

что тогда, как и теперь, Вы не откажете в помощи

душевно Вам преданному

В. Корш.

4 Декабря [1867].[108] Спб.

12

Ваше письмо напугало меня, уважаемый Александр Николаевич. Зная цену Вашему таланту, я всего менее мог желать, чтобы на страницах издаваемой мною газеты появлялось что-нибудь для Вас неприятное. Я думал, что недосмотрел сам какого-нибудь неосторожного отзыва и поспешил перечитать то место фельетона,[109] где упоминается Ваше имя. Даю Вам слово, что я не нашел там ничего, кроме голых фактических известий. Вам эти строки показались насмешкой или серьезным укором, а я считаю их просто шуткой, под которою не скрывается никаких претензий. Таково, по крайней мере, мое личное впечатление, и вот почему это место не было зачеркнуто мною в корректуре.

Благодарю Вас за желание участвовать в моем журнале, если мне случится издавать журнал со временем. Без Вас это дело было бы очень трудно.

Преданный Вам душевно

В. Корш.

9 Декабря, 1866.

13

18/30 Апреля. Петербург. [1877]

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Предполагая издавать с 1-го мая ежедневную газету «Северный Вестник», я не могу не желать, чтоб Вы хоть изредка принимали в ней участие. Вы много обяжете и газету и меня, если найдете возможным помещать в ней от времени до времени сцены в роде тех, какие некогда были напечатаны Вами в «Спб. Ведомостях», когда я был их редактором.

Мне приятно думать, что убедительное мое приглашение будет принято Вами, и что рано или поздно, одно из Ваших произведений появится на страницах «Северного Вестника». Быть может, Вам теперь же придет мысль набросать несколько сцен из московской жизни по поводу войны, что было бы особенно кстати в настоящее время. Во всяком случае, я прошу Вас считать «Северный Вестник» в числе журналов, искренно желающих Вашего сотрудничества.

Душевно Вам преданный

В. Корш.

Вас. Остров, 8 линия, 27 [1877].

14

Петербург, 11 Апреля, 78

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Лев Константинович Бух, здешний литератор, просит меня рекомендовать его Вам для свидания по делам Драматического Общества. Исполняю эту просьбу тем охотнее, что г. Бух очень почтенное лицо, с которым Вы, без сомнения, не откажетесь познакомиться.

Искренно Вас уважающий
В. Корш.

15

Петербург, 22 Апреля, 82.

Душевно уважаемый
Александр Николаевич,

Простите великодушно новое мое обращение к Вам и все по тому же докучливому делу. Мне хотелось бы знать, можно ли рассчитывать на содействие Вашего московского приятеля Н. Н. Плевако или это уже окончательно невозможно.

Точно также интересуюсь я и Вашей рукописью, о которой Вы говорили мне при свидании. Небольшие и мне известные вещи Сервантеса в Вашем переводе невыразимо привлекательны для меня, как редактора, не утратившего слабости к литературно-прекрасному,

Вы много, премного обяжете меня, если ответите несколько слов на оба мои вопроса.

Не будете ли Вы скоро в Петербурге?

Искренно Вам преданный

В. Корш.

Кузнечный пер., 16.

16

Петербург, 2 июля, 81.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Позвольте по старой памяти обратиться к Вам с убедительной просьбой, содержание которой Вы легко угадаете по прилагаемому печатному листку. [110]

В течение Вашего продолжительного литературного поприща, Вам, может быть, случалось переделывать или переводить драматические произведения иностранных авторов. Вы бесконечно обяжете и меня и журнал, если не откажетесь прислать мне такую Вашу работу. После долгого поста, я получил, наконец, возможность предпринять свое издание и, разумеется, желал бы сделать его вполне литературным. А Ваше содействие чрезвычайно дорого в этом отношении.

Искренно Вас уважающий

В. Корш.

Новая улица, 19.

17

Петербург, 23 Июля, 81.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Ваше любезное письмо не мало ободрило меня на предстоящую нелегкую работу. Я, разумеется, мог заранее знать, что писатель с Вашим драматическим талантом и поэтическим чувством непременно занимается иностранной драматической литературой, но все же мне было очень приятно найти полное подтверждение этой догадки в Вашем письме. Мне остается только от души поблагодарить Вас и повторить мою просьбу в несколько измененном виде.

До Вашего приезда в Петербург Вы, конечно, пробудете некоторое время в Москве. Вы бесконечно обязали бы меня, еслиб нашли возможным прислать мне из Москвы то, что у Вас уже сделано. Тогда, в бытность Вашу в Петербурге, я мог бы переговорить с Вами о присланном, хорошо зная, в чем дело. К тому же, мне было бы тогда удобнее и легче составить первую книжку журнала. [111]

Еще раз благодарю Вас и крепко жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

В. Корш.

Новая улица, 19.

Кошелев, Александр Иванович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Очень жалею, что нездоровье мое, а потом поездка в Петербург не позволили мне быть у Вас до сих пор, несмотря на великое желание мое Вас видеть и поблагодарить вас за прекрасную Вашу пиесу. [112]

Согласно условию нашему, честь имею при сем препроводить 590 экземпляр[ов] «*Доходного места*» (10 экземп. поступило в Ценс. Комитет). При сем позвольте напомнить ваше обещание — *не выпускать* экземпляров этой комедии *до осени*, т. е. до постановления ее на сцене.

С истинным почтением честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою
Александр Кошелев.

6 Апреля, 1857.

Крылов, Виктор Александрович

1

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Вас, конечно, удивит мое письмецо, но в деле театра такова моя страсть, чтобы соваться и туда, куда не просят. По слухам, Иль-

инская, актриса, с которой я вас познакомил, будет по всей вероятности принята на Малый театр. Рекомендую ее Вам на будущий печальный, в деле Московского персонала, сезон. Если Вам нужна будет для новой пьесы актриса на веселую, молодую живую роль, с симпатичной светлой улыбкой, Вы найдете в новой актрисе и хорошую исполнительницу и самую добросовестную работницу. Я Вам это сообщаю потому, — что сколько мне пришлось последить за ней, именно эти стороны у ней особенно удачны, — стало быть наилучшим образом могут быть эксплуатируемы. — Посплетничал бы Вам и про другие новости театральные, но они до такой бесконечности безотрадны, что лучше не говорить. — За то в Петербурге, кажется, формируется что-то хоть несколько получше. Конечно, Вы, избалованный прежней московской труппой, на эти слова мои зло улыбнетесь, но все таки при помощи Новикова, Сазонова, Варламова, Савиной—и многих второстепенных—пьеса может продержаться. До свидания, дорогой, крепко жму Вашу руку и желаю Вам, прежде всего, спокойствия и здоровья, всем Вас любящих на радость и утешение. — Передайте мой поклон вашей супруге

весь Ваш

Виктор Крылов. [113]

[1878?].

2

Дорогой
Александр Николаевич,

Мне вчера Бурдин [114] сообщил, что на бывшем собрании ему не признали переданного

Турбиным голоса, потому-что де об этом не сообщено комитету; я было хотел, набравши голоса их, послать Вам, но, боясь проволочек, посылаю бланковое письмо. - Потрудитесь подписать его и тотчас переслать Бурдину — я потом и впишу, кто кому передает. — Нарочно все письмо писано мной, чтобы моей же рукой потом вписать и имена.

Жму Вашу руку

весь Ваш

В. Крылов.

[1880].

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Мне вчера Бурдин сообщил, что Вы ему писали, что не сочли возможным подписать присланное мною Вам заявление. — Я это сделал единственно из того, чтобы собрать больше голосов, как у нас с Вами был разговор. Здесь сделали придирку, что передача голосов должна быть сделана чрез комитет, и так как я надеялся получить несколько таких передаточных писем, кои и представил бы на собрание — то думал, что Вы мне доверите подпись Вашу на том бланке, что я Вам прислал, так как это только пустая ничтожная формальность, во избежание придирок разных Ашебергов и проч. — Я перевидал много членов здешних и уже о сю пору получил пяток доверенностей, большинство, вообще, вполне разумно смотрит на дело, сумбур вышел только по трем причи-

нам - - 1) от присутствия двух — трех крикунов, — 2) от неясного понимания дела — и 3) главное — от всеобщего страшного недовольства Бурдиным. — Это последнее я заметил в разговоре со множеством членов. Я этого, конечно, Бурдину не сказал и Вас прошу не говорить, потому что это была бы для него неприятность бесцельная; но мне прямо многие указывали на это, делая упреки комитету. — Мне говорили: «Вы уверяете, что комитет отвечает за агента, — какая же ответственность, если комитету беспрестанно заявляют, что у Бурдина беспрестанные недоборы и недосмотры, а комитет не решается сменить Бурдина, ведь эта ответственность — пустое слово! и т. д. в этом роде. — Вот это и была причина, почему они выдумали отделение комитета. — Когда я объяснил, что Бурд. сам хочет уйти, и что комитет хочет просить Артемьева, то все успокоились. Относительно Фед. Алекс.: я стараюсь поступать елико возможно деликатно; ношусь с ним, как с сырым яйцом, тем более, что знаю, что он в душе — (ей богу, не знаю, за что) — чувствует ко мне величайшую неприязнь, по крайней мере, прежде это было и особенно теперь, вероятно, по болезни раздражителен. (Это тоже мне говорили другие, говоря об этом.) Я стараюсь быть любезным с ним, ну как только умею, но все таки направляю дело на то, чтоб он отказался. — Когда он говорит, что откажется, я поохаю с ним, но не уговариваю остаться; вчера он мне сказал, что не знает, кого предложить в агенты, и я ему прямо назвал Артемьева, — и это вышло со-

всем не оскорбительно, потому что я заявил, что Артемьев может легче всех нас справляться с антрепренерами, так как он служит в драматической цензуре Глав. упр. по д.[елам] печати, и от него зависит. — Я Вам все это пишу, чтобы вы знали настоящий смысл дела,— так-как я всеми силами хочу добиться разумных результатов, не оскорбляя никого, но и никому не поблажая. Я даже скажу больше: я очень хорошо знаю, что в начале деятельности общества Фед. Алекс. много бескорыстно работал, ездил в министерства и сенат, — но в последнее время, конечно, по болезни, был неряшлив и раздражителен, оттого и восстановил против себя. - - На предстоящее собрание соберутся многие, ради меня, по моей просьбе.— Если удастся, я постараюсь, чтобы взятые мною доверенности были признаны действительными. Я раздам их людям сочувствующим. Но вот что главнее всего и что мне ужасно больно: Бурдин сказал мне, что Шпажинский не внес своего предложения, но что Вы ему не написали никаких причин — почему. — Сделайте такую божескую милость, сообщите, хоть опять чрез того же Бурдина, почему это. Мне помнится, Вы говорили, что внести предложение сами готовы (словесно-то), что только нужно его формулировать, — а между тем, никто его не внес. — Теперь я хотел бы знать — есть ли это просто случайность, или Вы почему-нибудь передумали. — Если Вы почему-нибудь передумали, то я не хотел бы итти в разлад с Вами, а если это случайность, то я внесу предложение. — Первое изменение необходимо до край-

ности и должно состоять в том, что только тот писатель — член, чья пьеса хоть *на какой-нибудь публичной сцене исполнена.* — Второе предложение Шпажинского, которое можно или так, как Вы бы хотели. — Я знаю, что для того право голоса, или так — получивший более 500 р. имеет 2, а более 1000 р. три голоса — а больше трех никто. — Первое мне кажется справедливее. Напишите, пожалуйста, хоть опять чрез Бурдина, как Вы смотрите на это, и как Вы бы хотели. — Я знаю, что для того, чтоб обсуждать теперь, надо было внести в прошлое собрание; а внеся теперь, будут обсуждать только осенью. Но вопрос настолько важен, что, если можно, не постараетесь ли Вы обсуждать сейчас же, а в крайнем случае, пускай хоть до осени останется, только я все-таки предложу.

С нетерпением жду Вашего ответа.

Весь Ваш

В. Крылов.

Думаю, что на святой буду в Москве.

С.-Петерб., 5 углов, *Троицкий* пер., д. *фон Галли*, *№ 27, кв. 16.*

[1880].

4

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Вам, вероятно, уже сообщили о собрании, которое на сей раз прошло благополучно. О подробностях говорить не буду, ибо чередом их, при свидании, так-как, во всяком случае, на-

деюсь застать Вас в Москве до отъезда Вашего в деревню. — Касательно предложения Шпажинского и доверенности, я сделал, как Вы мне писали, не подавал ни того, ни другого. И в комитет думаю подать, только заранее обо всем подробно перетолковавши с Вами. — Личный переговор, конечно, всегда лучше, а то какое-нибудь неясное слово в письме всегда может подать повод к неверной мысли.

Насчет Бурдина и вообще агентуры тоже буду говорить с Вами при свидании. Мне самому нисколько не было бы желательно, чтоб его сменили насильно, это оскорбительно — и многие на собрании могли бы засвидетельствовать, что я поминал его прежние заслуги, когда он ездил по сенатам и проч. — для нас безвозмездно. Потому мне бы и не очень хотелось, чтоб его уличили в пропусках и неряшестве, какая же ему тут радость, а он и сам сознается, что, вероятно, пропуски были. Ей богу, мне его от души жаль, но он положительно больной человек — и глуховат очень и рассеян и сонлив, не говоря уже о ногах. Надо как-нибудь помочь ему и спасти от неприятностей, на которые он может наткнуться каждый день. — Все это подробно при свиданьи, я повидаю и его и Артемьева, может быть, можно будет иметь двух агентов, как уже и был о том разговор на собраньи.

До свиданья
Крепко жму Вашу руку
Душевно преданный
Ваш *В. Крылов.*

[1880].

5

Дорогой и многоуважаемый
Александр Николаевич,

Прежде всего, как Вам не грех делать такие приписки: «я никогда ни о чем не просил Вас лично для себя» — Неужели же Вы до сих пор меня все еще так мало знаете. Конечно, не просил; я это очень хорошо знаю, и от души об этом жалею, потому что редко кому я был бы готов так охотно услужить, как именно Вам, — и поверьте не настолько я мелочный человек, что еслиб Вы мне когда-нибудь и доставили это счастье, я бы дал Вам хоть малейший повод в этом раскаяться. Конечно, не для себя лично, а для дела, но ведь ради чего же хлопочу и я. — Не так же уж мне дорого это вздорное предложение, чтобы считать это личным вопросом; да и будь это только моя единичная личная выгода, я бы и предлагать не стал. Вы знаете, что об этом мы спорили неоднократно, и я только тогда решился пустить в ход вопрос, когда заметил, что Вы в этом со мной солидарны. Ради этой солидарности я только и говорил о поддержке в Москве предложения; ибо этой солидарностью я очень дорожу и стараюсь, по возможности, ее держаться в общем деле. А Вы это называете упреками и попреками; да еще говорите, что ведете дело честно; кто же и когда мог в этом самым отдаленнейшим образом сомневаться. Ужасно жаль, что меня не было на собрани, чтоб остановить поток ненужной воды,

которой Боборыкин затопил собрание. Я очень хорошо понимаю, что Вы по своему положению и не должны входить в большие препирательства со всяким, но я все-таки не могу не поставить в укор собранию, что его мог увлечь трезвон юродивого, против ясно Вами высказанного мнения. В числе таковых, напр., я встречаю (в «Нов. врем.») Садовского. Если это правда, то оно ужасно глупо. 2-я часть предложения касалась именно, между прочим, его, и за него говорили, ибо он тоже работал за лишние деньги по заказу Лентовскому. — Я менее чем кто-нибудь желал бы, чтоб председатель действовал против устава; но простите меня, я никак не могу согласиться, что по уставу требовалось большинство $^2/_3$. — Если б это было так, я бы не сделал предложения; ибо оно было бы бесцельно. Изменение устава пришлось бы вносить в министерство, а к чему же это делать теперь, когда весь устав будет пересматриваться. — Вы, вероятно, помните, что этот вопрос подымался (вопр. о $^2/_3$) в том последнем заседании комитета, в коем сделано предложение — (при ревиз. комис.) — Обратите внимание на 8 § устава. Там прямо сказано: автор — обязан право свое разрешать представления — передать Обществу на *установленных обществом условиях*. Это последнее мы и положили в основу того правила — (утвержденного простым большинством общего собр.), по которому, без особого разрешения автора, не позволяем в столицах играть неигранные на имп. сцене пьесы. Если это постановление простым больш. и устав не меняет, то

и мое предложение тоже, ибо эти два требования: не ставить новых и не ставить игранных полгода — без назв. авт. — совершенно тождественны. — Я это тогда указывал комитету и, если припомните, комитет с этим согласился. Вот эта половина моего предложения во всяком случае решалась простым большинством. Касательно 2-й половины, это конечно дело стилистики. Я полагал, что мою редакцию можно объяснить так: что касательно новых неигранных пьес комитет, продолжая по уставу распоряжаться, дает авторам позволение входить в особое соглашение. — Пожалуй, если хотите, можно было редактировать лучше; именно: предоставить комитету право, в случае желания антрепренеров и авторов, установлять между ними особые соглашения касательно неигранных в столице пьес. Но главный вздор тут состоит в том, что прошло ли предложение или нет, все таки это делаться будет; и тот же оспаривающий предложение Садовский будет за особые деньги работать на Лентовского, а Бобор., которого «Сытых» [115] не взяла Бренко, будет со злобы осуждать Шпажинского и Аверкиева за то, что они отдали новые пьесы не Малому театру, а ей. — А я бы, между прочим, от души порадовался бы, еслиб и Вы что-нибудь новое дали Бренко, — и я бы охотно дал; конечно и Вы на тех же особенных условиях, которые бы сделали нечувствительным ущерб от ухода иной пьесы с Малого театра. Впрочем, это все между делом. Возвращаясь к сказанному, я все таки думаю, что и по уставу надо было взять обыкно-

венное большинство и боясь, чтоб какая-нибудь обиженная за Петерб. собр. газетка не подхватила это. Им ведь писать теперь нечего. Посмотрите, как пошло фельетонист «Нового Времени» описал собрание, он так приступает к этому описанию, словно облизывается, предвкушая жевать грязь. — А все и дело-то пустое и предложение-то только между прочим. На Шпажинского мне досадно, неужели так трудно отстанвать то, что ясно сознаешь. Итак, пока до свиданья, надеюсь, что это письмо застанет Марью Васильевну вполне здоровой, потрудитесь передать ей мой поклон. — Я пока в Москву не собираюсь, и если Вам что нужно здесь, только приказывайте. О театре сферы правительственные повидимому совсем забыли, не до него. Будут ли какие перемены, никто не знает; актеры ноют и входят в долги. — Крепко жму Вашу руку с самым искренним желанием пользоваться Вашим доверием и добрым расположением.

Виктор Крылов.

[1881].

6

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Сегодня в телеграммах «Голоса» напечатано: «Вчера в общ. собр. драмат. пис. разрешен вопрос, обсуждавшийся в петерб. отделении общества. Местные члены общест. — Крылов и Шпажинск. — внесли предложение о предоставлении авторам драмат. произведений права на получение вознаграждения с антрепренеров

частных театров сверх взимаемой с них комитетом общества платы за каждый акт драматических представлений. В собр. петерб. член. общ. предложение это было принято, в общем же собрании оно не получило требуемых по закону двух третей голосов. Таким образом, предложение считается отвергнутым. Судя по бывшим по этому поводу прениям, предложение отвергнуто, как стеснительное для развития частных театров».

Будьте так добры, тотчас же написать мне, что это значит, ибо я по этому поводу непременно напечатаю объяснение. — Вам очень хорошо известно, что наше предложение ⅔ не требовало — оно состояло из двух положений: 1) чтоб авторы могли не позволять впродолжение 6 месяцев, после 1-го представ. в столице, повторять пьесу на других столичных театрах, — 2) чтобы *комитет* имел право дозволять авторам входить в особые соглашения с антрепренерами столичных театров по поводу нигде не игранных пьес. Как первое, так и второе — есть соглашение общ. с антрепренерами, а не изменение устава, стало быть должно решаться простым большинством, стало быть если оно решалось ⅔, то это беззаконно, и по этому надо будет потребовать экстренного собрания, чтоб осудить это.

Я вообще с великим нетерпением жду Вашего ответа. — Вам хорошо известно, как я принимаю участие в делах общества, как по нескольку раз езжу к Вам, чтоб договориться обо всем, спрашиваю, чтоб не ошибиться, а сделать все, согласно общим интересам и Ва-

шей опытности, нарочно еду в Петерб., чтобы все нужное отстоять и добиваюсь здесь того, что нужно одним путем убеждения. Вы мне постоянно толкуете, что в Москве собрание состоит из людей понимающих и потому согласных с Вами, что Вы за Москву во многом можете поручиться, а между тем ни Ваше громкое имя, ни Ваш авторитет не может влиять, чтоб провести, собственно даже не особенно важное предложение, только потому, что оно принято в Петербурге. — Этот тупой антагонизм Москвы по истине удивителен, — как же иначе назвать оспаривание предложения, принятого здесь почти единогласно и поддерживаемого Вами и комитетом. — Разве, если Вы сами отказались от него, но этого я никак не могу предположить. Мы с Вами долго спорили об нем, и если бы я не видел, что Вы на него согласны (вы даже в таком виде замечание комитета поставили), я бы предложения не сделал. — Несчастное отечество — где даже маленькое общество писателей не может договориться, чтоб не делать друг другу пакостей и не печатать вздорных телеграмм; вы знаете, как я сам осуждаю Петерб. собр., когда оно комитету делает тормоз и неприятности, как отстаиваю здесь комитет — я ждал от Вас того же в Москве. — Я в каждом вопросе справляюсь с Вами, чтобы выработать некоторую солидарность и уже ее отстаивать, — а то, что я предлагаю и с чем Вы соглашаетесь, Вы отстоять не можете. — Вы говорите, общество разваливается, да как ему не разваливаться, когда мы нашим маленьким кружком людей более за-

интересованных не можем помогать друг другу.

Жду с нетерпением Вашего письма, ибо, повторяю, буду обстоятельно печатать об этом.

Ваш слуга.

В. Крылов.

Троицкий пер., д. № 27, кв. 16.

[Сбоку вдоль стр.]

Главное не могу понять, каким образом допущено *незаконное* голосование.

[1881].

7

Дорогой Александр Николаевич.

Ну, наше собрание прошло довольно благополучно, хотя крику и споров было много, и мы разошлись в 12-м часу. — История с ходатайством о театре особенно возбудила споры, и как я не говорил, они остались при своем — именно: что комитет (в принципе, не входя в обсуждение личного состава) не может вчинить такого дела, не спросясь, ибо иначе другой комитет, пожалуй, и мелочную лавочку откроет. Когда я говорил, что огласка помешала бы, мне указали, что и без огласки, ничего не добились. И в уставе мол нет разрешения вчинить такое дело.—Это и кое-какие другие заметки сделали, что выбирать стали комитет баллотировкой, а не единогласно, как бывало. — При этом я, конечно, перед баллотировкой прямо указывал на лиц, необходимых, оттого, как увидите, баллотировка все таки вы-

шла хороша. Вас только трое не признали председателем из 26. — Майкова, Кондратьева и Шпажинского выбрали. — Но больше всего обидно за Родиславского, — хотя его и выбрали, но значительно меньшим числом голосов, чем Кондратьева. Я боюсь, что он тут усмотрит для себя и оскорбление и желание его спихнуть. — Направьте, если можно выборы так, чтобы Москва вся была за него; его оскорблять просто и стыд и грех. Тоже, сколько я не говорил о Цветкове, я ему мало мог добыть голосов, и потому надо бы Москве поправить это дело. — Таким образом, комитет сладите из Вас, Родисл., Цветкова, Майкова, Мещерского, — а вместо Каширова и Чаева войдут Шпажинский и Кондратьев. — Комисия устава выбрана, как мы хотели. — 12 человек высказались в пользу принятия мнений членов до 1 дек., но 14 — до 1 окт. — стало быть, Москва оставит, как и надо, до 1 окт. За сим по общественным делам больше сказать нечего — крепко жму вашу руку.

Ваш

В. Крылов.

5 углов, Троицкий пер. д. 27, кв. 16.

[1881].

8

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Согласно нашему решению я пригласил к Вам Шпажинского на Пятницу 7 часов вечера. Ему день был немножко неудобен, но

я моею назойливостью заставил отложить все другие дела, чтоб заняться этим. И потому прошу ожидать нас и уж не изменить сему дню.

Весь ваш

В. Крылов.

[1882 ?].

9

Ну, уж не знаю, многоуважаемый Александр Николаевич, будете ли Вы довольны нашим собранием. Я сделал все, что мог. — Собрание было не столько бурно, сколько погано, благодаря присутствию Боборыкина, которого мне два раза пришлось резко остановить в его довольно скверных выражениях, касательно комитета. — Конечно, он смолкал, но пыжился, краснел и пыхтел — какой это вредный, всякому делу неприятный, человек. — Существенного только два неприятных вопроса — 1) что 12 дураков, отстраня прибавку с. к ст. 5 и касательно передачи голосов в Пет., постарайтесь в Москве поправить дело, для сего я шлю Вам доверенность Плещеева, — постараюсь прислать еще на чье-нибудь имя — кого-нибудь. Касательно наших денег в Имп. Театре, никакого толку до сих пор добиться не могу — директор в Москве, здесь все тянут, а Потехин все только говорит, чтоб к нему обращались. — На днях буду справляться и опишу Вам и буду настаивать на Вашем деле и на своем, я и своих денег не добьюсь.

До свиданья, жму Вашу руку, поклон всем.—

Я на 4-й недел[и] не буду; на Ваше собрание не приеду, а приеду прямо на страстной недели.

Ваш *В. Крылов.*

[1883].

10

Добрейший Александр Николаевич,

Спешу известить Вас о том, что впрочем, вероятно, Вы уже знаете. Министр утвердил Ваше ходатайство; авторам за старые пьесы будут выдавать 2% с акта *без* всякого требования неисполнения на частных сценах: — В Московской конторе теперь уже получено это распоряжение и потому Вам стоит только обратиться в Московскую контору, сделать должное заявление и потребовать деньги.

Вчера я смотрел здесь Вашего Красавца [116] — (в Москве не видал) — пьеса идет очень гладко и делает полные сборы. Я горько сетовал на убогость критики, которая по поводу пьесы могла бы многое сказать интересного, живого,— но так близорука, так все меряет на свой фальшивый аршин, — так чужда интересов общих, что соратников от нее никогда не жди.

До свидания, жму руку

Виктор Крылов.

[1883].

11

Спешу по делу и потому пишу только вкратце, как обещал. Постановление комитета принято во всех пунктах единогласно, 23 члена.

Но мое предложение относительно пенсии провалилось.

Высказались.

10 голосов за выдачу пенсии процентно с валового сбора —

3 голоса за 3½ %

6. . . . . 4 %

1. . . . . за 5 %

10 голосов высказались за определенную сумму— ежегодную.

Размер ее —

1 голос. . . . . 1200 р.

8 — . . . . 1500 р!

1 — . . . . 2000 р.

Я остался один при своем мнении.

Крепко жму руку, на днях буду писать подробнее о других вещах, о чем просит меня Артемьев. Собрание окончилось скоро — таким образом и расхода на чай не было.

Ваш

В. Крылов.

[1884].

12

2 Марта, 1884 г.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Будьте любезны, тотчас по получении сего письма, напишите мне, кого, по вашему мнению, надо выбирать в комитет сверх тех, кто в нем сидит. Теперь кандидатами я и Тарновский — который вообще не очень желателен—очень ве-

роятно, выйдет и Родиславский, следовательно, надо иметь кого-нибудь в виду. Я пересмотрел весь список и теряюсь — наметил себя, Музиля — и Матерна, которого лично знаю, — и он богатый человек. — Теперь он в худых руках, но он может попасть и в хорошие. — В Москве готовится борьба. — Я здесь буду присутствовать в собрании и тотчас приеду в Москву. Ужасно жаль, что нет человека, который бы присматривался к делу, — а все только совещательные члены.

Итак, пока до свиданья, собранье будет во вторник, ко вторнику могу Ваше письмо получить.

Ваш

В. Крылов.

13

5 Марта — Вторник. 1885
С.-Петербург.

Мне очень больно Вам высказать — многоуважаемый Александр Николаевич, что Ваше письмо меня тоже очень удивило. — Нет, что там не говори, Вы никогда не будете смотреть на меня с должным доверием и до самой могилы моей будете прислушиваться ко всяким сплетням про меня, старающимся хоть какую-нибудь тень набросить на мою искренность, добродушие и прямоту. — Мне было очень неприятно прочитать в Вашем письме, что «Вы ужь слышали, что я *хочу провести* в комитет Матерна». — Как это слово *провести* звучит

«окольным путем» — и как это не похоже на меня — всегда идущего по прямой дороге. — Конечно, то, что Вы слышали, был чистый вздор. — Во первых, я в делах общества не действую никогда помимо Вас и Кондратьева, всегда с Вами советуюсь. — Господи, силы небесные, *пора* в этом убедиться. — Стало быть, еслиб желал, что проводить, то прежде всего сказал бы Вам, и Вы от меня бы об том слышали, а не от посторонних. Вот откуда вышло мое письмо: — ко мне пришел Алексей Ник. Плещеев с письмом из Москвы. Ему писали, что в Москве собирается партия обновить комитет — и предлагают помочь им, представляя своих кандидатов. Оставляя Вас и Майкова,— новыми членами предлагали — в первую голову, меня, потом Нем.-Данченко, Тарновского, Матерна, Гриднина и друг., не помню, кажется, Невежина и т. п. — Я, конечно, сказал, что это вздор и просил и его и Вейнберга быть на собрании. так как предполагал, что и другие члены Петербургские получили такие же предложения. — Но тут вспомнил о выборах. взял у Крюковского список членов и стал просматривать, кого взять в кандидаты и на место Родиславского, который, как я знаю, тормозит дело. Оттого тотчас и написал Вам. — Матерн только тут мне пришел в голову, и хоть я знаю, что он водится с Тарновским, но так как он юноша скромный и богатый, я думал, может быть он и годится, когда будет в других руках. Литерат. ценз тут ничего не значит; у нас первый работник Кондратьев — не литератор. Мы так бедны людьми. Но, когда мне пришло в го-

лову, я тотчас написал Вам. А Вы, вместо простого мнения, как я ждал, делаете мне намеки о каком-то желании провести — кто это Вам сказал? интересно взглянуть. — Я и не думал о Матерне, пока не пришел Плещеев.

Не распространяясь дальше о всех, тому подобных недовериях, — сообщаю о собрании.

Я только-что вернулся домой из немецкого клуба, где оно состоялось. — Было 20 членов— я был избран предс. без баллотировки, единогласно. По прочтении докладов решено благодарить комитет. — При избрании комитета, Вас, Майкова и Кондратьева решено не балотировать, а прямо открыто подать за Вас голоса всех присутствующих членов.

Относительно остальных наибольшое количество голосов получили: Цветков 20, я 19, Кашперов 18, Родиславский 16, Шпажинский 15, Музиль 10, Юрьев 5, Садов. 5, Чаев 4, Невеж. 3 — Сумбатов 1.

В ревизионную комиссию больше всего получил голосов Крюковский, заявивший, что готов ехать в Москву, — 15, Андреев — 15, Невеж — 11, Чаев — 10, Юрьев — 6, Музиль — 6 и прч. —

Судьями на Гриб. премию Вы, вероятно, останетесь недовольны — но как Вам угодно, они, не в пример, лучше избранных в прошлом году и было бы очень приятно, чтобы они и в Москве были избраны — это — Константин Арсеньев,— Орест Миллер, Спасович, Незеленов, Пыпин и Григорович. Спасович и Арсеньев очень любят театр, особенно первый и страстно интере-

суются литер. критикой, — которой не мало посвятили трудов. После завтра, в четверг, т. е. когда Вы получите это письмо, я выезжаю в Москву и сам привезу бумаги и буду совещательным членом на собрании — или достаньте мне чужой голос. А пока до свиданья — Крепко жму Вашу руку и желаю Вам здоровья прежде всего — остальное все само явится, только бы здоровье.

Ваш

В. Крылов.

Письмо в роде того, какое получил Плещеев, получили многие, и я принужден был по этому поводу сказать несколько слов перед выборами.

15

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Я в Москве уже полторы недели и желал бы с Вами по прежнему повидаться и побеседовать, но я очень подозрительный человек и постоянно боюсь показаться назойливым. Ужь одна мысль, что с тех пор, как Вы стали нашим начальством, Вас кругом осаждает всякий народ, приводит меня в великое сомненье, и потому, я не иду к Вам зря, тем более, что Вы сами никогда на это желания не изъявляли.

Если же Вы тоже не прочь со мной повидаться, будьте любезны сообщить мне с по-

сланным, когда бы у Вас выбралось на это полчаса свободного времени?

Вам преданный

Виктор Крылов.

5 Апр., 1886.

С Понедельника я свободен, когда угодно.

14

13 Янв. [1886]

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Я получил от Черневского письмо, в коем он заявляет мне, что мой «Баловень» — в Москве на 4. предст. дал 460 р. сбору, и что вследствие этого он не рискует более предлагать Вам ставить пьесу на репертуар. Таким образом, преследовавшая меня рука прежней дирекции отразилась даже за пределы ее полномочия. Погожев не только впродолжении целого сезона не поставил *ни одной* моей пьесы, хотя имел под рукой репертуарную «*Надю Муранову*», — он спутал первое представление «*Баловня*», — ставя его утром так, что репертуар менялся, и публика путалась, — и самые репетиции производились с недельными промежутками. Конечно, это только способствовало печальной судьбе моей пьесы, главная же причина тут та, что, как мы и говорили, публика приучена смотреть только любимцев. Я слишком рискнул, понадеявшись на пьесу, которая сыграна прекрасно, но не звучит главными приманчивыми именами актеров. Я далек от того, чтобы предлагать Вам насиловать пу-

блику в ущерб Дирекции, но мне бы думалось, что совершенно отступить перед ее равнодушием к таким актерам, как Никулина, Макшеев, Музиль, Райская, Южин и проч. — и бросить пьесу, было бы не совсем справедливо. Я на своем веку видал случаи и мог бы указать на них, как пьеса, сделавшая около 500 р. на 4 представление, потом продержалась не один сезон. — Та публика, которая собирается на «Баловня» — смеется и аплодирует, стало быть, главная причина в недоверии. — Если «Баловень» не опирается на особенно излюбленных актеров, можно бы ему дать опереться на что-нибудь другое, чтоб действовать против недоверия. — Поставить пьесу тоже с небольшой комедией или поставить в праздник. Не предрешая ничего и не прося ничего, я, во всяком случае, думал бы, что нельзя пьесу совсем снять с рѐпертуара, не давши ей хоть одного воскресенья и одного вечера на масляннце. Поддерживая такую пьесу, поддерживаешь играющих в ней актеров и, право, при всей скромности, не могу же я думать, что тут я один виноват. Каковы бы ни были актеры и публика в Петербурге, нельзя же думать, что между ими и Московскими такая громадная разница, что пьеса сделала здесь 18 полных сборов, а в Москве после 4-го ее уже не дают. — Разница слишком громадна, чтоб не заподозрить тут причин посторонних, лежащих в аномалии всего театрального дела. Если не бороться с этой аномалией, а покориться ей, будешь всегда зависеть от случайностей. — За мои 20 слишком лет работы для сцены, единственного

моего дела, я никогда такого положения и ожидать не мог.

Повторяю — ничего не прося, предоставляю все изложенные здесь соображения и вообще мою деятельность на Ваше благое усмотрение, вполне веруя, что прежнее театральное дело должно вернуться в Москву под Вашим руководством.

Искренно Вам преданный

Виктор Крылов.

Курочкин, Василий Степанович

1

ИСКРА

Сатир. журнал
с каррикатурами. —

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Я так недавно имел честь познакомиться с Вами, что не считал себя вправе беспокоить Вас письмами и притом веровал и до сего дня верую, что Вы исполните обещание ваше — помочь начинающему журналу вашим литературным содействием—обещание, данное Вами так радушно и, кажется, искренно. Встретясь недавно с вашим братом, я просил его напомнить Вам обо мне. Раз напомнив, решаюсь лично обеспокоить Вас.

Поддержите начинающее предприятие, душевно-уважаемый Александр Николаевич. Цензурные гонения, кажется, несколько утихают и Вам с этой стороны за неприкосновенность Ва-

ших статей опасаться нечего. Условия, разумеется, Вы назначите сами и какие Вам угодно.

Говоря откровенно — у меня нет недостатка в материалах, но *из уважения к публике* я бы желал доставлять своим подписчикам Ваши статьи, подписанные или неподписанные Вами — все равно, потому что публика всегда узнает своего любимого автора. Если бы я мог рассчитывать, что участие ваше в «Искре» не будет случайным, но что Вы сочувствуете журналу и поддержите его, как обещали, рядом статей, я бы считал успех его и в будущем году вполне обеспеченным. [117]

Примите уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

В. Курочкин.

1 Июня. 1859 г.
Спб.

2

Душевно уважаемый
Александр Николаевич,

Спешу выразить Вам искреннюю благодарность за вашу добрую обо мне память. Я не мог тотчас же по получении Аполлоном вашего письма отвечать Вам, и Вы меня извините, если примете в расчет, что я живу в Полюстрове, Степанов в Муроме, а отправлять письмо надо из города.

Позвольте надеяться, Александр Николаевич, что ваша первая статейка в «Искру» не будет последнею, а послужит началом более короткого, лестного для меня знакомства с Вами.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

В. Курочкин.

27 Июня,
1859 г.

P. S. Обо всех наших общих знакомых Вы, вероятно, имеете известие. Григорьев, кажется, уже писал Вам, Горбунов хотел писать вчера, Дружинин приезжал на несколько дней в город, а вчера вместе с Писемским опять уехал в свою деревню.

Лажечников, Иван Иванович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Так как я, по нездоровью своему, не могу быть на моем юбилее [118] в Артистическом кружке, то прошу вас покорнейше сделать мне одолжение поручить благосклонности одного из членов прочесть прилагаемую при сем речь без сокращений, прибавлений и перемен. Как она написана мною, дурно ли, хорошо, пусть так и останется. По крайней мере она будет моя. Много обяжете исполнением моей покорнейшей просьбы.

имеющего быть
с истинным уважением и преданностью
Вашим покорнейшим слугою

И. Лажечников

1869.

P. S. Жительство имею на Поварской, в доме Николаева.

Левитов, Александр Иванович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Прошу Вас извинить меня, что я так долго не извещал Вас о результате моей экспедиции в Западную Гостиницу. Вчера только я застал дома Содержателя — и увидал, что с ним нельзя сделать никакого сколько-нибудь путного дела. Самое последнее слово относительно пианино было 225 р. сер. Предположение Ваше, что пианино могло теперь испортиться, совершенно справедливо. Оно стоит в общей зале и смело можно быть уверенным, что всякий, кто только живет в Замоскворечьи и ходит в этот трактир, упражняется на нем. Про чемодан с рукописями и говорить нечего. Я не мог никак добиться, у кого заложен он. Все говорят, что у меня нет.

Извещаю Вас, что «Московский Вестник» умер. [119] Смерть его крайне меня озадачила, потому что статьи моей только половина была напечатана в нем. Что станется с другой половиной и суждено ли мне получить за нее деньги — не знаю? [120]

Только, кажется, со мной одним могут случаться такие вещи!

Если приедет Писемский, ради бога, поговорите Вы ему обо мне. На меня хозяйка моя идет в часть жаловаться. Что я буду делать.

Примите уверение в моем искреннем уважении, с каким

имею честь быть
Вашим,
Милостивый Государь,
Готовый к услугам
А. Левитов.

Воскресенье.

P. S. Пожалуйста, если приедет Писемский, известите меня, ради бога. Клянусь Вам, что меня осаждают со всех сторон, и я ничего не могу сделать, ничем заняться в этом аду.

Если у Вас адрес мой затерялся, я имею честь приложить при сем другой.

На Сивцевом Вражке, дом Князя Оболенского, Спросить Александра Ивановича Левитова.

[1861]

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Обстоятельства мои подвержены в настоящее время такому страшному кризису, что я вынужденным нахожусь обратиться к Вам с моею покорнейшею просьбою.

Если неминуемо, как Вы сами изволили говорить мне, моя маленькая статья будет в нынешнем месяце напечатана в Библиотеке и напечатана за вознаграждение, о котором тоже Вы имеете сведения, то я покорнейше прошу Вас с подателем письма моего — Г. Бабиковым—

одолжить мне 25 р. сер., потому что (рассчитываю, что Вы не будете меня осуждать за это признание) нынешний день и вчерашний у меня не было и нет квартиры. Многое бы можно мне сказать о моем до нельзя стесненном положении, но я не хочу возмущать расположения Вашего духа и мешать Вам длинною моего письма в Ваших занятиях.

Простите меня, что я беспокою Вас моей покорнейшею просьбою, не имея на то ни малейшего права. Я в этом случае руководствуюсь только тем, что думаю при получении за мою статью денег, которые должны будут пройдти через Ваши руки, возвратить Вам их вместе с моею искреннею благодарностию.

Благоволите принять уверение в том глубоком уважении, с каким всегда

Имею честь быть
Вашим,
Милостивый Государь, Покорнейшим
Слугою
А. Левитов.

[Четверг 1861?].

Леонтьев, Павел Михайлович

[1850]

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

На днях получил я через С. Д. Ш[еремете]-ва от М. П. П[огоди]на приглашение приехать к нему в среду для взаимных условий относительно сотрудничества в М[осквитяни]не. При-

том мне были доставлены два небольшие сочинения Стасюлевича и Ф. для рецензии.

Так как мне особенно неудобно отлучаться из дому в Середу — это день, в который я некоторым обещал быть дома, — то я отвечаю через Вас и думаю, что этим могу достигнуть всего, чего бы должен своим присутствием на Вашем журнальном вечере.

Желание видеть в Москве дельный журнал (не сборник навоза и алмазов), журнал сознательно действующий на народ, в широких размерах следящий за его деятельностью, это — давнишняя мечта, самое задушевное желание не меня одного, но очень многих. Убеждение, что такой журнал может быть теперь издаваем в Москве, что может быть, его легче издавать в Москве, нежели где-нибудь в России, во мне также совершенно твердо. Здесь, благодаря богу, столько дарований, столько трудолюбия, столько желания трудиться при некотором требовании и руководстве, что всем этим надобно только уметь пользоваться.

Итак, я отнюдь не сомневаюсь, что М[осквитяни]н мог бы здесь выделиться очень хорошо. Я также думаю, что выдавать хорошо М[осквитянин] было бы чрезвычайно выгодно для владельца привилегии: свидетельство тому Краевский, поднявший свой журнал [121] московскими силами, поддерживающий его с некоторым стараннем и имеющий слишком 50 т. р. чистого дохода, несмотря на все потери, которые он принужден делать без пользы для журнала и даже во вред ему.

Но, признаюсь, относительно М[осквитя-

ни]на я все как-то Фома неверный. И вот по каким основаниям. Отнюдь не потому, на что намекает М. П. в своем письме, отнюдь не по желанию, невозможному, чтобы М. П. пожертвовал своими убеждениями. Я уверен, что при желании войти в дело и понять друг друга, в убеждениях не может быть большого различия. Укажу только на важнейшие вопросы, на значение Петра Великого, на важность Университетов и образования, на необходимость ограничения крепости и т. д. Не различия в убеждениях, которого в сущности почти нет, удаляет от М[осквитяни]на людей, которые теперь его чуждаются, а суждения, основанные более на личностях, нежели на убеждениях. М[осквитяни]н до сих пор был недоброжелателен к большей части людей, которым журнал, считающий себя не делом частным, а общественным, был бы обязан отдать несколько более справедливости, хотя бы из расчета поддержать к себе доверие публики. М—н этого не делал, и потому что мы видим? Сколько суждений о разных лицах, высказанных в Петербургских журналах, оправдалось в последующем времени и сколько суждений М—на последующее время опровергало и постоянно опровергает? Восстает М—н против личности, будто бы западной, а где является личность так неприкрыто, так угловато, как в М—не, не говоря личность М. П., но личность всякого молодца, кому браниться угодно. Этому пример можно видеть, даже в последней книжке, пример, конечно, не увеличивший кредита к суждениям, которыми М—н открывает свои стра-

ницы. Поэтому и брань М—на вся решительно основана была с сих пор на личных отношениях, а от этого трудно отстать.

Далее недостаток разборчивости в выборе статей. М—н печатает «Банкрут» рядом с Кадетом, рецензии Деппа с рецензией (Студитского) на Шеппинга и не краснеет.

Наконец, колебания в понимании того, что такое журнал. Нападения на Пб. журналы повели к подражаниям мне же. А теперь важнейшею тут объявляет изящную словесность, следоват. М—н переходит к желанию копировать Соврем[енник] и становится из журнала альманахом. Альманах же, как известно, не нуждается в постоянных сотрудниках, его создание есть чисто дело книгопродавочное, а не редакторское, и для убеждений притом мало места. Альманах может занять важное место в литературе, только не как целое, а как футляр, в который воткнуто более или менее хорошее или драгоценное.

Я не упоминаю непостоянства в денежных отношениях, потому что оно может прекратится легко, как прекратилась неточность в выходе книжек. Прибавляю только одно: ежели М—н, действительно, хочет быть журналом, хочет следить за русской литературой и жизнью, то ему мало записывать имена различных людей в свои сотруднические списки, отчасти без их даже ведома; сотрудников настоящих и деловых он никогда не приобретет, если не будет поступать солидно и систематически при выборе сотрудников и выборе помещаемых статей. Должны быть известны главные

сотрудники и между ними должно быть некоторое согласие. Должна также редакция заниматься не только собиранием статей, но и браковкой, и при браковке руководить должно достоинство статей, а не личные отношения к автору. Вообще редакция должна *служить* журналу, и только тогда журнал будет служить редакции.

По всем вышеописанным обстоятельствам, быть постоянным сотрудником М—на и содействовать М. П—чу к основанию дельного московского журнала — это его слова, — я не решусь иначе, как ежели Вы убедите меня в возможности устранения упомянутых недостатков, ежели у М. П—ча будет особый, заслуживающий доверия, сотрудник-редактор для отдела наук, ученый признанный, ученый с именем, и ежели М—и назначит удовлетворительное вознаграждение за статьи, уплачиваемое вскоре после их появления. Но тогда я надеюсь, приглашенным буду в сотрудники не я один из нашего известного Вам кружка, и М—и будет поднят и, можно сказать с уверенностью, сделан лучшим русским журналом — общими силами, Viribus unitis, как пишет М. П.

Ежели Вы найдете нужным и приличным, Вы можете сообщить это письмо М. П—чу, как самый чистосердечный ответ на его предложение, а себя позвольте уверить в истинной преданности, с которой пребуду

Вашим покорным слугой

П. Леонтьев.

Рецензии на Стасюл. и Ф. я доставлю во всяком случае, потому что их книги мне уже знакомы. Только, при теперешних отношениях, без подписи имени.[122]

Лесков, Николай Семенович

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Я получил Ваше письмо и считаю себя обязанным поблагодарить Вас за этот скорый ответ, значительно разъяснивший мне дело. Соображения Ваши вполне верны и я, признаюсь Вам, не ожидал, что бы Вы могли отнестись к этому иначе, а писал к Вам под давлением неотступных просьб и в виду недоразумений, к которым постоянно припутывали Ваше имя. Мне постоянно напоминали, что об этом просите Вы, принимая в судьбе осужденного особое участие по каким-то Вашим семейным отношениям. Я был в величайшем затруднении, колеблясь между чувством сострадания и ясным пониманием неуместности и бесполезности всего стороннего вмешательства. Мне говорили, что вы можете что-то сказать и указать и что от Вас ежедневно ждут письмо, а между тем все настаивали, чтобы я ехал и просил. Мне ничего иного не оставалось, как отнестись к Вам прямо, и я это сделал и очень благодарен Вам, что Вы мне разъяснили дело. Понятно, что как мне ни прискорбно отказать бедной матери, но я в ее пользу ничего сделать не могу.

Пользуюсь случаем при этом просить Вас верить, что я действительно высоко ценю и уважаю Ваше имя.

Ваш
покорный слуга
Н. Лесков.

14 Февр., 1875 г.
Спб

Майков, Аполлон Александрович

Любезнейший Александр Николаевич, препровождаю к тебе наш приговор о пьесах на премию. Мы долго ломали голову, как поступить, ибо 10-й § Устава очень стеснял нас. Из трех пьес, конечно, лучше написана [*неразборчиво*], [123] т. к. в ней есть отпечаток [*неразборчиво*]. Но содержание — два убийства, рассуждения об них — и, наконец, заключающееся в заглавии как бы оправдание самосудного убийства — сделали для нас невозможным указать на эту пьесу, как на лучшую. Не знаю удовлетворили ли мы требованиям Общества, [124] но, ей богу, нельзя было поступить иначе, было бы против совести. Слышал я вчера также от Вышнеградского, что ты похварываешь. — Увы, и я тоже год от году все хуже, особенно тяжела была эта зима — печень и катарр кишек, при чем страшные по временам — боли. Дай бог летом починиться обоим. А ведь кроме шуток, рыболовство (с минеральными водами) поправляет меня месяца на три: эх жаль, что ты не пристрастился к ловле на искусственную мушку — это верх блаженства, когда зацепишь

хариуса или форель фунтов в шесть. Да и меньше недурно.

Твой

А. Майков.

17 Апрель,
1880.

Майков, Аполлон Николаевич

1

Почтеннейший и многоуважаемый Александр Николаевич. Крайне жалею, что я не успел поговорить с Вами как следует, всласть и досыта, когда Вы были в Петербурге, так что я Вас почти не знаю, а только составил себе об Вас идею. Портретам же, которые пишут друг о друге литераторы, я не верю ни на грош; только Писемский мог дать мне несколько правдоподобных черт, согласных с тем, что я о вас думал. Вы — большой человек и силы надлежащей; а главное, любите Россию: этого бы мне довольно одного, чтоб симпатизировать. В этой книжке [125] тоже все мои мысли о России: желал бы я знать, согласитесь ли Вы со мною; я думаю, что да, хотя по свойству таланта Вашего вы более склонны должны быть к анализу чем к синтезу.

Простите за множество иностранных слов скверная привычка. О-ох, когда-то приведет меня судьба опять в Москву.

Весь Ваш

А. Майков.

[1855].

2

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Узнавши от Вл. Ив. Ваш адрес, пользуюсь случаем попросить Вас передать Дрианскому, если он гостит у Вас, что его комедия [126] должна на днях поступить в набор; а так как конца ее нет, то потрудился бы переслать его поскорее. [12]

Ваш преданный
А. Майков.

[1871?].

Максимов, Сергей Васильевич

1

В расчете на всегдашнюю готовность Вашу, многоуважаемый Александр Николаевич, сделать доброе дело там, где улучшается участь и положение честных людей, обращаюсь к Вам с моею усердною и покорнейшей просьбою. Вызвана она желанием моего московского приятеля, пятнадцатилетняя дружба с которым убедила меня в его необыкновенной честности и в том, что где бы он ни пристроил свою деятельность, везде последняя будет возбуждать сочувствие и уважение. Рекомендовать его можно не стыдясь и рекомендовавши, — в этом не раскаиваться. Теперь он служит в Комиссии построения Храма Спасителя, но наскучив и желая лучшего, — он решился переменить службу на такую, которая давала бы ему больше досуга для его издательской деятель-

ности. К этому он видит благоприятный случай в следующем обстоятельстве: некто Посников, смотритель московских театров, вызван в Петербург и место его остается свободным. Жалованье не бог весть какое, но приятеля моего (Михаила Павловича Смирнова) соблазняет готовая казенная квартира и близость к Никольской, где он давно имеет немалые дела, требующие его ежедневных посещений. Если просьба за него у Неклюдова не затруднит Вас, обязательнейший Александр Николаевич, то этим Вы решительно осчастливите хорошего человека, который на перемену службы кладет большие надежды при Вашем веском слове у театрального начальства. Если не затруднит Вас несколько строк в ответ на наши обоюдные искания, то этим Вы меня бесконечно обяжете. Смирнов забежит узнать, куда Вы прикажете, а живет он сам на Пречистенском бульваре, в доме князя Оболенского. Нельзя ли пособить ему, и не стеснит ли это Вас? Только в последнем случае позволяют себе право надеяться на исполнение просьбы.

Ваш покорный слуга
и почитатель
С. Максимов.

19 Октября, 1865.

2

16 Декабря, 1865.
С.-Петербург.

Примите, бесценный и многоуважаемый Александр Николаевич, нашу общую сердечную благодарность и от меня лично и по пору-

чению Н. И. Костомарова, который придавал большое значение сообщенному Вами сведению. Теперь он не сомневается в том, что Кузьма Захарыч не был мелким торговцем из мясного ряда, человеком ведомым только в околотке, но был гуртовым торговцем-прасолом, который, благодаря своей профессии, имел больше средств быть известным даже и в таких не близких местах, каковы Ландехские палестины Пожарского, у которого он может быть и скотинку покупывал. С эпитетом гуртовщика Костомаров и поместил Минина в видном месте того рассказа, который написал он для народных книг, под названием «Истории Смутного времени». Это — сжатое сокращение из его большого труда, назначенного им в новый журнал Стасюлевича «Вестник Европы». В 4 книжках в год он намерен отпечатать все сочинение.

Теперь несколько слов о другом приятеле. Д. Е. Кожанчиков, памятуя обязательство свое начать печатанье Ваших сочинений в Генваре, приступает теперь к этому делу. Желание сделать его изящным побудило его обратиться в типографию Головина, работы которого действительно роскошны. Головин — аматер и любитель. Лучше его никто здесь не сделает. Если старик сойдется с ним, издание много выиграет; но беда в том, что занимаясь con amore Головин держит небольшое заведение; стараясь работать хорошо, — работает не скоро. Это обстоятельство может отдалить выход Ваших сочинений до конца Генваря, а может быть и до февраля.

Всегда совестливый и положительно честный Кожанчиков, из боязни навлечь на себя хотя малую тень сомнения, убедительно просил извинить его перед Вами. С особенною готовностью спешу заявить Вам это обстоятельство, весьма мне заведомое и от человека, за которого вполне могу поручиться. К ускорению выхода буду способствовать по мере сил моих, не задерживая корректур и тщательно их просматривая при помощи артиста Горбунова и в особенности в те дни, когда по многосложным и многотрудным занятиям его нет возможности отыскать его даже на случай пожара его собственной квартиры и имущества или рождения ему младенца в собственный род его и племя.

Старику сильно хочется похвастаться перед Вами изданием и перехвастать прежнее. До сих пор он был под самым строгим испытанием безденежным, ведя дела по трем магазинам среди всеобщего денежного кризиса. Теперь он с деньгами и прямо принимается за Ваше дело. Потом — думает приняться за Тараса Шевченко, чтобы после долгого молчанья, объявиться молодцом. Славный он человек!

Будьте же, (?) обязательнейший Александр Николаевич, и не забывайте душою и сердцем преданного и глубоко почитающего Вас

С. Максимова.

P. S. Агафье Ивановне мой глубокий поклон.

3

Спешу ответить Вам, глубоко мною чтимый и от всего моего сердца возлюбленный Але-

ксандр Николаевич, на письмо Ваше, полученное мною третьего дня. Вчера же, утренним временем, восходил я из смиренные келлии моея в синедрион обители оскудевшего благочестием балабаевского согласия нашего, и в тихих разговорах вопрошал отца казначея Димитрия о положении вверенной попечению казны его. Богомудрый и неленостный на подвиги благочестия и благотворения старец ответствовал мне, что ускудела сокровищница его до дела от бездождия и безхлебия всея земли. В воздыханиях же усмотрел я великую тугу и печаль его сердца о предлагаемом. Позван был и еще один от рачителей книжного писания, казначей малого образа и пострижения, от мирских людей, Звонарев некто, и с ним совет сотворили, но обрели токмо тугу единую о нестроении света сего и о оскудении сокровищ земных. Звонарев изрек некоторую сумму динариев, но в толико-малом числе, что я токмо по смирению сана моего не изрек хулы моея и не отдал его под запрещение. Тщетны были искания, моления и прошения моя да сбывается реченное: «оскудели житницы людские и сокровища земная оскудеша и Израиль на страх приидох: несть творяй благостыни, несть до единого». Желание сердца моего ни во что же вменены бывают! Подобало и моему смирению еще на неделю Православия во святую и великую четыредесятницу приять за писания мои от отца келаря и казначея нашего Димитрия пенязей яко с два ста и умолен был от него пождать до дня Пентикостарии или Светоносные недели.

С сокрушением сердца моего извествуя Вас о сем бываемом, прошу принять мои пожелания да управятся пути Ваши на благие начинания Ваши, кои да уготовят путь Ваш на тихое и безмолвное житие в благословенных странах отечества нашего.

С таковыми пожеланиями остаюсь на всегда по мере сил моих и возможности в готовности делать Вам угодное и радеть о полезном, когда приблизится время благоприятное и благодатное. О всем прочем на сей раз помолчу.

Об обращающемся в духовном родстве со мною Иоанне Федоровиче сообщить ничего не могу: на старом пребывает, мало вижу. Михаила Николаевича на днях имел большое удовольствие видеть и с ним мало беседовать; нашел я его в добром здоровьи, какового и Вам желает от всей души

богомолец Ваш
Сергий Максимов.

Неделя о мироносицах.
Суббота, 20 Апреля, 1868.
Град Св. Петра.

4

12 Сентября, 1868. Спб.

Исполняя желание Ваше, многоуважаемый Александр Николаевич, желание, о котором передал мне Бурдин, я в тот же день поспешил собрать предварительные сведения, а вчера поговорил с Кожанчиковым в настоящую. Утешительного к несчастью — мало. Предварительное следствие убедило меня в том, что Ко-

Жанчиков совершенно без денег: вот два месяца, как я не могу получить с него ста рублей и лишь только представилась ему возможность к тому, на него воспоследовал иск некоего Добротворского, у которого он взял, но не отдал сочинения о Божьих людях, дополненного по тому, каковое было напечатано в Православном Собеседнике в Казани. Иск в 700 рублей. И хотя в то же время, когда я подговаривался к нему,— тут же, в Балабаевке, был и сотоварищ его Звонарев, который хотя и пленился уступкою, но вместе с Кожанчиковым уверял меня, что торговля чисто-литературными произведениями сильно упала и до сих пор задерживается до того, что на сочинениях Ваших они еще не выручили всех затрат. К тому же осеклись на двух изданиях (истории Чехии и еще на чем-то) так, что сидят без денег и в боязни значительных затрат. Разговор с келарем наедине тоже не повел меня далеко, да и время-то настоящее не совсем удобное; платежи задерживаются и торговля еще не шевелится. Надо будет попытаться в начале зимы: надеюсь тогда уладить и с меньшею с Вашей стороны уступкою. Настоящая настолько соблазнительна для обоих, что только действительное безденежье может препятствовать их согласию.

Как ваше здоровье, дорогой наш Александр Николаевич? Поправил ли Вас родной воздух при таких отличных условиях нынешнего лета? От Бурдина всего узнать не успел. Михайла Николаевича видел вчера на бенефисе Ивана Федорова издалека в бельэтаже.[128]

Принимали хорошо, хотя спектакль прошел как-то вяло; домой повез он букет с турецкой барабан рост[illegible], венок с буквою Г, но из той же травы, зато серебряной поднос величины чрезвычайной и серебряный самовар, каковый только у вятских откупщиков в давние время можно было находить и видеть. Сегодня поит актеров, которые впрочем отнеслись к нему с большими капризами: Бурдин даже целой монолог из Самодуров проглотил. Постарались Самойлов и Паша Васильев, да Линская в его пьесе играла так, что редко случается видеть такую совершенную и законченную отделку. Играла она поразительно хорошо и правдиво. Театр был полон и из друзей один Кузнецов за два кресла заплатил сто руб. Это ему на новоселье у Измайловского моста, вот как кстати! Бельэтаж был занят почти сплошь благопряителями: одна ложа Некрасова, другая рядом — Унковского, третья — мирового судьи Яковлева, дальше Тарновского, потом Михайлы Николаевича, Лапушинского, и так точно, как сидим около него. А сегодня, после ясных дней, первый дебют осени: не хуже дебютов итальянских певцев. Дождь необычайный и холод со скрежетом зубовным: подвязанных щек в театре вчера наверное на половину. Все стало быть благополучно.

От всего сердца желаю Вам душевного спокойствия и больших удач, в расчете на каковые остаюсь сердечно любящим Вас и искренно Вам преданным

С. Максимов.

Сел за работу для Некрасова:[129] хочу выстроить первый ряд каторжных героев, начиная с бродяг невинных до злодеев: с Мишки Никитина до Ивана Петровича Коренева: полячки есть любопытные и между ними Бениовский, который убит, будучи в звании короля на острове Мадагаскаре. Дальше стану перебирать задние ряды, чтобы дойти до отечественных, собственно российских бродяг, из отдела нищих, кубраков, булынь и прочего.

5

Поручение Ваше, дорогой мой Александр Николаевич, я не мог исполнить лично, прихворнув порядочно сильным желудочным расстройством, сопряженным с крупным лихорадочным состоянием. Но лишь успел выползти из постели, то и отписал в обитель[130] и вот что получил в ответ (посылаю Вам старцово послание в подлиннике). Полагаю, что кривить словом не станет, да и не выгодно в виду того, что он уже одному (именно мне) отказал. После завтра (т. е. в четверг) я все таки лично наведаюсь за справкой с извещением, что если деньги вышлет в пятницу, то Вы их в пятницу все-таки получить не успеете, а не признает ли он удобным телеграфировать в четверг, напр. Салаеву и в тоже время Вам. Со мной он поступил отвратительно, и если не поступит с Вами так же, то я и буду утешен тем более, что еще не все надежды потерял.

В надежде на успех моих сношений, смело желаю Вам праздничных радостей и поздрав-

ляю Вас с наступлением Праздника, а также и обязательнейшую Марью Васильевну, которой приношу мою искреннюю, хотя несколько и запоздалую благодарность за московской подарок. Чаек пил, похваливал Москву, вспоминал и тосковал, что не случилось на нынешний год так, как было это в третьем году. Деточек Ваших прошу поцеловать за меня.

Со всегдашним глубоким уважением и душевною преданностию остаюсь

Готовый к услугам

С. Максимов.

23 Марта, 1871.
Спб.

P. S. Куму и Другу моему Ивану Федоровичу Горбунову, несомненно богомольствующему во Кремле — крепком городе, прошу от меня поклониться при свидании.

6

16 Сентября, 1871. Спб.

По вызову двух весьма существенных и серьезных обстоятельств пользуюсь случаем для приятных переговоров с Вами, дорогой мой Александр Николаевич. Руководясь самыми искренними побуждениями из глубокой и сердечной привязанности моей к Вам, я, по приглашению Звонарева, принялся за чтение корректуры Ваших переводов с желанием наиболее опрятного и порядочного издания их. На днях прочитал уже двенадцатый лист, так что к средине Октября есть надежда к окон-

чательной подготовке переводов к выпуску. Задерживает Звонарева Ваше обещание дать ему в начале предисловие, о котором он и поручил мне напомнить Вам, прося выслать по возможности в непродолжительное время.

Второе, — и самое главное, — по наведенным справкам оказывается настоятельная надобность в новом издании всех Ваших сочинений, так как изданные весьма уже позабрались. Но так как справками этими рачительно и с замечательным усердием выяснил дело друг и кум мой Иван Федорович Горбунов, то и предоставляю ему самому разъяснить Вам эту сторону дела. На покупку [131] охотится Звонарев и укреплен нашими с кумом моими усилиями в такой степени и мере, что уже стал настаивать о немедленном сообщении Вам. С своей стороны с большою уверенностью рекомендую Вам сего мужа, во всяком случае человека хорошего, а по сравнению со старцом искусившемся до дела плутовства, — человеком более легким на дела и расчеты. Если так у него теперь по малой испорченности и по свежести впечатлений от ходовых дел и удачных книжных операций, то само собою с ним дела вести приятнее и предпочтительнее. Он и легче и проще, да и под контролем будет всегдашним. У меня с ним завелись отношения на продолжительное время при хороших условиях и под добрыми предзнаменованиями. Решаюсь рекомендовать его Вам по собственным наблюдениями и опыту. Я ему отдал две книги (Год на Севере [132] и Востоке) [133] и вижу во 1-х, что у него дело горит, а не лежит в ожидании за-

беглого и охотливого покупателя, как у Кожанчикова, а во 2-х расчет ведет верно и не тянет ни минуты. В сочинениях же Ваших он спознал вкус со стороны, доступной его пониманию и, вероятно, на первых порах, по науке Некрасова и личной привычке, будет прижимать, а потому я бы просил Вас передать мне к руководству в переговорах с ним две статьи: желаемую Вами сумму на случай сбавок и вторую тот крайний предел, дальше которого сбавлять нельзя. Общими силами с Горбуновым мы повели бы разговоры на подъем цены высший; а свое последнее сказали бы после переписки с Вами. Время приближается хорошее: у книжников к ноябрю деньги. Сообразите свои намерения по тем соображениям и при тех расчетах, что Звонарев, имея издание в безраздельной своей собственности, с'умеет *произвести товар*, лучше всех других книжников. Он будет делать большие уступки %, подвигать к новому изданию неизмеримо — скорее Кожанчикова и будет остаточные считать честнее и вернее. Это я испытал на себе, а потому охотливее решаюсь говорить Вам, под побуждением самых сердечных и искренних желаний сделать Вам лучшее и более близкое к идеалу.

Буду ждать от Вас приказаний и спешу заручить Вас моею полнейшею готовностью вести все дело Ваших переговоров по тому плану, который Вы выработаете и сообщите.

душою и сердцем
Преданному Вам
С. Максимову.

Марье Васильевне шлю мой искренний и душевный привет. Детей крепко целую. Письмо пишу в Москву, — авось Вы уже возвратились из родных наших палестин.

7

Не успел я отвечать Вам, многоуважаемый и дорогой мой Александр Николаевич, в скором времени о переговорах с Звонаревым по той причине, что он выпросил время на размышление и размышлял очень долго. По расчетам его в виду такой большой работы с огромными затратами на все шесть томов, выяснилась такая недостаточная сумма, что я решился прекратить с ним всякие разговоры. Я выслушал от него следующие соображения: по 800 руб. за изданные уже несколько раз томы он считал почти необходимым; две тысячи находил обязательными для нового, шестого. Присчитывал типографские и бумажные затраты и его обычные 30% уступки при продаже полусотнями и сотнями, он находит дело, дающее ему выгоды около 1½ тысяч с обязательством выжидания, ему непосильным. Оставив его и обратившись к Кожанчикову, я услышал то же самое с заявлением невозможности книгопродавцам не столь богатым, как московский Салаев или здешний Исаков, разом сделать это дело, не издавая по частям и притом не более 3 тысяч за четыре тома. Звонарев и бежал от того, что на старые пять томов выкладывая по 800 (за четыре) и 1000 за пятый, т. е. надеясь на 4200 руб., ожидал от меня услышать

пять, но, не имея Вашего разрешения, я не выговорил цифр, а обещался написать Вам, чтобы выслушать Ваше желание. Порешили мы на том, что он доставит мне расчет, но вместо того я услышал отказ, который на этот раз вызвал с моей стороны сетование ему за то, что он, затеявши переговоры, не взвесил их данных предварительно и поставил меня в досадное положение. Если здесь кроется только боязнь его перед Кожанчиковым, который также высказывал мне желание издания Ваших сочинений, — то это лучшее. Кожанчиков впрочем более положительные намерения высказал вчера и сегодня на один шестой том и лишь выразил желание знать те пьесы, которые Вы намерены поместить туда. Сегодняшний разговор (утром) происходил именно после того уже, когда ему, сделав предложение, просил высказаться тверже. Для других прежних томов он еще не признает времени наступившим. Думаю, что за шестой он будет предлагать две тысячи — и во всяком случае эта норма может быть для Вас исходною. В свое время, когда он будет приступать с решительными разговорами об этом томе, я поспешу немедленно известить Вас. Три же тысячи за старое, плюс 2 тысячи за новый том, — это именно та цифра, которая, представляет собою столько отдаленный minimum, что и разговаривать с ними не стоит. Тут что-нибудь из двух: или не кулак, соблюдающий свои барыши до копейки, но с гарантиею выше меры, а солидный издатель, умеющий ценить покупку и способный вносить в литературу приобретение или

собственное издание, собравши все силы до последних, чтобы не быть в руках эксплоататоров. Теперь уже становится крайне-обязательным издание Ваших сочинений в возможно-лучшем, даже роскошном виде, который был бы диаметрально-противоположным тем изданиям, которыми до сих пор пробавляли публику (исключая кушелевское). На такое дозволение может вынудить конечно одна нужда, но нельзя ли найти любителя литературы и ценителя ее, а не любимцев книжного счастия и ценовщиков с толкучего рынка. У Вас в Москве первых больше, т. е. по крайней мере есть они, а во всяком случае лучше подождать, потому что действительно томы Ваши вышли из соблазнов нашего книгопродавчевского дела. Большая затрата на издание и стало быть велик соблазн на сбавку авторской платы: ничего тут не выйдет, кроме скрежета зубовного на скверное и уродливое состояние нашей книгодельной торговли. Звонарев из избалованных удачами его книг с рисунками, которые он покупает за гроши, а выручает тысячи. Кожанчиков — старый воробей, который ступает так осторожно, что боится даже и чулки отморозить. Неожиданный для меня отказ Звонарева кажется мне отчасти делом их легонькой стачки, хотя, по началу судя, Звонареву хотелось итти отдельно от него. Будем послушать — могу сказать с петербургскими немцами и перестану напоминать, чтобы не видели навязыванья. Сдается мне и то, что книжники, делая теперь годовые заказы и именно теперь, и сами без наличных до конца ноября или де-

кабря. Оттого и разговор с ними тяжел и неподатлив. О роскошном издании, как необходимости, они и сами говорят теперь.

Переводов Ваших прочел сегодня 20-й лист; а будет 23. Теперь, получив предисловие, стал погонять.

Новостей никаких, пока не разбежались, не разыгрались, не разговорились, да и я все сижу дома над Белоруссией, придя к заключению, что надо делать книги, а издавать их самому. Часть работ сдам в журналы, полученные деньги уберегу частию на бумагу, частию на типографию с условием окончательного расчета по выходе книги. Попробую этот способ, если не проживу в здешнем омуте все то, что получил.

Марье Васильевне мой душевный дружеский привет. Детей целую, а затем и навсегда остаюсь душевно-преданным и искренно почитающий Вас

С. Максимов.

3 Ноября, 1871.
Спб.

Мей, Лев Александрович

1

[1850?]

Никак не мог я быть у Вас эти дни. почтеннейший Александр Николаевич, но ежели Вам можно, заезжайте часу в 12-м в контору Москвитянина (на Моховой) завтра, т. е. в се-

реду. Я был у Погодина, говорил с ним и завтра поутру мы бы могли переговорить и написать условие, которое он обещал подписать. Жду Вас завтра до 3-х часов в конторе. Напишите да или *нет*.

2

[1851?]

Мне не здоровится, почтеннейший Александр Николаевич, пришли две лихорадки разом: собственно лихорадка и лихорадка вдохновения. Поэтому я не могу быть у Графини,[134] которой прошу передать мое нижайшее почтение. Посылаю вам *Мирко*. Картамышев в конторе.

До свидания.

3

С.-Петербург, 19 Апр., 1858 г.

Позвольте мне, многоуважаемый Александр Николаевич, познакомить вас с вручителем этого письма, Александром Александровичем *Оболонским*. Ему разрешено новое повременное издание: «Народное Чтение».

Вероятно, вы с полным участием выслушаете программу издания и не откажете ни в благом совете, ни в возможном содействии Г. издателю.

«*Народное Чтение*» основано прочно и в вещественном отношении вполне обеспечено.[135]

Затем судите сами.

Теперь приношу вам и старым московским приятелям моим искреннее извинение: я не прислал ни вам, ни им книжки моих стихотворений.[136]

Но причина очень законная: книжка — собственность г.г. издателей, и у меня самого ее нет, то есть — есть, да в корректурных листах.

В замен ее посылаю вам «*Песню про княгиню Ульяну Вяземскую*». (Происшествие занесено в IV-ю Новгородскую летопись, под 1407 г.).

Прочтите ее в дружеском кружке и напишите соборне и откровенно — попал ли я в колею.

Она назначена для «Русского Слова» (будущее изд. Гр. Кушелева).[137]

Затем — храни вас Господь и все его Святые.

Ваш *Л. Мей.*

[Сбоку:]

Прову Михайловичу и Евгению Николаевичу мой усердный поклон. Также и Николаю Васильевичу.

[На 4-й стр.:]

Живу: против Николаевской железной дороги (на Лиговке), в д. *Петровой*... Не завернете ли когда?..

Мещерский, Владимир Петрович

1

Милостивый Государь,
Многоуважаемый Александр
Николаевич.

Дозвольте мне во 1) как внуку Карамзина, 2) как глубоко искреннему ценителю Вашего таланта и 3) как «Гражданину» [138] иметь удовольствие и честь скромным у себя пиром почтить Вас, как скажет сердце — в Пятницу, 18-го сего февраля, хотелось бы соединить несколько приятелей Ваших и моих за обедом у себя в этот день и прошу Вас сделать мне честь пожаловать на обед виновником торжества и почетным Гостем.

Если не можете в Пятницу, то в Субботу, но об одном прошу Вас, не откажите мне в моей покорнейшей просьбе, и не уезжайте в Москву — не доставивши мне того удовольствия, которое прошу у Вас.

Я пишу Тертию Ивановичу, чтобы он мне помог Вас убедить, на тот случай, если сердечное мое слово для Вас недостаточно.

Собираюсь к Вам и к брату Вашему лично Вас звать, я потому пишу, что сегодня выехать не могу, а между тем заранее надо запастись Вашим согласием, или (чего не дай бог) Вашим отказом. Пока пр[ей]мите уверение в моем искреннем почтении и преданности.

Князь *В. Мещерский* [139]

Вторник, 15 [1872 г., июнь].

Микешин, Михаил Осипович

1

Александр Николаевич.

Что бы значило твое долгое-долгое молчание? Я и ранее — уже беспокоился об этом; но из газет узнал, что ты в Харькове хоронил своего брата,[140] а потому немедля и выругал себя за сомнение в твоем охлаждении к моему делу.[141] После того прошло столько времени, что я уж не знаю, что и подумать...

Разреши, родной, мои сомнения, а то я сижу сложа руки и жду погоды; время моего отъезда заграницу приближается, а с делом «о Святых»[142] — я боюсь остаться на мели...

Не прислал ты мне (по уговору) и № Москвы, где была статья о Карагеоргии...[143] ну да этому виною Харьков.

...«Не позабудь меня в дали.
Не разлюби меня в разлуке».

Ваничка на днях был у меня (с Шенком) и сказал, что бенефис его отложен до осени, чему он очень рад.

Ответь, пожалуйста, если есть тебе какая-нибудь возможность это сделать.

Искренно любящий и уважающий тебя

Миша Микешин.

25 Апр., 1868 г. Спб.

2

Прелестный и Преславный
Александр Николаевич.

Затерял я твое последнее письмо с твоим провинциальным адресом, а потому и письмо это (т. е. мое), и посылку, которая при сем, я отправляю к тебе в Москву.

Как помнится, в твоем последнем письме, — ты писал о том, что страшно занят и что не успел еще для меня устроить ничего солидного и советуешь мне с своим делом пуститься по пути газетных реклам и публикаций, а между прочим, чтоб я выслал тебе (кажется в Кострому) экземпляров 300 моего издания,[144] кот. ты постараешься раздать, так ли?

Заметно мне из этого письма, что ты — Александр Николаевич — действительно, был занят другими мыслями и делами, когда писал мне последнее твое письмо. Этими рекламами я могу в самом же начале дела вполне подорвать его, п. ч. тотчас же поражу ими во всех концах тьму всяких конкурентов. Другое дело — выбрать дорогу реклам и публикаций — когда дело мое прочно станет на ноги, когда у меня будет издано несколько десятков, а теперь, при первом образчике, — это невозможно.

Посылаю тебе 25 штук Св. Георгия.[145] На такой отличной бумаге, с золотом и так отчетливо напечатанные (ручным станком), они пока обходятся самому мне ни как не менее 12 коп., при дальнейшем печатании стоимость их низойдет до 7—8 коп.

Я для того посылаю тебе эти экземпляры,

чтобы ты, коль можешь, роздал бы и показал их оптовым торговцам или по монастырям, чтоб устроить их сбыт, т. е. чтобы мне сделали заказы. Назначить же цену предоставляю твоему соображению. Св. Никола готов будет к осени.

Через неделю я уезжаю в Сербию и в Крым и возвращусь в Питер не ранее половины Сентября, следовательно, до того времени, при счастливых обстоятельствах, ты-б кое-что и мог устроить для меня — твоего поклонника и богомольца М. Микешина.

На случай, если б скоро, до моего возвращения, произошел бы заказ, то выписать можно так:

Главное Адмиралтейство в мастерской Худож. Микеш., Ив. Вас. Подольский.

Будь здоров и весел.

Твой *М.*

[1869?].

3

Милый друже,
Александр Николаевич,

Я в Москве — на неделю. Перед выездом из Питера видел Ивашку Горбунова, он сообщил мне, что ты еще благоденствуешь в деревне. Пишу это письмо —на уру. Авось ты здесь! — Отзовись, милый!

Твой *Миша Микешин.*

[1871?].

Живу в меблирован. комнатах № 1. У Никитских ворот, в доме Никитской аптеки.

4

22 Окт., 1871 г. С.-Петербург.

Друже мой милый,
мой милый художник,
Александр Николаевич.

Знаешь, брат, что я надумал: авось из письма этого может выйти толк и для меня, и для тебя, и для самого искусства.

Последнее время я много читал тебя и видал на сцене, проверяя твои чудные типы с их воспроизведениями на сцене, меня обижало, как художника, очень частое искажение того наружного облика (типа), который непременно должен бы был служить ясным зеркалом его психических особенностей. Искажения эти делаются или по недостатку у актера строгого художественного «нюха», или по беспечности и т. п. причинам. Изредка публика приходит в восторг, если актеру *удастся* верно одеться и гримироваться. Ко мне, за моею художественною помощью, в разные времена обращались не только Самойлов, Васильев, Сетов, Горбунов, Бурдин и др., но и такие кометы — как Рашель и Ольдридж...

Ты знаешь, Александр Николаевич, что я и по крови, и по симпатиям, — человек и художник — русский; по рождению и юности — провинциал; 20 лет уже я живу в Петербурге, соприкасаясь ко всем кастам и слоям столичных населений Москвы и Петербурга; много путе-

шествовали и заграницей и по Империи, изучая коренное население России и его суррогаты; по беспрестанно встречающейся необходимости при моих историко-скульптурных работах, я достаточно подготовлен с археологической стороны русских одежд и вооружений; все сие взятое вместе, дает мне смелость полагать, что кабы мне специально было поручено рисовать для наших Имп. театров, т. е. для драмы, комедии и пожалуй — оперы, не только костюмы, но и самые типы играемых пьес, то это бы было на пользу и авторам, и актерам, и Дирекции, и публике... Как ты полагаешь? Если ты с этим в принципе согласен, то не откажи дать благой совет: как и с которой стороны мне начать хлопотать? Мне казалось бы, что ваше коллективное заявление (т. е. членов общества Драматических писателей) пред начальством о полезности этого дела, могло бы много помочь мне. Некоторые говорят, («богу молися и чорта не гневи»), что надо начать с низу, т. е. заручиться согласием на это дело Яблочкина и Федорова. Не знаю так ли это; во всяком случае, до получения совета от тебя, я не начну по этому поводу никаких действий; а ты, милый, не замедли, пожалуйста, этим советом.

Жалею, что не мог показать тебе проекта твоего «Несчастливцева»,[146] которого я сделал для Ф. А. Бурдина, было бы крайне интересно знать остался ли бы ты им доволен. А впрочем увидишь в последствии.

Не удачно я был ноне в Москве: тебя там не было. Ты получил ли мое городское письмо, которым я пытался знать, не в Москве ли ты.

Искренно целую тебя и твоих деток, а жене почтительно кланяюсь.

Твой *Миша Микешин.*

P. S. Что ж крюк-то стрелецкий — что ты мне подарил? — Ответь поскорее.

Живу в Глави. Адмиралтействе.

5

Друже,

Александр Николаевич.

Вчера получил я твое письмо, и вот, во второй раз на одной неделе, — пишу тебе и на этот раз, — сидя в конторе Собрания Художников.

Письмо твое я переслал Н. Потехину и, собравши справки по твоему делу, передаю их тебе: никто из числа членов комитета или собрания и в мыслях не имел причинить тебе какое-нибудь неудовольствие, а коли это случилось, то все мы вместе и каждый порознь готовы просить у тебя извинения. Тут ведь сыр бор разгорелся не от несоблюдения твоих авторских интересов, а просто-напросто от нашего приятеля Теодора Бурдина, да от некоторой неловкости г.г. Боборыкина, да Потехина, которым поручено комитетом специальное завед[ыв]ание драматической частью наших вечеров, они же оба суть и членами вашей лиги драматических писателей.

Только накануне спектакля, вечером, когда розданы были уже билеты, Бурдину вздумалось предъявить свою претензию и притом

в таком смысле, что он есть репрезентант Театральной Дирекции, а потому, мол, и воспрещает постановку твоей пьесы;[147] он ссылался на § 1684 улож. о наказаниях, начали разбирать и толковать эту туманную статью, соображаясь со смыслом еще не утвержденного устава «Общества драмат. писателей», подержали даже пари, хотели телеграфировать к тебе, просить дозволения; но убоялись того — что как ты — да не позволишь!!! Отменять пьесу — было уже поздно, ее пришлось бы съиграть и — тогда уже это значило бы нанести тебе лично неприятность... Поняли это дело так, что постановку пьесы не играной на имп. Театрах, — хотя напечатанную, можно автору воспретить, а так как твоя пьеса шла уже в Москве и нигде не оказалось закона, который воспрещал бы постановку (разумеется не бесплатную) в других городах Империи таковой пьесы, то сказанные распорядители признали за собой полное право постановки пьесы. Это, опять же говорю, совершилось без ведома Комитета, который, узнав от меня о твоем неудовольствии, поголовно опечален, желая вечно оставаться с тобой, милый мой Художник, в наилучших отношениях.

А затем — целую тебя, и коли что тебе не ясно в этом торопливом письме, то предоставляю дальнейшее пояснение Николаю Потехину.

Твой поклонник и друг

Миша Микешин.

23 Окт., 1871 г.
С.-Петербург.

6

8 Декабря,
1871 г.

Друже,
Александр Николаевич.

Я у тебя с Шумахером. Он был у тебя и ранее, но не решился самолично просить тебя о том, о чем так слезно просили тебя Горбунов и я, т. е. об участии твоем в завтрашнем вечере, даваемом Шумахером в Клубе.

Голубчик мой сизенький, — не откажи! — Тогда мы заявим это и в газетах.

Твой *Миша М.*

7

15 Апр., 1872.
Спб.

Христос воскресе,
Милый друже
Александр Николаевич со своею супругою и малыми детушками!

Лобызаю вас троекратно по обычаю христианскому, да еще по чувству дружбы и любви, которую я неизменно питаю к вам до века.

Миша Микешин.

8

27 Марта, 1873 г. Спб.

Гениальный друг мой
Александр Николаевич.

Прости, что замедлил с ответом, но в последнее время со мною случились передряги,

от кот. голова шла (и еще и теперь идет) кругом. При свидании все расскажу, а писать о них — многословно, и не удобно.

Теперь о твоем поручении: Занят я теперь «как 20000 братьев». Рисунок к твоим Берендеям [148] — кабы один, — я мог бы еще сделать тебе в альбом, — с радостью; но их нужно для другой потребы и сделать целый десяток, чтобы, на случай, коли который не понравится, — то было бы чем заменить; а это выходит уже не удовольствие — а копотливая работа, кот. я еще и не знаю из твоего письма — будет ли и в каком размере оплачена. Коль желаешь, чтобы я немедля этим занялся, то разреши скорее этот вопрос.

На счет «недорого» памятника на могилу Садовского, на первый раз предлагаю что-нибудь в этом роде: Хотелось бы, чтобы определили: на какую сумму трактовать памятник? Можно бы вместо профиля-барельефа, делать горельеф или бюст, а то и целую фигуру. Все — что прямые линии — архитектура, может быть сделано из гранита, а для дешевизны — из мрамора — или даже плитняка. А остальное, т. е. скульптура — из бронзы, или, для дешевизны — из чугуна.

[*Рисунок памятника.*]

Справа фигура поставлена для масштаба. Форма памятника вышла в стиле Людовика XVI; но можно в этом роде начертить и в русс. стиле. На задней стороне может быть помещена соответствующая надпись. Коли эта идея нравится, то напиши, я хорошенько обдумаю,

нарисую серьезный проект и смечу возможно скромную смету. (А это начерчено мною — как видишь — без помощи даже карандаша и линейки.)

Теперь вот еще что:

У нас, в собрании художников, во славу твоего (и без того) — славного имени собрано по подписке около — или несколько более 900 руб., чтобы на них образовать стипендию от Спб. Соб. Художников твоего имени в народной школе на месте твоей родины. А еще, у нас, на нашей интимной пятнице (ты знаешь наш кружок) собрано тоже для народных же школ в память 19 февраля — около 350 р.

Вот мы и думаем соединить эти деньги, да и предоставить их для вышеопределенных целей в твои руки, чтобы ты уже сам наблюл — дабы не попали они в карманы чиновников, а то — пожалуй и казны, т. е., чтобы в существующей уже на твоей родине народной школе прибавилось бы к контингенту имеющихся учеников и стипендиатов, — еще не менее двух — от Спб. Соб. Худ. с сказанными наименованиями.

Ради бога, тотчас же напиши мне на этот счет свои соображения, чтобы я ими мог руководиться в предстоящем Общем Собрании, что будет у нас в начале Страстной недели.

Будь здоров, милый мой голуба, передай мои пожелания всякого добра — твоей супруге, а детвору свою расцелуй от меня.

Твой *Миша М.*

(с сегодня — редактор «Маляра»). [149]

9

26 Марта, 1876 г.
Ст. Стрельна.

Друже
Александр Николаевич.
Благослови!

Волею обстоятельств и собственного желания сделался я ныне редактором-издателем русской иллюстрации «Пчела»; в сообществе с таким солидным человеком, как профессор А. В. Прахов, я надеюсь в этом, новом для меня деле, не уронить. столь уже долго и бережно хранимую мною, свою репутацию. Конечно. один в поле — не воин, и мне — без солидных и надежных сотрудников — не быть; вот я уже и заручился сочувствием некоторых почтенных людей, и опять же, без твоего родительского благословения — мне невозможно, думаю; лишне было бы распространяться о нравственной и материальной пользе, которую может принести всякому журналу твое даровитое участие. и на основании лишь этого просить твоего сотрудничества... Попробую попытать с другой стороны.

Я уверен, что у тебя найдется (если не в рукописи, то в голове) что-либо из твоих произведений, которое и сам бы ты хотел видеть серьезно иллюстрированным: вот я бы и дерзнул из всех своих художественных сил воспроизвести твои идеи — частью — передать, частью — пояснять, частью — досказать то, что бы ты сам пожелал поручить моему профессиональному

искусству... Коли бы ты восхотел загнуть что-либо в русском легендарном, сказочном или фантастическом пошибе — с чертями, лешими, домовыми, русалками, кощеями и т. п., то это бы мне было сугубо на руку...

Не откажи, родной, век не забуду ласки.

А может быть и то, что мне так удастся попасть своею иллюстрацией на твой вкус, что это было бы началом целого ряда твоих оригинальных произведений!? Ведь мне иногда кое-что удавалось.

Сжалься и не замедли ответом: да или нет? На случай же твоего родительского согласия, не поленись по возможности распространиться и дать мне этим возможность войти в преддверие твоих идей. Сердечно любящий тебя и высоко чтущий тебя

Миша М.

Живу

По Балтийск. ж. д.
ст. Стрельна,
собств. дом.

10

17 Апреля, 1876 г.
Ст. Стрельна.

Спасибо тебе, друже Александре Николаевичу, за твое радушное письмо; но я бы дорого дал, кабы в нем не было одной незначительной частички «*бы*»: на мою просьбу ты отвечаешь «с великим *бы* удовольствием» и пр.

Ох, кабы не это «*бы*»; но все же ты мне, как я понял, не совсем отказал в сотрудничестве,

а это мне в настоящий момент — сугубо важно, ибо дело-то мое с редакторством и соиздательством приходит к такому фазу, что я волей-неволей, делаюсь полным хозяином журнала,[150] а стало быть, все иго его, безраздельно и непосредственно ложится на мои рамена. Если я еще при этом добавлю тебе на ушко, что подобная роль ставит меня, неопытного по этой части пионера, на острие риска всем моим состоянием, то ты тотчас поймешь, что расчет мой на твою дружескую помощь в данный момент — не есть лишь обращение к твоей любезности, а серьезнейший расчет на помощь от человека в трудный и критический момент. на человека, другом которого я имею честь и справедливую гордость называться уже много лет. Притом тебе необходимо пояснить, что из своего журнала, с божьей помощью, да с помощью достойных русских людей, я тщусь сделать что-либо вполне самобытное в нашей иллюстрированной журналистике, т. е. установить весы литературного и художественного отделов так, как это еще не бывало в наших иллюстрациях, и как мне кажется, этого мне можно достигнуть скорее всяких Марксов, Гоппе, Генкелей, Бауманов и т. п.

Не облегчил ли бы я тебя, если бы прислал тебе несколько эскизов или по части русского «жанра» или из рус. народ. эпоса? На конец-концов, не изобразишь ли ты чего в виде лишь анекдота или легкого рассказа; но рассказанного тобою, — А. Н. Островским?

Сережа Максимов пишет мне «Историю Русской бороды».

Ванюха Горбунов — делает мне свой рассказ.

Начал я также переговоры о сотрудничестве с А. Потехиным; а С. Максимов напишет о том же к Писемскому.

Мордовцов дал уже свое обещание.

Шаффарик и М. Миличевич, из Сербии — так же.

Видишь, твоему славному имени не будет одиночества и зазора; следовательно, и с этой стороны участие твое не будет для тебя сверхсильной жертвой...

Генух! [151]

Ведь в самом деле, если ты захочешь внять моей просьбе, то всякие вспомогательные ухищрения с моей стороны излишни, не правда ль? Сделаешь это и «так».

Вечно твой

Миша М.

Семье твоей — мой привет.

Ст. Стрельна, собств. дом, Петергофск. ж. дорога.

По поводу виньетки к драматическому сборнику объявляю тебе, что какой тебе угодно величины и содержания, за тобою же назначенный гонорар и в любой срок я сделаю для тебя со страхом божиим и неукоснительно. Хорошо,

еслиб ты подсказал, что по твоему мнению на ней изобразить?

М. М.

11

25 Апр., 1876 г.
Стрельна.

Здорово-таки мы, твои почитатели, выпили вчера за тебя, друже, на юбилейном обеде О. А. Петрова.

Хотя мне и привелось сидеть за столом рядом с Теодором Бурдиным, но узнав, что он едет к тебе, в Москву, лишь еще во вторник, решил лучше пораньше писать к тебе, нежели посылать к тебе устные вопросы через него.

Вот в чем суть: ты желаешь, чтобы я изобразил тебе виньетку к сборнику накось, т. е. так [*здесь рисунок*] а мне кажется, что лучше было бы этак [*здесь рисунок*] потому, что «красный-то угол» на бумаге, откуда начинается, что бы то ни было, есть левый — верхний.

Реши, пожалуйста, это мне безотлагательно. Потом напиши мне все то, что должно находиться тексту на передовой странице, т. е. там, где виньетка, не требуется ли выставить год, том (коли издание в нескольких томах) «Москва» или и еще может что нужно?

Пожалуйста, напиши мне об этом обстоятельно и педантично. Потом — на чем же мне рисовать этот рисунок?

Вероятно, на дереве, т. е. для политипажной гравюры; но я не знаю, удастся ли мне в настоящий момент достать хорошее дерево?

Говорят, теперь готового дерева нет в Питере; потом: прислать ли тебе в Москву изготовленный рисунок, или в деревню, или ты пожелал бы, чтобы я отдал его для резьбы здесь, в Петербурге, и тебе прислал уже награвированную деревяшку; но опять-таки куда же прислать? ведь не в деревню же?

Если отдать граверу, то которому и за какую плату? Ибо ценность гравюры бывает от 50 коп. за каждый дюйм и до 6 рублей! Серяков за свои лучшие вещи получает именно по 6 и по 5 р. за дюйм.

Потом доверишь ли ты моему вкусу и художественному такту, чтобы рисунок мой, без твоего предварительного одобрения, отдать граверу?

Вот сколько вопросов!! А за твое ясное и доброе желание написать нечто для «Пчелы», я ужь и не умею высказать своей невыразимой благодарности. Не пригласить ли на подобное же сочувствие ко мне и Писемского.

Семье твоей мой самый теплый привет.

Душевно любящий и почитающий тебя

Миша М.

12

РЕДАКТОР-ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА
«ПЧЕЛА».

РУССКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ
Михаил Осипович Микешин.

Друже, Александр Николаевич.

Вот тебе мой друг, сотрудник и приятель, профессор Адриан Викторович Прахов. Прими его — как меня, обласкай совместно с достой-

нейшей супружницей и не откажите в возможном содействии нам и ласке

Целую тебя.
Твой

Миша М.

21 Янв., 1877 г.
Спб.

[На 4-й стр.:]

Москва. У Николы на Воробине, близ Серебряных бань, собств. дом.

13

Штамп журн.

«Пчела».

8 Янв., 1877 г.

Родной мой Александр Николаевич.

Поздравляю тебя и всю твою «породицу» с новым годом и давай тебе и всем вам боже всякого благополучия и доброго здравия.

Спасибо тебе, друже, что вспомнил меня, а то я ужь очень долго старался сердиться на тебя за невнимание и в сущности, действительно обижался им...

Пришли, пожалуйста, пьесу,— обяжешь до смерти.

С глубоким уважением и любовью
Жму твою даровитую руку

Твой *Миша М.*

А Ванька Горбунов — прохвост.

14

Штамп журн.
«Пчела».

Друже,

Александр Николаевич.

Право, можно подумать, что ты шутишь надо мною, спрашивая в последнем письме меня «когда нужна мне твоя вещь?» [152]

Да ведь я же два года жду ее и, думаю, надоел тебе, прося все о том же и о том!

Ведь — не мне говорить и не тебе слушать, что появление в журнале (каком бы то ни было) твоего славного имени, особо важно *перед* подпиской, или в первые месяцы года, когда подписка еще продолжается и когда — вообще читающий люд еще сидит на зимних квартирах и не перешел еще к обстановке и обычаям летним, когда внимательность к журналам и вообще к чтению — значительно слабеет. Делается ли то от перекочевок или по иным причинам, но то — факт.

Если ты просматриваешь мою «Пчелу», то мог заметить, что с прекращением романа «Мещане», литературный отдел сильно *ошвахел* [153] да и вообще оно говоря, куда только ни оглянись на журналы, всюду крайнее оскудение литературы и вообще — всяческого творчества; а потому, что же и распространяться, что хоть бы и безделка какая-либо, но мастера такого, как ты, встретится жадно изголодавшимся обществом!

Господи! Кабы ты надумал изобразить какую-либо повесть историческую или что-либо в этом роде — да дал бы мне — для иллюстрирования!!! Борони боже!

На днях получу из Варшавы гравюру ваших портретов. Статью г. Родиславского — я уже получил. Пущу в ближайшем №. Имею известие, что портреты вышли на славу!

В Москве ли Чаев? Я адресовал ему задушевную просьбу о том, чтобы он порубил на белый стих рыбниковскую былину о смерти Святогора-богатыря, к которой я сделал довольно удачный рисунок. Но вот прошло уже более 3 недель, а от него ни ответу, ни привету! Это меня несказанно обижает и, для утешения себя, я стараюсь думать, что он или не получил моего письма (по вине почты), или что самого его нет в Москве.

Жду твоей присылки как манны небесной, только поскорей!

Не знаю: напечатана ли «Женитьба Белугина?»

Коли нет, не поспособствуешь ли ее заполучить?

Ты, в конце своего письма, намекаешь, «что и ты, может быть, имеешь причины быть мною недовольным»...

Едва ли чем заслужил я твое недовольство, разве как по неведению. Скажи, повинюсь и исправлюсь — если возмогу; во всяком же случае, и люблю, и уважаю я тебя глубоко.

М. Микешин.

17 Февр., 1878 г.

15

Штамп журн.
«Пчела».
14 Апр., 1878 г.

Друже Александр Николаевич,

Христос Воскресе! и с хозяюшкой, и с детушками. А у меня два казуса: сегодня (пятница), вот уже три недели, что меня держит в постели подагра, и ты поймешь, сколь я мучусь, ибо работать *не могу!* Потом, в этот, т. е. в 16 № Пчелы — предназначены были мною ваши портреты (Комит. Драмм. Писателей), и статья уже была набрана; но полученная мною из Варшавы гравюра этих портретов неудовлетворила меня сходством твоего лица; потому я остановил печатание гравюры до др. №, поручил граверу переделать твою головку, а статья вышла в 16 № и напечатана.

Письмо твое об Андрееве-Бурлаке получил вчера. Пишу ему особо; а от тебя жду — не дождусь «вещи»,[154] кот. по твоим словам — почти готова. Коли еще не совсем готова, присылай половину, ведь она же наверно не войдет в один №, а между №№ расстояние в целую неделю, то через неделю прислал бы и остальную половину.

У меня в Пчеле скоро пойдет историч. роман Мордовцева «Марина Мнишек», а впрочем, может и под иным названием.

Не знаком ли ты с Мельниковым (Андр.—Печерским), кажется с ним близок А. Ф. Писемский, нет ли у него не чересчур продолжительной «вещи». У него, впрочем, обыкновенная манера письма — частями, главами, так не поспособствуешь ли при случае или через Писемского заполучить мне от него что-либо.

Давай боже тебе здравия и весело встретить и провести праздник.

Твой верный друг и пламенный ценитель

Миша М. [155]

16

30 Авг., 1882 г.
Балт. ж. д., ст. Стрельна.
Собств. дача.

Милый друже,
Александр Николаевич,

Бью тебе челом — по старому. Мой привет твоей супруге и всей семье.

Я только что окончил и отправил в Москву, в Комиссию, свой проэкт памятника покойному государю, [156] над которым просидел целый год.

На конкурсе проэкт мой будет фигурировать под девизом «Благодарный», это я сообщаю только тебе. На самом проэкте и в особой, туда же представленной мною тетради, изложено полное его описание.

Пароксизм проклятой подагры удерживает

меня в комнате, да и вообще, мне неловким казалось со своим проэктом самому являться на конкурс по причинам, тебе и без объяснений — понятным.

Но, в обычаях наших художественных конкурсов, как мне это ведомо из тяжелого опыта, возможны и пристрастия, и кумовство, и всякие неправды; а потому смею ли обратиться к тебе, друже, с такою просьбой: тебе не трудно будет ознакомиться как с самим моим проэктом, так, в особенности, с его описанием. (Описание я особенно рекомендую потому, что в изображении проэкта невозможно было выразить всего, чего хотелось.)

Если идея, мною предлагаемая, заслужит твоего личнго внимания и солидарности, если она окажется лучшею, или бы хоть и не худшею других, то я просил бы тебя, ради долголетней дружбы нашей, ради справедливости, не протекции себе, т. е. своему труду, и не содействия к тому, чтобы *я* выиграл конкурс, а лишь того, что при какой-либо возможности, замеченной тобой несправедливости, или пристрастии суда жюри, своим авторитетным влиянием, силой твоей логики и общепризнанной добросовестности, по мере сил, противодействовал бы «да не свершится грех».

Знаю, что ты не член этой компании, что у тебя нет решающего голоса; но именно тогда бы я и не обратился к тебе: в данном же случае, ты, как гражданин, как патриот, как художник и, наконец, как москвич, не можешь и не должен быть равнодушен к подобному делу: прошу же я твоего участия не ради своих лич-

ных интересов, а единственно ради справедливости и интересов самого дела.

Не откажи мне, друже, в кратком ответе и верь в самые лучшие мои к тебе чувства.

Твой *М. Микешин.*

17

Почтовый штемпель
2 Окт., 1882 г.

Здесь, против Храма Спасителя, в доме Кн. Голицына, у Пречистенских ворот. Его Превосходительству Александру Николаевичу Островскому.

Друже, спасибо, испытал полное довольство и от игры артистов, и от постановки пьесы. Нечего хвалить твое художество в этой новой для меня пьесе, [157] оно у тебя хроническое, затяжное; но никак не могу удержаться и не высказать тебе своего полного и глубокого уважения за то, что я, как и вся публика, видит в твоем типе *студента.* У меня нет слов, чтобы выразить тебе свою художественную и *гражданскую* благодарность за ту серьезную услугу, какую ты этим типом оказал и Обществу и многострадальному «Московскому студенчеству». Сколь верен и реален — без малейшего пересола и утрировки этот мастерской этюд. Еще раз с глубочайшим уважением и благодарностию жму твою талантливую руку.

Миша М. [158]

18

Спб., 5 Окт., 82 г.

Друже,

Как в лихорадке — жду от тебя какого-либо известия о разрешении конкурса. Знал, уезжая из Москвы, 2 Окт., что на завтра, должна была собраться у князя [159] Комиссия для окончат. решения и потому теперь «быть или *не быть*» там-то, у князя, хотя в необработанном виде, должно уже быть выяснено.

Сжалься надо мной и не откажи узнать и уведомить

Вечно твоего
Мишу М. [160]

19

9 Окт., 82 г. Спб.

Друже мой милый
Александр Николаевич,

Сердечное тебе спасибо за дружеское участие, за доброту, которыми преисполнено твое последнее письмо.

Знаешь, я как-то притерпелся к невзгодам, которые с неуклонною последовательностью, хронически, гнетут меня вот уже более десяти лет кряду. Самые лучшие мои мысли, самые святые гражданские чувства — не только не находят себе *притына*, но, по большей еще части, служат для меня же предлогом иль остракизма, или даже гонения. Не раз я поглядывал на себя в зеркало и старался глядеть себе же

в глаза: не оглупел ли я... Притерпелся же я вот почему: мне не столь обидно, что не *мой* труд признан за лучший на конкурсе, а признан таковым именно тот, в котором (по моему глубокому убеждению) наиболее заключено идиотизмов и еще чего-то, худшего, т. е. отъявленнейшего хамского цинизма, гражданского ханжества и гнусной лести! Прочти, пожалуйста, сам — в № 265 Моск. Вед., в статье об этом конкурсе, о проекте под № 11, девиз «Правда» и суди сам о том — правду ли я говорю, или говорю это языком ужаленного самолюбия. Что, на пр., общего имеет исторический облик Александра II с идеей о «свободной печати», с изображением муз живописи, музыки и пр., с десятком черкесов и черкешенок, кривляющихся на пьедестале этого проэкта? Я не говорю здесь (по неудобству) еще о более резкой и более недобросовестной лжи в других мыслях этого сочинения... И что ж, остается признать, что проэкт этот, блещущий идиотизмом и умышленною ложью — все-таки и умнее, и честнее, и художественнее моего...

Как хочешь, а тут следует посмотреться в зеркало и спросить себя: «не пошатнулся ли ты, приятель, в мозгах»? Ты мне так мило, так дружески предлагаешь помочь в сочинении для следующего конкурса. Не сомневаюсь, что мой проэкт с твоим участием был бы наилучшим; но признан ли был бы он таковым Г-ном Катковым, или персоналом той же Комиссии, которая судила состоявшийся конкурс? Делать же проэкт для собственного удовольствия, из-за патриотическо-гражданской потребности, это

слишком дорого, слишком накладно — для труженика, содержащего свою семью исключительно трудом пары своих рук. Как ты думаешь о сем, друже?

Я уже просил твоего участия в сочин. сюжетов для народных картинок, и ты мне уже пообещал; а в послед. письме спрашиваешь «когда же мне понадобится оно?»

— Да завтра, сегодня, сию минуту!

Ты знаток и народа, и истории, и эпоса, и любовник, и любитель их; тебе ведомы результаты усилий человеч. мозга по этому же пути и у др. народов Европы, а пожалуй и Азии; в резервуаре твоего таланта я предполагаю непочатый угол мыслей на эти темы, вот и раскошелься. Что если бы ты обладил — ну, хоть «семь смертных грехов», хоть бы с точки зрения народной сатиры или наивного юмора, или бы даже и с серьезно-нравств. угла зрения? Сюжет — стоит твоего таланта. Или на мотив — так сказать чуждых наслоений на русскую шкуру: Варяжского, Византийского, Монголо-татарского, Польско-Литовского, Гольштинско-Немецкого и др.; или — по поводу растлевающих нашу земледельческую *деревню* условий: кабака, жида, кулака, разделов, отлучения от сохи, от земли, — погони за городской псевдо-цивилизацией, фабричной безнравственности и мн. т. п. А также из мира наших мифов, богатырей или народных героев из военного, гражданск. и церковного быта. Подумай, друже: не следует ли также выпускать листы с портретами и описанием подвигов и жертв на народное благо известных жертвова-

телей. Все это может быть прекрасным, удобным и честнейшим матерьялом в таких руках как твои.

Целую тебя

Твой *Миша М.*

20

23 Окт.. 1882 г.

Друже

Александр Николаевич,

Приняв Твое милое слово за дело — по поводу народных картинок и не имея времени ждать, когда тебе придет охота заняться этим, я посылаю тебе для просмотра и редакции текст «О встрече Ильи Ивановича Муромца с разбойниками», составленный, собранный и сокращенный самим мною из разных вариантов, в обязательных для меня 40 строк (по месту на рисунке). Увеличить текст нельзя ни на одну строку; перемещать же их и заменять слова, а также рубить на стопы, я просил бы тебя очень. Вот этот текст:

«Про старое, про бывалое,
Про Ильюшу, да про Муромца.

Из-под славного города, из-под Киева,
Выезжал погулять поразмяться
Стар-матер казак Илья Муромец.
А и конь под ним, кабы лютый зверь,
А и сам на коне, ясьмён сокол
Наезжал старой на станишников,
А по русски сказать — на разбойников.
Хотят молодца облавити, ограбити

Со коня стащить, убить-загубить.
Закричал тут атаман разбойничий:
— «Гой, ребятушки, тати-станишники.
Гой вы, братцы мои, плуты-разбойнички.
Эво старый чорт, седатый волк
Сорубить бы старóму буйну голову!»
А и тут, Ильюша свет, догадлив был:
Вынимал из нàлушна он тугий лук,
Вынимал калену-стрелу семи пяденей,
На шелкову тетивочку ее прилаживал,
А и тугой лук стальной он натягивал:
— «Ой вы гой еси, тати-станишники
Не охота мне молодцу кровяниться
В вас стрелить ли, аль в сырый дуб».
Заскрипели тут полозьища булатные,
Как запели рогà у тугà лука,
Как и взвыла да пошла калена стрела,
Угодила стрела в сыр-кроковястый дуб,
Разбила его во черенья во ножовые.
От того ли от погрома богатырьского
Мать сыра-земля всколыхнулася
Все станишники о-земь попадали,
Целых пять часов окорочь лежат.
А и Сема встает, да посемывает,
А и Спиря встает переспиривает...
Как возговорит тут Илья Муромец:
«Не надо мне ни серебра вашего, ни золота,
Не надо животишков ваших награбленных,
Поезжайте вы ко славну Городу ко Киеву,
Повидайте там Алешу-свет Поповича,
Передайте молодцу поклон привет
От старого его матерого сотоварища,
От свято-русского богатыря Ильи Муромца.

Конец.

Веришь ли, друже: до того я очарован силой слова и самою формой старых былин, что при чтении их то и дело по мне пробегают «мурашки» восторга. И странно: чем больше я живу, т. е. старею, тем делаюсь ощутительнее на эти прелести...

Обладь мне, друже, это поскорее, за этим остановка в работе. Следующий сюжет будет «смерть Святогора богатыря». Этот сюжет уже трактован мною и печатан — в Париже, «Monde illustré», года три назад. Рисунок этот был посвящен твоему имени, что и написано на самом рисунке. Не знаю: случилось ли тебе видеть его? И в будущей народной картинке я повторю тоже посвящение.

Не порадеешь ли, друже, как-нибудь пристроить меня в Москве: директорствовать или профессорствовать в которой-либо из ваших художественных школ? Специален же я по живописи, скульптуре, рисованию *всякими способами*, живописи на эмале, фарфоре, майолике, изразцах и вообще — огнеупорными красками; а в особенности мог бы оказать пользу в преподавании теории и «композиции», т. е. сочинения, чего нигде, ни в одной Академии, не преподается и что есть мое личное изобретение, как равно и *теорию колорита*.

Мне до страсти хотелось бы перебраться в Москву по многим причинам, межь кот. ты и народные картинки, а также и твой будущий театр играют важнейшую роль.

Позволишь ли, для твоей редакции, предложить и один шутливый сюжет? Не откажи в ответе твоему старому

Мише М.

21

21 дек., 1882 г.
Спб.

Друже
Александр Николаевич,

твое прошлое письмо перевернуло во мне все нутро, но перевернуло — в хорошем смысле... Я медлил тебе ответить на него потому, что слишком был взволнован им и в ответе — не удержался бы от пересола чувств...

Ты — пожалел меня, ты сказал, что меня искренно любишь...

Господи! Я так отвык видеть в ком-нибудь ныне чувство, т. е. именно *доброе чувство*, что слова твои порхнули по моей усталой, замученной и разочарованной душе, как ободряющий, свежий ветерок.

Случалось ли Тебе самому проделать, или видеть, как случайно приласкает кто большую, старую, дворную собаку, к которой, по ее виду и профессии, никто не относится иначе, как с руганью, грубостью и пинками, и которая — долгой практикой, по самозащите, и сама ко всем относилась не иначе. Обращенную к ней ласку она встретит недоверчиво, или грубо, боясь, что под этим кроется ухищрение, или подвох... но когда она поймет, что ласка эта искренна и сердечна, то погляди ты на нее в этот момент:

какие неловкие жесты благодарности она начнет выделывать. Какие неуклюжие и даже несвойственные ее возрасту и виду знаки радости начнет выкидывать! Точно молодой щенок, эта старая и ободранная собака начнет на тебя дружески лаять, лизать тебя... Испытал ты, друже, это зрелище? Любишь ты его?

Конечно это слишком резкое уподобление, слишком сильный пример, ибо я еще не собака, но, признаюсь, достаточно уже особачен окружающей средой. Порядком таки одичал и отвык от проявления к себе человеческих чувств, так что искреннее слово сожаления и любви, которым я *могу* и *хочу* верить, в состоянии привести меня в тот смешной вид восторга, пример которому я показал на собаке... Ты не посмеешься надо мной за это — если и неумелое, то искренное сравнение.

Ты писал, что был очень занят окончанием своей новой пьесы, но что сделал уже несколько предварительных шагов по пути перенесения, так сказать, моей собачьей будки к вам, в Москву.

Не знаю: где и какие шаги ты сделал для этого и делал ли их вновь? Но чтобы достижение цели было короче, ближе, я подскажу тебе ближайшие станции.

В Париже я случайно исполнил несколько рисунков для тканых шелковых материй и для обоев. Рисунки мои произвели большой эффект и были прекрасно оплачены. Там же узнал я, что каждая фирма имеет для того своего специального художника, которым платится

жалованья от 10 и до 20000 франков. Если бы я остался в Париже, то наверно получил бы приглашение на одну из подобных фабрик.

Знакомство мое с подобными же Московскими мануфактурами на прошлой выставке воочию убедило меня в громадных производительных силах их. В чем же желалось бы прогресса, то именно в художестве, т. е. в оригинальности узоров и ситцев и шелковых материй, пробавляющихся, по большей части, заимствованиями и даже простой фальсификацией иностранных образцов. Вот тут бы я и мог быть много полезен.

С другой стороны, ты, по делу своего театра, сходишься с этими тузами — фабрикантами; а стало быть.....

Искренно желаю тебе, с супругой, чадами и домочадцами встретить и провести праздники в полном здравии, веселии и довольстве.

Твой

Миша М. [161]

22

6 Мая, 1884 г. Спб.

Милый друже
Александр Николаевич,

Давно уже я не сообщался с тобой ни лично, ни письменно. Были тому разные причины, описанием которых я не утомлю твоего внимания, скажу вообще, что в этот промежуток времени в моей жизни возникало несколько розовых надежд, но все они при моем прибли-

жении оказывались мыльными пузырями и лопаясь, брызгами попадали в мои усталые глаза...

Следил я за тобой. В твоей жизни произошло нечто, что можно назвать «плюсом», т. е. совершился факт официального признания твоего подвига, твоих заслуг родине, и ты даже — *награжден*. [162] Я — было захлопотался по первоначалу торжественно поздравить тебя депешей, но одумался и... и как-то даже обиделся за тебя, ибо понял, что ты награжден за свое беспримерное у нас дело как раз так же, как награждались тысячи начальников отделений — за выслугу лет где-либо в управе Благочиния, или личные герои вроде сыщика Николича, поймавшего Нечаева и пр., т. п., потому-то я и удержался от поздравления.

Не знаю: прав ли я в этом, или нет. (?).

Настоящее письмо мое вызвано вот каким обстоятельством: я приглашен в Ростов на Дону, чтоб там сочинить памятник покойному государю. Идея памятника этого, остриженная со всех сторон разными условиями, которых ты и без описания знаешь и поймешь, у меня есть. Кругом же памятника я проэктирую баллюстраду, тумбы которой могли бы служить постаментами для бюстов современников прошлого царствования. Бюстов этих на своем проэкте, подлежащем одобрению властей, я делать не буду, потому что это было бы сигналом к невозможнейшим пререканиям и недоразумениям, так что в конце концов я проклял бы свою идею. Потому на проэкте я сделаю — только баллюстраду, а городу предложу список

лиц, бюсты которых по частному желанию ростовцев, могли бы стоять (по мере накопления для того средств) на тумбах балюстрады, обнимающей памятник. Вот о выборе этих личностей я к тебе, друже, и обращаюсь, выговаривая для себя условие одну из этих личностей помянуть самому мне без твоего одобрения или неодобрения; а остальных, намеченных мною, прошу тебя поставить в ранжир, оспорить, или одобрить выбор, исключить, или пополнить другими:

Сотрудники по реформам: *Я. И. Ростовцев*, Кн. *Черкаский*, и *два* брата *Милютины*.

Военные: *Черняев, Радецкий, Лорис-Меликов и Скобелев.*

Писатели и поэты: *Тургенев, Некрасов, мой сюжет, Гр. Л. Толстой* и (для Юга) *Т. Шевченко.*

Полагаю, что ты можешь оспаривать Черняева, но за него говорит огромная его популярность в народе и его героические почины, как в Туркестане (взятие Ташкента), так и инициатива в Славянском восстании.

Шевченко имеет за собой несравненную популярность народного поэта в среде 14 миллионов малорусского племени, да и вообще, идеалы его честны и чисты.

Может ты пополнишь этот список — Щедриным (т. е. Салтыковым), или Писемским, Достоевским, или еще кем-либо из духовных деятелей, или ученых; но — во всяком случае, надо скупиться раздвигать рамки этого выбора, чтобы он был конкретней, а потому и внушительней. Если который-либо из отделов нашего

прогресса не имел видного представителя за прошлое царствование, как напр. изящные искусства, то и не нужно выбирать из посредственностей. Так, или нет? Прошу тебя не замедлить ответом, ибо дождавшись ответа, я тотчас же уеду в Ростов.

Дружески жму твою руку

Твой старый *Миша М.*

N. B. Может надо помянуть Историков: Соловьева или Костомарова?

Достойнейшей супруге твоей и детям мой сердечный привет.

Спб., Надеждинская, д. 28, кв. 16.

Невежин, Петр Михайлович

1

Многоуважаемый

Александр Николаевич.

Посылаю Вам в прежнем виде «Блажь», которая имела другое название и другие имена. Билеты на «Нищие духом» еще вчера все разобраны, так как она идет в понедельник утром, а Марья Васильевна желала быть вечером, то я об утреннем спектакле мало и заботился. Сегодня узнал у Садовских, когда еще пойдет желаемая пьеса, тогда приму более прочные меры.

С истинным почтением имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

П. Невежин.

29 Дек. [1879].

7 сентября [1880?]

2

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

С тех пор, как моя поездка к Вам была так случайно прервана на пути, погода стоит такая, что и думать нельзя об исполнении моего намерения впредь до бездождья. А теперь позвольте коснуться вопроса, конечно, слишком меня интересующего, это о «Блажь».[163] Если бы я был сколько-нибудь уверен, что погода может измениться к лучшему, то я оставил бы всякие вопросы до свидания, но я стою в таком неопределенном положении относительно моего будущего пребывания в Москве, что не лишним считаю переговорить заочно. Относительно того, что ваше дорогое участие в сотрудничестве проведет пиесу, я спокоен с момента вашего слова, но мое нетерпение побуждает меня спросить, к какому времени и в чей бенефис Вы думаете ее поставить. Садовского бенефис 7 Ноября. Думаете ли Вы, как мы тогда решили, отдать ему. Он (между нами) находится в ажитации и вдвойне загоревал, когда узнал о вашем недуге, который, вероятно, явился от нашествия страшного врага — ненастья. Позвольте надеяться, что мой вопрос не обеспокоит Вас.

Теперь Александр Николаевич еще одна просьбица. Я написал новую пьэсу, которую и вез к вам. Но так как я вообще отрицательно счастлив, то и на этот раз со мной случился казус. Назвал я ее «Карьерист». Представьте мое удивление, когда я узнал, что Ге написал

и уже представил тоже «Карьериста».[164] Невероятное счастие. Я должен был изменить название, и ныне она именуется, «Большие замыслы». Потеряв веру в мое счастье, я вынужден прибегнуть к влиянию. Будьте добры, черкните театральному цензору, чтобы он отнесся с вниманием к этой пьесе. Зная, как такая просьба может быть щекотлива, я отнюдь не ищу цензорского снисхождения, но зная, как относятся к произведениям неизвестных авторов я прошу только внимания. В моей комедии нет ни одного слова «сомнительного», я смело беспокою вас. Пожелав Вам дорогого здоровья, всей душею преданный Вам

П. Невежин.

P. S. Супруге вашей мое нижайшее почтение.

Адрес: Б. Дмитровка.
Мебл. Комн. Гусятникова.

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Потехин, наконец, окончил свою миссию по части окладов.[165] О всем вам, вероятно, сообщено подробно, поэтому я не вхожу в рассуждения. Не могу только об одном не сказать несколько слов, это об Ольге Осиповне. Ей назначили *три тысячи*. Это первому-то лицу в своем амплуа. Если объяснять 3600 данные Яблочкиной; то почему же Южину, вновь анга-

жированному с костюм[и]ыми дали более. Горько за так долго страдавшую и теперь еще страдающую Ольгу Осиповну. Был я у Потехина и сам. Считаю даже неловким повторять его разъяснения, почему он не принимает пьесу, так эти разъяснения жалки, а главное не напоминают прежнего Потехина, имя которого каждым из нас произносилось с уважением.[166] В заключение всего, во время моего посещения, явился Крылов. Это было зрелище по истине великолепное! Виктор Александрович диктует свои условия. Самым разъяренным тоном говорит: «ставьте мою пьесу в Петербурге в конце октября, а в Москве в начале ноября». Соглашаясь с этим, Алек. Антип. добавляет, что к первому представлению его пьесы он и сам постарается быть в Москве!!. «О правда, правда, где же твоя сила?» Вот что значит быть слабым человеком. И теперь уже имя сделалось не тем, чем было, и Крыловы утопят его совсем. Грустно за хорошего человека. Сообщаю вам о склонности Потехина гнуться во все стороны, не спроста. Было бы очень хорошо, если бы Вы заблаговременно сообщили о нашей пьесе,[167] а то ее припрут к январю. За что же? Хотя меня успокаивает то уважение, которым Вы пользуетесь, но ведь Вы не Крылов, и человек в высшей степени деликатный; об этом знают те, кому это выгодно знать. Прошу сообщите, хотя *что-нибудь* подробно о пьесе, а также о том, когда Вы будете сюда. Потехин 3-го августа проезжает Кинешму. Всего было бы лучше, если бы Вы вручили ему пьесу. Он здесь взял несколько пьес, чтобы от

дирекции проводить везде. Искренно преданный П. Невежин.

[1880]

4

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Несмотря на мое душевное желание быть у Вас 11 Августа, я остановлен был непредвиденными обстоятельствами. Злая судьба, в виде провалившегося на экзамене племянника, сказала мне «не моги»! Вот и поехал я в Нижний «устраивать» моего злосчастного племянника-гимназиста. Тут пошла такая канитель, что только вздохнувши скажешь: «Боже, подкрепи». День шел за днем, а дело не подвигалось. Тогда небо загрустило о моих неудачах и слезы полились из его всеведущих очей, да так полились, что соединившись с услугами начальства, уложили меня в лоск. И вот я ходя — лежу пять дней, помышляя только о том, как бы добраться до Москвы. Таким образом первое намерение мое побывать у Вас не осуществилось; но ведь достигается без неуспеха, сразу, только то, что или «все равно» или «неприятно», а то чего жаждешь и стремишься, всегда встречает препятствие, то я и должен был ожидать неудачи и непременно повторить мое намерение. Я и собираюсь повторить его в самом непродолжительном времени.

Пожалев о моей неудаче, позвольте пожелать Вам доброго здоровья и сказать—до свидания.

С истинным уважением и душевною преданностью.

Ваш *П. Невежин.*

P. S. Марье Васильевне мое нижайшее почтение.

Нижний.
15 Августа |1880?|.

5

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Не посетуйте, что тревожу Вас просьбою. Приходится забыть свою щепетильность и говорить так, как не хотелось бы. По крайней мере, я утешаю себя тем, что обращаюсь *к Вам* т. е. человеку чуткому к чужой беде. Дело вот в чем. Я хочу получить авансом от Импер. театра за пьесу «На зыбкой почве»,[168] которая куплена у меня, но еще не играна, 500 р.—сумма эта пополнятся 5—6 сборами, следовательно, дирекция ничем не рискует. Но чтобы получить нужные мне деньги, надо получить разрешение от Петрова. Александр Николаевич, прошу Вас не откажитесь помочь мне в этом деле и, выставив в нескольких теплых словах, положение драматического писателя, которых дирекция выразила желание поддерживать, замолвите за меня словечко и попросите Петрова не отказать мне. Если Вы будете так обязательны и не откажетесь способствовать успеху моей просьбы, то пришлите письмо ко мне, и я отвезу его сам в Петербург.

Еще раз прошу извинить за беспокойство. Может быть, когда-нибудь и я смогу быть хоть чем-нибудь полезным Вам.

С искренней преданностью и пожелав всего хорошего

Ваш *П. Невежин.*

P. S. Марье Васильевне мое глубочайшее почтение.

Москва. Кудринская Садовая, д. Сейделер.
16 Июня [1881-82?].

6

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Как Вы поживаете в вашем мирном уголке? Мы же тихо шумим! У Лентовского шибко шумят, — *торгуем* хлестко! В малом театре хотя и не раз задумывали «выгодные предприятия», но народа для этого сбить не удалось, сошлись кое-кто из зевак — только и всего. Общее настроение в артистическом мире непоседное: кто вниз по матушке по Волге, кто в «Тыфлыс»...

Но получили ли Вы на кого-нибудь известия из Спб.? Что за невзгоды на нашу пьесу? [169] Если есть какая-нибудь весточка сообщите. Бывший Спб. актер Алексеев—антрепренером в Рыбинске. У него же служит его дочь Кузьмина, которая просит разрешить ей поставить в бенефис «Василису Мелентьеву». Если ее просьба вызывает любезное разрешение Ваше,

то пришлите свое согласие Александру Алексеевичу Алексееву, на мое имя.

Адрес: Петровский парк Лозовский переулок, дача Паршина П. М. Н.

Пожелав Вам всего и всего хорошего — искренно преданный Вам

П. Невежин.

27 Мая [1881].

Марье Васильевне мое глубочайшее почтение.

Будьте добры, если не затруднит Вас, поторопитесь ответом.

7

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Не одно уже письмо к Вам было начато, но так и осталось в письменном столе. Причина очень простая. Хотелось выразить то, что передумал, поделиться тем, что набросано, а как только хочешь передать бумаге, так и явятся сомнения, недовольства и т. п. знаки препинания. Теперь решил явиться к вам заготовивши всякого строительного матерьяла вдоволь, а до тех пор не развлекать бесполезно и ваше внимание. Значит в конце июля—ваш гость. До тех пор меня удержат многие хлопоты и поездки на юг Руси.

Что сказать Вам новенького? Начав с себя, скажу, что женился, а продолжая про других, все люди театрального мира ходят понурые от избытка времени и недостатка капиталов. Грусть общая. Наступает новый сезон, и все

остается по старому. Лентовский плывет в стороны — это его тащат карманы, куда он загребает свои десятки тысяч. Медведев грустит от безлюдья в «Семейном». [170] Никому он не платит, и все порядочные ушли. Был у него и человек-рыба, но по случаю безбожества нашедшего на православных, до рыбы, хотя теперь и пост, меньше стало охотников, и рыба принесла мало пользы. Официанты гурьбой стоят без дела и рады, если придется подать бутылку пива. Жаль Медведева! Буду готовиться к поездке к вам, очень подумывая об осени. Если же моя работа мне не полюбится самому, имею в виду некоторую комбинацию, о чем сообщу при свидании.

Затем позвольте пожелать здоровья и всего хорошего. Надеюсь, найдете минуту и черкните несколько строк.

Уважающий и преданный душею

Ваш *П. Невежин.*

P. S. Марье Васильевне мое нижайшее почтение.

Адрес: Новинский бульвар, д. Орлицкого.
18 Июля [1881].

8

Москва. 29 Июля.

Многоуважаемый

Александр Николаевич.

Видно до трех раз ничего не сделаешь! Второй раз ехал к Вам и неудачно. Доехал только

до станции «Навки» и вернулся назад. Выехал в Воскресенье в 4 часа, а в 6 погода до того переменилась, что я одолел н. с., прибегая к ним за медицинской помощью, но ни хина, ни мази, которые я добыл, не оказали помощи, и я из Навков вернулся назад, боясь слечь у Вас. И теперь билет от Навков до Кинешмы лежит на столе, как насмешка над моими удачами.

Очень хотелось быть у Вас, но поневоле отложил поездку до половины августа. Теперь посылаю рукопись, с которой Вы ознакомитесь к тому времени более. Пока же считаю нужным высказаться о тех затруднениях, о которых вы писали. Положение Адухина, как профессора, может быть без всякого ущерба изменено. Вы знаете, почему для меня это было нужно; но теперь, когда дело идет не столько об общественном вопросе, сколько о сценическом произведении, я смотрю иначе. Вместе с тем я полагал бы нужным удалить и всю денежную экспедицию «мужа», а заменить ее более чистыми побуждениями. Предполагая предложить Вам эту пиесу, я тотчас же сделал и те изменения, о которых говорю. Поэтому я прилагаю и переделанный первый акт. Если для успеха дела Вы найдете нужным сделать мне какой-нибудь вопрос о каком-нибудь лице или положении, то я буду очень счастлив сообщить немедленно. Я с этими людьми не расстаюсь уже несколько лет, поэтому слишком хорошо с ними знаком.

Перед тем как ехать к вам, я был у Макшеева и звал его, но у него «дела». Был у Са-

довского, чтобы взять «Гощи», который он обещал дать мне на время, чтобы доставить Вам, но экземпляр «затерялся». Куплен же он кем-то из его знакомых Садовского в Париже и в Москве достать нигде нельзя.

Новостей нет, все перебираем старенькое. О том, что Садовская принята вы вероятно знаете. (800 ж[алованье] и 15 р. р[азовых]). Но неприятный случай, который с ней был, вам, вероятно, неизвестен: она выкинула. Вместо того, чтобы ехать играть в Нижний, она слегла. Теперь поправляется.

Затем до свидания. Прошу передать Марье Васильевне благодарность за любезное приглашение и засвидетельствовать мое почтение.

Душевно преданный Ваш *П. Невежин.*

Москва. 29 Июля [1881].

9

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Как велика была моя уверенность, что я буду в Щелыкове, показывает то обстоятельство, что я все лето не поинтересовался спросить Вас, не встретилось ли еще какое-нибудь затруднение с пьесою. Но если я еще раз напомню, что я опекуном над четырьмя племянниками, у которых до крайности расстроенные дела в двух губерниях и не утверждено духовное завещание, и приходится по очереди возиться с каждым порознь, то все станет понятно... а тут встретилось еще затруднение: пришлось

являться к военно-судебному следователю по делу о [*не разборчиво*]; теперь ожидаю племянницу, которую пристроил на высшие женские курсы..... прикован!

Едва ли я пробуду до 26 сент. что для меня не только неприятно, но даже обидно. Дело в том, что «дело», которое втягивает меня, начинается с 1 окт. и в Ростове, куда сзды два дня; значит я должен буду уехать по крайней мере за неделю. Конечно, я не смею просить Вас ускорить дело вашего приезда в Москву; я еще не заслужил столько вашей любезности, что Вы ради меня измените ваше намерение, но это избавило бы и Вас от заочных переговоров со мною, которые почти всегда не удовлетворяют. Что касается меня, то я желаю этих переговоров лишь потому, что Вы этого желаете, и что дело может выиграть, хоть на маленькую крупицу. Относительно же того, что Вы как бы затрудняетесь без моего участия накладывать руку на некоторые сущности сюжета, то скажу Вам, мой дорогой учитель, что неизвестный Вам до сих пор ученик, теперь, как и всегда, верит, что каждая ваша строка будет украшением его скромного труда. Прошу считать эти слова вылившимися от сердца.

С Садовским виделся и категорически спросил о его намерениях. Сделал это потому, чтобы не вышло недоразумений. Он *основательно* ничего не знает.

Сожалею, что не могу исполнить вашего совета и задержать «Большие Замыслы». Они уже отправлены в Комитет. Да я бы и не мог их задержать, так как ранее вашего письма свя-

зан был обещанием. Не могу ли узнать, почему Вы этого желали? Это меня до крайности интересует и беспокоит.

Малкиелевский театр, громко названный театром близь памятника Пушкина, заявил себя миру очень дурно. Обстановка богатая, хотя устройство вроде клубных театров. Но на этом хорошие качества и кончаются. Декоративная часть жалка, по небрежности, хотя тоже не бедна. Занавес постоянно устраивает сюрпризы: то покосится и не пойдет к верху, то зацепится и пойдет вниз. Шутки, смех, остроты... А ведь затрачено до 50 т. Что же касается исполнения пьес, то это уже ниже всякой критики. Пьесы рухают на пропалую. Недавно загубили «На всякого мудреца» и «Дикарку». На «мудреце» я был. Что это было! Прошли три акта, ни улыбки ни аплодисмента. Вызывали только Чернову-Бларамберг—Мамаева, Калинович—Глумов не возможен. Отрадное явление представляли женщины. Чернова — Мамаева и Бороздина — Тарусина. Они были хороши. Но этого слишком мало. Теперь, кажется, сделан поворот к лучшему. Бурлака, который являлся в промежутках между трактирными трудами отдыхать на лоно восьмисот рублевого оклада, от режиссерства устранили, и теперь ищут между «императорскими» артистами вожака. Хочу советовать Вильде, как опытного дельца по кружку. Грустно, Александр Николаевич! Затевалось дело, как протест монополии, а теперь все видят, что сравнение даже невозможно. А цены? 1 ряд — 4 р.! 1 р. 50 только с 20 ряда. Что это такое? Пи-

сарева еще нет, его ждут на-днях и на него возлагают упования. Говорят даже, что он дольщик. Театр бывает на половину пуст, а ежемесячного расхода 14 т. Неужели дело загублено? На Малом театре играют в «Фофана» Шпажинского. Актеры ругают, развращенная публика выражает удовольствие. Самарин все болеет; поэтому я бы просил Вас нельзя ли в «Блажи» Лузинова отдать Грекову. Это будет вернее, и он ожидает, что Вы исполните свое обещание и не забудете его при распределении ролей. Из других слухов интересен один: о назначении Долгорукова министром Двора, а к нам—Имеретинского. Дай бог! Бегичев обещал Ольге Осиповне, что как только это случится. она сейчас же будет представлена на оклад. И обещал даже это сделать через *три* недели. Верить ли?

И так, дорогой Александр Николаевич, позвольте надеяться, что если мне не удастся видеть Вас до моего отъезда, то напишите.

Пожелав вам от всей души всего хорошего. остаюсь искренно преданный

Ваш *П. Невежин.*

P. S. Марье Васильевне мое нижайшее почтение.

Москва. 14 Сентября [1881].

10

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Будьте так добры, известите, какие вы имеете сведения об участи «Старое по Новому»? Сам побывать не могу, расклеился окончательно.

Искренно преданный

Ваш *П. Невежин.*

15 Декабря [1881].

11

Москва. 7 Июня [1882].

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Тотчас по получении вашего письма поехал к Садовскому, но его целый день не было дома. Я просил сообщить и по почте сведения о [*неразборчиво*], но до сих пор один ответ на эту просьбу — молчание. Постараюсь увидеть его, узнаю и привезу.

Относительно работы скажу мало утешительного, по крайней мере, для меня. Я настолько ею недоволен, что считаю лучшим отложить до будущего, а взамен ее предлагаю Вам — так много похвал вызвавшую от вас — «В Койконе», которую, если Вы примете в сотрудничество, немедленно пришлю, чтобы она не залежалась так же, как «Блажь». Прошу поторопиться ответом, чтобы застать меня в Москве. Душою хочу быть теперь же у вас, но семейные обстоятельства таковы, что никак не вы-

берешься. Но не думайте, что в нынешнем году может повториться прошлый.

В Пушкинском театре новость: Федотов режисером. Сборы — 50 р., жалованья не платят; актеры с легкими карманами. по случаю неплатежа жалованья, забыли все роли и играют неизвестно чьи пьесы. Суфлеры осипли, но по случаю хорошего резонанса в пустой зале их слышно публике довольно достаточно. Федотов при вступлении держал к актерам речь, призывая их к исполнению долга. Речь, кроме других достоинств, главное — имело то, что заставила актеров, упорно молчавших, удариться в мышление о кормлении соловьев баснями. Только по уходе рьяного режисера, Бурлак пустил ему вслед многозначительное изречение: «хороша бутылка, когда она с водкой, а коли она пуста, так ей всего пятак цена». Что-то будет, что-то будет? Медведев закрыл лавочку. Дело идет уже на марки.

До свидания, дорогой Александр Николаевич. Марье Васильевне мое нижайшее почтение.

Душевно преданный Вам *П. Невежин.*

12

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Вчера видел у Садовских Губонина, который просил передать Вам, что он помнит свое слово, но ранее 1-го августа (он) об этом деле считает необходимым молчать для пользы дела.

Об отставке Самого никто положительного ничего не знает, хотя в газетах уже есть слух о его выходе. С делами обращаются к Пчельникову. Все застыли, все в ажитации по поводу «окладов». Видел Никулину, Вильде, Макшеева, но новостей никаких не узнал. Музиль в Москву не показывается. Греков, снявши у Бренко театр в Петр. парке, прогорает. Компаньон его Федотов доведет конечно и Ивана Николаевича до локтекусания. В одну неделю они понесли убытка около 600 р. Бренко же в последнем градусе умирания.

От Потехина получил холодное и до невероятности уклончивое письмо. Не знаю, что делать? Жду от вас словечка. Может быть Вам он разъяснит истинную причину. Я уверен, что сейчас же по получении ответа сообщите его мне. Мой ум окончательно омрачается. «Мученики Любви», от которых все отворачиваются, с отвращением ставит, а другим хода нет. Ради бога, посоветуйте, что мне делать. Неужели переносить? В комитете о пьесе отозвались очень хорошо. Что вам известно о директоре: В Петербурге он или нет?

Простите за это горячечное письмо. Надломили меня. Успокоюсь, буду писать обстоятельнее.

Прошу передать мое нижайшее почтение Марье Васильевне.

С глубочайшим уважением и сердечною преданностью

Ваш *П. Невежин.*

12 Июня [1882?].

Некрасов, Николай Алексеевич

1

Я ваше письмо со статьею получил уже по выходе VII № Современника. Статья написана ловко и была точно необходима. Вы правы: гнусность клевет шагнула слишком далеко. Полагаю, что статью пропустят и ее непременно помещу в VIII № Сов.[171] Замечательно, что — как ходят слухи, у Краевского Академия отнимает [С. Петербургские] *ведомости* и именно за то, что он сообщил им неблагородное направление, дозволяя в них подвизаться всякому мерзавцу. В главе людей, нежелающих, чтоб Кр[аевский] продолжал Газету, стоит Блудов.

Очень я обрадовался получив от Вас письмецо, а то не знал даже, где Вы и куда писать. Бога ради, высылайте комедию обещанную для Совр[еменника] — просто нечего печатать.[172] Все разъехались и ленятся. Я уеду в половине августа, — надеюсь до этого времени Вы еще пришлете пьесу и напишите, хотя словечко.

Душевно Вам преданный

Некрасов.

11 Июля, 1856.
Спб.

P. S. Пишите смелей — цензура пока шалит.

2

Спешу послать Вам то, что есть — всего 50 рубл. сер., но покуда и они Вам пригодятся. Напишите мне ответ о получении и уведомьте

определительно: будет ли готова повесть «*Не сошлись характерами*» на № 9-й, т. е. ее надо мне иметь в руках не позднее 10-го Августа.[173] Будьте здоровы. Очень огорчило меня бедствие, с Вами приключившееся.[174] Желаю поскорее избавиться.

Душевно Вам преданный

Некрасов.

27 Июля, 1856.

3

21 Июля [1857].

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

По желанию Вашему деньги 100 руб. сер. посылаю Вам в Ярославль, хотя и убежден в бесполезности всяких напоминаний, но крайне комическое и вместе прискорбное состояние Современника (неимеющего решительно никаких изрядных материалов для 1-го отдела осенней книжки) заставляет меня просить Вас сделать что-нибудь для ближайших книг журнала — и *назначить по возможности определенный срок* доставки Вашей вещи, ибо с бессрочными или постоянно нарушаемыми обещаниями — мы, издающие журнал — можем окончательно сбиться с толку. Извините, крайне смешное положение, в котором я застал Современник (неимеющий в виду ни одной вещи от участников, на которую бы он мог верно и к известному времени рассчитывать), заставило обратиться с этою просьбою. Я жду ответа.

Мне очень прискорбно, что я должен был написать к Вам деловое письмо вместо дружелюбного и искреннего приветствия, но Вы поверите, что дело не мешает мне душевно любить и уважать Вас. Куда Вы и скоро ли уедете из Ярославля? Я скоро там буду.[175]

Душевно преданный Вам

Н. Некрасов.

4

Пожалуйста, любезнейший Александр Николаевич, отзовитесь. Ей богу, очень в сию минуту важен вопрос — написали ли Вы что-нибудь? пишете ли? и когда, примерно, можете прислать готовую вещь? Очень скучно получать такие запросы, еще скучнее писать их и я, признаться, уже ругал себя не раз, что приготовил себе такую роль. Впрочем, надеюсь, вы за напоминания не сердитесь.

Есть еще до Вас дело. Неугодно ли Вам дать мне позволение напечатать в *Легком Чтении* комедию Вашу *Доходное место*, я вам за нее могу дать (по крайнему расчету) 125 р. с., а если прибавите к ней позволение перепечатать еще Картины из Куп[еческого] быта (что были в Совр. из Моск. Гор. Листка), то могу дать вместе 150 р. с. Деньги эти могут быть Вам выданы тотчас, как вы изъявите согласие — Ив. Вас. Базуновым. Считаю нелишним прибавить, что эта цена, по моему мнению, хороша, и что Вы доставите мне большое удовольствие и некоторую выгоду, если на нее согласитесь.[176] Обыкновенно платимая мною цена от-

50 до 75 за вещь, только Писемский стащил с меня больше за Старую барыню.

Будьте здоровы и пришлите мне ответ

Душевно Вас любящий

Н. Некрасов.

26 Сентября, 1857.
Спб.

5

Почтеннейший Александр Николаевич.

Я ждал приведения счетов за прошлый год к концу, чтоб исполнить вашу просьбу, но счеты эти замедлились, и чтоб не заставлять Вас ждать дале, посылаю Вам записку еще на *триста рубл. сер.*

Сделайте милость, уведомьте, что Вы готовите для Современника и когда примерно доставите? Ваша последняя вещь нравится публике и хороша по общему отзыву литераторов, в том числе и моему.

Мы все досадуем, что остановили *Доходное место*, но в настоящее время дело это едва ли можно поправить. Надо подождать — [*неразборчиво:* придется?] однакож, недолго.[177]

Пред. Вам

Н. Некрасов.

22 Янв., 1858.
Спб.

6

Виноват. Вы совершенно правы. Да что делать! Такой беспутный месяц вышел, что некогда пяти строк прочесть. Посылаю записку

на сто руб. Пиесу все таки постараюсь прочесть скоро и напишу вам. Спасибо за добрые вести о Минине. [178]

Весь Ваш

Н. Некрасов.

7

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Извините, что я долго Вам не отвечал. Я готов сделать все, что могу касательно напечатания ваших пьес.

1-е я могу напечатать с тем, что все деньги, по выручении затраченных на издание, поступят Вам, — но так как Вам нужны наличные деньги и немедленно, то вот —

2-е я даю Вам 400 р. сер. немедленно, а Вы даете мне позволение напечатать полтора завода (1800 или до 2 т. экз.) ваших пьес с тем, что не продадите никому права на следующее издание, пока я не продам этого, или просто ранее года.

Признаться, я уже кончил все мои дела на этот год впредь до зимы — и если решаюсь взяться за это дело, то по искреннему желанию сделать Вам угодное. Итак если кто-нибудь предложит вам условия выгоднее, то конечно Вы не будете стесняться. [179]

Касательно нашего обязательного союза я прошу вас об одном (и надеюсь, что Вы на

это согласитесь) отдавать предпочтение Современнику пред другими при равных условиях. [180]

Душевно Вам преданный

Н. Некрасов.

22 Апреля, 1858.
Спб.

8

Деньги сто руб. (т. е. записку на иск к Базунову) посылаю, по желанию Вашему, добрейший Александр Николаевич. Письмо Ваше меня порадовало. Смотрите же, я так и рассчитывал. Не попал я в Москву потому, что здесь цензура сдурилась, да теперь опять впрочем ничего.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

27-го Сентября, 1859.

9

[1860]. Воскресенье.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Комедию вашу я получил — на 4 кн. (которая завтра уже выходит) она опоздала, в 5-той кн., а тем паче в 6-й, ее уже печатать нет расчета. Итак, она остается до 9-й кн. [181]

Мы с Добролюбовым ее прочли и нашли, что она в своем роде великолепна — то есть вполне достойна вашего дарования.

Я не желал бы, чтоб она не только игралась,

но и ходила в списке до появления ее в Современнике, поэтому не высылаю вам копии, но если вы этого непременно потребуете, то велю списать и вышлю.

Счет ваш пришлют вам из конторы. Надо заметить, что я уже с месяц болен и в последнее время очень худо мне было. Будьте здоровы.

Преданный Вам

Н. Некрасов.

10

Вы, чай, очень сердитесь на меня за невысылку денег. Однако, чувство справедливости, Вам присущее, надеюсь смягчит Вас: мне тоже случалось ждать — не дождаться по-долгу.

Счеты не у меня, а у Ипполита Панаева, у него дети больны в скарлатине, и он ничего не делает. Будут присланы при первой возможности. Денег ваших нет за нами, а на-оборот.

Но не в том дело. А в том, что в конце прошлого года мы принуждены были уплатить неожиданно значительную сумму и нам в 1861 году будет трудна всякая выдача вперед даже и в скромных размерах.

Я однакожь не отказываюсь Вам выслать требуемое, только скажите определенно, будем ли мы зато иметь Вашу вещь в 1861 году (хорошо бы, разумеется, поскорее).

Не знаю за что к нам такая немилость, но мы привыкли видеть себя последними там, где дело касается удовлетворения Ваших обеща-

ний. — Ну довольно. Извините. Надо же было высказать, что есть на душе.

Душевно Вас уважающий

Н. Некрасов.

31 Дек., 1860.
Спб.

11

Я вам написал потому, что надеялся добиться толку от Сабурова, которому изъяснил дело о проделке с Вами театр. Комитета.[182] Саб. принял Вашу сторону, но уверяет, что этот комитет действует по мысли его. Однакожь, вразумившись, что дело сделано подлое обещал его переделать, да вот и не делает ничего — я к нему на днях опять поеду.

Что Минин?[183]

Посылаю Вам книгу своих стихов.[184]

Об Добролюбове лучше и не заговаривать.[185]

Весь Ваш *Некрасов.*

5 Дек. [1861].

Когда Вы к нам приедете? Я все забываю Вам сказать, что Востокова комедия не годится для печати при самой снисходительной оценке. Таланта у него и признака нет. Рутина, общ. места, и в этой штуке вас подкупил *сюжет.*

12

У меня за покупкою имения и разными непредвиденными расходами нет наличных денег. Современник в нынешнем году тоже будет

беднее, а то я сам взял бы Минина. Мне предстоят большие получения в мае, если получу хоть частицу, тогда Вас выручу, но это не наверное. Купца на Минина постараюсь приискать.[186] На счет поездки в Москву опять остановка — я захворал и четвертый день не выхожу, а то дела-то начинают позволять. Вы меня не ждите, если же на днях решусь, то уведомлю по телеграфу.—Здесь довольно скверно. Голосистый Павлов отправился на жительство в Ветлугу.[187]

Поклонитесь Горбунову и скажите ему от меня и от добрековины: *однажде!*

Вам желаю и ужасно хочу к Вам.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

6 Марта [1862].

13

6 Ноября [1862].

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Я писал к Вам в тот же день, как писал к Плещееву и Салтыкову, т. е. дней 8 тому назад. Из слов Салтыкова заключаю, что Вы моего письма не получили. В нем ничего не было, кроме извещения, что на возобновление Современника есть надежда,[188] и просьбы о продолжении сотрудничества и прибережении для меня той вещи, которая у Вас может быть готова в ближайшем времени. И теперь повторяю то же.

Салтыков сказал мне о *Сне на Волге*. Само собою разумеется, что я рад всему, что Вы вздумаете мне дать.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

Современника еще не разрешили, но имею надежду получить разр. на днях.[189]

Цыдулку на обороте пожалуйста передайте Павлу Якушкину.

Вы думали приехать сюда? Будете ли и когда?

14

Любезнейший друг Александр Николаевич, очень меня обрадовало Ваше письмо. 10-го сентября будет в Петербурге Салтыков, которому и сдайте «Тяжелые дни» для напечатания в IX № Современ.[190] Если его не будет, то у меня в квартире найдете Головачева, который сведет вас с Пыпиным. И сам я буду в Петербурге 20-го или 22-го сентября. Я сильно простудился и сижу теперь в комнате.

В Нижний прибыли мы через день после вашего отъезда, надеялся там вас увидеть и оттого не отвечал вам на предыдущее ваше милейшее письмо, за которое как я, так равно сестра и брат, душевно вас благодарим. Все наши часто и с любовию вас вспоминают и приказали вам сильно кланяться.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

8-го Сентября, 1863.
Карабиха.

15

[1864, Март.]

Могу винить себя только в том, что не отвечал Вашему брату, а о Современнике сделано было распоряжение еще в конце прошлого года, чтоб выдавать в Москве тем же лицам, которым выдавали в предъид. году. Получив письмо вашего брата, послал его в здешнюю нашу контору и получил ответ, что распоряж. давно сделано и подтверждение будет тотчас послано.

Из всего этого вы можете усмотреть, что забвения, а паче пренебрежения не было, да Вы знаете, что и невозможно тому быти.

А все таки досадно, да Вы бы просто послали к старикашке записку и вытребовали. — На всякий случай прилагаю теперь таковую свою.[191]

Узнав из письма вашего брата о вашей болезни, собирался писать но, конечно, заигрался и ничего не сделал. Поправляйтесь, отец! надо вам что-нибудь сработать весной, чтобы летом иметь право и расположение *гулять* по прошлогоднему. Надеюсь столкнемся опять на несколько дней либо в Москве, либо в одном из спопутных вам городишков, а может и ко мне в деревню надумаете заглянуть. У меня теперь просторно, есть особое помещение. Что вы там толкуете о своем увядании?[192] Это случайная болезнь на вас хандру нагнала. Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что вы еще нам покажете великую силу — *Сон на Волге* непре-

менно пишите. Это гениальная вещь будет, так я думаю, и прибавлю: ничто никогда мне так не нравилось, как этот план по тому простору, какой дается в нем.[193]

Напишите мне словечко о *Морозе*, если он того стоит.[194]

16

Добрейший Александр Николаевич, я застал кассу Современника в таком плачевном состоянии, что до новой подписки она не может ничего уплачивать. На беду, мои собственные деньги находятся в руках людей, которые еще не воротились в Петербург с летних поездок. Поэтому я промешкал в высылке Вам денег. Ныне послано распоряжение о выдаче Вам денег к И. Г. Соловьеву. — Ипполит Панаев обнадежил меня, что деньги он Вам выдаст. Но если не выдаст, то дайте мне тотчас знать хоть по телеграфу. Я вам тотчас вышлю.

Надо сказать еще о расчете. Я назначил вам по 200 р. сер. за лист. Примите в соображение, что мы всегда платим сообразно с возможностию. Из того, что в кассе нет уже денег, а надо еще выдать и оплатить три книги — вы можете видеть, что слишком щедро Современник платить теперь не может.

Впрочем я решительно не хочу допустить, чтоб между нами вышло что-либо неприятное из-за денег; и так если Вы найдете, что мало, то я готов доплатить, а на будущее время положим правилом договариваться в цене предварительно, таким образом, сберегутся между

нами добрые отношения, которыми я чрезвычайно дорожу.

Пьеса ваша здесь нравится, но меньше, чем в Москве, потому что идет гораздо хуже, чем в Москве. Брошель очень плоха. — Хорош, говоря по правде, один Самойлов, который в этой роли несравненно выше Шумского. Для него я пошел смотреть Шутников в Петербурге и был вполне вознагражден.[195] Будьте здоровы и напишите мне откровенно.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

29 Окт. [1864].

[Сбоку пометка карандашом:]

Писемскому Краевский дает 250 р. лист.

17

Любезнейший и добрейший Александр Николаевич,

Остаточные экз. Современника 1862 года в 1863 году проданы гуртом за весьма пустую цену книгопр. Кожанчикову и Салаеву. Эти остатки всегда бывают (ибо нельзя предузнать числа подписчиков) и всегда поступается с ними таким образом — другие журналы сбывают их просто на рынок, Современник этого старается избегать, хотя и с ним это случалось.

Прежде, при отдельной продаже статьи из журнала — требовалась отдельная ее цензура. Ныне на это не обращается внимания. Книги Соврем. расшили (купившие их, а не мы) и продают из них то, что может иметь сбыт — отдельно.

Понимаю вашу досаду и очень сожалею, что никому из нас не пришло ранее в голову, что такая штука может случиться, но теперь трудно чем-либо пособить. — Экземпляров же, объяснила мне контора, продано Соврем. 1862 года до 200. Серьезного подрыва такая безделица сделать вашему изданию, конечно, не может. Впрочем, если найдете нужным публиковать эту историю, то я против этого ничего не имею.

Я поручил управлению Конторою Современника, которое сообщило мне все эти подробности и которое собственно учиняло продажу в прошлом году — изложить вам все это дело подробнее.

Я не отвечал Вам тотчас потому, что только что прибыл с Валдайской станции, где находился 4 дня на охоте.

Получили ли Вы деньги?

Весь Ваш *Н. Некрасов.*

6 Ноября, 1864.
Спб.

18

15 Авг., 1865.

Очень рад [остался] вашими пьесами,[196] через две недели поеду через Москву и дело кончим, ранее ничего не могу, потому что здесь денег нет, а о состоянии кассы Современника не имею понятия.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

19

[1865. Авг.]

Александр Николаевич, В кассе Соврем. нет ни гроша, я этого не ожидал, но я надеялся занять денег или получить что-нибудь из следующих мне [к этому не оказалось возможным] ибо все без денег. Итак:

Или *ждите денег до Января или возьмите вашу пьесу назад.*

В том и в другом случае не сердитесь. Это прямое объяснение по моему лучше проволочек какими вас угощали другие.

На счет *Укрощения строптивой* я говорил с Гербелем — 200 руб. следующие от Шекспира мы вам как-нибудь натянем на-днях, а 200 руб. от Современника прошу то же отсрочить до января, иначе не могу и не знаю даже, как дотяну последние книги Современника до новой подписки.[197]

Мы взяли бесцензурное положение.[198]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

Отвечайте!

20

31 Янв., 1866.
Спб.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Я на ваше письмо не отвечал, потому — что дожидался, чем кончатся мои многострадальные похождения по начальству. Теперь могу

сказать, что Современник в наступившем году авось не умрет! I-ая книга вы[й]дет через неделю. Вторую выдадим в феврале же. Очень рад, что Вы работаете. Кабы Вы поспели на 3-ю книжку?

Весь Ваш

Н. Некрасов.

P. S. Деньги брату вашему уплачены.

21

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Жду с нетерпением Вашего труда, и по желанию Вашему скажу Вам обстоятельно и добросовестно о впечатлении, которое он на меня сделает.

Совершенно с Вами согласен, что эту вещь следует отложить печатанием до осени.[199] До того времени увидимся и поговорим. В начале мая, по обыкновению, думаю тронуться в Карабиху. и проездом через Москву буду у Вас.

Душевно Вам пред.

Н. Некрасов.

20 Апреля, 1866.
Спб.

22

Я молчу. потому что решительно не могу Вам сказать ничего определенного. Если Вам нужны деньги и нужны теперь. то возьмите 1500 руб. На эту сумму я решаюсь; более же дать не могу: главная причина: шаткость суще-

ствования журнала — кто знает, долго ли он продержится? — да и подписчиков у нас далеко не столько, как было в 60-61 году. Вообще Вы должны иметь в виду, что журналистика при теперешних своих размерах, не исключая и Современника, — в сущности даже и таких денег платить не может, какие я вам теперь предлагаю.

Да послужит это моим оправданием, если мое предложение покажется вам мизерным. Вы требуете ответа дружеского и скорого. Ранее не ответил, потому, что ни на что не решился, а затем отвечаю по совести и по дружбе, и прибавлю, что предложение мое все таки самое выгоднее.

Еслиб я думал, что другой журналист (конечно нездешний) даст Вам более, я бы Вам посоветовал к нему обратиться. И теперь указываю вам на всякий случай на Стасюлевича. Мне больно будет упустить эту вещь, но ваша выгода в этом случае пусть станет выше моей.

Я исполняю и другое ваше желание — напишу искреннее и подробное мнение о вашем труде, но сделаю это только прочитав и вторую часть.[200]

Написав, перечитал это письмо: мне показалось, что оно имеет какой-то недовольный тон. Недоволен я собственно тем, что не могу безусловно согласиться на ваше предложение и может быть это недовольство отражается в моем письме. Других причин к недовольству в этом деле нет, начиная с драмы, в которой вижу я вещь высоко-даровитую. Вы напишите ко мне в Ярославль, куда я уезжаю на днях, через

Тверь. В случае согласия, деньги через неделю от этого письма будут у вас. В случае несогласия, надеюсь мы все таки останемся друзьями. Искренно и много любящий вас *Н. Некрасов.*

18 Мая [1866].

23

Любезнейший Александр Николаевич, с Вашим братом еще не виделся и потому не знаю что он сделал с Вашей драмой. Я забыл Вас попросить: напишите ему о моем брате Константине, чтобы замолвить о нем слово кн. Волконскому, который, с своей стороны, готов дать место моему брату. Я приступаю к ликвидации дел Современника, и на-днях кончив ее—поеду в деревню через Москву, заеду к Вам, а пока прощайте, все наши общие знакомые здоровы. Душевно преданный

Н. Некрасов.

Середа, 8 июня [1866].

24

[1866]

Я решительно не знаю, что буду делать. Взять вашу пьесу значит поставить себя в непременное условие издать сборник и в довольно скором времени, потому что не лежать же пьесе, а между тем мне от литературы хочется отдохнуть, во всяком случае не связывать себя ничем заранее. Я говорил Мих. Николаевичу, чтоб не торопился и теперь это же советую. Осенью увидим, что лучше будет сделать.

Деньги у него возьмите без боязни, ибо тем или другим путем за пьесу осенью вы их получите и возвратите ему. Я бы вам сам предложил денег, но сумма нужная вам, для меня теперь велика — много предстоит выдач. В количестве же небольшом могу.[201]

Прощайте пока. Надеюсь, вы заедете и Горбунова жду.

Ваш *Некрасов.*

25

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Рекомендую Вам г. Богушевича, редактора журнала Литературная Библиотека. Сколько могу судить по личному с ним знакомству и толкам в публике, журнал его—дело довольно прочное, требующее только поддержки со стороны любимых публикою литераторов. Об остальном вы поговорите с самим г. Богушевичем.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

26 Дек., 1866 г.

26

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Так-как стало известным, что дирекция не желает поставить режиссера из актеров и ищет такового между литераторами, то мы пришли к убеждению, что это место с успехом мог бы занять Василий Алексеевич Слепцов. Возмож-

ные к сему меры с нашей стороны приняты, а затем еслиб Вы с своей стороны написали несколько слов о Слепцове Гедеонову, то это несомненно помогло бы делу. Если б были шансы на это место Бурдину, за которого, как я слышал Вы подавали голос, то я бы Вас не просил, но — говорят — что о Бурдине вопрос решен — он не будет.

Некоторые обстоятельства замедлили мой отъезд в Ярославль. В день выезда напишу Вам, я не оставлю намерения быть у Вас в деревне.

Будьте здоровы.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

10 Июля, 1868.
Спб.

27

Уважаемый Александр
Николаевич.

Посылаем записку на наши голоса в собр. драмат. писателей. Пожалуйста, пришлите нам скорее рукопись комедии; № 10-й окончен набором; надо набирать № 11-й, который начнем с Вашей пьесы.[202]

Весь Ваш
Н. Некрасов.

28

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Покорнейше Вас просим принести нашу искреннюю благодарность гг. Старшинам Арти-

стического Кружка за избрание нас почетными членами его и передать в библиотеку Кружка наши сочинения, при сем посылаемые.

Примите уверения в совершенном нашем уважении и преданности.

Н. Некрасов.
М. Салтыков.

23 Февраля, 1869.
Спб.

29

Наконец-то, вы отозвались. Александр Николаевич. В исполнение Вашего желания послана записка к Соловьеву на 500 р. На пьесу вашу будем расчитывать для № 1-го.[203] На счет вашего желания, выраженного в письме, скажу, что надо бы составить записку, которую при случае мог бы я вручить Графу Адлербергу.[204]

Я чувствую смертную хандру, которую стараюсь задушить всякими глупостями. Кажется мне, скоро умру, однако не это причина уныния, а чорт знает что.

Больше о себе ничего сказать не умею.

Кланяюсь Марье Васильевне.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

[1869]. Воскресенье.

30

19 Окт. [1869]

Любезнейший друг Александр Николаевич, я душевно благодарю за ваше письмо, из которого вижу, что Вы имеете доброе обо мне

мнение, ибо оно могло быть внушено только уверенностью в дружеском сочувствии; и думаю, что Вы не ошиблись. — Все в вашем письме справедливо и все горько, да ничего не поделаешь. — Из комедии [205] прочел только два акта и сдал в типографию; по началу видел в пьесе задатки истинного комизма. Как прочту всю пьесу в корректуре, напишу Вам подробно. Не сердитесь, что не послал Вам корректуры, некогда. Уже была набрана повесть Глеба Успенского [206] для № 11, отложил ее до № 12, чтоб пустить Вашу комедию, и этим потеряно несколько дней. Надо спешить печатанием. Впрочем оригинал написан хорошо. Надеюсь, что опечаток, а тем паче пропусков не будет. Кланяюсь Марье Васильевне и обнимаю Вас.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

P. S. Записка на 700 р. вам послана: 300 р. отдадим здесь.

31

Любезнейший Александр Николаевич,

1-го января читал Ваше письмо к брату — где сказано, что Ваша комедия кончена и переписывается. Однако, мы до ныне ее не получили. Нам она нужна. Высылайте скорее. Если же почему либо ко 2 № поспеть она не может, то скорее уведомьте. [207]

Весь Ваш

Н. Некрасов.

19 Янв., 1870.
Спб.

32

Любезнейший Александр
Николаевич,

Отзовитесь! Мы давно от Вас не имели весточки. Журнал наш интересуется Вами, желательно знать — можно ли расчитывать на Вас, — на какое произведение и к какому времени? — Благоволите написать нам несколько слов, и верьте, что мы Вас помним и вспоминаем часто.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

12 Октября, 1870.
Спб.

[Сбоку:]

Салтыков и Елисеев кланяются Вам, и заинтересованы вопросом, делаете ли Вы что-нибудь для От[ечественных] З[аписок].

33

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Мы дожидаемся нетерпеливо Вашей новой комедии, которая могла бы войти в № 1 От. З. Уведомьте, пожалуйста, поскорее, можно ли на это расчитывать наверное. А между тем был у меня Павел Васильевич, бенефис его будет на святках, 27-28 Декабря; он говорит, что был бы очень рад, еслиб Вы ему отдали Вашу пьесу в бенефис. Время постановки самое выгодное для пьесы, и если Вы не обещали ее еще никому в Петербурге, то я просил бы Вас отдать

ее Павлу Васильевичу. Жду Вашего ответа как на первый вопрос, так и на второй. Будьте здоровы и не забывайте нас.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

28 Ноября, 1870.

P. S. Еще повторяю просьбу — не задержите ответа относительно Васильева.

34

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Я узнал что Вы приехали. Самое удобное время видеться нам, полагаю, в обеденные часы. Сделайте одолжение, приезжайте ко мне обедать в четверг или в пятницу и, если хотите прочесть вашу новую комедию, то пригласите, кого желаете. Разумеется, я буду очень рад, если будет и Михаил Николаевич. Приглашу Салтыкова и Елисеева.

Весь Ваш *Н. Некрасов.*

30 Ноября 1870.

35

4 часа.

Я сейчас от Краббе (в первый раз я его не застал, но не хотел откладывать, ибо завтра у него доклад и пришлось бы ждать до субботы). Он завтра же поедет к Адлербергу, но желает непременно записку и почти продиктовал мне ее. Напишите ему от Вашего имени, что на

основании таких-то заслуг Вы желали бы пенсион — и просите его ходатайствования о сем перед Министром Двора. Затем — так как Ваше Высокопрев. всегда принимали участие во мне, то Вам я могу высказаться прямо, что просьба моя вынуждается крайностью — именно мне с семейством нечем жить.[208]

Записку эту пошлите или прямо к Краббе, Васильевский остров, линия 17-ая, на Набережной д. Брюллова (Николаю Карловичу), или пришлите ко мне. Я отошлю, надо чтоб она была у него завтра в 10-ть часов.

Краббе взялся за дело горячо.

Я завтра до 1½ дома.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

[1870].

36

31 Дек. [1870].

Бога ради, извините, что замешкал ответом. Лес вещь великолепная, я дожидался отзывов двух трех своих товарищей по редакции и тогда хотел писать Вам, что и сделаю.

Корректуры Вам посланы. Деньги 1000 р. М. Н. отданы.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

37

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Отзовитесь, как живется? что делаете, будете ли в Петербурге эту зиму?

Пишу я Вам по особому случаю. У меня есть поэма в три печатных листа да в вашей комедии 4 листа. Семь листов стихов на одну книгу журнала много, между тем мне хочется спустить свою поэму в I книгу по той причине, что цензурные условия ухудшаются с ужасною быстротою; в летний месяц может дело дойти до того, что поэму мою (из времен декабристов) запретят.[209] — Итак, не будет ли для вас в каком-нибудь отношении неудобно, если я Комика (уже набранного — не прислать ли Вам корректуру?) пущу во 2-й книге.[210] Говорите откровенно. Если Вам это не понравится, то обе вещи пущу в 1-ую книгу.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

11 Дек., 1872.

38

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Ежели Вам не покажется мало взять за Снегурочку тысячу рубл., то оставьте ее у нас; мы напечатаем ее в 8 или 9-ой книге. Если же покажется мало, то не вмените нам предложение наше в вину и не лишите ваших произведений на будущее время.[211]

Искренно Вам пред.
Н. Некрасов.

23 Апр., [1873].

[Сбоку:]
Отвечайте поскорее.

39

[1873]

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Мне очень больно было читать ваше письмо, у меня тоже есть и нервы и кровь, и я много часов пролежал в горьких мыслях, пока успокоился на столько, чтоб отвечать без раздражения. Прежде всего о моем письме. Главное в вашем письме было: *отвечайте скорее*. Я понимал, что скорый ответ был вам всего важнее, и думал угодить Вам, дав его действительно скоро; более ни о чем я не думал, когда писал мою короткую записку, отложив все другое до следующего письма, а что я имел намерение вновь и скоро писать вам — это видно из того, что я не упомянул в моей записке ни одним словом о вашем милом и дорогом для меня подарке, сказать вам спасибо за который было для меня обязательно; да были и другие стороны в вашем письме, требовавшие ответа.

Я поторопился — в ваших интересах; так я думал и думаю.

Но письмо мое показалось для вас оскорбительным. Против этого не могу не протестовать.

Зачем вы смешиваете материальную оценку произведения так сказать с нравственной? Материальная оценка зависит прежде всего от обстоятельств журнала, разных случайностей и условий, и не может основываться на качестве *данного* произведения, когда дело идет о писателе с установившейся репутацией и постоянном сотруднике журнала. Каждый автор может написать одну вещь лучше, другую слабее, но

если я пишу ему равную цену, то дело уравнивается само собою и нет уже места ни для недоумения, ни для разногласия или неудовольствий. Вот система, которой я постоянно держался в моей журнальной деятельности, и ее же приложил к настоящему случаю, т. е. вовсе не брал в расчет художественной стороны комедии, а только теперешние обстоятельства журнала.

Я издержал много на первые книги От. Зап. и купил у Полонского поэму, которая по моему мнению хороша; так как в ней до 4 т. стихов, то пришлось заплатить много; заплатить много еще за вещь *на этот год* — значило бы для меня выйти из бюджета, из которого я не имею права выходить, и таким образом, случилось, что я предложил Вам за Снегурочку менее, чем заплатил за Комика, хотя Снегурочка даже по объему больше. Я знал, что у Вас есть выход, и от души желал, чтоб эта вещь принесла вам как можно более денег, зная что Вы в них нуждаетесь, и никак не ждал, что этим заслужу наименование обидчика и оскорбителя. Еслиб я имел время объяснить вам дело так подробно, как в этом письме, то конечно этого бы не произошло. Но повторяю, я поступил в ваших интересах.

Я думаю, что Вы пьесу уже отдали Стасюлевичу, но если она свободна, то — под условием, что я могу продержать ее не печатая до 1-го № следующего года — я могу дать за нее 1500 р.

Если Вы все еще желаете, чтоб я сообщил

Вам мое личное мнение о Снегурочке, то скажите, я сделаю это тем с большим удовольствием, что мне придется более хорошо говорить о ней, чем неодобрительно.

Я очень рад и благодарен, что Вы обещаете остаться в добрых отношениях с От. З., и чтоб они были прочны, и не происходило прискорбных случайностей, последуем строго моей системе то-есть уговоримся *по скольку журнал должен платить вам за пьесу* и будем строго держаться уговора, не принимая в соображение случайностей, т. е. большего и меньшего достоинства пьесы. Очень был бы доволен, еслиб Вы поэтому сообщили мне ваши соображения.

Я вас душевно благодарю за подарок, очень желаю, чтоб эта путаница не изменила и личных наших отношений и с своей стороны верю, что это возможно.

Весь Ваш *Н. Некрасов.*

40

Любезнейший Александр Николаевич.

Извещают о новой Вашей комедии. Я питаю надежду, что Вы не обойдете нас ею: нам она весьма нужна и желательна, известите же, хотя единым словом, как Вы намерены ею распорядиться, на какое время мы можем на нее расчитывать, если Вы нам ее отдадите, т. п.[212] — Будьте здоровы и бодры. Я только на днях бросил охоту и принялся за дело.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

16 Окт. 1873
Спб.

41

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Поджидая Вас в Петербурге, я медлил объяснением относительно Ваших сочинений, но теперь боюсь, что время упустим.

Когда дела Звонарева заколебались, я уладил дело так, что взял половину издержек по изданию на себя, именно плату Вам гонорария, а Звонарев взял на себя поставку бумаги и типографские издержки и таким образом мне пришлось быть тут половинщиком в будущих доходах или потерях.

В октябре Звонарев принес ко мне бумагу серенькую на Ваше издание — и мало по малу я увидал, что дело это он поведет скверно, или затянет, и довел его самого до сознанья, что дело ему не под силу, даже в половине, и он отказался от него.

Один я издателем быть не могу — во-первых, потому что издательством не занимаюсь; во-вторых, возня с книгопродавцами меня ужасает; я издал свои стихотворения, да и от них хоть отступить! Все просят в долг, денег ни от кого не добьешься. Хранение тоже потребовало бы особой кладовой. К этому прибавлю, что я постоянно болен и нахожусь в хроническом раздражении, так что может быть скоро уеду из Петербурга. Итак, смотрите на дело с Звонаревым, как на несостоявшееся, и если найдете возможным, то продайте Ваши сочинения в другие руки. — Контракт вас не связывает, он у меня и будет возвращен Вам мною по приезде Вашем в Петербург.

Полагаю, что за 5400 руб., которые Вам осталось дополучить, чтоб составилось 9-ть, — купца вы легко найдете, и пишу Вам в той мысли, что может быть отыщется таковой в Москве. А если в Москве не найдется, то надеюсь найдем в Петербурге. Уже некто Надежин предлагает свои услуги. При сем прилагаю письмо Гирса, которое хорошо его рекомендует. Вы на меня не сердитесь. Я и так в этом деле в потере.

Будьте добры, известите, можем ли мы рассчитывать на Вашу комедию на 1-ую кн. От. З. 1874. Она нам необходима.[213]

Искренно Вам преданный

Н. Некрасов.

15 Ноября, 1873.
Спб.

42

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Я сейчас прочел Ваше письмо. Увижусь с Надежиным и извещу Вас о результатах.

Извините, я не думал делать Вам предложения, которое могло бы обеспокоить Вашу совесть. Я только упомянул о том, что само собою из дела следует, иначе бы чего было и условие писать.

Впрочем, в этом отношении так или иначе сделается, тем более, что эти 3600 р., мои, а не Звонарева.

Звонарев, кажется, более походил на плута, чем на несчастного. Я узнал, что он на-днях купил порядочный дом.

Разговаривая со мной об издании Ваших сочинений, Надеждин спрашивал согласитесь ли вы на издание *компактное* (в двух томах, в роде изданной Гербелем недавно *хрестоматии для всех).* Это может сократить издержки. Уведомьте меня о мыслях ваших по сему предмету.

Когда вы приедете в Петербург?

Несомневайтесь, пожалуйста, я все сделаю, что будет возможно, чтоб успокоить Вас относительно издания ваших сочинений.

Искренно Вам преданный
Н. Некрасов.

21 Ноября, 1873.
Спб.

Я не отвечал скорее потому, что был в деревне.

43

Пожалуйста, возвратите скорее. Звонарев Вам послал — говорит — 100 р. и скоро обещает остальное.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

44

[1873]

У нас случились сегодня хлопоты по От. Зап., которые в понедельник выходят, и я не успел ничего сделать. Завтра увижусь с Надежиным и извещу Вас, когда и где свидание.

Весь Ваш
Н. Некрасов.

P. S. В клуб вас звал сам, а там не буду.

45

Многоуважаемый Александр Николаевич, мне сегодня выехать неудобно. — Я так сказать именинник; — позвал к себе несколько человек обедать, еслиб Вы были так любезны, что к нам присоединились бы, то было бы очень хорошо. — Милости прошу в 5 ч.

Но если Вам почему-либо сегодня у меня быть не придется, то я завтра (до часа утра) побываю у Вас.

Искренно пред. Вам

Н. Некрасов.

6 дек., 1873.

46

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Необходимо выпустить Складчину в начале *седьмой* недели. По законам о печати книга должна быть представлена в цензуру за семь дней до выхода. Поэтому вы можете рассчитать, как мало осталось у нас времени. Однако мы будем ждать Вашего вклада до последней минуты и возможности, о чем я послал Вам телеграмму.[214] Статью вышлите не посылкой, а просто в пакете на мое имя, дабы прямо с почты принесли ее ко мне. Против дня, назначенного в телеграмме (в среду выслать из Москвы) — едва ли можно сделать какую-либо прибавку, — разве один день, и то с риском. Если пошлете не в среду, а в четверг, то статья получится в пятницу: в одну субботу ее не наберут, а в воскресенье удастся ли еще угово-

рить работать. Впрочем, в крайнем случае посылайте в четверг, но лучше бы в среду. Если отрывок не очень короток, то разделите на два пакета и пошлите в среду и в четверг, но лучше бы, лучше бы разом в среду.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

10-го Марта. Вскресенье. [1874].

47

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Будьте добры, распорядитесь, чтоб Вашу пьесу (которую я, согласно Вашему письму, считаю за Отеч. Записками) доставили нам. Мы желали бы поместить ее в XI № От. З. нынешнего года. Уведомьте согласны ли Вы на это. Не знаю где Вы и потому нераспространяюсь в этом письме; по получении Вашего ответа, напишу подробнее. Сочинения Ваши (полные) приходят к концу печатанием.

Доброго Вам здоровья и усердный поклон Марье Васильевне.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

28 Сентября, 1874.

48

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Будьте добры, распорядитесь, чтоб нам доставили Вашу пиесу (которую я, согласно Вашему письму, считаю за От. З.). Мы желали бы по-

местить ее в XI № От. З. этого года.[215] Согласны ли Вы на это? Подробнее напишу. получив Ваш ответ — не знаю собственно где вы в деревне или в Москве.

Сочинения Ваши скоро кончим печатанием.

Доброго здоровья Вам и вашему семейству и усердный поклон Марье Васильевне.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

28 Сент., 1874.
Спб.

49

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Не без причины я мешкал ответом о Писемском да и теперь, незнаю, что сказать. Вот положение дела: на следующий год у нас есть: роман Достоевского, роман г-жи Крестовской, еще имеем в виду Вашу работу и роман Л. Надежина, который поманил нас этою надеждою. Боюсь, чтоб приглашение Писемского, который прежде тоже сильно дорожился, не обременило нашего бюджета. — Еще кабы наверно вещь хорошая.

Все это между нами. Повремените пока предложением; комедию которую прислал сюда Писемский сильно не хвалят. Но может, и врут. Может быть мне удастся ее прочесть. Тогда напишу Вам.

Вам пока послано 20 экз. ваших сочинений. Понадобится, то можете взять и еще.

По недоразумению недослано было Вам 200 р. за Тр. Хлеб. Это я велел немедля исправить.

Доброго Вам здоровья и усердный поклон Марье Васильевне.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

1 Дек., 1874.

50

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Очень рад, что получил от Вас Весточку. Пробуду здесь еще недели три, пришлите пьесу, а денег до расчета получите в Московской конторе тысячу рубл. (Об этом будет дано знать Соловьеву *завтра.)* У меня силы едва хватило дотянуть эту зиму. Еду в Карабиху, если не придется сначала поехать в Баден-Баден к несчастному Салтыкову который очень страдает. Были телеграммы почти безнадежные, а теперь ему немного лучше; два дня нет известий, мы и этому рады,—значит хоть не хуже или не совсем худо.

Дай бог Вам сил справиться.

Надеюсь, что Вас деревня поправит и такую же надежду питаю относительно себя. Усердно кланяюсь Марье Васильевне.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

26 Апр. [1875]

51

Многоуважаемый Александр Николаевич, получил Ваше письмо и согласно Вашему желанию, отлагаю комедию на одиннадцатую книгу От. З.[216] — Я откладывал прочтение ее до корректуры, но читавший ее Плещеев говорит, что это одна из лучших Ваших вещей вообще. Пришлите же новый текст. Будьте здоровы. Салтыков поправился и находится теперь в Париже. — А как Вы? Надеюсь, что деревня Вас поправила?

Весь Ваш

Н. Некрасов.

1 Сент., 1875.
Спб.

52

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Пришел ко мне Гербель в самый день получения Вашего письма и взялся отвечать Вам, поэтому я молчал. Получили Вы от него полный экземпляр Шекспира? Ответ об Соколовском? Все это он обещал исполнить; о Соколовском он сказал, что он будет очень рад.

Пьеса Ваша «Бог. Нев.» мне очень нужна для набора. Я ее не получил. Пришлите скорее.[217]

Люди ловкие пользуются некоторым легкомыслием и пренебрежением, с которыми газета Голос относится к вопросам литературным, — там случайно могут обругать и похвалить кого угодно, ибо редакция это плохой судья в деле.

Но не думаю, чтоб Кр[аевский] печатал пакости против Вас заведомо; это прежде происходило добродушно; напечатал же он и хороший отзыв о Бог. Нев. — это потому, что тот ему подвернулся на ту минуту. Ничего тут не поделаешь. Сердиться не стоит, а написать *Подрядчиков* дело хорошее.

Ждем Вас сюда или уже отдумали?

Весь Ваш

Н. Некрасов.

13 Дек., 1875.
Спб.

53

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
ЖУРНАЛА
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Многоуважаемый Александр Николаевич,

По контракту нашему Вам следует с меня и Краевского 1800 р. Сим уведомляю, что на 1400 послана записка Соловьеву, к которому и потрудитесь послать за получением, а 400 р. Вы были нам должны, так как в прошлом году мы уплатили за Вас Кожанчикову 700 р., а удержали только 300 р.

Искренно Вам пред[анный]

Н. Некрасов.

16 Янв., 1876.
Спб.

P. S. Исправленный экземпляр «Богатая Невеста» я получил. — Пьеса будет помещена во 2-м № О. З.

54

Извините, Александр Николаевич, за причиненное Вам беспокойство. Я торопился, неполядел в книгу и ошибся на сто руб. Доказательства с Вашей стороны никакие не нужны и нечего Вам рыться в старых письмах. Сто р. велю Вам дослать.

Вполне пред[анный] Вам

Н. Некрасов.

22 Янв., 1876.

55

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Еду обратно из Крыма завтра, в 7-мь часов. Поехать к Вам не могу, потому что почти без ног. Очень желал бы повидаться с Вами, пожалуйста заезжайте *Тверская, Гостинница Франция*. Днем лучше, чем вечером; вечером меня очень ломает.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

Пятница [Октябрь, 1876].

56

Записка на выдачу Вам, многоуважаемый Александр Николаевич, 300 р. послана Соловьеву сегодня. Очень рад, что Вы приедете в Петербург. [218]

Весь Ваш

Н. Некрасов.

12 Янв.

57

Многоуважаемый Александр Николаевич.
По бедности моей могу послать Вам только 300 р., которые получите от Соловьева.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

24 Марта.

58

Если Вам можно, то приезжайте завтра (четверг в 5 час.) ко мне обедать.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

28 Окт.

59

Вторник. [1861?].

Меня угораздило простудиться — я должен посидеть дома. — Между тем, я хотел сегодня заехать к Васильеву и Вильбоа — попросить их завтра к себе обедать. Пожалуйста, Александр Николаевич, передайте им мое приглашение, а визиты я им заплачу, как поправлюсь. Желал бы тоже, чтоб у меня обедал Максимов, но я тоже и у него не был и чрез записку звать его неловко. Не возьмете ли тоже на себя?

Вот вам живьем *Ив. Мих.* все что очень неладно, *должно* перепечатать [?].

Н. Некрасов.

60

Извините, что наделал вам хлопот — к вечеру мне стало скверно очень, надо возиться с пиявками и слабительным.

Некрасов.

Вторник, вечер [1862?].

61

Я опять болен — буду сидеть дома. В клубе Вы на сегодня записаны, советую итти, там найдете Ковалевского и Анненкова.

Некрасов.

Суббота [1862?].

62

Середа [1863?].

Александр Николаевич, помните, я вас и Садовского звал сегодня после спектакля. Если паче чаяния, Вы решились быть, то отложите до *четверга*, а сегодня у одного господина будет такой ад, что не быть там, мне невозможно. Пожалуйста. устройте, чтоб завтра Вы могли быть у меня: завтра уже я совершенно свободен и день и ночь.

Ваш *Некрасов.*

63

Александр Николаевич. Давайте же комедию. Типография ждет оригиналу.

Записка на 1100 р. Марье Васильевне послана. 400 р. я вам завозил.

Ваш *Н. Некрасов.*

8 Дек.

64

Александр Николаевич,

Я с третьего дня довольно серьезно болен. и возможности вытти скоро со двора не предвижу.

Пред. В.

Н. Некрасов.

[1872?]

65

Оказалось, что некоторые из ближайших участников От. З. ни сегодня, ни во вторник не могут быть, поэтому я назначил у себя обед в среду, в 4½ часа. Пожалуйста, многоуважаемый Александр Николаевич, устройте так, чтоб Вы могли у меня обедать в этот день, и скажите Горбунову и Бурдину.

Искренне Ваш

Н. Некрасов.

Понедельник.

66

6 Мая, утро, 10 ч.

Посылаю пьесу — ее только сейчас окончили перепиской. — Записку к Базунову на двести руб. тоже посылаю. Я думаю контора уже выслала вам ваш счет.

Я все еще хвораю.

Пред. Вам *Н. Некрасов.*

Кн. Одоевский, Владимир Федорович

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

Без сомнения, и тот и другой исход возможен. Не будет ничего незаконного в испрошении дозволения сделать баллотировку неполным комплектом членов, т. е. на меру *переходную*, которой цель облегчить исполнение закона, и со стороны Министра Внутренних Дел такое дозволение не будет *перевершением* собственного решения; он, как власть *утверждающая* в сем случае закон, имеет полное право и даже обязанность устранять обстоятельства, препятствующие исполнению того закона. Такие вещи делаются ежедневно. Возможно и другое, но по моему мнению, менее благовидное, т. е.: испросить *утверждение на выбор незаконно сделанный;* такое утверждение гораздо более затруднит Министра, нежели допущение меры *переходной*, для которой нужно собственно лишь *пояснение* закона а не *отмена* его, как в последнем случае. Между обоими исходами весьма резкое различие: в первом мы, покоряясь закону, признаем свои выборы недействительными, но самое сие признание есть уже доказательство уважения к закону; во втором— мы, самопроизвольно нарушив закон, ходатайствуем о том, чтобы наше *незаконное действие* было признано *законным*.

Впрочем, во всем этом деле, независимо от его неловкой формальной стороны, для меня

существует другое, высшее соображение. Не о том речь, что одного забаллотировали, другого выбаллотировали; относительно выборов каждое общество должно действовать самовластно, в этом самовластии основа всякого общественного сопряжения, и никто не имеет права спрашивать у Общества: зачем оно употребило свои шары так, а не иначе, даже если оно забаллотировало и дам. Но не в том дело, а вот в чем: все мы страждем язвою, которая портит лучшие в нас соки, эта язва: *«презрение к законности»:* от чего бы ни происходила эта язва, но она существует, и новому поколению, поставленному в более благоприятные условия нежели прежнее, предлежит залечить эту язву так, чтобы об ней и помину не было.

С этой язвой я боролся всю мою жизнь, с большей или меньшей удачей, что зависело от разных случайностей, и в новое время полагал, что борьба эта приходит к концу. Вот почему мне горько было видеть, что Общество молодое, с прекрасною, бескорыстною целию, с первого шага начинает подражать нам, отжившим старикам, и считать закон ни во что. Первым шагом всегда определяется характер всего будущего направления; нарушили закон один раз, — почему не нарушить и в другой. И поверьте моей долгой опытности: в делах такого рода этот аргумент пойдет в дело когда-либо в последствии; он отзовется, когда нарушителем какой-либо статьи Устава будут указывать на Устав.—«Нарушили же Устав с самого начала», будут говорить они. — Вот почему необходимо, по моему мнению, убедить

наше молодое общество, не одними словами, но самым делом в необходимости соблюдения закона; надобно, чтобы оно прочувствовало все неприятные последствия (из коих путаница есть наименее важная) происходящие от неуважения к закону.

Я душевно радуюсь, что Вы избраны старшиною; Ваше разумное нравственное влияние обережет молодое общество от разных увлечений, которые могут обратиться ему во вред неисцельный. Но Вы не всегда же останетесь старшиною. И если Вы, пользуясь полным уважением всех членов «Кружка», не поселите в нем чувства законности, то что же сделают другие, менее Вас пользующиеся доверием членов. Поверьте мне: в таких случаях надобно действовать энергически, и даже с некоторым педантизмом; в этой небольшой хирургической операции, которую я предлагаю, т. е. в уничтожении прежней баллотировки, и в произведении новой — залог будущего преуспеяния нашего Кружка.

Примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем к Вам уважении и совершенной преданности.

Кн. В. Одоевский.

8 Июня 1865.

Это письмо было к Вам написано тотчас после Вашего (от 6-го Июня—),—*но Вас уже не было в Москве*, и я не знал, куда Вам его адресовать; а когда Вы возвратились, я занемог, и потому

был в невозможности найти и Ваше и мое письмо в моих бумагах. На всякий случай — имею честь приложить копию с Вашего.[219] Надобно бы нам повидаться в единый из вечеров Пятницы, или... по Субботам.

20 Окт. 1865.

Острогорский, Виктор Петрович

2 Ноября, 1875.

Милостивый Государь
Александр Николаевич.

В качестве члена председательствуемого Вами Общества Драматических Писателей и Преподавателя Петербургских Женских Педагогических Курсов позволяю себе обратиться к Вам с следующею покорнейшею просьбой: не разрешите ли прочитать мне одну из сцен Вашей новой комедии «*Волки и Овцы*» на литературно-музыкальном утре 23 Ноября, устраиваемом мною в пользу беднейших из слушательниц помянутых Женских Курсов (взнос денег за лекции и устройство библиотеки). Ваше имя и новая пьеса Ваша очень важны для успеха дела. Не откажите написать мне тотчас же, разрешаете ли чтение по корректурным листам, которые есть уже в Редакции «Отеч. Записок». На утре читают: Плещеев, Горбунов, Ал. Антипович Потехин, Турбин, Вейнберг и, если позволите прочитать отрывок из Вашего

нового произведения, я. — В случае Вашего согласия, не откажите прислать на мое имя разрешение в отдельной записке. Утро будет 16-го или 23-го Ноября.

С истинным уважением имею честь быть
Ваш
покорнейший слуга
В. Острогорский.

Панаев, Иван Иванович

1

11 Августа, 1856.
П-бург.

Бога ради, вышлите поскорее рассказ.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Некрасов сегодня уехал за границу и потому на Ваше письмо к нему от 1 Августа спешу отвечать Вам:

1) Рассказ Ваш я жду с нетерпением для IX (Сентябрьской книжки). Он будет вместе с рассказами Даля.

2) В объявлении об исключительном Вашем участии, будет упомянуто непременно то что Вы желаете.

и 3) Обещание Ваше еще о двух рассказах в нынешнем году привело меня в совершенный восторг.[220]

При этом не лишним считаю Вам сказать, что употреблены все меры, чтобы книжки от

Сентября и далее ведены были сколь можно блестящее.

Прошу Вас все адресовать с сегодня на *мое имя* в контору Современника.

Я был в Москве и познакомился с Аполлоном Григорьевым. Какой умный и милейший человек!

В самом нетерпеливом ожидании Вашего рассказа и потом двух других

остаюсь

Преданный Вам

Ив. Панаев.

Горева Комедии есть лучший ответ на все пакости. Краевский напечатал ее, торжественно сам показав публике какую гнусную и подлую сплетню и клевету сплел его *г.вн.ч.ст.* Зотов.

2

Спб. 30 Авг., 1856.

Почтеннейший Александр Николаевич, я ожидал Вашего рассказа для Сентябр[ьской] книжки С[овременника] до последней возможности, т. е. до 29. Неполучение его крайне огорчило меня за IX №, но еще более обеспокоило меня то, что я даже не получил ответа на письмо мое от 11 авг. я боюсь за вашу ногу... что вы? Как ваше здоровье? — Напишите, хоть строчку. Об этом я Вас спрашиваю уже не эгоистически, как Изд. журнала, но как человек, искренно полюбивший Вас и потому интересующийся всем, что до Вас касается. [221]

Как участнику Совр., — я должен сказать Вам, что в IX № будет *одиннадцать* небольших рассказов *Даля*, стихи *Некрасова* и *Фета*. На X № *Тургенев* прислал небольшой рассказ из за границы (Тург[енев] Вам кланяется), но этого рассказа недостаточно, и я рассчитываю непременно на Вас... Дай Вам бог только здоровья... Надо во чтобы то ни стало отличиться осенними книжками, а без Вашего пособия плохо... Уведомьте, как вы выпилете... *Григорович* не написал ни строчки и болтается теперь здесь; *Толстой* пишет Юность — и говорит, что идет успешно.

Наличного материяла для I Отд[ела] совсем нет. Бога ради, пишите и высылайте, если только здоровье позволяет Вам.[222]

В объявлении об издании Совр[еменника] на 1857 (составлением его занимались Тургенев и Некрасов) упомянуто, что каждый из четырех участников по одной пьесе, обещанной им прежде напечатает в других журналах не позже начала 1857 года, а затем уже все их произведения будут печататься в Совр.

Пишите долго ли вы пробудете в *Калязине* и куда писать Вам. — Адрес Ваш мне необходим.

Преданный вам душою
И. Панаев.

3

7 Сент., 1856. Спб.

Почтеннейший Александр Николаевич, я писал к Вам два письма в Калязин: одно тотчас после отъезда Некрасова за границу, другое во-

семь дней назад тому. — Но не получая от Вас ответа, я пришел в отчаяние и за Современник и за Вас, думая, что Вы не в шутку занемогли. К счастию, сейчас встретил Вашего брата, с которым познакомил меня *Бекетов*. Брат Ваш успокоил меня касательно Вас и дал Ваш адрес в Москве. Значит письма мои лежат в Калязине.

Вашего рассказа ждали мы к IX № до 1 Сентября, т. е. до последней возможности. Умоляю Вас о высылке его к X № и чем скорей, тем лучше. Я остаюсь только с Тургеневским рассказом, который получен мною из заграницы;[223] — рассказ небольшой. — Ваш рассказ следов[ательно] крайне необходим. В наличности у меня ничего нет — все только надежды, — а теперь самое важное время. Бога ради, не забывайте *ваш* Совр. и не повергайте в отчаяние меня, изо всех сил хлопочущего о том, чтобы книжки были хороши, а без Вашей помощи это сделать нельзя.

Посылаю Вам объявление сочиненное Тургеневым и Некрасовым.

Жду от Вас уведомления. — Не поленитесь тотчас написать две строчки, когда Вы вышлите?

Преданный Вам всею душою

И. Панаев.

Кланяйтесь от меня Григорьеву. Я искренно полюбил его.

4

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Тургенев из-за границы, а Дружинин из Петербурга шлют Вам свое приветствие: Все мы крайне огорчены Вашим положением. Напишите, или велите написать строку: что с вами? лучше ли вам? Да, пожалуйста, уведомьте меня прямо и *решительно* — могу ли я надеяться на Ваш рассказ для XI №? Если нет, то надо принимать мне какие-либо меры — и потому велите черкнуть об этом скорей.

Потрудитесь сказать г. Бергу, если его увидите, что я буду писать к нему и уведомлю срок высылки денег.

Кланяйтесь Аполону Ал. Григорьеву.

Дай Вам бог здоровья. Никто вам не желает этого более меня, как человеку и как сотруднику Современника.

Преданный Вам
И. Панаев.

29 Сент. [1856].

5

Спб.
6 Декабря, 1856.

Почтеннейший Александр Николаевич, — я полагаю, что я сильно надоел Вам; но что же делать?.. Опять с тем же. Бога ради, пришлите рассказ ваш на 2-ю книжку — то есть к 1 Январю. — Это необходимо — и напишите хоть две строки о себе: как вы и что вы? — Это всех

нас очень интересует; Дружинин, Боткин, Толстой, Гончаров и все наши вам очень кланяются. — Надеюсь на вас крепко для Февраля. — Ваш рассказ пойдет, как я полагаю, вместе с Тургеневским. — [224]

Преданный Вам
И. Панаев.

6

С.-ПБург, 20 Декабря [1856].

Милостивый Государь
Александр Николаевич, —

Спешу препроводить вам записку на получение желаемых Вами *150 р.*, прося покорнейше уведомить о получении оных. При этом я еще раз убедительно прошу Вас прислать комедию для 2 №, о которой Вы говорите в письме Вашем ко мне. Во 2 № печатать нечего. Тургенев ничего не пришлет, Григоровича нет. Если с 1-х номеров оказывается недостаток в материале для 1 отд., то что же будет далее? А теперь время подписки. Простите, что я мучу Вас, но войдите в мое положение и не сердитесь. Все наши Вам очень, очень кланяются: Боткин, Дружинин, Анненков, Толстой.

Бога ради присылайте комедию для 2 № (не позже 15 января).

Преданный Вам
И. Панаев.

[Сбоку:]

Поблагодарите Григорьева за память обо мне и кланяйтесь ему.

7

Милостивый Государь
Александр Николаевич,

Во-первых — прошу Вас уведомить — получили ли Вы от Базунова деньги, а во-вторых, — прибегаю к Вам с самой горячею, усердною не только просьбою, но *мольбою* исполнить Ваше обещание и выслать мне к 15 Генв. — *вашу комедию, обещанную для II книжки, для Февральской.* Сию секунду получил письмо от Григор[овича], что он болен и ничего не сделал на 2-ю книжку; Тургенев тоже... Бога ради! на вас одна надежда. — Прошу Вас тотчас по получении отвечать мне на это письмо... Я буду ожидать его с нетерпением... Господа! ведь первые месяцы и подписка! Что же это? Я просто в отчаянии.— Как же тут издавать хорошие книжки?.. Еще раз прошу Вас — спасите 2 № для себя же самого и пишите мне скорее на это письмо.[225]

Преданного Вам
И. Панаев[а]

[1856, конец декабря].

8 *

5 Января 1857 года.

Поздравляю Вас, любезный Александр Николаевич, с новым годом и воссылаю мольбы к богу о том, чтобы он ниспослал Вам в этом году здоровья и вдохновения. До нас дошли слухи о Вашей новой комедии, которую Вы чи-

* Сверху письма рукой Островского: пол. 10 Янв. 1857. Ответ 11—

тали. Говорят, что эта вещь необыкновенно замечательная — и все мы ожидаем ее с нетерпением...[226] Сегодня мы, толкуя об этом (с Толстым и Боткиным), пришли к такому заключению: если у Вас, кроме нее нет ничего, — отдайте ее в Современник во 2-ю книжку. У нас печатать нечего, а «Русская Беседа» может подождать.[227] Если мы подгадим первые №№, то подписка, которая идет прекрасно, — может приостановиться — и вам и нам тогда худо. Надобно вывозить Совр[еменник] — [*неразборчиво*] Алекс. Николаевич; если бы Тургенев сдержал свое слово для 2 №, я бы не мучил Вас, — но теперь — я повторяю Вам, что без Вас 2 № погибнет. — Не обезкураживайте редакцию, бога ради!..

Я не хочу отвлекать Вас от Вашего слова Беседе, но дело в том, что Совр[еменник] сию минуту в критическом положении по недостатку материалов... и требует вашей помощи!.. Спасайте его — спасайте!..

Деньги, кажется, Вы уже получили, и *Соврем*[енник] я велел выдавать Вам. Уведомьте все таки о получении и тех и другого...

И бога ради — пишите скорей. Последняя надежда на Вас.

Всей душой вам преданный

И. Панаев.

Не понимаю, за какое письмо, на которое я будто не ответил, ты упрекаешь меня, любезный друг Александр Николаевич; я ничего не получал. Но дело не в том. Мольбы Панаева совершенно основательны, и ежели ты не при-

шлешь ничего ко 2-й книжке, союз наш не только примет окончательно комический характер, но просто шлепнется во всех отношениях. Ежели на счет комедии, про которую мы слышали, да и от которой без слухов я ожидаю наверное прекрасного по эпохе твоей деятельности, ежели ты уж дал слово печальной Р[усской] Б[еседе], то просить тебя нечего, как ни грустно зарыть такую вещь в раскольничий журнал; но ежели есть возможность приготовить другое, не торопясь и не порти матрьяла, или ежели слово не дано, то в Современнике теперь больше, чем когда-нибудь, необходимо твое имя, а главное, твоя вещь. Прощай, любезный друг, может быть я сам скоро буду в Москве, но во всяком случае, отвечай мне хоть несколько слов, как и что твое здоровье и твоя работа? Поздравляю тебя с новым годом.

Твой *Гр. Л. Толстой.*

Апол[лону] Алекс[андровичу] от души кланяюсь и прошу не забывать меня.—

Писемский прочел вчера свою Старую Барыню. Прелестная вещь, мне кажется лучшая из всех его прежних.—

9 *

Почтеннейший Александр Николаевич,—ваше письмо, полученное мною сей час, несказанно ободрило меня. Жду комедии Вашей ко 2 № и

* Наверху приписка Островского: пол. 18 Янв. 1857.

без того не выдам его, потому что без Вас будет №, чорт знает что. — Ради бога, Александр Николаевич, — не погубите и простите, что Вас мучу. Подписка идет прекрасно — Надежа на вас поддержать себя. Не могу писать более — некогда.

Преданный Вам

И. Панаев.

15 генваря, 1857.

Здравствуйте, любезный Александр Николаевич, тысячу раз здравствуйте. Любят Вас и сердечно помнят Ваши приятели и часто говорят о Вас. Толстой теперь в Москве, и Вы верно увидитесь с ним. Поклонитесь пожалуйста милейшему Григорьеву и скажите ему, что статья моя о Фете [228] написана по его возбуждению: желаю только, чтоб она ему понравилась. Обидно будет, если первые книжки Совр[еменника] явятся без Вашего имени. На пуф будет походить обязательное соглашение.

Ваш *В. Боткин.*

10

Спб. 20 февр. 1857 г.

Почтеннейший Александр Николаевич, я еще до сих пор не благодарил Вас за Вашу присылку во 2 №. — При этом долгом считаю сообщить Вам, что Ваши сцены решительно всем здесь очень нравятся (я говорю о публике). Я же их перечел несколько раз — и всегда с новым удовольствием. В них пропасть правды и веселости. Уведомьте, — исправно ли они напе-

чатаны. Мне не хотелось бы огорчать Вас опечатками. Теперь прошу Вас, по обещанию Вашему, приготовить что-нибудь к маю и к сентябрю. Подписка идет хорошо — и Ваше дело усилить ее для общей пользы. Бога ради, поддержите наше общее дело своими произведениями, да не возопиют читатели, что мы пустили пуф. В этом году нам надо как можно более хороших вещей, капитальных, таких, которые были бы подписаны Вашим именем, Тургенева и Толстова. С 3 № будут — между прочим очерки Григоровича и комедия Тургенева — *Чужой хлеб.* —

Если мы понатужимся этот год, — он принесет хорошие плоды. Надеясь на Вашу помощь более чем на чью-нибудь, я умоляю Вас

Не забывать «Современника» и всей душой полюбившего Вас

И. Панаев[*а*].

Толстой уже в Париже.

11

6 Апр., 1857. Спб.

Христос Воскресе!

Обнимаю Вас и целую по-христиански, почтеннейший Александр Николаевич, и при этом кладу пред Вами земной поклон за Ваше «Доходное место». Чудное наслаждение доставила нам эта пиеса! — Апполон Александрович пожил таки у нас, и я довольно часто виделся с ним, — как бы Вас хотелось видеть! —

Пользуясь случаем, я к Вам таки с просьбой. — Пожалуйста, уведомьте меня — когда Со-

врем. может надеяться получить от вас приятную посылку?.. Хорошо, если бы к 5 № — Крайне бы этим обязали бы... Во всяком случае — не поленитесь черкнуть мне два слова. — Если Вам нужны деньги — отпишите и сколько. Они всегда к Вашим услугам, как и Ваш покорный слуга

И. Панаев.

Ожидаю вашего ответа.

12 *

Петерб. 28 Апр., 1857.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Благодарю Вас за добрую весть и буду в мае с нетерпением ожидать Вашей присылки. Касательно Дрианского романа я могу сказать только то, что если Вы и Боткин находите этот роман хорошим, — то я даже и нечитая готов напечатать его и заплатить по 50 р. за лист. Пожалуйста, почтеннейший Александр Николаевич поддержите Вы Соврем[енник] Вашим именем. Два номера (4 и 5) пройдут без имен в четырех и мне потому хочется хоть летние книжки сделать замечательными; без Вашей же помощи я это не в состоянии буду сделать.

В ожидании Вашего произведения и романа Дрианского, остаюсь искренно преданный Вам

И. Панаев.

* Сверху приписка Островского: пол[учил] в Ярославле 8 мая.

13

25 Мая [1857]. ПБург.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Квартет Дрианского я получил.[229] Начало его будет в 6 № — я считаю нужным его посократить и поисправить в некоторых местах. О *Садовском* я написал еще до получения Вашего ответа. Такого явления нельзя было пропустить. Это великий актер, он поразил меня — и я высказал о нем мои впечатления, по мере моих способностей.[230] Чувствую, что он заслуживал бы более серьезной статьи, но все-таки и эта статейка будет я думаю ничего, потому что подлые Петербургские журналы или молчат об нем, или отзываются с высоты своей глупости. Противно и жалко читать. — Пишите почт[еннейший] Александр Николаевич, бога ради и присылайте, когда кончите, а то над нами начинают подсмеиваться. Три номера прошло без имен *четырех*. Я употребляю все меры для оживления журнала, но трудно вывертываться. —

Я получил от Ивана Сергеевича письмо из Лондона от 25 мая н. с. Он лето проведет на водах в Германии, а в августе обещает возвратиться к нам.

Прощайте и не забывайте всей душой вам преданного

И. Панаева.

14

14 Июля [1857]. Петергоф.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич

Письмо Ваше я получил только сейчас, следовательно Вы уже выехали из Углича, ибо из письма Вашего видно, что Вы в Угличе только до 14 числа. Прошу Вас прислать свой адрес для высылки Вам денег. От четырех сотрудников до сей поры ни одной строчки, и мы в совершенном недоумении, что делать.

Искренно преданный Вам
Ив. Панаев.

Писемский, Алексей Феофилактович

1

Достопочтенный наш автор Банкрута! [231]

Если Вы хоть немного помните вашего старого знакомца Писемского, которому доставили столько удовольствия чтением еще в рукописи вашей комедии, то можете себе представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное. Впечатление, произведенное вашим *Банкрутом* на меня, столь сильно, что я тотчас же решил писать к Вам и высказать нелицеприятно все то, что чувствовал и думал при чтении вашей комедии: основная идея ее развита вполне, необ-

разованность, и вследствие ее совершенное отсутствие всех нравственных правил и самый грубый эгоизм резко обнаруживается в каждом лице, и все события пиэсы условливаются тем же бесчестным эгоизмом, т. е. замыслом и исполнением ложного банкрутства. Ваш глубокий юмор, столь знакомый мне, проглядывает в каждом монологе. Драматическая сцена посаженного в Яму банкрута в доме его детей, которые грубо отказываются платить за него, превосходна по идее и по выполнению. Искусный актер и в этом месте может заставить плакать и смеяться. Самое окончание, где подьячий, обманутый тем же Подхалюзиным, инстинктивно сознавая свое бессилие перед официально-утвердившимся тем же подлецом Подхалюзиным, старается хоть перед театральной публикой оконфузить его, продумано весьма удачно. Вот Вам то, что я чувствовал и мыслил при первом чтении вашей пиэсы; но потом я стал вглядываться внимательнее в каждую сцену и в каждой характер: Липочка в 1-м своем монологе слишком верно и резко знакомит с самой собою; сцена ее с матерью ведена весьма искусно бестолково, как и должны быть сцены подобных полудур; одно только: зачем Вы мать заставили бегать за танцующей дочкой? Мне кажется это несовсем верно: старуха могла дивиться, жалеть на дочь, бранить ее, но не бегать. Вы, конечно, имели в виду театральную сцену и зрящий на нее партер. Бестолково-многоречивая и вероятно хлебнувшая достаточно пива Фоминишна очень верна. Про Устинью Наумовну и говорить нечего, — я очень хорошо помню этот

глубоко-сознанный Вами тип из Ваших рассказов. — Ее поговорки: серебряный, жемчужный, брильянтовой, как нельзя лучше обрисовывают эту подлянку. Рисположенский — и этот тип я помню в лице безместных Титулярных Советников, стоящих обыкновенно у Иверских ворот, и столь любезных сердцу купеческому, адвокатов, великолепно описывающих в каждом прошении все доблестные качества своего клиента и неимоверное количество детей. В том месте, где Рисположенский отказывается пить вино, а просит заменить его водкою, он обрисовывает всю его много-путную, грязную жизнь, приучившую его, на перекор чувству вкуса, исключительно к одной только водке. Главное лицо пиэсы—Большов и за ним Подхалюзин, оба они похожи друг на друга. Один подлец старый, а другой подлец молодой. Старость одурила Большова, затемнила его плутовские очи, и он дался в обман одному, думая обмануть и удачно обманывая прежде 100 людей. — Сколько припомню, — у вас был монолог Большова, в котором высказывал он свой план, но в печати его нет; а жаль, мне кажется он еще яснее мог бы обозначить личность Банкрута, высказав его задушевные мысли и кроме того, уяснил бы самые события пиэсы. Но как бы то не было, — кладя на сердце руку, говорю я: Ваш Банкрут — купеческое Г о р е о т У м а, или точнее сказать: купеческие М е р т в ы е д у ш и.

Пишу к Вам это письмо, не помня хорошенько адреса вашего, на русское авось: дойдет; и вместе с тем присоединяю к Вам мою по-

корнейшую просьбу, напишите мне, бедному служебному труженику, хоть несколько строк, скажите мне, так ли я понял ваше произведение, довольны ли Вы сами им вполне. Письмо Ваше доставит слишком много удовольствия человеку, делившемуся прежде с Вами своими убеждениями, а ныне обреченному волею судеб на убийственную жизнь провинциального чиновника; человеку, который по несчастью до сих пор не может убить в себе бесполезную в настоящем положении энергию духа. О собственных моих творениях я забыл, хоть они и лежат вполне оконченные. Адрес мой: Алексею Феофилактовичу Писемскому в г. Костром, чиновнику Особых Поручений при Военном Губернаторе. — Каждую почту буду ожидать вашего ответа. в каковой надежде и пребываю.

Любящий и уважающий Вас

А. Писемский.

1850. 7 Апр.

Если вы будете писать ко мне, то припишите Ваш адрес пополнее и поточнее.

2

Посылаю Вам, почтенный мой А. Н. произведение мое на полное Ваше распоряжение. Делайте с ним, что хотите. Я его назвал: Семейные Драмы; но если это заглавие или, лучше сказать, что бы то не было в моем творении будет несообразно с требованиями цензуры, или с духом журнала, — [232] перемените, как хотите и что хотите. Роман мой назовите:

просто *Бешметов, Тюфяк*, или каким Вам будет угодно, окрестите названием.[233] Главная моя мысль была та, чтобы в обыденной и весьма обыкновенной жизни обыкновенных людей раскрыть драмы, которые каждое лицо переживает по своему. Ничего общественного я не касался и ограничивался только одними семейными отношениями. Я посылаю только первую часть моего романа, но Вы поручитесь редакции, что я вышлю при первом Вашем требовании и вторую, т. е. последнюю часть, которая уже в черне написана, но не отделана окончательно; а оканчивать ее совершенно во мне не достает силы воли, так как я на этом поприще уже много трудился бесполезно. Но если редакция не доверит и будет требовать второй части, напишите, и я не замедлю ее выслать. Характеры моих героев я понимал так: главное лицо Бешметов. — Это личность по натуре полная и вместе с тем лишенная юношеской энергии, видимо не сообщительная и получившая притом весьма одностороннее, исключительно школьное образование. В первый раз он встречается с жизнию по выходе из университета и по приезде домой. Но жизнь эта его начинает не развивать, а терзать; и затем он не имея никого и ничего руководителем— начинает делать на житейском пути страшные глупости, оканчивающиеся в первой части безумной женитьбой. Прочие характеры, как я думаю, достаточно объясняют сами себя.

В произведении моем, опять повторяю, Вы можете изменить, выпустить, прибавить все, что найдете нужным по требованию цензуры.

В практическом отношении, я прошу Вас, если возможно, продать его и тоже за сколько возможно. Это может меня убедить в достоинстве моего творения. Жду от Вас ответа, и в настоящее время думаю исключительно об вас, моих Московских, незаменимых собеседниках и жду ваших писем, как некогда ждал чувствительных посланий от прекрасного пола.

Любящий и уважающий Вас
Алексей Писемский.

1850 г.
Апреля 21-го.
Кострома.

[Текст писан чужой рукой. Подпись (Любящий и т. д.) и дата писаны рукою Писемского.]

3

Почтеннейший Александр Николаевич!

Приношу мою искреннюю благодарность за ваш авторский подарок,[234] который я не премину приняться тотчас же перечитывать. На счет моего романа, —[235] то он совершенно в вашей власти; назначьте ему цену сами, по крайней мере, не менее того, что дается за переводы, которым, кажется, цена семь рубл. серебром за печатный лист. Вы пишете, что в половине июля будете в нашей Костроме, — с несказанным нетерпением буду ждать удовольствия увидеться с вами. Найти меня в Костроме не трудно: я живу в Ивановской улице, в доме Третьякова. Вторую часть я не успею выслать до Вашего отъезда из Москвы; но Вы заверьте редакцию, что я не замедлю выслать и вто-

рую, — пусть она мой роман принимает, цензурует и печатает.

Надеюсь, что по приезде в Кострому, вы не замедлите мне доставить удовольствие Вас видеть, и если б даже меня не было дома, то сказать вашу фамилию — и меня сейчас отыщут. Затем желаю Вам доброго здоровья. Имею честь пребыть

Покорнейшим слугою
Алексей Писемский.

Еще утруждаю вас моей покорнейшею просьбою—переговорить до вашего отъезда с Погодиным в отношении условий, а также и о том, когда я должен буду представить вторую часть.

1850.
Июня 27.

[Все письмо и приписка писаны чужой рукой; подпись (Покорнейшим слугой Алексей Писемский) и дата рукою Писемского.]

4

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Роман мой, наконец, весь вышел в свет, [236] — приношу Вам мою искренную благодарность за принятое Вами в этом деле участие и вместе с тем обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою докончить его и попросить редакцию рассчитаться со мною, так как для меня это один из важнейших вопросов, тем более, что я нуждаюсь и в деньгах, то о сем предмете и крепко беспокоюсь; бога ради, добрейший

А. Николаевич уведомьте меня. когда и каким образом я получу *гонорарию* по 20 р. сер. за лист и будет ли роман печататься отдельно. [237]

Еще раз повторяю мою покорнейшую просьбу обязать меня вашим ответом и успокоить волнующееся корыстное сердце. — Затем с истинным моим почтением пребываю

Покорный слуга
А. Писемский.

1850.
Ноября 16.

На святках буду сам в Москве и принесу Вам за ваши хлопоты личную благодарность.

5

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Первое мое слово будет то, что я на Вас посердился немного, а главное огорчился вашим молчанием, которое некоторым образом отнимало у меня руки на литературную деятельность. Принять участие я искренно желаю в вашем альманахе, [238] но не знаю, успею ли что-нибудь изготовить для него. Есть у меня в начатке рассказ К о м и к, [239] но я его ранее половины или конца февраля не могу окончить. Уведомьте меня и уведомьте, когда именно думаете издать альманах, чтобы я, соображаясь со временем, мог распорядиться. И вот еще к вам одна моя просьба: вы, может быть, помните мою повесть; Виновата ли она? [240] Ее не-

пропустила Петербургская цензура; но я отчасти переделаю ее, т. е. переменю заглавие, уничтожу резкие сцены. Не пропустят ли ее в Москве. Я готов ее напечатать, где вам угодно, — в вашем Альманахе, в Москвитянине, но только бы она не валялась; мне ее жаль, хоть я немного из нее и вырос.

Обо всем этом прошу вас меня уведомить с первою же почтою, потому что, на основании вашего ответа, я буду располагать мои труды — и вместе с тем прошу вас сказать при свидании Немчинову, что и на его крепко посерживаюсь за молчание. Затем желаю всего лучшего вам, остаюсь

ваш слуга
А. Писемский.

1850.
Декабря 26.

В Москву я вряд ли попаду этим путем, — этому противоречит многое и потому прошу вас не забывать меня письмами.

6

Христос воскресе!

Любезные и милейшие друзья,
Александр Николаевич, Тертий Иванович и Евгений Николаевич!

После разного рода хлопот семейных, служебных и авторских, я, наконец, собрался к вам написать — в дни покаяния и поста я очень много нагрешил литературно: во 1-х написал уже полтора действия Ипохондрика, [241] во 2-х

более половины Комика и, наконец, в 3-х целый роман: Москвич в Гарольдовом плаще.* О содержании его вы, конечно, догадываетесь по заглавию, но все-таки я хочу вам сказать несколько слов о нем — а это может быть послужит для соображения Евгения Николаевича, который захочет м. б. сказать о нем несколько слов (я его помещу в Отеч. Записках). В декабрьской книжке 1850 г. этот журнал, разбирая моего Тюфяка, между прочим заметил, что Бахтиаров—разоблаченная претензия на Печорина; это совсем неверно: Бахтиаров не претендует на разочарование, но он в самом деле, пресыщен — это стареющийся эпикуреец и эпикуреец с небольшими деньгами; женщины его только раздражают, как больного обжору новинка; но другое дело—сам Герой нашего времени и его претенденты — это народ еще очень молодой, немного даже поэты в душе, они очень любят женщин, общество и славу, но не показывают этого, потому что все это или не совсем им доступно, а если и есть что в руках, то в таких микроскопических размерах, что даже совестно признаться, что подобные мелочи их занимают и волнуют. Некой Г-н А—в** начал уже осмеивать этот тип в своих письмах, но выведенное им лицо психологически ложно: всякая претензия в человеке уславливается некоторыми приврожден-

* Первоначальное заглавие романа «Богатый жених», напечатанного в «Современнике» 1851, тт. XXIX — XXXIII. *Ред.*

** Авдеев, автор повести «Записки Тамарина» в «Современнике» 1850, № 2. *Ред.*

ными наклонностями: никак нельзя представить себе, чтобы Собакевич, какое бы не было воспитание, объявил претензию на стих в духе Гейне, но Манилов, пожалуй бы, хватил на подражание. У Г-на А—ва из махонького бесхарактерного мальчика выходит разочарованный юноша. Если это и действительно случилось в жизни, в которой, конечно, бывает очень много необъяснимых странностей, то по крайней мере, это лицо ни как не могло быть взято за тип. Родственная черта героев нашего времени есть, я полагаю, гордость, выражающаяся отрицанием от всего того, что хоть немного раздражает чувство самолюбия, большею наклонностью властвовать, неуважением ко многому, скрытностию всех нравственных движений, которые обнаруживают в них присущую смертным слабость и мягкость, и, наконец, жизненным образом они очень хорошо высказываются грубостью, в том значении этого слова, как оно понимается в школах. Байрон, так много выразивший себя в Шалд-Гарольде, грубил в пансионе; Печорин грубит своему Штабс-капитану и, вероятно, за грубость был отправлен на Кавказ и грубит.....

P. S. Александр Николаевич, потрудитесь сказать Щепкину, чтобы он выслал мне свой сборник, я тотчас же заплачу ему.

[Февраль? 1851.]

[Письмо без конца и подписи.]

7

Любезнейший и милейший
Александр Николаевич,

Не знаю, как и благодарить Вас за все ваши хлопоты по моим делам, а главное: касательно моей службы, которой я желаю, как бог знает чего, особенно в настоящее время. Губернатор от нас переходит, место мое, говорят, упразднится, и меня в таком случае дернут в Питер и причислют к Министерству без жалования, я по необходимости должен буду оставить место. Что вы поделываете, и что не-приехали из Москвы, [я] все хвораю и хандрю.— Опасения мои на щет Волги сбылися: мы переходили ее с женою пешком с большою опасностью, а экипаж провалился, едва вытащили и перепорчено руб. на 150 сер. Константин чуть не утонул. Уведомьте бога ради поскорее о месте. Я вместе с этим письмом пишу к Шевыреву и Погодину. Сегодня мы получили от отца Павла перчатки, за которые жена вас несказанно благодарит и просит вас приехать в Кострому—играть в преферанс; а какие у меня стали мальчики молодцы — [242] так мое вам почтение. Нашим и всем поклон.

Весь ваш
Алексей Писемский.

Декабрь 7-е [1851?].

Повестку и квитанцию от Вашей маменьки я не получил, вышлите по почте.

8

Милейший друг
Александр Николаевич!

Я, жена и все дети мои на вас сердиты. отчего вы не пришлете никакой нам весточки нашет места в театральной дирекции, если ничего нет окончательно положительного, то нет ли, по крайней мере, каких-нибудь частных слухов. Напишите, бога ради. Москвича поспешим выслать.

Ваш
А. Писемский.

Жена за перчатки делает вам кникен.

Нашим и всем любящим русское слово — поклон!

14 Декабрь [1851].

9

Любезнейший Александр Николаевич!

Давно я не получал от вас весточки, давно и сам не писал к Вам. Комедию вашу я прочитал с неистовым удовольствием и нахожу, что она не только не уступает С в о и л ю д и с о ч т е м с я! но даже выше, потому что комизм ее тонше задушевнее — выведенные лица до того живы, что мне снятся во сне.[243] Ох как бы я сыграл [244] каждого, все мне по душе. Последнее действие написано Шекспировскою кистью. Будет ли она поставлена на сцене, и не слыхали ли чего об Ипохондрике? [245] Я все это время хвораю и хандрю. Сил моих не достает жить в Костроме. Так все огадило. Еще года два та-

кой жизни, я откажусь и от литературы, потому что ни что не поддается перу. Надежды мои перейти в Москву, кажется, несбыточны. — Узнайте, бога ради, повернее — Назимов только по губам мажет. Погодин денег то же не высылает, обещался еще в феврале, а теперь конец марта. Попросите его, чтобы он послал, мне очень нужно. Задумываю еще большую комедию:[246] сюжет или анекдот готов, а это для меня самое трудное дело, в характерах не затруднюся. Богатым Женихом[247] я сам недоволен, но впрочем, 2-я часть идет гораздо лучше, чем конец 1-й. Последняя книжка Москвитянина до отвратительности пуста; но Погодинское известие о смерти Гоголя прекрасно — я его беспрестанно перечитываю и потихоньку плачу...[248] Чорт знает что такое творится в божьем мире: Галаховы цветут здоровьем, а Гоголи умирают, добро бы хмелем занимался, а то и того не было — нашему брату, например, не диво умереть рано, за тем, что с малолетства имели к вину пристрастие. Прощайте, милейший Александр Николаевич, поклонитесь нашим, поблагодарите Едельсона, что он за меня заступился. Напишите, бога ради, мне, если нет ничего верного, так пустяки какие-нибудь, но только напишите.

Ваш Писемский.

P. S. Купите, бога ради, мне портрет Гоголя, если есть хороший — то самый лучший, а если нет, то какой есть, но, пожалуйста.

1852
Марта 20-го.

Жена моя вам кланяется, но очень сердита на вас за то, что ничего не пишете и не исполняете ее поручений.

10

Любезный и милейший
Александр Николаевич!

Когда вы пришлете моего Москвича, я до сих пор еще не получал его. Неужели он пропал на почте. Отчего вы так ленитесь писать ко мне, ничего не знаю ни о комедии *, ни о должности, видно мне сидеть в Костроме. Шевырев хотел писать ко мне, но ничего не пишет. Бога ради, уведомьте меня, а также пришлите и Москвича.

Ваш верный
А. Писемский.

|1852|.

11

Любезный друг,
Александр Николаевич!

Жена моя, возвратившись из Москвы, передала мне твою претензию за мое молчание, но ты сам знаешь, сколько моих писем к тебе осталось без ответа (каковая участь, вероятно, постигнет и настоящее послание), а кроме того, и писать мне было почти нечего: живу я больше полугода в деревне, почитываю, попысываю,

* «Ипохондрия».

играю с своими детками, теперь езжу верхом, ловлю рыбу, шляюсь по полям и с нетерпением жду, чтобы начали грибы расти, а их—на досаду—ни одной благушки нет, вот тебе и все мои занятия; что касается собственно до писания, то пишется много: пишу длинный роман, написал два небольшие очерка, [249] одну небольшую драматическую пиесу, [250] которую уже и отправил в Петербург для постановки, не знаю, какая постигнет ее судьба. За подарок жене твоей пиесы Бедность не порок [251] благодарю. Я прочел ее с большим нетерпением и с большим удовольствием, и вот тебе мое замечание, если не побрезгуешь им: надобно бы было больше развить левую сторону — для этого стоило прибавить хоть одну задушевную сцену между Г. Кар. Торцевым и Коршуновым, и в Г. Карпыче выразить поярче тиранию в семействе; это бы осветило много и правую сторону, которую, пожалуй, можно было бы, пожжать. Журнальные укоры в случайности развязки — вздор — в ней прекрасно выразился самодурный характер Торцова. Очень бы желалось знать, какой успех был на сцене драмы Потехина, [252] из журнальных заметок ничего не видно, да я им, признаюсь, и не верю. И так будь здоров, дай бог тебе писать больше и больше.

Алексей Писемский.

1854
Июня 17.

P. S. Эдельсону и кто еще из знакомых вспомнит меня, поклонись.

12

Христос воскресе!

Любезнейший друг, Александр Николаевич!

Прибегаю к тебе с моей покорнейшей просьбой: по ополчению мне приходится ставить одного человека, приличный для этого человек у меня проживает в Москве, именно тот самый, которому ты писал паспорт, то, бога ради, вышли его в деревню и сделай это таким манером: пошли за другим моим мужиком Гарасимом, который живет против Тверской части, в гостинице Европе, и им[я]нуется Маляром. Накажи ему накрепко, чтобы он сейчас же прискал подводчика и отправил этого Абрама в деревню и мне бы написал об этом, и кстати, и оброк бы с себя Гараским выслал, давно уж пора; ты призови его к себе, скажи ему построже и погромче, он очень глух и любит, чтобы на его прикрикнули. Бога ради, схлопочи это дело, а то я, пожалуй, попаду в беду, в деревне решительно некого ставить.

Что тебе сказать о моем житье-бытье в Петербурге; оно было бы недурно, если бы здоровье не хлибило. Милейший Тургенев едет скоро в Москву и, вероятно, увидится с тобой и расскажет тебе, как я подвизаюсь в чтении у разных сильных мира сего моего нового романа Тысяча душ и очерка Плотничья Артель. В мае месяце, вероятно, буду и я сам в Москве, если только получу командировку. Из литературных новостей — возвратился из кругосветного путешествия Гончаров

и привез с собой кипу записок. не глупы, да не очень умны и порядочно скучноваты, впрочем, несмотря на это, он, как человек, хороший человек, и я не знаю почему. но очень много вижу в нем, как бы родного мне — (чистой русак, наш брат-помещик). * Все его убеждения. даже капризные, я понимаю и — больше того — сочувствую им.

Прощай, писать больше некогда, кучи писем надо писать еще в Кострому. — Поклонись от меня Всем вашим и Ивану Федоровичу, скажи что мы часто об нем говорим. Мне очень досадно, что его рассказы здесь рассказывает Бурдин и подлейшим образом. Приехал бы он в Петербург, может быть мы как-нибудь пристроили бы его к театру.

Твой Писемский.

30 Марта
1855 г.

13

Любезный друг,
Александр Николаевич!

Спешу отвечать на твое письмо. По просьбе твоей о деньгах я на этой же неделе отправлюсь к Федорову на дачу, стану его просить и стыдить. Об Ипохондрике [253] моем Иван Фед. немножко соврал; он пропускается, но еще непропущен. Теперь он, смягченный и сокращенный, у Дупельта — впрочем, Федоров говорит, что непременно пропустится, и я с большим,

* Слова в скобках у Писемского были зачеркнуты. *Ред.*

большим удовольствием предоставлю его Васильеву на бенефис и как только, что пропустится, сей час же вышлю ему письмо, по твоей копии. Я без ужасу не могу вообразить угрожающей ему слепоты — только дело в том, темная ли у него вода, которая поражает гораздо быстрей и не другая какая-нибудь болезнь глазная, более излечимая. Тебе, кажется, писал Горбунов, что мы с ним были у великого князя Константина Николаевича: я читал мою *артель;*[254] а он рассказывал. С цензурой Фрейганга по случаю *артели* воюю, и не уступлю ему, не знаю, чья *выдерет*, а буду биться до последней капли крови.

Вчера вечером слушал я новый очерк Толстого *Июльская ночь в Севастополе* (т. е. Штурм).[255] Ужас овладевает, волосы становятся дыбом от одного только воображения того, что делается там. Статья написана до такой степени безжалостно-честно, что тяжело становится читать. Прочти ее непременно! Об твоих *Свои люди сочтемся*[256] я полагаю, что непременно надобно хлопотать об поставке ее на сцену и, кажется, можно это сделать, только дело в том, мой милый, что тебе надобно самому приехать в Петербург, потому что здесь без личного ходатайства ничего не сделаешь. Приезжай и будем таскаться всюду вместе по всем сильным мира сего, оно бы хорошо, если бы привез с собой что-нибудь новенькое, понатужься, милый, отдыхаешь уж целый год. Конечно, искусство требует вдохновения, да ведь и вдохновение может родиться вследствие некоторого принуждения самого себя. Горбунова я серьезно

упрекаю: готовится человек к дебюту и хоть бы одну ролю готовил. Я очень опасаюсь, что бы это его маленькое личное творчество [257] не помешало ему в выполнении ролей. Он все будет, пожалуй, сбиваться на свой тон или переходить в карикатуру. Что тебе сказать об себе: в длиннейшем моем романе [258] перевалился уж в третию часть. Мечтаю кончить к 1 январю 56-го года, кончить совсем, но вряд ли это хватит. Прощай: поклонись и поцалуй за меня Агафью Ивановну.

Твой *Писемский.*

1855 г.
26 Июля

Евгению Николаевичу передай от меня искреннее сожаление о смерти брата. Жаль, крепко жаль юноши. Скажи еще Евгению Николаевичу, что Панаев, а паче того Краевский, объявили мне за его большие претензии, что я не привез его к ним.

P. S. С Мих. Николаевичем видаемся довольно часто, я ему передал твое поручение, только вряд ли он [*нрзбрч.*] Что за умный юноша, залюбовался.

Напиши мне хоть коротенькое письмецо, не забыл ли адрес, вот он: На Итальянской в д. Износкова, № 18.

14

Любезный друг,
Александр Николаевич!

Спешу тебя уведомить: 1-е) на щет денег твоих я обращался к Федорову, он сказал, что это не-

зависит от его, а от Борщева, а сей объяснил, что у них состоялось милое постановление, не выдавать никому поспектакльной платы до начала спектакля, т. е. до 30 августа. 2-е) Иван Федорович рассказывал и читал *Своп лю*[*ди*] *Соч*[*темся*] у Великой Княгини Елены Павловны и говорит, что всем понравилось. Это может служить хорошим путем для цензуры. Во всяком случае, в августе или в сентябре приезжай сам. Брось эту леность и распущенность, я бы тебе даже советывал приехать и прожить всю зиму в Петербурге. Это тебя освежит и поддаст пару к деятельности: писателю необходимо менять среды, чтобы прожитое им ярче выступало в уме. Гоголь неглупо делал, что писал *Мерт*[*вые*] *души* в Италии. 3-е) об Ипохондрике сей час опять получил известие от Ивана Федоровича, что он будто бы пропущен, и будто бы жена Федорова показывала ему рукопись. Как получу окончательно положительные сведения, сей час уведомлю *Васильева.*

Был ли, проезжая Москву, Анненков у Эдельсона и виделся ли ты с ним? Он малый хороший и желал с тобой познакомиться.

Теперь моя просьба: пошли ты своего Ивана к моему кр[естьянину] Герасиму, живущему в Гостинице Европе, напротив Тверской части и скажи им, что он каналья и другие не высылают оброк, который должны были прислать на петров день по нижеследующему реестру: с Герасима—5 руб. с Лаврентия Маркова—20 руб. в числе которых 15 р. новых и 5 р. старых, Григорья Васильева—15 руб. а иначе скажи им, что, приехавши в Москву, я с ними разделаюсь.

Когда будут ставить Ипохондрика, похлопочи, чтоб это было потщательнее сделано. Что здесь он шлепнется, в этом я наперед уверен. Жду с нетерпением и некоторым опасением дебюта Ивана Федоровича и беспрестанно ему долблю, чтобы он готовился: мальчик умный и с огромными дарованиями, но только ужасно привык *веселиться*, а дела делать не любит. Прощай, поклонись Эдельсону, матери Агафии и всем, мя знающим, кроме впрочем Филиппова.

Твой *Писемский*.

1855 г.
Августа 1-го.

Напиши что-нибудь новое, без того и не езди, в Петербурге непременно нужна новинка.

Ты пишешь о моих успехах литературных — это, может быть, до вас так доходит, успехов особенных нет, какие они были, такие и есть.

Ты пишешь, чтоб я поклонился всем, кто не совсем тебя ругает в Петербурге, тебя никто неругает — и все видят в тебе художника, но говорят, что ты, родившись сатириком, вздумал проливать слезы чувствительности, и сбился на тон Романа в Двумужнице [259] в последней твоей пиэсе — это правда!

15

[1855] 6 Августа.

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Вот, как я бомбардирую тебя письмами. *Ипохондрик* мой пропущен, наконец. [260] Прилагаю при сем письмо к Васильеву. В нем есть ма-

ленькие прибавления, которые велел мне сделать Федоров. Он мне растолковал, что, отдавая пиэсу в дирекцию, я на ее теряю официальные права. Я хотел было отдать ее и здесь на бенефис, но Федоров не допустил, говоря, что Дирекция хочет поставить для себя. При открытии театра он будет единственная новинка. поставить ее хотят недели в три и, конечно, сверпут; жду великолепнейшего шлепка. Васильев, конечно, отнесется сюда, и я попрошу, чтоб ему разрешили, только уведомьте меня. Одолевши одну цензуру, бьюсь теперь с другой. — Вчера целую почти ночь толковал с Фрейгантом об моей *Плотничьей артели* и дело, вероятно, дойдет до Главного Управления Цензуры, где пропустят. Когда пойдет Ипохондрик, уведомь меня. На последние репетиции я м. б. сам приеду. Деньги тебе открывается возможность выслать. В понедельник иду об этом толковать с Борщовым.

Твой *Писемский.*

6 Августа [1855].

16

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Пиэса моя, наконец, переправлена. Бога ради, не откажи и прими участие в постановке ее: ты в этом и толк знаешь, и тебе все знакомы артисты. Вместе с этим письмом я пишу к Алексею Николаевичу Верстовскому, где написал и желание мое касательно раздачи роли, а именно:

Ипохондрик—Садовский, Ваничка — Васильев, Прохор Прохорыч — Щепкин, Михайло Иванович — Степанов. На щет женских ролей—Надежда Ивановна — Рыкалова, Настасья Кириловна — Акимова, Соломанида Платоновна—решительно не знаю кто; Никиту я желал бы, что б играл Живокини. Роль эту я переделал и Василий Игнатьевич, вероятно, не откажется сыграть ее. Еще просьба моя большая в том, пожалуйста, уведомь меня поточнее, когда предположится ставить пиэсу и когда начнутся репетиции, (вероятно) я сам приеду в Москву. Вместе с этим письмом я пишу к Садовскому. Дело о конце пиэсы, прочитай это письмо и подумайте вместе.

Твой *Писемский*.

1855 г.
12 Ноября.

Прилагаемое при этом письмо к Прову Михайловичу — передай.

17

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Вот уж я другую неделю в Астрахани;[261] пропутешествовал на почтовых около двух тысяч верст, переехал в другую природу, климат; узнал степи, видел и вижу калмыков, их кибитки, верблюдов, армян, татар, киргиз-кайсаков, словом, почти в Азии и знаешь ли какое впечатление. Все это, милый мой, г..но против нашей полосы, г..но, люди и даже климат те-

перь мне понятно, почему Московское царство одолело все прочее. Что состоялась ли твоя поездка на Дон, и если состоялась, то наперед советую тебе запастись терпением. По России не так еще приятно и удобно путешествовать, но во всяком случае будет любопытно, потому что через каждые сто верст ты будешь встречать и новый народ, новые нравы, обычаи, даже религию, точно переезжаешь из государства в государство. Не знаю, что может встретиться на Дону, но Астрахань это непочатое дно для описаний: не говоря уж о губернии, самый город точно явившийся после столпотворения Вавилонского и неслитно до сих пор оставшийся. Калмык со своим языком, кочевой кибиткой, идолами, армянин более православный, армянин более католик, татарин со своим языком и магометанским толком, персиянин со своим языком и другим магометанским толком, русский мужик, немец, казак — все это покуда наглядно еще режет мой глаз, но сколько откроется, когда еще внимательнее во все это вглядишься.

Пиши мне, бога ради, при всем разнообразии впечатлений мне тоска смертная, и каждая весточка от вас будет истинная отрада. Прощай.

Твой *Писемский.*

Кланяйся всем. Адрес мой: на мое имя в Астрахань.

28 Февраля,
1856 г.

18

Любезный друг,
Александр Николаевич!

У Оболенского я еще не был, потому что никуда не выхожу, но как буду у него спрошу и объясню ему касательно тебя все, что нужно. Иван Федорович был у меня и рассказывал, что в бенефис Марковецкого, действительно, давали какую-то срунду, в которой у актера Горького автор захватил и выдал за свое несколько комедий, ну и потом они съезжаются вместе в одном купеческом доме. Всю эту чепуху публика ошикала. Ты этот вздор не принимай близко к сердцу, но мне тут очень досадил Федоров, как ему не стыдно, допускать ставить на сцену подобные пасквили. Если его я увижу, то отделаю его так, что смола из рыла его потечет еще не такая. — На квартире я понемногу устраиваюсь; болезнь моя все в том же положении: доктора здешние все в один голос говорят, что это невралгия, однако от этой бессмысленной фразы мне мало утешительного и я почти не могу выезжать, но да будет воля божья: я решился терпеть и теперь в моем затворничестве начинаю понемногу работать, чего и тебе желаю.

Твой *Писемский.*

Поклонись всем от меня.

[На 4-й стр. адрес А. Н. Островского.] На письме почтовый штемпель: С.П.Б. 1 июня, 1856 г.

19

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Я доехал до Питера благополучно; остановился в гостинице Семенова, на углу, напротив Знаменья в 4 номере, о чем и заяви барыне, как она приедет.

Твой *Писемский.*

Эта гостинница в том самом доме, где живет Мартынов.

[На последней странице адрес:]

В Москву.
Его Высокоблагородию
Александру Николаевичу
Островскому

у Никола в Воробине, близь Серебряных бань, в собственном доме.

Почтовый штемпель 1856, октября 19.

20

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Я остановился, т. е. нанял квартиру и уже переезжаю на Лиговку, в доме Раменской, в одном доме с Дудышкиным, если ты бывал, квартира для меня удобная и главное очень теплая, что я знаю, бывая у Дудышкина и всегда завидуя его теплой и сухой квартире. — Докторов здешных приглашал: Заблоцкий [*не разборчиво*]

уверял меня, что у меня ничего не видать, кроме нервных страданий и предписал мне втирание хлороформа и хождение часто в бани ради принятия ванн. Кому хочешь, тому и верь, видно лучше всего возложить упование на бога и ждать, что будет, то будет.

Прощай твой *Писемский.*

12 Октября [1856].

Агафье Ивановне поклонись от меня, а также и всем другим.

21

Александр Николаевич!

У меня к тебе большая просьба, которую, наперед уговор, прошу исполнить: 1-е спросить Васильева, просил ли он об разрешении поставить в свой бенефис Ипохондрика, если просил, то разрешили ли ему. Вероятно, что не разрешили и не разрешат, так как у них здесь положено правилом, чтобы не давать актерам на бенефис пиэс, которые взяты дирекцией за поспектакльную плату. 2) Если Васильев уже просил и ему отказано, то уведомь меня. В таком случае я буду писать к Верстовскому и просить его о постановке пиэсы. 3) Если Васильев не просил еще, то попроси его поскорее решить этот вопрос, и когда он пришлет сюда об этом, то уведомил бы меня. Я похлопочу в его пользу. Пожалуйста, уведомь меня обо всем этом, как можно поскорее.

Твой *Писемский.*

20 Октября [1856].

22

Александр Николаевич!

Любезный друг,

По делу твоему я сейчас же поехал к Печаткину, но вот тут какого рода обстоятельства открылись: он предполагает большие издержки для Биб[лиотеки] для чтения, а именно—покупку романа Гончарова *Сон Обломова*, за который будет платить по 200 руб. сереб. а всех их будет до 35, значит 7.000, да мазу к тому еще 500 руб. за то, что этот господин соизволяет печатать в Биб. для чтения, а не в Русском Вестнике. Задерживать таким образом деньги на другие издания, он говорит, что не имеет возможности. Впрочем, при усиленных моих настояниях, он сказал, что не знает, какую ты цену желаешь взять, я объявил ему ту, которую взял с него за свои очерки — 600 руб., но он за это не согласен и назначил безобразно мало — 300 руб. сереб.; на что, вероятно, ты не согласишься. Вчера я виделся с братом твоим Мишей и решительно с ним положили, что тебе надобно приехать в Питер, где все эти денежные дела гораздо удобнее могут обделаться в присутствии твоем. Давыдов, например, дал, говорят, Печерскому 2500 руб. за его рассказы и, пожалуйста, поразмышляй и приезжай. В Москве ничего не высидишь.

Твой *Писемский*.

11 Марта [1857].

23

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Очень рад, что получил весточку от тебя и узнал о состоянии твоей ноги, раны которой меня напугали, по слухам. О твоей комедии я слышал от некоторых господ, тебе известных, и слухи весьма холодные, что меня первоначально огорчило, а потом рассердило, так что я этим господам загнул по матушке, и они, вероятно, возненавидели меня окончательно своей маленькой душонкой. О себе скажу, что яйца мои продолжает ломить, но я на все сие ужь плюнул, хотя и впадаю в истерику в неделю раза по три великолепным манером, а в остальные дни выпиваю приличное количество водки и вина. — В Мор[ском] сб[орнике] статьи свои изготовил почти окончательно. «Старую барыню» отдал в Биб[лиотеку] для Чтения за 400 р. сер. (Она появится в феврале), что и тебе советую принять в расчет, при назначении денежной цифры за твои сочинения. Не забудь: два листа с половиной за 400 р. Об литер. мирке ничего нельзя сказать, кроме разве того, что у Панаева на губе что-то в роде рака и сыпь на всем теле, от чего Боткин лечит его голодом и водой, и этот простодушный баран в восторге от своего собственного здоровья. Друг наш Ив. Ал. Гончаров окончательно стал походить на дядю в его «Обыкновенной истории» и производит на меня такой страх, что мне и

встречаться с ним тяжело. Бесценному нашему Ив. Сергеевичу [Тургеневу] возвратилась невралгия яйца, от которой, чтоб вылечить, Парижские врачи, напрактиковавшиеся во время кампании на счет ножей и других хирургических инструментов, входят к нему в пузырь зонтом, делают там насечки, прижигают ляписом, и он, с глупым, но милым взором умирающей газели, даже не молит о пощаде, потому что верит в науку. Анненков хлопает себя по ляжке и поощряет человечество к развитию искусств, правды и мысли. Краевский мрачен и дах получения от нее наследства, приобретенственные] Зап[иски], как рассказывает Григорович, употребляет свою старую тещу, в видах получения от нее наследства, приобретенного ею собственной своей особой, посредством м...ы, которую она денно и нощно подставляла, с некоторым личным удовольствием, танцмейстеру Дидло. У Федорова губа почти совсем отвалилась и слюнотечение сделалось постоянное, за тем был смотр Стрелкового полка, у Старчевского родился сын, и в Синоде ждут прибытия Филиппова.

Письмо это пишет под мою диктовку, Иван Федорович, так как мне, по случаю дрожания десной руки, трудно изображать буквы.

Прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь пребыть

Вашего Высокоблимпийства
покорнейшим слугою
Алексей Писемский.

1857 г., Февраля 4-го.

Мы сейчас с Ал. Феоф. воротились из бани: он распарился телесно и душевно, что меня очень обрадовало, потому что я его давно не видал в таком веселом расположении духа, в каком он находится в настоящую минуту. Недели полторы тому назад, я послал к Вам письмо; но не получил до сих пор ответа, думаю, что оно не дошло до Вас. Леонидов женился; вчера мы пировали на его свадьбе.

Всей душой преданный Вам
И. Горбунов.

Агафье Ивановне мой поклон.
9 часов вечера.

24

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Посылаю два экз. моей «Ст[арой] Бар[ыни]», из которых один тебе, а другой передай от меня Садовскому. Твои сценки в Современнике я прочитал и прочитал с удовольствием, и когда я читал их другим — все хохотали; но мнение большинства таково, что в них ты повторяешься; хотя в тоже время все очень хорошо убеждены, что виноват в этом случае не ты, а среда, и душевно желание всех людей, тебя любящих и понимающих, чтоб ты переходил в другие сферы: на одной среде ни один из больших европейских и русских писателей не останавливался, потому что это сверх творческих средств. Если мы и мастера первого разряда, то

все таки в нас есть на столько душевных сил, чтобы переходить из одной среды в другую. Если же ты этого не можешь сделать, то знакомься больше и больше с купеческим бытом более высшим; или, наконец, отчего ты не займешься *мужиком*, которого ты, я знаю, — знаешь? Говорят, твоя новая комедия из чинов. быта. Я радуюсь заранее. Знаю, что у тебя сюжет созрел, но выполнил ли ты, как большой маэстро по драматической части, со всей подробностью и объективностью характер? Читал ли ты критич. разборы Дружинина, где он говорит, что ты, Толстой и я — представители направления независимого от критик. В какой мере это справедливо, я не могу судить, но уже и то хорошо, что нас определили независимыми от критик. Григорович, приехавши в Петербург, первым долгом обнародовал везде, что А. А. Григорьев пропал без вести и что его ищут чрез полицию. Не знавши этого, я встретился с Григоровичем в магазине Печаткина и, по известной тебе моей к нему симпатии, обругал его за весь его литературный блуд, и он теперь скрылся у И. А. Гончарова и ругает меня, как свинью, которая не умеет себя держать в обществе, а при встрече со мной — побаивается меня. Если ты можешь приехать в Пет., — приезжай; мы с тобой может быть что-нибудь и сделаем тут, тем более, что на плечах Современник. Боткин здесь пакостит, на сколько он может пакостить. Все это до такой степени возмутило меня—чего при нашем бесценном Иване Сергеевиче не бывало,—возмутило так, что я, кроме ругани. ничего этим господам не говорю.

Болезнь моя в том же положении, но я не лечусь и напиваюсь постоянно и в гостях и дома, при всяком удобном случае и прошу только одного общественного мнения, чтоб быть мне Ермилом Костровым. Я убежден, что у Е. Кострова также ломило яицы, как у меня ломит.

Затем прощай и не повторяйся так, как ты повторился в твоем последнем произведении.

Подписал: *Алексей Писемский.*
Литературный секретарь *И. Горбунов.*

Александр Николаевич.

P. S. Будьте здоровы. Приезжайте в Петербург. Вслед за этим письмом Вы получите письмо от меня.

И. Горбунов.

15 Февр. утро. [1857].

25

Любезный друг,
Александр Николаевич!

Последнее время я не только, что пил, но был почти в запое: скверная моя болезнь, продолжающаяся до сих пор, приводит меня в отчаяние, которое желал заглушить,—я пью; а в этом виде делаю еще горшие глупости. Старший ребенок мой Павел болен: у него холодная опухоль локтя на правой руке, болезнь, которая часто кончается отнятием руки. Бедная жена моя убита всем этим, но еще бодрится, тогда как я падаю духом окончательно. Обе комедии здесь твои пользуются полным успехом. Лич-

ное мое мнение об них вот тебе самое откровенное: *в Сне в Праздничный день* лицо *Бальзаминова* не дотанцовано в представлении автора. В сцене первой — *прижиганье уха* совершенно водевильный прием, а прочие лица все превосходны, особенно две девки, я так и чувствую от них здоровый женский запах. Во второй комедии:* самая картина исполнена и жизни и тонких типов, и, наконец, нравственной глубины, но все это вставлено в рамку, т. е. в 1-е и 5-е действия, совершенно *мозговую*, сделанную, а не созданную и потому именно, что в них играют роли пара *Вишневских* — оба эти лица по грамматичности их изложения совершенные гробы, но это бы еще ничего: не создашь всех лиц, другие можно и попридумать, но дело в том, что они очень много говорят, их надобно сократить; пусть они только самой необходимой стороной касаются комедии; с концом пиэсы я тоже не согласен: Жданов** недолжен был бы выйти победителем, а должен был бы пасть. Смысл комедии был бы, по моему, многозначительнее и глубже, я нарочно пишу тебе самые отрицательные стороны твоих пиес, чтобы ты принял это в расчет при вторичном их издании или при постановке на сцену: личных курителей и печатных ругателей найдется много у тебя и без меня. Денежная необходимость заставила меня вспомнить мой первый роман *Виновата ли она.* Я прочитал его совершенно, как чужое произведение, — и он мне понравился: мне ужь теперь с таким запалом

* «Доходное место». *Ред.*
** Вместо: Жадов. *Ред.*

не написать—много конечно в нем совершенно драло мои уши. как например, вся похабщина, которую я где совсем вырвал, где смягчил; неверя впрочем себе, стал читать редакторству и критикам — все хвалят, и *Биб. для чтения*, если только Фрейганг пропустит, даст мне за него 3 000 руб. серебр. — сумма, которая меня обеспечит более чем на год, и даст мне хоть некоторое время не думать о проклятых деньгах.

Теперь о твоих делах — Уваров, говорят, назначил 3 000 руб. сереб. пожизненной пенсии тому, кто напишет лучшую комедию или драму: пиши-ка брат! а я впрочем распространяю мысль, что нельзя ли тебе отдать премии без писания, так как по этой части тобой много написано и без того, а то. чего доброго, нажарит Потехин драму или Соллогуб комедию — да и возьмут. Прощай — поклонись всем, кому знаешь.

Твой *Писемский.*

1857 года,
Марта 30-го.

26

Степан Дмитричь Яновский и Александра Ивановна просили меня передать тебе, чтобы ты и Пров Михайлович выбрали денек и приехали к ним обедать, а они соберут для тебя, Александр Николаевич, Самойлова, Зуброва, Федорову, — словом, кого ты пожелаешь, чтобы ты им почитал — это сделается как бы ради удовольствия, а им послужит в науку; только ты заранее уведоми хоть меня, или саму Александру Ивановну в театре, какой вы именно

избираете день. Живут же они тоже на Безбородке, недалеко от меня, на даче Ланздорфа бывший Ванде. До свидания.

Твой *Писемский.*

20 Мая [1857].

[На 4-й странице рукой А. Ф. Писемского адрес:]

Его Высокоблагородию
Александр Николаевич!
Островскому.

В Гостинице, на углу Садовой и Театрального переулка.

27

Любезный друг
Александр Николаевич!

Давно уже от тебя не было никакой весточки, и только последнее время возвратившийся из Москвы Майков сказал мне, что ты возвратился из своего вояжа и собираешься побывать в Питере. На этих днях со мной совершился важный казус: я вместе с *Дружининым* делаюсь редактором *Библиотеки для чтения.* Знаю, что многого у меня не достает для сего, начиная с образования, до поведения, которое впрочем с самой весны до сего времени в возможной исправности. Заведывать я буду по преимуществу изящною литературою и может быть в этом отделе успею сделать некоторые улучшения, потому что в этом случае чутья и знанья, конечно, более, чем у всех остальных редакто-

ров. Получив это письмо, будь так добр, собери всю вашу Московскую братию: Григорьева, Эдельсона, Алмазова, Шаповалова и еще, кого знаешь, участвовавших в молодой Редакции покойного Москвитянина и попроси у них от меня покорнейше помочь мне; я открою им свободнейший орган для выражения их убеждений, в которых, вероятно, мы не будем разниться и которые в Библиотеке будут состоять в том, что бы востановить и хоть сколько-нибудь раскрыть не достоинства уж, а свойства человеческие, русского человека, которые Русский Вестник окончательно у него отнял, и что в самых пороках и преступлениях наших есть нравственное Магбетовское величие, а не мелкое мошенничество, которым онные хотят запачкать. Второе: привести в ясность, напомнить те эстетические требования, без которых литература все таки не может назваться литературой,—и Мельниковской донос (в Медвежьем Угле) на инженера все таки—не повесть и вовсе не имеет той прелести, которою она благоухает для некоторых. Все это нашей братии ты изъяви, подумайте и напишите мне, а главное попроси, чтобы они не оставили меня беспо[мо]щным; впрочем я и сам через неделю думаю быть в Москве, послучаю постановки (?) Ипохондрика, а вы все таки, хоть сообща, напишите мне, как вы смотрите на это дело.

Комедия твоя *Доходное место* пропущена театральной цензурой, но, пожалуйста, нельзя ли, чтоб ее давали прежде в Москве, а не на этой разбитой гитаре — *Александрынке*, где наверняк ее ухлопают без Мартынова. Выиска-

лась здесь презадушевная, говорят, актриса *Федорова*, которая в твоей *Бедной невесте* превосходна и мне до сих пор не удалось ее видеть, потому что дали всего два раза и больше не дают по малому сбору. Не стоит ли после того этого каналью Федорова съездить в рожу наконец. Числа около 11-го или 12-го лично всех вас обниму.

Твой *Писемский*.

Октября 6, 1857.

P. S. По литер. моим делам я сначала сходился-было с Современником, которой сам сначала предложил мне, а потом сам же и отказался и для меня это вышло лучше, потому что вместо жулика Некрасова буду иметь дело с честнейшим Печаткиным.

28

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Получил ли ты свою комедию.[262] Она уже недели две, как пропущена комитетом. Здесь теперь имеет страшный успех комедия Львова *Свет не без добрых людей*, но я еще не видал— а потому не могу судить, что такое? Что ты теперь поделываешь и когда приедешь в Питер? Бесценный наш Мартынов играет, но увы! совсем, говорят, человек пораженной болезнию. В литературном и журнальном мире ничего нет нового, кроме того, что *Соврем.* и *Отечест. Зап.* в один раз объявили об изданиц в пере-

воде Исторических Сочинений и теперь грызутся, как собаки за кость, ездят к Щербатову жаловаться друг на друга, и я советую употреблять для разбора сего дела турецкое правосудие — отколотить обоих мерзавцев по пятам палками. Прощай! обнимаю всех.

Твой *Писемский.*

21 Октября [1857].

29

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Посылаю тебе вышедшие мои очерки из Крестьянского быта,[263] кажется, издано недурно. У Оболенского я еще не был, потому что последнее время попростудился и лежу в постеле.

Твой *Писемский.*

5 Ноября [1857].

30

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Во-первых, спасибо за радушный прием; теперь о пиэсе твоей *Доходное место.* По приезде моем в Петербург я узнал, что я тоже назначен членом Комитета и, разумеется, воспользовался сим. Поехал к Председателю, который теперь Никитенко и настоял на том, чтобы в следующую субботу открылось заседание и пиэса твоя, как читанная всеми, сейчас же будет пропущена. Поклонись от меня всем и всех от глубины души моей целую я заочно и благо-

дарю за ласковой и радушный прием. Алмазову, вероятно, я сегодня же буду писать. Прощай. Агафьи Ивановне делаю ручкой.

Твой *Писемский.*

Пятница, 8 Ноября [1857].

31

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Что этот дуралей Дрианский делает. За паршивый роман его мы уже заплатили ему деньги. набрали уже всю первую часть, и вдруг он теперь пишет, чтобы передали его повесть полоумному Григорьеву, которой будто бы ему дает за все его произведение по сту руб. Я написал Дрианскому письмо довольно легонькое, но ты обругай его и скажи, что так даже берейторы, облик которых он носит, так берейторы не делают, да и Григорьеву скажи, что это и глупо и подло, а Кушелеву я сам объясню в приличных выражениях. Что ты с твоим изданием? Я свою Тысячу душ продал Кожанчикову за 3000 руб. сереб. и уже начали набирать.

Гончарову было замечание за 4-ю часть, но он ее вторично пропустил с очень маленькими помарками. Пожалуйста. Дрианского выпиши к себе или съезди к нему и растолкуй ему, что так поступать в литературе нельзя.

Прощай твой *Писемский.*

Агафьи Ивановне поклон.

P. S. Комедию незамедли выслать. Мы очень оскудели материалами.

[1857].

32

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Извини, что я долго не отвечал на два твои письма; но весь декабрь я страшно был занят по случаю печатания двух моих романов за один раз, [264] а на праздниках, грешным делом, позагулял, так что едва теперь и поправляюсь. Известие о запрещении пиэсы [265] твоей меня приводит в бешенство; но как я ни прошу, как я ни ручаюсь, что это совершенно не одно и тоже с пиэсой Львова, [266] что тут и мысль и выполнение другое, — все ничего: глас вопиющего в пустынях. Поручения твоего к известным господам я даже не передавал, наперед зная, что это будет бесполезно, и это скверное, с оскаленным ртом, как например, у М..ва, * холодное и даже несколько радующееся участие для меня гадко: я готов в эту минуту плюнуть в рожу. Но я придумал вот что: Некрасов подружился в Париже с Орловым (сыном Орлова)—который и выхлопотал ему вторичное издание стихотворений. Возьмись ты за этот *канат* и напиши Некрасову, чтобы государь уж разрешил поставку этой пиэсы да кстати и Банкрута, а я тоже буду пилить Некрасова. Алмазову скажи, чтоб он высылал летопись, хоть для февральской книжки, да скажи ему, что его уже два стихотворения напечатаны в Библиотеке и, вероятно, будет напечатано третье, но он написал бы Печаткину прямо от себя, сколько он желает за них получить. Печаткина зовут Вла-

* [Майкова?]

дислав Петрович. Агафье Ивановне кланяйся и скажи, что супруга моя, за сохранение моей особы в бытность мою в Москве, душевно желает ей сделать презент, что и разрешил я ей и что будет исполнено на сих днях. Прощай.

Твой *Писемский*.

6 Января, 1858 г.

P. S. Якушкин теперь у меня и тебе кланяется.

33

Мой любезный друг,
Александр Николаевич!

Климовский твой был у меня. Он добивается дебюта, но как это сделается, сказать трудно, по милости их скверно-пакостного начальства. В последнем письме твоем ты пишешь, что в Питер не думаешь приехать. Пожалуста, отмени такое свое намерение. Я нынче нанял дачу тоже на Безбородке [267] и довольно большую, имея между прочим предположение, что ты приедешь и погостишь у меня. Приехать ты можешь на сколько хочешь, на месяц, на две недели, на неделю. Мы с тобой занялись бы рыбной ловлей, потаскались бы по окрестностям Петербурга — и вообще это было бы для тебя развлечением, а для меня истинным удовольствием. Право, соберись и уведомь меня. Садовский, вероятно, тоже приедет в Петербург. Здесь до такой степени ужь скверно идет театр, что каждой день не смеют играть, а только по 3 раза в неделю. На дачу я думаю переехать в 2-х числах мая и ни как не позже 15-го числа.

Занят я теперь по горло окончанием моего романа, [268] которого три части сбыл, наконец, но как пройдет 4-я цензуру — не известно.

Прощай твой *Писемский.*

Агафье Ивановне поклонись.

19 Апреля, 1858 г.

Дружинин хотел к тебе писать.

34

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Что твоя пиэса, [269] которой мы ожидаем с нетерпением? — Якушин, явившийся на днях в Питер, говорил мне, что ты ее оканчиваешь: уведомь нас, бога ради, об этом. В октябрьской книжке, самой важной почти, у нас решительно нечего печатать. Я сам написал драму, [270] но ей предстоит большая возня с цензурой, — и когда она пройдет, богу ведому. Торопить тебя, конечно, мы не хотим, во всяком случае уведомь: пожалуйста, можно ли нам расчитывать на октябрьскую книжку, т. е. получить от тебя пиэсу в 1-х числах сентября даже до половины. Я на днях только возвратился от Дружинина, где мы с ним ели и спали адски; за то у себя на даче все лето я мерз. Думаешь ли ты нынче побывать в Петербурге? Письмо к мне адресуй в Контору Библиотеки для чтения, на Невский Проспект, в книжной магазин Печаткина. До свидания! Поклонись от меня Агафье Ивановне.

Твой *Писемский.*

7 Августа, 1859 г.

35

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Посылаю тебе письмо Гончарова ко мне; из него ты увидишь, что до тебя тут касается и исполни по нем, о чем тебя просит Делаво. Прощай: поздравляю тебя с прошедшими именинами. Деньги ты, вероятно, уже получил. Агафье Ивановне поклонись от меня.

Твой *Писемский.*

6 Сентября [1859].

36

Любезный друг,
Александр Николаевич!

Спаси «Библиотеку для чтения» вышли твою комедию для Ноябрьской книжки. Драма моя была уже пропущена, но вчера ее потребовали к Министру вследствие какого-то доноса ему. Еще раз прошу тебя выслать, остаюсь

Любящий тебя
А. Писемский.

19 Ноября [1859].

Я расстроен, взбешен и больнехонек.

37

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Не знаю, не рассердишься ли ты на случившуюся перемену. В ноябрьской книжке вместо твоей драмы должна была пойти моя. [271] Прои-

зошло это вследствие таких обстоятельств. Министр, как ты знаешь, взявший на себя пропуск моей драмы, дал мне знать, что я печатал бы ее сейчас же; в противном же случае, очень может статься, что власть его будет не действительна. потому что в самом непродолжительном времени, цензура отойдет от Министерства Народного Просвещения и образуется новое Управление совершенно отдельное, под верховным начальством Барона Корфа (автора восшествия на престол Николая 1-го). В это же управление, говорят, войдут Иностранный Цензурный Комитет и Театральная цензура. Во всем сим в конце письма тебя удостоверит и Иван Александрович. Что касается до твоей пиэсы, то это никаким образом, кажется не повредит ей: чем долее ее не напечатают, тем выгоднее для ее сценической обстановки, и ты очень бы нас обязал, если бы позволил оставить ее до Генваря, ибо хотя мы и будем иметь Щедрина, то тебя печатать в декабре, т. е. для старых подписчиков, а Салтыкова в Генваре для новых подписчиков, — безумно нерасчетливо. Если ты согласен на это, то уведомь меня и еще раз повторяю эту просьбу от себя и от Александра Василь[ев]ича, остаюсь душевно тебе преданный

А. Писемский.

P. S. Кроме того, от Салтыкова еще не получена повесть и только рассчитывая на его аккуратность я пишу, что мы будем иметь его повесть. Пиши ко мне прямо на квартиру: на Садовой, в доме Куканова. против Юсупова саду.

Драма твоя совсем уже начисто отделана, пропущена цензором, и первые листы даже отпечатаны.

Если почему-либо тебе непременно нужно, то мы драму поместим в декабрьской книжке, но нам бы гораздо лучше сохранить ее до Генваря.

[На 4-й странице приписка рукою И. А. Гончарова:]

И я свидетельствую, почтеннейший Александр Николаевич, о крайней необходимости, по которой нужно было дать место драме Писемского в нынешнем месяце. Я в большом горе, что никак нельзя мне было послушать Вас самих: со всех сторон слышу восторженные отзывы, а когда теперь придется прочесть драму? через месяц, да еще прочтешь сам, а не услышишь автора?

Усердно кланяюсь Вам. Искренно преданный

И. Гончаров.

[Ноябрь, 1859 г.].

38

Бога ради, любезный Друг, высылать пьесу смерть пора и во всяком случае уведомь меня, когда ты именно вышлешь. Без тебя мне, откровенно сказать, решительно не с чем выйти. Пожалуйста, высылай. Отвечай с первой же почтой, успокой мое беспокойное сердце.

А. Писемский.

[1859].

39

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

У меня к тебе маленькая просьба: Опекунский Совет у тебя под боком; зайди, бога ради, в него и похлопочи, чтоб там разрешили жене моей, т. е. титулярной советнице Екатерине Павловне Писемской продажу имения ее, состоящего (в) Костромской губернии, Макарьевского Уезда, по Усадьбе Михайловскому и деревне Высонову, о чем и послана от нас в совет просьба недели полторы тому назад. Пожалуйста, похлопочи и меня не замедли уведомить. Это крайне нужное для меня дело! Когда ты приедешь в Питер, мы все ждем тебя с нетерпением. Кланяйся всем.

Твой *Писемский.*

16 Марта [1860?].

40

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Оттиски и № Биб. для чтения был сдан к Базунову на другой же день выхода книжки и, вероятно, теперь ужь давно должен находится у Московского Базунова. [273]

Когда ты приедешь к нам опять в Питер?

Поклонись всем от меня

Твой *Писемский.*

1860[-].

41

Мне, может быть, не удастся побывать в Москву; но бога ради, любезный друг, поддержи меня — и дай свою комедию, [272] а главное

с первой же почтой уведоми меня, когда же ты к нам ее пришлешь и нельзя ли начало прислать для набора теперь же. Пожалуйста уведомь.

Твой *Писемский.*

[1860?].

42

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Стелловский уже написал, чтобы тебе там из магазина музыкального доставили деньги.

С пиэсой Востокова не знаю, что делать. Стелловский не берет, и говорят, что он печатает только пиесы, бывшие на сцене. Попробую отдать к Достоевским в журнал.

К февральской книжке я на твою пиэсу [274] рассчитываю. Когда ты приедешь в Питер? Твои Свои люди сочтемся, говорят пропустили. Поздравляю. Но кто у тебя здесь ее будет играть? Употреби, по крайней мере, твое влияние, чтобы Бурдина в ней не было.

Твой *Писемский.*

[1860 г., конец года].

42-а

Любезный друг,
Александр Николаевичь.

Посылаю тебе письмо ко мне от Стелловского на[щ]ет некоторых твоих пиэс, которые он желает поместить в сборнике. Как ты решишь, так и уведомь меня. На[щ]ет комедии Востокова, в Библиотеку для чтения я не могу ее принять: ибо

по сюжету избито да и по выполнению слабо: это и не сцены, а скорее какое-то упражнение в разговорах на заданный анекдот; но не пожелает ли он, чтобы я отдал в другие редакции, например: в Век, в Русский Мир. Там может быть ее примут, и она сойдет: больше писать некогда.

Твой *Писемский.*

[1860].

43

Любезный друг.

Пришли, бога ради, заглавие твоей комедии, * которую ты готовишь для «Библиотеки для чтения». Нам крайне нужно дать объявление. Об высылке к тебе «Искусства», 2 №№ я распорядился.

Каковы у нас в Библиотеке *Гаваньские Чиновники.* Пожалуйста пришли Заглавие и поскорей, нам в этом крайняя надобность.

Твой *Писемский.*

[1860].

44

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Соблаговолишь ли ты дать нам что нибудь в Библиотеку для чтения. Пожалуйста, не откажи и повозможности уведоми меня, к какому времени можно надеяться получить от тебя, чтобы

* «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» в «Библиотеке для чтения» 1861 № 3.

я мог расчитать материал. Что ты именно поделываешь теперь? [275]

Поздравляю тебя с получением премии Уваровской. [275] Да вот еще у меня к тебе просьба. Я участвую еще в новом журнальце «Искусство». Не напишешь ли для этого изданья ты о последних днях Мартынова [276] и его смерти. Неполенись ответить мне поскорей на все сии вопросы.

Твой *Писемский.*

[1861].

45

Посылаю теперь разбор Плетнева по Уваровским премиям. [277] Говоря по правде, по милости его мы и получили премии. Напиши ему письмецо благодарственное. Ему будет очень это приятно. Адресс его: *Его Превосходительству. Петру Александровичу Плетневу в Петербурге в Университет.* Да пришли ему и экземплярчик драмы с надписью.

Твой *Писемский.*

[1861].

46

Как ты не подрезал меня, друг сердечный, но во всяком случае, бога ради, не насилуй себя и не торопись и только по крайней мере — к мартовской-то книжке изготовь, а то в противном случае публика, пожалуй, подумает, что мы ее надуваем объявлениями. Пожалуйста, изготовь к мартовской.

Твой *Писемский.*

[1861].

47

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Я сегодня никак не могу обедать с Вами — во 1-х у меня страшнейший понос, а во 2-х, уже в 5 часов должен итти к цензору

твой *Писемский.*

[1862?]

48

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Сейчас был твой брат и сказывал, что ты во-первых, здрав, а во-вторых, что через месяц докончишь своего Минина. [278] Последнее меня несказанно обрадовало, авось, с твоей легкой руки у нас и появится настоящая историческая драма. Если ты не заготовил ее ни в какой журнал, то давай нам ее в Библиотеку для Чтения. Ты этим крайне меня обяжешь, и я только прошу написать тебя мне определительно цену, дабы я мог ее заявить издателю, которой начинает разные штучки делать с авторами, при неопределенном уговоре в цене; но во всяком случае тебе, разумеется, будет заплачено самым аккуратным образом. На письмо это отвечай мне, пожалуйста. Что собственно касается до меня, то я все вожусь с болезнями: летом в деревне жена была больна; а по приезде сюда сам забо-

лел ревматизмом (жена тоже была больна ревматизмом, это какой-то наш семейный бич).

Да хранит тебя бог; прощай.

твой

А. Писемский.

[Приписка Островского: пол. 6 нояб.].

[1862]

49

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Здесь составляется или уже составлен адрес против поступка «Искры» со мной [279] в том тоне, что если они кинули грязью в меня, так кинут и во всякого, что им подвернется, а потому литераторы протестуют против этого: хочешь ли ты подписаться или нет — уведомь меня сейчас же, — протест на днях будет печататься. Отвечай сейчас же.

Твой *Писемский.*

[На 2-й стр. (на обороте) приписка рукою М. Н. Островского:]

Проект адреса я читал: он написан не очень резко и уже подписан Кушелевым, Краевским, Майковым, Потехиным, Благосветловым и другими.

Любящий тебя брат
М. Островский.

7 Февраля [1862].

50

Любезнейший друг, Александр Николаевич,

Будь так добр, — найми и свою и мою тройку для катания; я не знаю где нанять; только ехать

не в Бирюлево, а в Мытищи, потому что в Пятницу в Бирюлеве [*неразборчиво*] огромный пикник другою компаниею и все комнаты заняты. О тройках распорядись пораньше: в четверг приезжай ко мне. Я сегодня был у тебя.

Твой *Писемский.*

[1863]

51

Любезный Друг,
Александр Николаевичь!

В следующую субботу я предполагаю прочесть мою новую драму Садовскому и некоторым другим знакомым. — Если ты свободен, то приезжай; а также скажи о том и Полтавцеву. Я бы сам ему написал, но не знаю ни имени его, ни адреса, — а между тем желаю, чтобы он был моим слушателем.

твой
Писемский.

[1864, ноябрь 19]

52

Любезный Друг,
Александр Николаевич.

Ко мне, как и к тебе, вероятно, обратился некто г. Хан — редактор нового Питерского Журнала, и между прочим, через Н. Д. Дмитрова, просит меня, чтобы я попросил тебя, чтобы ты, по примеру моему, сам сообщил Хану свои усло-

вия. Заезжай в середу вечерком, мы по прежнему в этот вечер дома.

Преданный тебе

А. Писемский.

[1866]

53

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

П. А. Валуев, у которого я был сейчас, поручил мне сказать тебе, что вчера он был у Толстого на твоем чтении[280] и прослушал только первый акт, но это он сделал потому, что решительно не имел времени, так как он целый день пробыл в Царском; и дома его ожидала пропасть бумаг; но и из того что он слышал — он вполне остался доволен совершенно русской речью, полнейшим отсутствием какого-либо иностранного оборота, — словом все очень ему понравилось. Это подлинные его слова, которые он и просил меня передать тебе.

Преданный тебе

Писемский.

18 Ноября, 1867 г.

54

Любезный Друг,
Александр Николаевич!

Приезжай, пожалуста, ко мне завтра, т. е. в среду вечерком и вместе с супругой. Жене моей гораздо лучше, и она только не выходит еще из своей комнаты. Алмазов тоже будет

у меня, и он обещал прочесть свое стихотворение. До свидания

Твой *Писемский.*

Вторник 19/XI 1874.

[На 4-й странице рукою А. Ф. Писемского адрес:]

Его В—ю
Александру Николаичу
Островскому,
У Николы в Воробине, близь Серебряных бань, в собственном доме.

55

Любезный Друг, Александр Николаич!

Спасибо тебе за письмо. Но только вот еще я тебя попрошу о чем. Некрасов, вероятно, прочтет мою пиэсу [281] в том виде, как она послана в Главном Управлении; но пиэса уже после того переделана; кроме мелких поправок, изменен конец, а именно: теперь героиня застреливается, а прежде этого не было. Предуведомь его завтра же об этом, — и измененный конец он может найти у актера Нильского, которому я послал его. В Петербург я еще не знаю, когда поеду, потому что, по случаю отъезда Каткова, мне не говорят оттуда — ни да, ни нет.

Поклонись от меня и от жены моей супруге

Твой *Писемский.*

4 Декабря, 1874 г.

56

Напиши, мой добрый Друг, в Питер касательно моей пиэсы. Пиэсу я уже отдал Вильде. Из Дирекции здешней *она отправлена* 30-го де-

кабря 1875-го года за № 2663 и называется Финансовой Гений.

Пишу рукой жены, чтобы разборчивее было

Твой *Писемский.*

[1876 3 Янв.]

57

Любезный Друг, Александр Николаич!

Я вчера виделся с Гатцуком. Он непрочь от твоего предприятия и желает только обстоятельно с тобою переговорить, ради чего и просит тебя приехать ко мне *в будущую середу*, и он ко мне придет непременно.

Душевно преданный тебе *Писемский.*

Четверг, 29 Января, 1876 г.

58

Любезный Друг,
Александр Николаич!

Посылаю тебе в подлиннике письмо Леонтьева, сообразно которому ты сам увидишь, что он желает.

Твой *Писемский.*

P. S. Живет Леонтьев теперь уже не в Гостинице Ленх, а в Мамонтовской Гостинице, в Лоскутном.

[На 3-й стр.:]

26 Февраля, 1876 г.
Москва.

Милостивый Государь,
Алексей Феофилактовичь,

Позвольте представить Вам вышедшую на днях брошюрку мою... *

Я вчера хотел непременно быть на Вашей *середе*, но, к сожалению, у меня заболела голова.

Не знаю, что мне делать с Г. Островским? Вот уже месяц, я думаю, он в *Артистический Кружок* никакого ответа о 2-х Комедиях *Соловьева*, которые я ему доставил, [не дает] **. Живет он далеко, адреса мне своего не сказал, не желая повидимому, чтобы я к нему на дом ехал... А между тем мне очень жаль молодого и способного автора, который мучается.

— Не научите ли Вы меня, что мне делать?

Остаюсь с истинным почтением.

готовый к услугам *К. Леонтьев.*

P. S. Прошу не прогневаться, что в книжке много опечатков, [?] это не моя вина.

59

Любезный Друг, Александр Николаич!

Вчера я передал Гатцуку твое желание, на это он мне сказал, что получил ваше условие и оное уже изменив отправил к тебе, и все что в этом условии начертано, он изменить не может и в оффициальное соредакторство вступить

* Вероятно, речь идет о брошюре К. Леонтьева «Византизм и славянство». *Ред.*

** «Разладица» и «Кто виноват?» — комедия Н. Я. Соловьева.

с кем бы то не было, кроме тебя, не желает по крайней мере в продолжении первого года издания.

Твой *Писемский.*

[Писано рукою жены Писемского (кроме подписи)].
[1876]

60

Любезный Друг,
Александр Николаич!

Я у тебя не был вчера по случаю сильного дождя, кроме того, и самому очень нездоровилось, сегодня всю ночь напролет не спал и теперь лежу распростертым на диване. Как только поправлюсь немного, сейчас же приеду к тебе. Если ты не писал еще Микешину, то и не пиши: роман они ужь начали печатать. [282]

Дружески пожимая твою руку остаюсь

Писемский.

9 мая, 1877 г.

61

Любезный Друг, Александр Николаич!

Адрес Бларамберг (Елены Ивановны) — Милютинский пер., дом Херединова. Если ты едешь в Петербург, то схлопочи, бога ради, там, чтобы мне выслали из Театральной Конторы деньги, причитающиеся мне за представление моей пиэсы *Горькая Судьбина*, совершенное еще

в прошлом году в декабре, кажется, и научи меня, что я лично должен для этого сделать.

Любящий тебя *Писемский.*

7 Декабря, 1877 г.

62

Любезный Друг,
Александр Николаич!

Тургенев здесь, что и ты, вероятно, знаешь, но он заболел в своей подагре и со вчерашнего дни лежит без ноги. В среду, впрочем, он, если только позволит ему его подагра, хотел приехать ко мне вечером. Приезжай и ты: вчера Тургенев хотел быть у тебя, но не исполнил этого по независящим от него обстоятельствам. До свидания.

Любящий тебя

Писемский.

18 20/II 79.

63

Любезный Друг,
Александр Николаич!

Возвращаю тебе 6-ю часть твоих сочинений и вместе с тем прошу тебя наделить меня 2-ю частию, каковой у меня не оказалось и, если можно, то прислать ее с сею подательницею. Лопатин не может с нами обедать, так как будет участвовать в их судейском обеде; но Павел хотел привести некоторых своих товарищей, человек двух, с коими мы отобедаем. Досвидания

твой *Писемский.*

1 Января
1880

64

Любезный Друг,
Александр Николаич!

Слышал ли ты печальную новость: с Владимиром Иванычем Родиславским сделался удар: у него отнялась левая рука и левая нога, а также и язык, он лежит с закрытыми глазами. Я сейчас заезжал к нему, но меня не приняли. У тебя я буду с Павлом 30 марта.

Затем дружески пожимая твою руку
остаюсь любящий тебя *Писемский.*

23 Марта
1880

[На 4-й странице рукою А. Ф. Писемского адрес:]

Здесь.
у Пречистенских Ворот в доме Князя Голицына
Его В—ю
Александру Николаевичу
Островскому.

65

Любезный Друг, Александр Николаич!

Вчера у меня был Ковалевский (один из распорядителей празднования открытия памятника Пушкину), и он мне сказал, что 26 мая будет обед, на которой, вместе с другими литераторами, тебя и меня пригласят, как почетных гостей, — значит, подписываться тебе не нужно. 27 назначено утреннее заседание Общества любителей Русской Словесности, того же 27 — вечернее заседание, а равно 28 числа утреннее и вечернее заседание Общества. Чи-

тать может каждый по выбору или за обедом или в какое пожелает заседание, — вот пока все, что я узнал и о чем спешу тебя уведомлять.

За тем дружески пожимая твою руку
остаюсь преданный тебе *Писемский.*

10 Мая,
1880

Посылаю тебе объявление от Общ. люб. Рус. С[ловесности].

66

23 Мая. 1880 г.

Любезный Друг,
Александр Николаич!

Спешу тебя известить, что я сейчас прочел телеграмму о смерти императрицы, а также и распоряжение здешнего Генерал Губернатора, которое я прилагаю тебе в подлиннике. *

Любящий тебя
Писемский.

ОТ МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

По случаю последовавшей 22 сего мая кончины государыни императрицы и наложения глубокого траура, его императорскому величеству благоугодно было повелеть, чтобы торжество открытия памятника Пушкину было на некоторое время отложено.

Плещеев, Алексей Николаевич

1

Если вы свободны в Пятницу (т. е. 24-го) после завтра, то приезжайте вечерком, уважаемый Александр Николаевич; и попросите Гор-

* К письму приклеена газетная вырезка.

бунова, чтобы приехал. Если же он не захочет или не может, то вы одни; я просил Жемчижникова — скажу Аксакову. — Пишу к вам нарочно заблаговременно, не надеясь на аккуратность городской почты.

Пожалуйста, приезжайте. Вы меня много обяжете.

Весь Ваш

А. Плещеев.

Середа [1861?]

И об чтении для фонда потолкуем.

2

Почтеннейший Александр Николаевич.

Вы давно уж обещали меня посетить; — не сделаете ли этого — *завтра* (во Вторник), у меня соберутся несколько человек, между прочим, жду Салтыкова, просил Жемчужникова и Аксакова. — Вы мне сделаете большое удовольствие. Пожалуйста, приезжайте — чай пить; не поздно и *не на полчаса,* как вы обыкновенно приезжаете.

Весь ваш

А. Плещеев.

[1862?]

[1864]

3

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Я только что вернулся из Петербурга; и во-первых, привез вам поклон от вашего брата

М. Н., у которого я раз обедал и который ждет вас в скором времени к себе. Во-вторых, мне поручил передать вам Некрасов, что он писал к вам тотчас же по разрешении продолжать Соврем[енник], но ответа от вас не имеет. Во всяком случае он надеется, что вы к 1-му № Соврем. что-нибудь ему доставите (1-й Ном. выйдет непременно 1-го февраля). В. Корш [283] также убедительно просит вас не забыть своего обещания и дать ему хоть какую-нибудь сценку к первым номерам и вообще не отказать ему в вашем постоянном сотрудничестве. — Наконец И. Ф. Горбунов — также посылает вам свой поклон. — Ему хочется очень приехать сюда — да не знает как это устроить.

Уважающий вас

А. Плещеев.

1862 г. Ноябрь.

4

Уважаемый Александр Николаевич.

Мне писал надних редактор Русской сцены— Михно, — что не зная вашего адреса, он отправил к вам письмо через редакцию Русского Вестника, где оно, как нужно думать, — и пропало. Не понимаю, что ему вздумалось адресовать туда.

Он просит передать вам, что очень желает чтобы «вы приняли под свое покровительство — новый журнал» [284] (его собств. слова), и что почел бы себя совершенно счастливым, если бы вы дали ему какую-нибудь, хоть небольшую вещицу. Экземпляр Русской Сцены на ваше имя он выслал через Черенина.

Если вы свободны завтра (в субботу) вечером, не будете ли так добры заехать ко мне. Я звал Жемчужникова, Ф. Достоевского и других, вы меня крайне этим обяжете. — За вами давно обещание посетить меня.

Преданный вам
А. Плещеев.

5

Любезнейший Александр Николаевич.

Я получил сей час письмо от Иловайского [285] которое прилагаю здесь. Нельзя ли как-нибудь сегодня его пустить на баллотировку, в числе других. Он хороший человек; и имел бы право быть действительным членом; но так как хочет непременно теперь попасть, то можно бы его пустить. Впрочем, как знаете. Я буду в клубе но несколько позже из концерта, откуда уеду до конца. Если баллотировка будет без меня, то посодействуйте, чтоб не заболлотировали предложенных мною членов. Многие обращаются с вопросом — куда класть — на-лево или на-право, если не знают баллотируемого лица.

Когда вы меня искали нынче, я сидел у нашего начальства, которое захворало, и с которым мне нужно было объясниться кое о чем.

Ваш *А. Плещеев.*

[1865]

6

Уважаемый Александр Николаевич.

В Субботу утром в зале Кружка литературно-музыкальное утро, в котором вы обещали при-

нять участие. Посылаю вам билет и афишу. Но так как вы не здоровы, то может быть не будете; тогда уведомьте заблаговременно, чтобы могли кого-нибудь пригласить еще — хоть Чаева что ли. Могут, пожалуй, не приехать и другие — надо всегда иметь в запасе. — Очень бы мне хотелось с вами переговорить о делах кружка, обстоятельно и много. Но когда и где, уж не знаю. Служба отнимает у меня утро. Притом еще у детей моих корь.

Тертий Ив. Филиппов пишет ко мне и просит передать Агафье Ивановне свое душевное соболезнование, относительно ее нездоровья, о котором он от кого-то слышал и уверение — в его уважении и преданности. [286]

Весь ваш

А. Плещеев.

[1865]

7

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Еще в пятницу было сделано распоряжение, чтобы повестить вас о совещании старшин, которое назначено нынче в 11-ть часов; но вследствии произошедшей путаницы вас не повестили. Ради бога, извините. — Спешу поправить эту ошибку и от имени всех старшин покорнейше прошу вас приехать на это первое совещание старшин в новом составе. [287]

Ваш *А. Плещеев.*

А. Лукин.

[1865] Декабрь.

8

Уважаемый Александр Николаевич.

Я принял на себя обязанности старшины в клубе единственно по вашему настоянию, так как решительно не чувствую себя способным к исполнению этой должности. Вы писали мне, что в случае моего отказа — войдут люди, которых вы не желали бы видеть в числе старшин. Это и побудило меня согласиться. Но сверх чаяния я должен был принять еще кассу, наблюдение за которой требует много времени. — Бухгалтерии я не знаю, а положиться вовсе на людей, занимающихся в конторе — не считаю возможным. — С будущей недели у меня начинается служба. Дела будет здесь очень много. Придется сидеть все утро за самой кропотливой работой; после обеда захочется отдохнуть, провести вечер с детьми, наконец, и литературные занятия не хотелось бы бросить, да и нельзя; деньги нужны. — Погрузиться совсем в клубную жизнь — как это делают некоторые известные нам обоим лица — я положительно не могу. По временам, я чувствую такую невыразимую тоску — на этих клубных вечерах, такое утомление, и так мне хочется — вообще уединиться на время, — никого не видать и ни с кем не встречаться, что я бежал бы, бог знает, куда. — Я стал ездить туда часто, думая рассеяться, потому что живется мне очень скверно; но теперь я вижу, что этого рода жизнь еще больше наводит на меня хандру.

Все это, голубчик Александр Николаевич, веду я к тому, что мне бы хотелось

славно выйти из старшин, но в то же время не хотелось бы сделать вам чего-нибудь неприятного. Прежде чем заявить это другим старшинам, я решился высказать вам откровенно причины, побуждающие меня к тому. Если уж вы никак не хотите чтоб я вышел, то, по крайней мере, пускай у меня примет хоть Рахманов кассу. — Отдежурить раз в шесть дней, еще пожалуй — куда ни шло. Будьте добры — скажите мне, как вы обо всем этом думаете. — Буду ждать вашего ответа. Пожалуйста, не сердитесь на меня. — Я кружку очень сочувствую, но думаю, что далеко не в состоянии принести той пользы, какую приносят другие, и какую сам бы хотел приносить там. [288]

Ваш весь

А. Плещеев.

[1866].

9

Уважаемый Александр Николаевич.

Я к вам с покорнейшей просьбой, не откажите в содействии. Пьеса моя в Москве, [289] как я узнал, совершеннейшим образом провалилась, чего я впрочем и ожидал отчасти. Вся моя надежда была на актеров, которые, случалось, и не такую еще дрянь выручали. Это меня не больно печалит. Но вот что худо. Бурдину пришла блажь давать ее здесь. Он даже просил вас о высылке ее. — Ради господа бога, напишите вы ему, что ее брать не следует и не стоит. Вас он послушает; а я права не имею воспретить, так как пьеса отдана дирекции. —

Уж если Московские не вывезли, то петербургские так опозорят, что только держись. Я писал Колосовой, чтоб она уведомила меня имела ли пьеса успех; именно потому, что Бурдин просил у меня ее. Но Колосова не потрудилась ответить; так что я уж вчера из письма жены узнал о торжественном падении сей пьесы. Но жена, разумеется, не в подробности мне описала, так как ее в настоящую минуту не пьеса моя занимает, а мое положение в Петербурге. Это мне урок: не пиши *ковровых* пьес à la князь Кугушев. Еще Гоголь сказал, что публичная затрещина очень полезна человеку.

Затем до свидания. Вероятно, Вы еще меня здесь застанете. Со мной здесь творятся такие приятные вещи, что уж, право, не хотелось бы к довершению всего еще на сцене-то позориться.

Ваш весь *А. Плещеев.*

[1866]

10

Уважаемый Александр Николаевич.

Меня просил Рахманов съездить к вам и переговорить на счет дома. Но мне нынче никак нельзя, и потому я пишу к вам. Он просит, чтобы вы поскорей написали в Петербург, за какую цену можно надеяться нанять этот дом.[290] Время уходит, и нам бы нужно чем-нибудь порешить — Баллотировки Любимова вчера не было; Рахманов и прочие старшины положили подождать не будет ли чего от Лузина. — Я тоже согласен, что надо подождать. Пропасть лю-

дей в претензии на то, что Лузина оставляют и, пожалуй, Любимов по баллотировке пройдет. Ведь это будет скверно.

Будьте добры, напишите мне два слова, чтоб я мог удостоверить, что сообщил вам то, о чем меня просили.

Ваш *А. Плещеев.*

[1867]

11

Москва, 22 Сентября [1867].

Многоуважаемый Александр Николаевич
Я не успел вас поблагодарить за письмо, переданное мне Петром Николаевичем. Спешу исполнить это теперь, и вместе с тем, чувствую, в свой черед, нравственное побуждение высказать вам кое-что по поводу известного вам дела. В письме вашем — вы хотя и не прямо выразили, но намекнули довольно ясно, что источником слухов, пущенных о Федотове, является Вильде. [291] Кроме того, Петр Николаевич мне передал еще на словах, нечто, служащее к его извинению. Так как я в последнее время состоял с Вильде довольно близко и считал его положительно за честного человека, то я нетерпеливо желал разъяснить все эти обстоятельства и тотчас же отправился к Бегичеву. Результатом моего визита к нему было полнейшее убеждение в том, что Вильде решительно не повинен в тех небылицах, которые взводит на него чета Федотовых, вследствие их разрыва, и что отношения к нему Бегичева вовсе не те, о каких сообщил мне конфиден-

циально Петр Николаевич также, вероятно, со слов Федотовых. — Я так и думал, тем более что о поступке Федотова я узнал — прежде всего — не от Вильде, а от одного постороннего господина, которому сказал это мировой судья Щепкин. Можно обвинять Вильде, что он слишком круто повернул, не имея прямых доказательств, к этому побуждало его чувство самосохранения, так как Шумский и Ко начинали, чорт знает, что распускать про него. Но сказать, что он из личных видов взвел на Федотова то, что вы знаете, нет никакого повода. Это с его стороны была бы подлость не менее крупная, чем и та; и я душевно радуюсь, что хоть на этот раз не пришлось разувериться в человеке. — Что же касается до самого Федотова, то правды тут доискаться трудно, — может быть — и да, может быть — и нет. Есть обстоятельства, говорящие pro и есть другие —contra. Но во всяком случае, не мешает избегать с ним особенных интимностей, а дело о нем, предав воле божией, считать покончепным и сдать в архив.

Я счел нужным заявить вам все написанное здесь мною, не дожидаясь вашего возвращения — Вы, как видно, уехали — предубежденные против Вильде — и мне хотелось по возможности скорей разрушить ваше предубеждение, хотя, может быть я и не успел в этом. Все таки, я попрошу вас — в свою очередь — не выводить заключения, выслушав только одну сторону. И если вы поговорите также с Бегичевым, то убедитесь, вероятно, в невинности Вильде, которого и сами вы всегда считали честным. Прошу вас передать Михаилу Николаичу мое

искреннее почтение. Будьте здоровы и возвращайтесь к нам поскорей. Еще раз благодарю вас за добрый совет.

Весь ваш

А. П.

12

Октября 23 [1867] г. Москва.

Многоуважаемый Александр Николаевич. Я к вам с просьбой. Вот в чем дело: Вы может быть знаете уже, что бывший редактор *Антракта* — Баженов — умер. — Издатель его — Мамонтов — предлагает мне взять редакцию этой газетки, которую он желает не только продолжать, но до некоторой степени изменить и улучшить, не выходя конечно из программы. Я от этого дела не прочь. Театр я всегда любил, это раз, следовательно, работа будет по сердцу. Во вторых, она может мне кое-что дать, а в моем положении рублей 600 или 800 в год лишних — очень кстати. — Время у меня это отнимет не много, и не помешает служебным занятиям. Нынче отправилось в Главное Управ. по делам печати прошение о дозволении мне быть редактором; а также и известному Вам *Родиславскому*, имеющему на *Антракт* права, так как издание было разрешено ему вместе с Баженовым. — Но подписывать свое имя под газетой вместе с ним, я по многим — лично меня касающимся — причинам, не желал бы. — Он имел на столько такту и деликатности, что сам отклонил это и предложил мне быть редактором одному — исключительно и безраздельно. Про-

шение же о редакторстве он подписал на тот случай, что если бы мне не разрешили, то чтобы *Антракт* не прекратился, он будет подписывать свое имя (хотя Мамонтову, кажется, это очень не по душе), распоряжаться же de facto буду все таки я. — Просьба моя к вам вот в чем. 1) Похлопочите, если это вас не затруднит, чтобы мне разрешили, у вас уж, конечно, есть связи в Глав. Упр. по делам печати. — Копию с формуляра я послал. — Ведь это не политическая газета, неужели у меня не хватит и на это *благонадежности?* [202] Гончарову я писал сам. Напишите мне, как вы думаете о деле. Вы знаете, в каких руках театральная критика в Москве. Я не приписываю себе никаких критических способностей, но по крайней мере — буду вести дела честнс и постараюсь подобрать сотрудников подаровитее. Если газетка пойдет лучше (теперь у ней 1300 подписчиков), то Мамонтов не прочь положить на нее больше того, что дает теперь. Человек он крайне порядочный. Родиславский же может быть очень полезен в том отношении, что берет на себя всю материальную сторону дела. Хлопоты по типографии и цензуре, корректуры и т. д. Наконец, может, пожалуй, и о балете писать, если пожелает. Мне очень хочется знать ваше мнение, которым я дорожу.

Мое усердное почтение Мих. Ник. Поклонитесь Анненкову и Некрасову. Последнему попеняйте, что находясь в Москве, не только не заехал ко мне, но и не дал знать о себе. Я душевно порадовался услышав, что он издает сборник. — Что Салтыков? Видели ли вы его

и куда его наконец — решат? У нас в кружке все распри. Энаров нагрубил А. А. Рахманову. Дело оставлено до вашего прибытия. — Все както не клеится. На выборы в лотерейный комитет [293] не могут съехаться 45 человек! Скоро ли вы приедете? Дело о Федотовых — заглохло. — На днях шел *Опричник;* с успехом. На третье повторенье уж мест нет. Вызовов было, много, преимущественно они достались на долю Вильде. Но Самарин уподоблялся не Грозному, а какому-то благочинному протопопу. До свиданья. Дружески жму вашу руку.

Весь ваш

А. Плещеев.

Отвечайте мне в Палату.

P. S. Я баллотируюсь в мировые Судьи. Если выберут, то, разумеется, все другие занятия по боку.

13

Октября 23 [1867] г. Москва.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Душевно благодарю вас за все хлопоты по моему делу, [294] хотя признаюсь, я того мнения, что игра свеч не стоит. — Если б я знал, что это так затруднительно, то не стал бы и домогаться редакторства. Если оно и будет разрешено, то мне кажется очень трудно, что-нибудь сделать из *Антракта.* Правда, что Мамонтов, — человек крайне порядочный и готов на всякие улучшения, но значительным тормозом будет

тут В. И. Родиславский. Между его убеждениями и взглядами и моими мало общего, чтобы не сказать просто — ничего. Толковать и спорить с ним по поводу каждой статейки ведь это — воля ваша — страшно наскучит. А он собственник газеты и отстранить его нет возможности. Пожалуй, еще потребует, чтобы я подписывал вместе с ним. А уж этого я ни под каким видом не желаю. Как бы хорошо, если бы вы приехали поскорей. Вы бы может с ним столковались; а я на это решительно не способен. Я очень раздражителен и, пожалуй, в одно прекрасное утро скажу ему, убирайтесь вы с вашим *Антрактом* куда хотите. Мамонтов тоже мне конфиденциально сказал, что очень бы желал удалить Родиславского на задний план. Согласитесь, что издавать *Антракт* так, как его вели прежде, невозможно. Покойный Баженов был честная душа, но уж односторонен до невозможности, что касается до Гедеонова, то нельзя ли как-нибудь избегнуть его вмешательства. Я готов буду предложить ему столбцы газеты для проведения всякой полезной и честной мысли, но органом дирекции *Антракта* не сделаю. Он только и может итти, если будет самостоятелен, хотя я также не нахожу никаких причин и становиться к ней во враждебные отношения. Грошовые обличения и либерализм à la Будильник тоже мне претят. Нужно вести дело серьезно, честно и независимо, с сознанием, что сцена должна воспитывать массу, а орган ее должен быть проводником здравых понятий об искусстве.

В кружке у нас все война с Энаровым. Мы все

наличные старшины решились, не дождавшись вас, предложить его поступки на суд присяжных, и если он будет признан виновным, исключить его. На будущий год мы все выходим, и он без жребия остается согласно уставу. Тогда ездить в клуб не будет никто. Нет дня, чтобы он не сделал истории. Кончится тем, что ему дадут пощечину, и тогда скажут, что в Артистическом кружке бьют старшин. Первый музыкальный вечер был хорош, но привлек немного народу. Гостей было 57.

Вы, вероятно, знаете уже о бедной А. Н. Колосовой. Если она не умерла уже, то умрет. Это ужасно жаль. — Пьеса Крылова *Неземные Создания* [295] потерпела небывалое fiasco. Он очень сконфужен. А играли очень хорошо. — В заключение расскажу вам чрезвычайно остроумное изречение Шумского, с которым нередко случается обмолвиться справедливым словом. Федотовы предлагали ему играть Скупого Рыцаря в бенефис свой. Он отказался. «Скупого, говорит, я еще в себе могу найти, но уж рыцаря никак не найду!»

До свиданья, Александр Николаевич. Жму вашу руку искренне и дружески. Будьте здоровы. Напишите мне, как вы думаете о том, что я пишу вам.

Ваш *А. Плещеев.*

P. S. Михаилу Николаевичу мое усердное почтение. Не рассердился ли он, что я берусь за редакцию *Антракта.* Скажите, что я контрольного дела не брошу.

14

Москва. 12 Ноября [1867].

Добрейший Александр Николаевич. Я к вам писал как-то насчет *Антракта*, но не получил от вас ответа. Теперь сообщаю вам, что Родиславский получил уведомление, частным образом, что мне едва ли будет разрешена редакция. Вследствие чего является необходимость послать в Главное управ. по делам печати вторичную просьбу такого рода — что мы просим, по крайней мере, разрешить поскорее кому-нибудь одному из нас. Иначе дело затянется слишком в долгий ящик, что и для издания невыгодно. Но прежде чем посылать такое прошение, я решаюсь еще раз написать к вам. Вы мне как-то писали, что, в случае надобности, можете переговорить с Гр. Шуваловым.[296] Если вы находите, что — стоит из-за этого дела хлопотать и тревожить Графа Шув., то сделайте это. Впрочем я предоставляю решительно на ваше усмотрение. Родиславский просит меня убедительно, и даже слово взял с меня, что я буду в его газете сотрудником и даже соредактором по части обозрения драматической сцены; и я не прочь от этого. — Но все это уж, конечно, будет не то, потому что, если б я был редактором, то подобрал бы сотрудников по всем отделам, — по музыкальному, например, по библиографии и корреспондентов из Петерб. порядочных бы нашел. А он хочет пригласить корреспондентом из Петерб. Назарова, в чем я не могу ему воспрепятствовать, когда он будет редактором. И вообще, это уж будет

продолжение Баженовского *Антракта*, где опять классицизм будет господствовать. — Издателю [297] тоже очень не хотелось бы, чтобы Родиславский был редактором, потому что имя его не пользуется особенной популярностью, хоть и мое, конечно, не бог знает какое, но все же в Москве и в Петерб. меня знают — несколько больше.

Я счел нужным предупредить вас, а там уж — поступайте, как вы найдете лучшим. Я — по правде сказать — довольно индиферентен на этот счет. Разрешат так разрешат, а не разрешат, так скорбеть не буду очень. Ведь относительно гонорария тут немного выиграем; относительно же полезности — я тоже не обольщаю себя мечтами, потому что не сознаю в себе критической способности, которая бы могла иметь особенное влияние на публику, посещающую театры. — Разумеется, я бы вел дело честно, без кумовства и без пристрастия, и постарался бы придать газете характер более живой и разнообразный, хотя, конечно, не в ущерб серьезности. — Удивляюсь я только одному — газета эта не политическая, идей вредных в ней проводить, кажется, нельзя, почему бы, кажется, не разрешить человеку, который, хотя и был 20 лет тому назад замешан в политическом деле, но теперь и служит давно, и вообще, кажется, живет смирно? — До свиданья, Александр Николаевич. Возвращайтесь скорей. В Артистическом клубе все как-то не клеится.—Ездят мало, и вообще плохо.

Весь ваш

А. Плещеев.

15

Москва. Ноября 12 [1867].

Многоуважаемый Александр Николаевич. В тот же день, как получено ваше письмо, пришло разрешение *мне вместе с Родиславским издавать Антракт*. — Не знаю, как это случилось. — Посоветуйте, что же мне теперь сделать. Подписываться с ним, хотя и не лестно, но я бы пошел и на это, чтоб удержать за собой газету, но ведь толковать с Родиславским и советываться относительно каждой статьи, каждой строчки и помещать все, что он захочет туда поместить — этого, воля ваша, нельзя. — Я на таких условиях не только с ним, но ни с кем не пойду в соредакторство. — Я ему заявил, что я отказываюсь от редакторства. Прошение было послано от обоих, для того, чтобы — в случае, еслибы не разрешили одному, то *Антракт* не остановился. А вышло дело не так. — Буду ждать вашего ответа. Не замедлите.

Ваш

А. Плещеев.

P. S. Родиславский уж пригласил к себе корреспондентом из Петерб. Назарова.

16

Уважаемый Александр Николаевич.

Вчера я отправил к вам по просьбе Мамонтова телеграмму. Он будет в Петербурге в середу, — но так как я не мог ему положительно сказать, долго ли вы останетесь, то он

просил предупредить вас, чтобы вы по крайней мере письмо ему оставили к Гедеонову. Окажите ваше содействие. Было бы хорошо, если бы хоть к пасхе последовало разрешение. Газетка [298] может выйти недурная. Мамонтов человек порядочный и не пустит в свое издание никаких Аксеновых, Ушаковых и т. п. сволочи. — Наконец, вы сами говорили, что и директор театров желал бы, чтобы существовал честный театральный орган. На *Антракт* подписалось всего 130 человек. С этим далеко не уедут издатели.

Василиса Мелентьева прошла хорошо. [299] Публике понравилась очень. Вызывали и хлопали много. 2-й акт особенно нравится всем. Играли весьма старательно; все до мелочей было обставлено крайне тщательно. Никулину вызвали единодушно посреди акта после сцены с Малютой. Федотова тоже сделала все, что могла, и была не дурна, хотя, конечно, порой рутинный тон пробивался и кокетничала она с Грозным точно так же, как с губернаторским чиновником в *Мишуре*. Самарин и тот был много сноснее, чем в Опричнике. По крайней мере, не фыркал, как кошка, на которую бросается собака. Я обещал написать о пьесе — в *Антракт* для того, чтобы они не заказали статью какому-нибудь прощалыге. Я уж подслушал в театре кое-какие суждения известной клики, готовой все хорошее облаять.

В клубе на новый год произошел небольшой скандал, кончивший[ся] впрочем благополучно, [*не разборчиво*]. Побранились Вильде с Урусовым. Хотя последний, действительно, выразился

резко, [300] но нельзя одобрить и тона Вильде. Он уж очень командовать начал. — Мы с Петром Николаевичем его, кажется, до виртуозности изучим. Всю его тонкость насквозь проникли. Где тонко, там и рвется.

Еще раз, голубчик Александр Николаевич, похлопочите на счет Мамонтова-то. — Михаилу Николаевичу мой искренний поклон. Отдали ли вы ему письмо мое?

Весь Ваш

А. Плещеев.

В *Развлечении* уж напечатали пасквиль на Родиславского и на всю историю издания *Антракта;* задели слегка и меня, впрочем, не совсем остроумно, и не обидно.

[Январь, 1868 г.]

17

Уважаемый Александр Николаевич.

Так как нынче вы хотели приехать для совещания по литературному комитету, то я и назначил также Мамонтову быть здесь. Он и был — от 9 до 11 часов; к сожалению, вы не приехали. — Завтра вечером (в понедельник) Мамонтов будет у меня; если вы свободны, то не посетите ли меня также? Мы бы обсудили вместе программу. Если же вы завтра не можете, то мы уже одни с Мамонтовым изготовим все для отсылки в Главное Управ., так как медлить нельзя и попросим только вас написать предержащим властям, дабы они не противи-

лись. Хорошо, если бы вы написали Гедеонову и Похвистневу. Сделайте милость, дайте мне ответ — на счет всего, что я пишу вам. — Полагаю, что разрешение театрального органа, не связанного ничем с *Антрактом*, может до известной степени быть близко и вам, по крайней мере, вы не раз выражали мне, что желали бы этого.

Ваш *Плещеев.*

Адрес мой. На Арбате, близь Смоленского рынка, в Ружейном переулке, д. Суханова.

[1867-1868]. [301]

18

Уважаемый Александр Николаевич.

Вчера повар напился пьян и оставил клуб без ужина, и кроме того, нагрубил мне и Садовскому. Я полагаю, что нужно выгнать его тотчас же без всякой баллотировки. Такого безобразия терпеть нельзя. Как ваше мнение об этом.

Ваш

А. Плещеев.

19

Петербург. 15 Октября [1878] г. Поварской переулок, д. № 5, кв. 4.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Извините меня, бога ради, что я беспокою вас. Очень тяжелые обстоятельства вынуждают

меня обратиться к вам с покорнейшей просьбой. Вы, конечно, знаете, что мне и всегда живется не легко, так как у меня на руках семья, и кроме литературного труда, нет никаких средств к жизни. Но в нынешнем году вследствие разных случайностей пришлось как-то особенно туго. В первых числах ноября мне предстоит *во чтобы то ни стало* уплатить один долг, весьма для меня обременительный, ибо если я не уплачу его, то это может повлечь за собой крайне неприятные для меня последствия. Весной я взял ссуду в Обществе Литературного Фонда, куда и уплачиваю ежемесячно половину получаемого мной в газете, где я работаю, жалованья. Долг этот будет покрыт только к январю и, следовательно, взять там теперь я лишен возможности. — А в другом месте взять негде. И вот я решаюсь прибегнуть к вашему посредничеству, не будете ли вы так добры исходатайствовать мне ссуду в 250 рублей (в крайнем случае даже в 200) в Драматическом Обществе, председателем которого вы состоите. — Я желал бы получить ее на *полгода* с тем, что ежели в течение этого времени она не покроется из моего гонорария, получаемого *с провинциальных и Московских театров*, то я обязуюсь возвратить ее сам. (Доверенность на удержание гонорария я, конечно, выдам г. секретарю Общества). Кроме того, я готов заплатить и процент, какой Общество сочтет нужным положить.

Вы меня бесконечно обяжете исполнением этой просьбы. Верьте, что без особенной нужды я не решился бы утруждать ни вас, ни обще-

ства. — Смею надеяться, что Вы не откажете мне в вашем участии. Во всяком случае, я попросил бы вас известить меня, могу ли я хоть сколько-нибудь рассчитывать на успех моей просьбы, т. е. располагает ли комитет в настоящее время суммами, которые бы позволили ему, в случае согласия его членов, сделать этот расход, ибо в противном случае, я должен буду принять заблаговременно меры к тому, чтобы добыть эти деньги в другом месте, так как, повторяю, они мне необходимы до последней степени.

Прошу вас принять уверение в искреннем уважении.

Преданный Вам

А. Плещеев.

20

Уважаемый Александр Николаевич.

Позвольте обратиться к Вам с просьбой. Устраивается литературно-музыкальное утро в пользу одной школы. Люди порядочные; не согласитесь ли Вы принять участие. — Вы этим премного обяжете. Зная, что Вы никогда не отказываетесь, я почти уверил их, что с Вашей стороны непременно последует согласие. Выбор дня зависит от Вас. Чтение предполагается утром и будет частным образом, без афиш.

А. Плещеев. [302]

Погодин, Михаил Петрович

1

Посылаю вам копию с письма от Гр. Блудова,[303] председателя всех комитетов о цензуре, университетов, просвещения. Надо воспользоваться этим расположением и ковать железо, пока горячо. Я пошлю ее циркулярно к своему цензору,[304] потом к Попечит.,[305] и, подсмолив такую механику — не пустить ли тот-час Банкрута, если Вы рассудите, в печать. В корректуре легче будет психологически решиться Попечителю, который увидит, что дело, как будто уже кончено, и печатный Банкрут не кусается. Цензор отвезет к нему корректуру, я поддам и проч.

Вопрос об Ваших условиях. Напишите Вы их мне без всяких церемоний, а я буду отвечать Вам также. Сойдемся — тиснемся, не сойдемся — так и быть. Да о Москвит. надо так же решить. Я думал, что все решено, подписано, а теперь Г. Мей говорит о новых условиях. Для меня все равно, но надо решить как-нибудь, потому что типография уже ждет оригинала. Приезжайте ко мне, когда хотите. Я дома теперь безвыездно. Чем скорее, тем лучше.

Ваш покорный слуга *М. Погодин.*

2 Марта [1850].

2

Между нами!

Ура! Ура! Я обедал вчера у Попеч[ителя]. [306] Говорили о Банкроте. [307] «Если вы думаете, что его пропустить можно, то я полагаюсь совершенно на вас. Я и сам так думал». Он обещал послать тетрадь к цензору. [308] Я ныне пишу к нему напоминание.

До свидания

Ваш

М. Погодин.

4 Марта [1850].

А так-как тетрадь в цензуре все таки возьмет время, а набирать надо немедля, то благоволите прислать мне другую мелкую, с вашими условиями.

3

1. Пришлите мне непременно известие о чтении комедии у Гр. Закр[евского] [309] прошу вас: мне нужно для соображений.

2. Не забудьте побывать поутру у Попечителя. [310] — Я буду у него к 7 часам вечера.

Был вчера в типографии. Туго набирается. А от Л. А. [Мея] ничего. Ну да этот нумер выручится Банкрутом, а там уже примемся хорошенько.

Если разбор ошибки выйдет капитальный, то лучше отложить его до след., чтоб не мешал его действию Банкрут, который займет все

внимание, и прочим статьям будет невыгодно подле него.

Банкрут,
Холостяк,
о Фете,
Лихач,
Масленица—и довольно! [311]

А там, что успеется: дние зли суть. Уж только осталось три, а с понед. и вторн. у цензора и печатанье.

Ваш

М. П.

[1850]
[На обороте:]
А. Н. Островскому.

4

Я сам разнемогся. Повесть [312] беру, если пропустит цензура. Деньги послал тогда же, по словам брата. С октября день мой единственно открытый — середа, вечером. Милости просим.
[Сентябрь, 1850]

[На обороте клочка конверта:]

Его Превосходительству Михаилу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме.

[Сентябрь, 1850]

5

Я жду денег с почты, а как получу, (обещаны ныне) то пришлю, без сомнения, завтра. Больше писать некогда: говею и устал.

Пришлю к Вам завтра одного крестьянина:

заставьте его рассказать свои похождения и запишите, позвав к себе Конорса и Колош[ина].

Пребываю *М. П.*

Вторник. [1850?]

А послано ли письмо? Устройте-ка соединенными силами обозрение Рус. Слов. за 4 месяца. Тут уместно и обозрение драм. произв.[313].

6

Получил 200, — и на беду приехал Г. Сумароко[314] которому должен был заплатить за напечатанную повесть 100 р.; 50 отдал на домаш. расходы, 40 посылаю Вам с верховым (а вчера прождал окказии), да 10 оставил у себя на карма[нные] расх[оды]. Вы видите по крайней мере, что я делюсь последним. Есть еще надежда получить — тогда пришлю тотчас

Ваш *М. П.*

Четверг [1851?].

7

Вы знаете этот народ. — Да вы показали бы мою записку о Москвит. — вот и все. Посылаю Вам билет в избежан. нов. недоразумений. Г. Дрианского я велел просить к себе. Разве ему не сказывали, дьяволы. Попросите же его ко мне. Я нарочно ждал его вчера все утро. В конторе исследую. А ныне Вас жду. От записок недоразумения, а теперь их три: к вам, к Г. Дрианскому и в Контору.

Ваш *М. П.*

5 Апр. [1851?].

Физиогномии в конторе принимать в соображение не следует: тут не доберетесь до сущности.

[На обороте:]

М. Г. Александру Николаевичу Островскому.

8

Хорькова сделать лучше кандидатом из Семинарии, а не Универ[ситета]. Университетский не может так говорить с матерью об образовании.

Надо бы мотивировать хоть одним словом, пояснее, почему Мар. Андр. приняла Мерича в день свадьбы.

И почему тот пришел к ней. Слишком длинен разговор и останавливает действие.

Странно или непонятно ей хотеть расстаться друзьями. Ей довольно объяснения с Добротворским. Беневоленск[ому] надо бы распорядиться сначала с Добротв[орским], а не перед концом.

Разговор свах надо бы отделать получше в конце. Он должен изобразить всю трудность положения по идеи их. Надо бы финал как-нибудь. Музыка заиграла.

1851. [315]

9

Для моей авторской галлереи я желаю снять Ваш портрет. Прошу Вас уделить часа два-три. Покорный слуга

М. Погодин.

21 Янв. [1853]. [316]

[На обороте:]

М. Г. Александру Николаевичу Островскому, близ Серебряных бань, в собственном доме.

10

Не вы ли были в Воскр. у меня? Эка досада! А надо увидаться. В 5 часов в понедельник я буду в Конторе — загляните. Не то — во вторник поутру непременно прошу вас к себе. Ваш Покорный слуга

М. П.

Понед. [1853?]

Не захватите ль вы Современника я никак не могу найти у себя.

[На обороте:]

А. Н. Островскому.

11

Я вас жду непременно к себе *по пораньше поутру* например в Пятницу или Субботу, чтоб поговорить пояснее и определить поточнее — ибо научные и литературные определения так же необходимы. Надо осмотреть дело со всех сторон, и семь раз смерить, чтобы однажды отрезать. Слышите — я жду непременно, ибо свидание необходимо.

Ваш *М. П.*

[На обороте:]

М. Г. Александру Николаевичу Островскому.
[1853?]

12

Да зачем же вы промучили меня восемь длинных часов.

Понятие внушено — слухами в публике, некоторыми выражениями, мною там-сям услышан-

ными, некоторыми обстоятельствами, которые растолковать было можно в дурную сторону... но кто старое помянет, тому глаз вон. Дай бог, чтоб оно не возобновлялось, а началось новое, лучшее, чистейшее.

За подозрение прошу братского прощения.

Ваш *М. П.*

[1853?]

13

Дело уже сделано: вся Москва говорит — [317] след. еслиб Г. Г. * и замолчал, зло не было б исправлено. Поступайте, как хотите, а я Вам повторяю, что лучшее и единственное благороднейшее средство есть то, которое я указал Вам.

Если Г. Г. напишет от себя письмо и отречется от клеветы, разнесшейся по городу, — о это дело другое!

Расстраиваться нечего, повторяю, а надо действовать.

Ваш *М. П.*

Пятница. [1853]

[На обороте:]

Берг будет читать у меня, песни петь, Суббота вечером, в 6 часов. — Милости просим. Пригласите и Садовского, если он не слыхал их у Шевырева. [318] Кстати и поговорим и рассеетесь.

Я получил сейчас письмо из Петерб[урга]. Бедная невеста [319] шла превосходно, пишут.

[На обороте:]

М. Г. Александру Николаевичу Островскому, близ Серебряных бань, в собственном доме.

* Т. е. Горев-Тарасенков. *Ред.*

14

Одно высокое лицо [320] в Петербурге приняло в Вас, кажется близкое участие. Вчера один мой знакомый сказал мне, что получил оттуда письмо с вопросами об [не разборчиво] где между прочим сказано:

«Надо бы обставить его признаками современного» [не разборчиво].

Ответ можно написать какой угодно, т. е.
Остр. находится вот в каком положении,
Желаете того-то,
а особенно поставить на сцену Банкрута
Или что хотите.
Можете приехать ко мне в четверг для подробностей

[На обороте:]
[1853].

А. Н. Островскому.

15

А я только что хотел писать к Вам, получив об Вас неприятное известие, и постучаться в окошко, как зеленый мальчик Жуковского.

Я дома Воскресенье, Понедельник до 2 часов, Вторник сполна, Середу сполна.

Денег может быть дам, но прежде сделайте счет прежнему долгу, и приведите дело

в ясность. Я велел принести выписку о коме[дии].

Если комедию кончили, [321] с чем от души поздравляю, то читайте ее больше у знакомых — у Шевыр. и проч. Это нужно и для того, чтоб ознакомиться самому с нею ближе, а может быть получить и замечания.

Если у меня хотите прочесть, то в середу.

Ваш

М. П.

24 Окт.
[1853?]

[На обороте:]

А. Н. Островскому, у Серебрянных бань в своем доме.

16

После того, что Вы от меня в продолжении четырех почти лет видели, (если впрочем видели), я, кажется, стоял уже на той точке, с которой оскорблений не наносится. Не оскорбили ль Вы меня Вашим тоном? Не оскорбляете ли Вы меня теперь предлагая *журналисту* напечатать комедию [322] Вашу и не принеся *мне* прочесть ее, известную уже пол — Москве? [Бедность не порок]. Или Вы не знали, что сочинение комедии интереснее для меня, чем ее напечатанье?

Вы видите во мне тоже товарища издателям Соврем. или Библиот. и говорите со мной о товаре, более или менее выгодном.

В *таком случае*, лучше принять Вам блиста-

тельные их предложения, от которых я Вас отвлекать не хочу.

А по старому я рад поместить Вашу комедию, еще больше рад прослушать ее, сторицею рад, что она написана, и как слышу, удалася.

Основание в Вас хорошее, но оно до такой степени захламостилось, что до него трудно бывает и добраться. Извините за искреннее замечание, может быть последнее.

Ваш покорный слуга

М. Погодин.

4 Дек. [1853].

17

Получил вчера 150 р. и посылаю половину. Обещают мне дать в Понед., и если получу, то пришлю. Теперь нет возможности.

Письмо посылал, потому что с самого начала не скрывал от вас ничего, никаких слухов, которые до меня доходят.

«Слухи распущены корректорами» [323]. Надо добраться, кем именно и привесть в ясность. Я хочу просить Назимова официально, чтоб он велел произвести строгое следствие (для этого и звал нас на прошедшей неделе) о Банкруте и Нелюдимке ибо об ней пущен так же. Сам я сколько ни расспрашивал ни разыскивал, не нашел ни малейшего доказательства.

Наладил и Уп[лату] и никому из книгопродавцев не велел я, согласно с вами, давать без

денег, а не без уступки. От вас же они взяли без денег и потому, разумеется, предпочитали сношение личное. А теперь и берите с них деньги, как вы пишете! Вот почему я и не велел давать без денег. Все они впрочем 30 лет поступают так, почему я учредил свою контору.

О продаже 2 экз. Москов. из конторы я просил и прошу всеми силами постараться, чтоб сделать очную ставку и уличить.

Гадостям и подлостям несть числа, и я сам говорю, что последнюю неделю, без зубной боли, я был расстроен, как не помню когда.

Приезжайте ко мне скорее, чтобы отвесть душу.

Видя возрастающий успех Москвит. в публике и литературе, как будто в неистовство приходят мои друзья, тайные и явные и говорят и делают, чорт знает что! Да охотники присоединяются к ним! — Какую штуку выкинула Гр. Растоп[чина], вы ужаснетесь. [324] И кто мог ее свести с ума, ибо подобную опрометчивость или легкомыслие нельзя приписать ничему иному. Я не понимаю! Приезжайте же, кроме нынешнего дня.

Конторщик вечером у меня был. Божится и клянется, что чист, а пущенная молва, говорит, завистниками, книгопродавцами и проч. меня просто со света гонят. Все приходят, де, в контору и спрашивают, что у вас делается, ревизия и проч. Я буду просить усылки Забелина, чтоб он занялся поверкою, как можно скорее,

чтобы увидеть все, ибо оставаться в неизвестности и сомненьи для меня становится тяжело. До свидания.

Ваш *М. П.*

3 Июня [1854].

18

На нынешний день в деньгах остановка. Ne detrimenti capias возьмите экземпляров, сколько угодно. Они все в вашем распоряжении. А я может быть завтра успею. Во всяком случае сверх назначенной уступки, не уступайте. Жаль, что время теперь страстное, а не постное. Книгопродавцы будут жаться. Завтра я, верно, буду иметь деньги, но не столько, как вы хотите, а разве 200 р.

[1854?]

19

Еслиб вы знали, в каких я обстоятельствах и что со мною делают, — но об этом после. Непременно достану Вам денег, пришлите завтра поутру. — Сейчас пишу к Шевыреву, прося у него в заем. Ваше письмо мне по сердцу, и я чувствую. А признаюсь — я начал было подозревать. Скажу причины. Я всегда готов был в воду, но жестоко меня выводили из очарования и выводят. Пишу видите как, но потому что целую неделю я в совершенном *расстройстве*. Не мог вообразить, чтоб подобное произошло.

Еще благодарю за доверенность, и будьте уверены, что она к добру. Вчера получил я от кон-

торщика письмо, которое вам посылаю. Подтверждения к подозрениям я не имею никаких. Г. Забелин не заметил никаких даже опасений с его стороны, ни боязни. Начинаю думать, что против него аноним что-нибудь имеет личное. Счета и бумаги все у Г. Забелина. Письмо его возвратите с вашим посланным.

Успокойтесь же. Если мои письма не принесут денег, то после обеда я поеду за ними сам и к утру приготовлю для вашего посланного. Не знаю только, всю ли сумму, потому что на домашние мелочные расходы я не мог выдать вчера ничего. Вот каково. Готов к услугам.

М. П.

Навестить бы Вас, но ведь далеко. Приехали бы вы погостить на неделю в сад.

[1854?]

20

Что вы со мною делаете? я совершенно расстроен. Перевод Кона — лишен всякого смысла; он не знает ни по — русски, ни по английски. Колошин прислал его тетради, а подлинника нет, и нигде найти его не могу. Вас не вижу. Брат его уведомляет, что 7 дней не видит его. Не отыщете ли Вы где Кол[ошина], Спросите у этого ... человека подлинные француз. журналы и Немецкие Indep. Belge и Novelle Zeitung, где помещены переводы Каммерфильда. Книга должна выходить? Боже мой? Ко-ну переводить запретите, и что есть у него, английского под-

линного, возьмите назад! Между тем в воскресенье читает у меня Гр. Рост[опчина]. Приезжайте, хоть тогда.

Я сказал сам, что *во вторник* будут готовы у меня деньги. Они и были готовы, и я сам ждал вас к себе. Сейчас получил известие от вас и увидал, что если вы поутру не приедете, то я привезу вечером к Гр. Р.

P. S. Посылаю записку прежде написанную.

[1854?]

21

Потому спросил, что думал, не сбыли ли вы книг, спросив или денег или экземпляров. Посылаю вам через силу, потому что меня растерзали ожиданные и неожиданные требования и просьбы. Не хорошо сделано, что объявлено. В такую погоду, кто пойдет в лавки. Лучше бы на Фоминой. Берегитесь, закрывайте окошки на глухо, затворяйте двери, протапливайте и тому под.

Кстати попросите и Ник. Вас. [Берга] в середу объявить, а также Л. А. [Мея], а до середы я в деревне.

Прощайте *М. П.*

А записку мою ваш брат не захватил. Впрочем деньги нужнее записки.

Я посылаю потому, чтоб ей не пропадать: написана.

[1854 г.?]

[На обороте:]

А. Н. Островскому.

22

Да что же вы позабыли меня. Надо видется — время важное. [325]

М. П.

21 Нояб. [1854?].

[На обороте:]

А. Н. Островскому.

23

Да что же Вы не уведомили меня о себе? Что Вы и как Вы? Тело и дух? Отчего не прислали экземп. в Петербург? Как пошла Невеста? [326] Довольны ли Вы? Публика? Друзья? Враги? Что теперь делаете и пр.

Я уведомлю о дне свиданий. Теперь я с дороги еще не отдохнул. К Пис[емскому] напишу. *М. П.*

Уведомьте меня о Писемском: что с ним делается, и что он делает?

[Между строчек рукою А. Н. Островского:]

Михайло, Михайло, занимаюсь.

[Октябрь, 1855]

24

Я вам сказал уже, что без ваших условий, узнав о вашем положении, я готов, пока могу, выдавать вам по 50 р. сер. в мес. [327]

Статьями вашими с именем, полагаю, вознаграждение maximum Отеч. Записок платящих

50 р. сер. за лист, вдвое больше нашего, след. 25 р. сер.

Если Вас станет хоть на десять журналов, то я буду очень рад за себя и литературу русскую, и считаю себя [в всякое сам выше произведение] [не разб.] видеть предварительно и отпускать на чужую сторону, как места нет у себя, или возможности.

Жур. я отдавал сам вначале, но эти господа нового понимания с... логикою хотят видно, чтоб я платил и клал деньги, кроме положенных, и плясал по их дудке, молчал под их музыку, а они будут делать что хотят, получать будущие выгоды и настоящее вознаграждение да еще называть их пожертвованными.[327]

Да благослови их бог вместе со всеми благородными рыцарями О. З. и Соврем.

Для журнала я должен сам искать других средств новых, но личное мое, литературное, обязательство остается во всей спле. Еже сказах, сказах.

Я написал теперь все кажется ясно и решительно по Вашему желанию.

Ваш *М. П.*

Библ[иотеку] для Чтен[ия] непременно поскорее. К понедельнику нужно еще разбор Тюфяка.[328] Кто напишет из вас.

[На обороте:]

М. Г. Александру Николаевичу Островскому.

[Февраль, 1856.]

25

Публика разъохотилась и пристает, чтоб чаще были собрания. Вы хотели потешить ее чтением новой своей пьесы. Для нее это будет большое удовольствие, не без пользы и для вас. Нельзя устроить это чтение в Воскресенье. В таком случае дайте ответ *ныне же*, и мы напечатаем объявление в газетах. Если б предварительно заглянули вы ко мне с пиесой, то это было бы хорошо, потому что может быть понадобится о чем-нибудь посоветоваться. Ныне я дома, о завтра дам знать. Что нового в Петербурге? [330]

Ваш *М. П.*

11 Ноября [1859?].

[На обороте:]

Милостивому Государю, Александру Николаевичу Островскому, близ Серебряных бань, в собственном доме.

26

Пишу с оказией.

Прочел с удовольствием.

Картина верная и живая.

Подмечено многое мастерски.

Язык отличный.

Ну вот толкуют у нас о книгах для народа. Пусть напечатают Минина [331] в 100 тысячах экз.

Экземпляр станет меньше 8 коп., автору 2 коп. с экз. Книгопродавцам по 2 коп. с экз.

Итого экз. можно продавать по 12 коп. или даже по 10. Из замечаний — надо изменить Кухню, попробуем, нечто (где-то в конце стиха)? Да зачем говорить, что выбор от всей Русской земли «и внуки не услышат».

Как хороша будет Косицкая в Марфе Борисовне.

Исполать.

Ваш *М. П.*

Середа [1861].

[На обороте:]

Милостивому Государю Александру Николаевичу Островскому, близ Серебренных бань, в своем доме.

27

Рекомендую Вам молодого автора, Николая Ивановича Иванова, которому принадлежат *Похождения Скулонина*. Потолкуйте и подайте Ваш совет. Давай бог нам больше талантов. Поспросите и проч. и проч. Да не забудьте рецензий.[332]

Ваш покорный слуга *М. Погодин*.

5 Апр. [1861?].

[На обороте:]

Его Высокородию М. Г. Александру Николаевичу Островскому у Николы в Воробине в собственном доме.

28

Вы совсем забыли Общество Л. Р. С., любезнейший Александр Николаевич, а оно ведь, как рамка, может приносить пользу, да и приносит. У Вас есть что-то новенькое, я слышал. Не прочтете ли Вы отрывок в заседании. Мы предполагаем его в будущее Воскресенье, 17 Января. Ожидаем благосклонного ответа.

Ваш

М. Погодин.

6 Янв. [1854 — 1866]. [333]

29

Не тряхнуть ли нам стариною. Загляните ка ко мне, любезнейший Александр Николаевич, одни или с Писемским. Я всегда дома. Надо поговорить. Выходит такая линия.

Ваш

М. Погодин.

21 Янв. [1866?]

29 а

Или вы не получили моего письма. Я звал Вас к себе. Крайне нужно для общего дела. Ведь стыдно быть так неподвижну.

Ожидаю одного или с Писемским.

Ваш

М. Погодин.

28 Янв. [1866?]

[На обороте:]

Милостивому Государю Александру Николаевичу Островскому, у Николы в Воробине, в своем доме, близ Серебренных бань.

Полонский, Яков Петрович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Спасибо Данилевскому, я знаю теперь адрес ваш. Многое множество разных литературных повестей привез он к нам в Питер по железной дороге. Как посравнишь вашу Московскую цензуру с нашей — то и кажется, что в Москве благодать, *царство небесное*. — Непременно постараюсь в Декабре или Январе навестить вас. Скоро ли будет напечатана ваша новая комедия.[334] — Дай бог, чтобы она закрыла рот многим из числа здешних литераторов, из которых с одним только Никитенко я и мог сойтись. Около здешних Краевских, Старчевских и т. под. какая то слишком тяжелая атмосфера. Сидят все они у себя дома в кабинете или ходят по Невскому — они хоть и не носят подобно Петрушке Гоголя всюду свой собственный запах,—но заставляют подозревать его и гордятся им... Чтобы могли судить вы о том, с каким, например, пренебрежением редактор Библиотеки для Чтения, а именно Старчевский, отзывается о Шекспире. Выписываю несколько строчек из письма его к одному переводчику Тита Андроника.

Он пишет:

> «В последнем (5) акте надо повести дело так, чтобы в то время, когда Тит дает пир, на котором хочет погубить всех своих врагов, из Рима

явился гонец и объявил, что Сатурнин узнал всю истину, открыл *невинность андроникова рода, и* чтоб вознаградить всю несправедливость и передать Титу виновников всех бед. — Мало того, Сатурнин просит забыть все прочие несчастия и чтоб загладить их награждает сына Тита Люция первым сапом в государстве. — Андроники *должны* забыть все — назначить казнь *негодяям — вознести до небес* правосудие Сатурнина и возвратиться в Рим, где, разумеется, Сатурнину *подобает* принять их со всем великодушием. Во всяком случае ни Сатурнин, ни Тамбред *не могут* быть выявлены с другой стороны. Если бы теперь самому Шекспиру *пришлось печатать свою драму в Б[иблиотеке] для Ч[тения], то и он верно не поспорил бы и передал все по нашему*».

Как вам это нравится?.. И будто есть какая-нибудь возможность иметь какие-нибудь дела с подобными литераторами. Не только говорить — кланяться им совестно. Единственный человек в Петерб. из числа пишущих, с которым сошелся я — это А. Н. Майков. Жаль, что теперешних стихов его нельзя печатать.

Пожалуйста, уведомьте меня — некто Г-н Кублицкий передал ли в редакцию Москвитянина моего Дареджану. [335] Ко мне никто не хочет писать из Москвы — ни Григорьев, ни Кублицкий! — не знаю даже, чему приписать их молчание — безответственность, в котором всего красноречивее пренебрежение, которого ни в каком случае я не заслужил еще. Если Кублицкий передал драму Аполлону Александровичу, то, вероятно, вместе с ней передал и мои условия, изложенные мною на особой бумажке.

Будьте так великодушны, удостойте меня вашим ответом. Пишите мне прямо без всякой деликатности, что вы не принимаете моего Даре-

джану — если только видите невозможность ее напечатать или если она вам не нравится.

Кланяйтесь от меня безответному Григорьеву и Щербине

Остаюсь

Ваш покорный слуга

Я. Полонский.

10 Ноября, 1851 г.

Выписываю вам одно из последних стихотворений, навеянных на меня Петербургом.

ВРЕМЕНИ

Зачем до сей поры тебя изображают
Каким-то стариком, тогда как у тебя
Лишь только крылья отрастают,
О время, — вечности бессмертное дитя.
Счастливый грек тебя, как смерти, ужасался:
Он в руки дал тебе песочные часы,
Косой вооружил и в страхе повергался
Пред лезвием твоей сверкающей косы.
А мы среди своих попыток и усилий,
Склонив перед тобой бесславное чело,
Твердим: когда-нибудь *авось* погибнет зло
От веянья твоих неслышно-мощных крылий.
Лети скорей!
Нам в душу новыми надеждами повей
Иль уж губи всех тех, которым ты пророчишь
Один бесплодный путь — и делай все, что хочешь...

Скорей мое чело морщинами изрой,
И выветри скорей с лица румянец мой,
И обреки меня холодному забвенью.
Что за беда? Другому поколенью,
Ты наши тайные молитвы передашь,

Твердя ему в урок удел печальный наш.
Своекорыстие — и все, что сердце губит,
Невежество — и все, что гасит ум,
Мне беспрестанно в уши трубят
Живи без чувства и без дум.
Вполне постигли мы бесплодие стремленья
К добру — к отрадному сочувствию людей,
И к людям, выстрадав насмешку и презренье,
Мы говорим одно в порыве нетерпенья —
О время! улетай скорей!

2

С.-Петербург
Ивановская улица,
дом Гуро, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Я был в Москве — но по поводу завещанной мне библиотеки попал в такое темное царство, что никак не мог выкарабкаться, чтоб попасть к Вам и засвидетельствовать Вам не одно мое почтение, но неизменное дружеское расположение.

Вы также, говорят, были в Питере — а я все таки не видал Вас — даже не знал, что вы были здесь.

В Москве — кроме хамства — была такая погода, такие ухабы — и так были дороги извощики — что в то время попасть к вам или решиться ехать, не зная наверное застанешь ли Вас дома, было бы чем-то в роде подвига, а я был так измучен судами, опекой и полицией,

так разбит физически, что ни на какой подвиг не был способен.

Не помню, кто-то еще в Москве говорил мне, что для Общества Драматических писателей вы не прочь купить библиотеку покойного Кублицкого, так как в ней по части театров немало в..ческих материалов—и едва ли не полное собрание всех лучших драматических писателей, начиная с Шекспира.

Если это правда — то откликнитесь.

В настоящее время все книги уложены в большие короба (счетом 12), опечатаны печатью судебного пристава и находятся в сухой и поместительной кладовой в доме Е. С. Полякова, на Тверском бульваре, где земский банк.

Чтобы опять ехать в Москву снять печати и описать, чтоб составить список книгам, у меня нет теперь ни средств, ни времени. На все это можно еще решиться, если будешь знать, что библиотека эта покупается.

Надо Вам сказать, что всех книг — по крайней мере 2000 — из них на половину — дорогие издания и в переплетах. — Так, например, издание драматических произведений Вольтера с костюмами, в каких игрались на сцене его произведения, и с его портретом — по справке, стоит в Париже около 50 франков. — Издание Шекспира — тоже одно из самых дорогих. За библиотеку эту я бы взял с Вас не более 1200 рублей — Двести рублей я потому прикладываю, что одни хлопоты мне уже стоили слишком 300 — а если еще раз съездишь в Москву — то и еще, пожалуй, убьешь рублей 100. За сим не распространяюсь. В чем дело — ка-

жется ясно — остается заочно пожать Вам руку и просить не забывать.

Вам преданный *Я. Полонский.*

Если вы не желаете купить,[336] то при случае спросите Н. Рубинштейна, не купит-ли консерватория?

[1876]

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

В ответ на Ваше письмо и в ответ на Вашу готовность помочь мне продать библиотеку Кублицкого, я собирался сам ехать в Москву — быть у Вас и заняться составлением каталога,— но на такую поездку не хватило средств и не хватило времени.

Таким образом, я попрежнему остаюсь между двух невозможностей, ибо не имею *возможности* поместить завещанные мне книги у себя на Петербургской квартире, и не имею *возможности* продать их за неимением каталога.

Хватаюсь, как утопленник (в море безденежья), за два предложенья.

На днях я слышал, что в Москве есть некто Якунин — старый приятель Кублицкого, который не раз пользовался его библиотекой, — ибо тоже писал о театре. В настоящее время он сотрудник журнала «Дело» (критик тоже по части театров) и, как говорят, человек очень дельный и порядочный. — Не знаю, знаете ли Вы его. *Предполагаю,* что знаете, и если знаете, не можете ли Вы попросить его составить этот ката-

лог — (Мне кто-то сказал, что он охотно бы взялся за это дело). И если он за это возьмется, да еще охотно, то дайте мне знать, я дам ему письмо к Я. С. Полякову с просьбой выдать ему мои ящики. Итак, вот первое предположение.

Второе предположение. Смею ли я предполагать, что Общество Драматических писателей купит у меня эту библиотеку, без каталога. — Если с требуемой мною суммы, я сбавлю рублей полтораста.

Вот все, что я хотел передать Вам, многоуважаемый Александр Николаевич.

Не зная Вашего адреса и это письмо я должен буду послать к Вам через посредство брата моего, служащего в Московской Палате, которого рекомендую Вам, как доброго и честного человека. Причем усердно прошу Вас, если будете в Питере — и не захотите сами ко мне заехать, то хотя дайте мне знать, где вы остановились, чтоб я мог лично засвидетельствовать Вам мое дружеское к Вам расположение.

Скоро пришлю к Вам на суд новый сборник моих стихотворений.

Не прощайте,
до приятного свидания,
остаюсь
Ваш
Я. Полонский.

1876 г., 6 Января.

Мой адрес

СПБ: На Ивановской ул. дом № 9. Гуро — квартира *№ 16*.

4

СПБ.,
Ивановская ул., № 9,
Гуро, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Не ведаю, дошло ли до Вас мое письмо с визитной карточкой. Оно было такое нужное для того дела, о котором и я и Вы хлопочете, что право было бы очень досадно, если оно пропало на почте.

Будьте великодушны, сжальтесь над моим томительным ожиданием решить вопрос: куплена или не куплена библиотека?

Может быть изобилие иностранных книг помешает Вам решиться купить библиотеку, но иностранных книг едва ли не меньше, чем русских — так по крайней мере мне кажется.

Может быть, в конце этой недели в Москву поедет издатель и редактор *Недели* — и заедет к Вам. Он очень желает с Вами познакомиться, и я Вам заранее рекомендую Г. Гайдебурова, Павла Александровича, как весьма хорошего человека.[337] Вместе с ним Вы получите первую часть моего Сборника. «Озими».

Не будете ли сами в Питере на Масляницe?
Если будете — то увидимся ли мы.

Я болен — нога болит и почти что никуда не выхожу — Карман же мой еще больнее.

Но до свидания
Вам душевно преданный
Я. Полонский.

4 Февраля, 1876 г,
СПБ,

5

СПБ.,
Ивановская ул., № 9,
Гуро, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Рекомендую Вам Павла Александровича Гайдебурова, который был так мил, что взялся лично передать вам Озими (пока еще 1-я часть).

Не взыщите: чем богат, тем и рад. Дорого бы дал, чтоб написать, вам в подражание, хоть одну комедию, да таланта не хватает.

Получили ли Вы письмо мое?

Не передать [?] ли Павлу Александровичу какой-нибудь ответ.

Я сижу на бобах — или лучше сказать, сижу у моря и жду погоды.

Не здоровится, плохо пишется — да и печатать негде, — а жалованья не хватает на квартиру на [*неразборчиво*].

Дай Вам бог всего хорошего.

Истинно Ваш
Я. Полонский.

1876
7 Февр.

6

8 Февраля 1876 г.
СПБ., Ивановская,
д. № 9, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Пишу к Вам лежа — так как мне, по милости моей ноги и вставать не позволено.

Сегодня получил я Ваше письмо, за которое спешу искренно поблагодарить Вас и, как вполне им удовлетворенный, прошу Вас извинить меня за другое письмо, которое уже я воротить не могу, и которое поехало к Вам с *моей книжкой*, вместе с Г. Гайдебуровым, и теперь находится на дороге в Москву.

А извинить меня прошу потому, что в этом невозвратимом письме я прошу вас сообщить Г. Гайдебурову именно то самое, что Вы мне пишете.

Очень рад, что выбор Ваш пал на А. А. Майкова. Лучшего судьи и оценщика по части книжной мудрости трудно себе и представить.

Я очень хорошо понимаю, что библиотека моя не куплена, не покупается, а только составляет для общества вопрос: купить ли ее?

А что я желаю, чтоб она была куплена, это понятно по той простой причине, что у меня в квартире для нее и места нет — куда девать мне 5 больших шкапов, из которых каждый был выше меня ростом и которых полки были уставлены в 2 ряда книгами. (У меня и без того три шкапа с книгами — с меня довольно.)

Очень доволен я собою за то, что в мои ящики не поместил хламу, т. е. старых календарей, — разрозненных журналов и т. под., все это я свалил в особенную кучу, еще на квартире Кублицкого и отдал в полное распоряжение его женщины, той, которой он завещал свою мебель.

И очень недоволен собой, что не увез с собой одной библиографической редкости, а именно— тетради с рисунками, относящимися к царство-

ванию Александра I под заглавием: «Смех и горе».

Здесь даже библиофилы не знают, что было такое издание.

Будет и мне смех и горе, если моя библиотека не будет куплена. — Впрочем, что будет, то будет.

До свидания.

Остаюсь

Вам преданный

Я. Полонский.

7

С.-Петербург,
Ивановская ул., № 9,
Гуро, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Мою смелость решиться надоедать Вам (опять писать к Вам,) припишите моей болезни, которая не выпускает меня на свежий воздух и разобщает с обществом, припишите, наконец, моему безотрадному безденежью — и тем небольшим долгам, которые, как кошки, скребут меня за сердце.

И первая, и 2, и 3-я недели Великого поста прошли; — а на чем порешило общее собрание в обществе Драматических писателей — приняли или отвергли Ваше предложение купить мою библиотеку? — не знаю.

С каким бы великим удовольствием пожертвовал бы я Обществу Вашему все эти книги, — — но не суждено мне дарить себя минутами такого удовольствия.

Мое пожертвование было бы очень похоже на фанфаронство — и быть может заслуженные упреки посыпались на бедную мою голову.

Как мне жертвовать, когда одному Некрасову я должен 125 рублей, когда этот долг томит меня, так как в отношении к Некрасову я нахожусь в каких-то натянутых отношениях, мне совершенно не понятных, так как я ничем не виноват перед ним.

Как мне жертвовать, когда за квартиру должен за 2 месяца!

Во всяком случае — Вам, как психологу-писателю, будет понятно, что для меня гораздо будет легче знать, что библиотека моя не будет куплена, и чтоб я на эти деньги не рассчитывал, чем находиться в неведеньи и волновать себя напрасным ожиданием.

Значит, во всяком случае куплена или не куплена моя библиотека — ответ Ваш будет для меня приятнее совершенного на этот счет неведенья.

Если будете писать ко мне, уведомьте, как Ваше здоровье. Гайдебуров говорил мне, что Вы не со всем были здоровы, когда он был у Вас.

Завтра или после завтра вышлю Вам по почте 2 часть моих «Озими».

Дружески жму Вам руку и остаюсь

Ваш искренно преданный

Я. Полонский.

6 Марта
1876.

8

СПБ. Ивановская ул., д. № 9
Гуро, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

На прошлой недели в пятницу был у меня П. Д. Боборыкин, и я узнал от него, что в собрании Общества Драм. Писат. в Петерб. решено большинством голосов не покупать библиотеки Кублицкого до рассмотрения каталога этой библиотеки.

Значит, дело это я считаю для себя совершенно проигранным. Если бы я и составил каталог, то — раньше будущего великого поста — все таки решено это дело не будет — а до будущего года я не могу оставлять этой библиотеки в чужом доме — в чужой кладовой — стало быть, волей не волей, перетащу ее в Питер и постараюсь распродать — хоть по частям.

Мне очень жаль, что о здешнем Петербургском собрании я ничего не знал заранее — иначе бы мог послать в это собрание кое-какие разъяснения — наконец, я бы на то согласился, чтоб общество, купившее библиотеку, если оно найдет по рассмотре книг, что заплатило за них слишком дорого — вернуть ему часть уплаты.

Теперь же, если Общество, действительно, решит иметь свою библиотеку, то оно упускает случай купить самую для нее подходящую. Кублицкий был театрал, воображал себя знатоком искусства, критиком, и всю жизнь помышлял о том, что[бы] написать историю драмати-

ческого искусства, всю жизнь ездил по всей Европе и имея средства, покупал книги по большей части касающиеся его любимого предмета — театра и музыки. — Покупал, разумеется, не зря, а по указанию заграничной критики. — На дорогие издания он не был скуп — и думаю, чтоб Вашему обществу собрать такую библиотеку — ему надо столько же ездить или шляться по Европе, сколько шлялся покойник — (так как в наших книжных лавках многого и не найдется).

Одним словом, и общество ваше упускает случай, и я страдаю. Вместо того, чтоб уплатить кое-какие долги и с спокойным духом приняться за работу — я по неволе должен буду еще занимать — (иначе и с квартиры выгонят) и нести на душе тяжелое бремя одолжений.

Неудача моя нисколько однакоже не ослабляет во мне чувства признательности, и я всегда буду искренно благодарен Вам за участие в этом деле — за его почин и хлопоты.

Пишу к вам это письмо лежа — так как все еще болен, и нога моя нуждается в совершенном покое.

Буду очень рад, если дождусь от вас, хотя одной строчки — в ответ на это послание. — Это будет для меня лучшим утешением в моей неудаче.

Но прощайте, до свиданья

Вам преданный

Ваш *Я. Полонский.*

1876. 15 Марта.

9

СПБ.,
Ивановская ул., № 9,
Гуро, кв. № 16.

Многоуважаемый
Александр Николаевич!

Посылаю вам такое тяжеловестное спасибо, что если бы Вы продали его на вес золота, Вы бы сделались миллионером. — Мысленно краснею и досадую на бесполезность моей благодарности.

Извините меня за такие фразы. Ваше письмо было для меня совершенной неожиданностью — Все эти дни я был в унылом настроении духа — сами посудите — лежать, не иметь возможности спуститься с лестницы, каждый день ждать управляющего домом и думать — откуда бы достать денег, ну хоть в хозяйство двух сот рублей? — и вдруг получить письмо, которое дает мне уверенность, что руки мои — (а главное совесть) будут совершенно развязаны. — Да это, как хотите, приводит в некое лирическое настроение.

В особенности мне приятно думать, что П. Д. Боборыкину я могу показать нос. В прошедшую пятницу он был убежден, что дело мое проиграно и — откровенно сознавался, что он — главный виновник моей неудачи.

Будь я здоров, быть может я сам бы приехал в Москву и помог бы Обществу привести в порядок эту библиотеку. На этот расход

я мог бы рискнуть, имея в виду получение денег; — но что прикажете делать. Даже на службу не могу выехать.

Благодарю Вас за желание ускорить выдачу денег.

Я просил Вас когда-то выдать деньги Полякову для пересылки мне — (взявши с него расписку в получении для пересылки мне.), но — я на это[м] не настаиваю, поступайте, как знаете. Может быть Вам будет удобнее выдать мне эту сумму через какую-нибудь С.Петербургскую Контору — или прямо прислать на мое имя. — Хоть я сам и не в состоянии ехать в почтамт, но могу дать моей жене доверенность.

По получении же от Общества официального извещения о покупке, я тотчас же пошлю к Вам письмо к Полякову с прсьбой выдать предъявителю письма все 12 ящиков.

На-днях примусь опять за мой роман, так как теперь есть надежда нанять писаря и его переписывать.

Если же удастся мне когда-нибудь и как-нибудь написать драму или комедию, то буду просить Вашего позволенья посвятить оную вашему имени.

Боюсь, что я уже порядком надоел Вам своими письмами — обещаюсь не писать, если только Вы дадите мне обещание быть у меня, когда приедете в Питер.

2-ю часть *Озими* не мог послать, потому что издатель Банашев не шлет мне обещанных экземпляров — не шлет да и только.

«Озими» по крайней мере та часть, которая вышла, отлично раскупается. — Авось издатель,

заплативший мне за право издания 200 рублей, в убытке не будет.

Но прощайте, до свидания.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь

Вам по гроб преданный

Я. Полонский.

1876, Март 17.

10

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Задали Вы мне задачу! — Написать заявление не мудрено, но куда послать его — В Московский комитет или СПетербугский? — где его зерно или корень, где адрес, наконец. Я ничего этого не знаю и что всего тяжелее — не могу никуда выдти, ни выехать, — чтобы спросить кого-нибудь или сделать справку.[338]

Бурдин, вероятно, уже в Москве. Он был у меня вечером в прошлое воскресенье и хотел вчера, т. е. в понедельник, выехать. — Я с ним послал к Вам 2 книжки «Озими». Вам же на всякий случай посылаю мое заявление, решите, годится оно или не годится — можете вы сами от моего лица послать это заявление, куда следует—или не можете. Полагаю, что вы, с своей стороны, можете заявить комитету, что, не зная адреса комитета, я это заявление прислал на ваше имя.

Кроме Бурдина, старого моего приятеля, я ни с кем не пускался в разговоры о библиотеке, да меня никто и не спрашивал. — Если же бу-

дут вопросы и расспросы, буквально, поступлю так, как Вы мне советуете.

Между нами скажу Вам, добрейший Александр Николаевич, что мне было бы отраднее получить к праздникам 1050 рублей, чем 1200, бог знает, еще когда — Я никогда еще не был в таком стесненном положении, как в настоящую минуту — и не по своей вине, а по стечению разных обстоятельств.

На-днях был управляющий домом—и заявил мне, что в конце этой недели ему будут нужны деньги для расплаты за дрова, и чтоб я заплатил ему за два месяца 126 руб. — Я обещал, стало быть придется опять заплатить. Не лежи я с гипсом на колене, имей возможность двигаться, мог бы еще достать на время эти деньги, а то, волей не волей, придется прибегать к переписке — тяжело очень тяжело. Но прощайте, до свиданья! Еще раз от всей души благодарю Вас за *дружбу*.

Заочно обнимаю Вас
и остаюсь
Весь Ваш *Я. Полонский.*

Марта [1876]

11

Ивановская ул.,
д. № 9, кв. № 16.

Христос Воскресе.

Целую Вас заочно и поздравляю с завтрашним праздником (сегодня суббота). Праздник этот был бы для меня хуже всякого будничного дня, если бы не Вы — и — не ниспосланный от

Вас архангел Бурдин — с задатком в кармане, 300 руб. получил и благодарю Вас не столько за себя, сколько за своих чад и домочадцев. И Алька, и Наташа, и нянька, и горничная, и кухарка, если завтра утром получат подарки, то за эту благодать должны сказать спасибо Вам и Вашему благовестнику.

Вчера был у меня Н. Н. Страхов и принес мне 1-ю часть своего издания сочинений А. А. Григорьева.

Снова принялся я его перечитывать и вникать.

Я знал Григорьева, как идеально благонравного и послушного мальчика, в студенческой форме, боящегося вернуться домой позднее 9 часов вечера, и знал его, как забулдыгу. — Помню Григорьева, проповедующего поклонение русскому кнуту — и поющего со студентами песню, им положенную на музыку: Долго нас помещики душили, становые били! [339] Помню его не верующим ни в бога, ни в чорта— и в церкви на коленях молящегося до кровавого пота. — Помню его, как скептика и как мистика, помню его своим другом и своим врагом.—Правдивейшим из людей и льстящим графу Кушелеву и его ребяческим произведениям!

Одним словом, — чем больше я думаю о Григорьеве, тем более понимаю, от чего, несмотря на свой громадный критический талант, он в литературе не оставил почти что никакого следа, т. е. имел так мало людей, которые были бы способны вполне понимать его. — Самая внезапная смерть его, чуть ли не с гитарой в руках — минута трагическая.

Вы знали его ближе, чем я, и несомненно во 100 раз лучше меня его понимали.

Не попробуете ли Вы когда нибудь воссоздать этот образ в одном из Ваших будущих произведений? — Григорьев, как личность, право, достоин кисти великого художника. К тому же это был чисто русский по своей природе,. — какой-то стихийный мыслитель, невозможный ни в одном Западном государстве. [340]

Но прощайте, до свидания
Остаюсь
Вам душевно преданный
Я. Полонский.

1876. 3 Апреля.

Потехин, Алексей Антипович

1

Милостивый Государь
Александр Николаевич!

Ради бога, исполните Ваше обещание, выкупите меня из беды, помогите сдержать честное слово, данное во имя надежды на литературу. Я говорю о деньгах, которые Вы обещали прислать мне; ради бога, поскорее! мне нужно по крайней мере 250 р. сер., чтобы уплатить самые нужные долги. Александр Николаевич, я не решусь сказать Вам, что вознаграждение со стороны Москвитянина за литературные труды весьма ограниченно, хотя и сказал бы это Михайлу Петровичу; но я прошу Вас, ради на-

ших приязненных отношений, во имя Вашего расположения ко мне, которым я горжусь, помогите мне в настоящем случае. Право, мне горько будет хоть одним своим произведением принадлежать не Москвитянину, но не мудрено, что я должен буду решиться на это *по небходимости*, если Вы не поможете мне. Хотите верьте или нет, но я скажу Вам правду: я благодарю бога, что попал в круг сотрудников Москвитянина, что начинаю понимать их интересы, их стремления и, может быть, своими слабыми трудами буду сколько-нибудь участником в достижении преследуемых Вами благих целей. Общество Ваше лучшая для меня школа: я чувствую, как взгляд мой на великое дело искусства развивается, благородится... Но я говрю все это не для того, чтобы подвинуть Вас исполнить мою просьбу; надеюсь, мне не нужно Вас уверять в этом, если Вы хоть сколько-нибудь порядочно думаете обо мне, но я не могу не высказать Вам этого, тогда как говорю всякому кто меня знает и интересуется моими литературными занятиями.

Роман свой я кончил,[341] но он теперь переписывается; пришлю его очень скоро в августе месяце с братом своим. Я желаю, чтобы он был напечатан в сентябре или октябре месяце.

До 1-го сентября я в отпуску и, если бог поможет, надеюсь написать еще кое-что уже вполовину обдуманное.

Пишите мне что-нибудь; здесь я живу в совершенном неведении, что делается. Ожидаю с нетерпением Вашего приезда и, надеюсь, Вы не лишите меня удовольствия видеть Вас, если

будете в наших краях. Будьте здоровы, добрый Александр Николаевич, и еще раз прошу Вас: исполните мою покорнейшую просьбу и, если можно, поскорее.

Евгению Николаевичу и Катерине Алексеевне, а также всем меня помнящим, потрудитесь передать от меня низкий поклон. Искренно Вам преданный и покорный слуга

А. Потехин.

23 Июля, 1853 г.
Кинешма.

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Несмотря на то, что письмо мое к Вам, посланное недели три назад с просьбою об исполнении Вашего обещания, осталось без всякого привета и ответа, я посылаю свой роман для Москвитянина: [342] не хочу отставать от тех, кого полюбил всей душою.

Я желал бы, чтобы 1) этот роман был помещен в октябрьской или ноябрьской книжке; 2) сверх платы за него я прошу напечатать — 300 отдельных экземпляров романа в мою пользу с тем, чтобы они продавались в книжной лавке Москвитянина. Согласен, чтобы редакция, если пожелает, напечатала известное количество экземпляров в свою пользу, но чтобы следующие мне экземпляры продавались сначала. Цену за экземпляр назначаю 1 руб. сер. — Вместе с тем я повторю прежнюю свою просьбу: ради бога, выхлопочите мне и пришлите поско-

рее денег целковых 250, я крайне нуждаюсь. Александр Николаевич, вспомните и обо мне хоть *один раз* за то, что я *всегда* Вас помню. Для Москвитянина у меня готовится и дошел уже до половины новый труд, а какой, право, боюсь и сказать Вам, образец и страшный судья: пишу драму и... о ужас, в 5 действиях, из которых три уже написаны, а последние два почти совсем созрели в голове.[343] Как я осмелился начать эту вещь, уж и не знаю, но помню только то, что меня поощряли слова Александра Николаевича, сказанные в Москве: отчего не попробовать?.. Пробую силы, но не знаю, что выйдет. Пока скажу только, что в числе действующих лиц есть и Зосима, ваш знакомец по последнему посылаемому при сем роману—роль прекрасная для Прова Михайлыча, и что драма эта есть продолжение романа—*Крестьянка*. Анпушка также на сцене, но все остальные лица новые.

После последней моей поездки в Москву до настоящего времени я в отпуску и жил в Кинешме, рад бы и нужно бы теперь побывать в белокаменной, да, признаюсь Вам, решительно не на что. Пожалуйста, помогите же мне, схлопочите хоть сколько-нибудь рублевиков. Письмо это Вам доставит мой брат, поступающий в Университет. Пожалуйста, ради меня, приласкайте его; душа добрая, горячая, любовь к литературе искренняя, только еще очень юн и неразвит. Ваше внимание и общество много может сделать для него доброго во всех отношениях. Вы обещали мне схлопотать для него урок; не забудьте при случае, пожалуйста, Что

еще сказать Вам, добрый друг мой? Будьте здоровы и порадуйте нас чем-нибудь новеньким, пожелайте и мне успеха. Я, слава богу, здоров. Поклонитесь за меня и поцелуйте всех ваших.

Преданный Вам искренно

А. Потехин.

21 Августа, 1853 г.

[На 1-й стр. с боку]:

Корректуру романа [344] первую поручаю брату, а вторую прошу прислать ко мне в Кострому.

3

Любезный друг,
Александр Николаевич,

Тебе известно уже, что на статью Искры, оскорбляющую имя Писемского, приготовляется протест, который должен быть напечатан на первой неделе великого поста. Вот слова протеста: «В 5-м нумере Искры, под рубрикою: «Хроника прогресса» напечатана в высшей степени грубая и неприличная статья, написанная с явною целью предать поруганию и опозорить имя Писемского, литератора, пользующегося заслуженною известностью и уважением. Само собою разумеется, что подобная статья не в силах оскорбить г. Писемского, мы уверены также, что публика поймет и оценит ее настоящее значение; но по чувству уважения к нашему общему литературному делу, унижаемому подобными выходками, мы, нижеподписавшиеся, считаем

себя обязанными выразить печатно наше полное негодование на упомянутую статью Искры и наше глубокое сожаление о том, что великое дело сатиры, за которое взялась Искра, злоупотребляется ею так недобросовестно и нечестно, а следовательно и во вред общественному развитию». — Может быть, редакция протеста несколько изменится, но основная мысль (протеста) останется та же. Среди большого числа лиц, подписавшихся под этим протестом, находятся уже имена Гончарова, Майкова, Анненкова, Дружинина и Максимова. Говорю о них потому, что сам возил к ним протест и могу засвидетельствовать с какою готовностью и полным сочувствием они его подписывали. Затем протест будет подписан всею редакциею (и сотрудниками) Русского Слова, Отечественных Записок, Библиотеки для Чтения и Русского мира; о прочих редакциях еще не знаю: подписка продолжается не только чрез одного меня. Уведомь, пожалуйста немедленно: позволишь ли ты поместить свое имя в числе подписавших протест, рядом с названными мною именами наших общих уважаемых знакомых и приятелей. Без сомнения, ты не откажешься стать на сторону людей, взявших на себя защиту правого дела и против оскорбителей чести нашего друга Алексея Филатыча, но для того, чтобы подписать твое имя, нужно от тебя полномочие, о котором и прошу тебя. Уведомь же меня поскорее. [345]

Всей душой тебя любящий и глубоко уважающий

Алексей Потехин.

Мой адрес: у Александринского театра, в Толмачевском переулке, дом Афанасьева, квартир[а?] № 15.

12 Февраля, 1862 г.

4

Не сердись на меня, ради бога, не сердись, добрый и уважаемый друг Александр Николаевич, за мое продолжительное молчание. Ты сейчас увидишь, что я не так виноват пред тобой, как тебе, может быть, кажется. Тотчас, по получении твоего письма, я искал случая встретить где-либо Серова, ехать же к нему не мог, потому что он живет на другом от меня конце города, а здоровье мое было таково, что дальние поездки доктор строго воспрещал. В этих поисках, к сожалению, напрасных, прошла целая неделя. Затем я написал к Серову письмо с объяснением твоего желания, но ответа не получил. Вчера, наконец, я отправился к нему, на квартиру, но застал только жену: из разговора с нею оказалось, что Серов с ответом на твой вопрос каждый день собирался ко мне и, может быть, был, но не застал дома. Впрочем теперь, кажется, он сам намерен писать к тебе. [346]

Из желания сообщить тебе что-либо, по другому вопросу, я нарочно ездил к директору, [347] но он принял меня так официально и с такою вежливо холодностью, или наоборот, что я не имел даже возможности спросить его и выведать что нибудь о тебе.

Грустно тяжело мне было читать твое письмо, полное основательного и законного с твоей стороны, негодования, но, к сожалению, я ничего

не могу сказать тебе утешительного о нашем русском театре: нет для него в виду никаких хороших надежд при тех порядках и взглядах, какие существуют. Скажу тебе один только факт: набирают новых красивых актрис с условием, чтобы они играли одних только барынь и французских маркиз и кокоток. Это не слух, а факт. Чего же ждать от этого народа, распоряжающегося нашим делом? Я все надеялся быть в Москве и повидаться с тобою, но может быть не удастся, и потому посылаю это письмо. Будь здоров. От всего сердца желаю тебе бодрости духа и сил на труд.

Искренно тебя уважающий
и любящий *А. Потехин.*

18 Генваря, 1870 г.

5

Любезный друг,
Александр Николаевич,

Спешу тебя уведомить, что виделся с Серовым и лично передал ему твое желание. Он просил меня передать тебе, что со своей стороны совершенно согласен на предполагаемую тобою переделку сцены для напечатания.

Полагаю, ты получил письмо мое, посланное несколько дней назад, в котором я объяснял причину моего продолжительного молчания. Здоровьем своим я до сих пор не могу похвалиться и сижу дома почти безвыездно. Сбираюсь в деревню.

Искренне преданный Твой *А. Потехин.*

22 Генваря, 1870 г.
СПБ.

6

Любезный друг
Александр Николаевич,

Комиссия, избранная Петербургским Отделом Общества Драматических Писателей, решила: в апреле месяце текущего года устроить литературный вечер, в котором, по возможности большее, число наличных членов Общества прочитало бы свои, нигде еще не напечатанные, произведения, или отрывки из них. Вследствие этого мне поручено от лица всего Общества просить тебя принять участие в Петербургском вечере или лично, если возможно, или присылкою хоть маленькой новой сцены, которая будет прочитана мною или Горбуновым или Бурдиным,—словом тем, кому ты это поручишь. Вечер предполагается до 25 апреля, рукопись должна быть прислана сюда и представлена в цензуру до 15 апреля. Будь добр, дай поскорее мне твой ответ с обещанием или отказом, но определенным. Будь здоров. От всего сердца обнимаю тебя.

Твой *А. Потехин.*

20 Марта, 1875 г.

Адресс: А. А. Потехину, Большая Подъяческая, № дома 22, кв. № 1.

7

Любезнейший друг Александр Николаевич, завтра, в ожидании тебя, все утро буду дома, и очень рад тебя видеть.

Всей душой тебе преданный и любящий

А. Потехин.

12 Ноября, 1876 г.

8

10 Июля, 1882 г.

Любезнейший, дорогой друг Александр Николаевич, сию минуту получил твое письмо и так как она, к счастию, случилась свободною, что бывает для меня ныне очень редко, то, не откладывая, отвечаю тебе.

Все предположения Комиссии уважены, приняты и большая часть из них уже окончательно утверждена. К последним, сколько мне известно, относятся: авторский гонорар, преобразование Комитетов театрально-литературного и оперного, состав и бюджеты трупп, оркестров и хоров. Не знаю положительно, но, кажется, прошли уже чрез Совет и все остальные наши предположения. Когда все это войдет в силу и будет практически применяться, не знаю наверно, но, полагаю, с открытия сезона осенью.[348].

Относительно П. М. Невежина. По его просьбе, прочитавши его комедию,[349] я уведомил, что по личному моему мнению, пьеса эта вряд ли может рассчитывать на постановку в Петербурге, но так как мой личный взгляд ни к чему Дирекцию не обязывает, то предлагаю П. М—чу подать официальное заявление Директору с просьбою: дать по этому вопросу категорический ответ, т. е. предлагал ему избрать тот путь для соглашений с Дирекцией, который был указан в предположениях коммисии. Следоват., о пьесе Невежина я могу сообщить тебе только мое личное мнение, которое может быть и ошибочно. Пиеса показалась мне очень слабою и по замыслу и по исполнению, сделанною при

том грубо, аляповато и, главное, скучно. Может быть, если бы по ней прошлась рука такого опытного и большого художника, как ты, мертвое тело ожило бы, заговорило живым языком и сделалось способно к движению. А теперь... Впрочем, прочитай и суди сам. О Москве слухов не много. Сальяс, говорят выходит в отставку и на его место просился Аверкиев. Управляющим Конторою назначен Пчельников; этого я знаю: человек очень хороший, безусловно честный и умный. Ермолова была здесь и только что кончила свои гастроли в Петергофском театре. Будь здоров и присылай поскорее свой новый труд для сцены.[350] Жду с нетерпением.

Искренно тебя любящий

А. Потехин.

9

Любезнейший, многоуважаемый друг
Александр Николаевич,

Сейчас получил твое письмо, которое крайне огорчило меня и, хотя ты предупреждаешь, чтобы я не трудился отвечать, тем не менее чувствую потребность и считаю долгом ответить и прошу тебя прочитать следующие строки.

Ты несправедливо обвиняешь меня, еще более несправедливо приписываешь новой дирекции желание оскорбить тебя, той дирекции, которая преисполнена особым, исключительным к тебе уважением, ты предполагаешь за мною более прав и власти по управлению театральными де-

лами, чем я действительно имею и могу иметь, и на основании газетных и частных слухов думаешь *невозможное:* что я пользуюсь ими для того, чтобы оскорбить тебя, человека, которого в течение 35 лет глубоко люблю и уважаю. Позволь же, вместо всякого объяснения и оправдания, рассказать тебе все дело, как оно было. До командировки моей в Москву я не имел никакого отношения к Московскому театру и к Московской драматической труппе; 19 июля я был временно *командирован* в Москву для заключения контрактов с артистами, согласно предположениям министра. Предложения же об окладах составлялись таким образом: были потребованы сведения из Конторы за несколько лет о получаемом каждым из артистов содержании жалованьем, поспектакльною платою, гардеробными и пр. В то же время всем артистам предложено было письменно заявить свои требования на будущее время. Все эти сведения и заявления были доставлены министру директором и, как передавал мне Иван Александрович, министр их тщательно просматривал и соображал, результатом чего и был выданный мне для руководства список артистов с предполагаемыми окладами. На основании этого списка я и предлагал артистам подписать контракты; все беспрекословно согласились, кроме Садовского и Никулиной: первый потребовал 6 тыс., вторая — 8 тыс. Об этом желании их я тотчас же написал к Ивану Александровичу, а по возвращении в Петербург, дня три тому назад, подал министру особый доклад, в котором ходатайствую о разрешении заключить контракты

с Садовским и Никулиною в размере заявляемого ими требования. Завтра приедет сюда директор и, надеюсь, при его содействии, ходатайство это будет уважено. Из этого ты видишь, Александр Николаевич, что еще до получения твоего последнего письма, я заботился об исполнении твоего желания, насколько позволяло мне мое положение и отношение к делу. Знаю, что и Иван Александрович также сочувственно относится к твоему желанию. За что же ты оскорбляешь дирекцию незаслуженным предположением о желании оскорбить тебя? Что касается Садовской, то она ни словом не возразила против предложенного ей оклада, а ходатайствовать о назначении ей большего, ввиду крайне незначительного, получаемого ею прежде, содержания и недавней ее службы, было положительно невозможно. Я знаю и высоко ценю талант Садовской, видал ее во многих ролях и предсказывал ее блестящее будущее еще тогда, когда на московской сцене она мало была замечена и оценена; но тебе известно, что при назначении новых окладов, кроме таланта, принималось в соображение: и продолжительность службы и получаемое прежде содержание. Притом все контракты заключаются на год, и я вполне убежден, что через год дирекция не затруднится возвысить содержание Садовской на значительную цифру; да и в настоящем, вдвоем с мужем, они будут получать в полтора раза больше того, что получали прежде. При предложении оклада имелось ввиду и амплуа Садовской, не требующее значительных затрат на гардероб. Точно такое же содержание назначено и

Стрельской в Петербурге: я не хочу сказать, что Стрельская по таланту не ниже Садовской, но нельзя забывать и того, что, в последние 10 лет, весь репертуар в Петербурге держался Стрельской. Вообще содержание Московских артистов несравненно выше, чем получили петербургские. В Петербурге, кроме Савиной, никто из артисток не получил более 6 тыс., да и таких одна Жулева, а в Москве трое будут получать по 8 тыс. и одна 7 тыс. Исключительных окладов (свыше 7 тыс.) в Петербурге — один, а в Москве — пять. 6-ти тысячных окладов в Петербурге один, а в Москве — четыре. В общей сложности труппа московская будет стоить почти то же, что и петербургская, хотя по числу лиц, ее составляющих, первая гораздо меньше второй. Перед Правдиным Садовский не унижен окладом, так как первый будет получать 5 тыс., а второй — 6 тыс., Яблочкина и все остальные актрисы получают меньше Садовской. В чем же, после этих объяснений, можешь видеть ты желание оскорбить тебя в лице московских артистов? Не найдешь ли ты, напротив, во всем этом особой заботливости: по возможности, исполнить твои желания и сделать для тебя приятное? Это было бы более справедливо, и в этом смысле ты должен понимать те строки из ответа Ивана Александровича, которые ты цитируешь в письме своем ко мне. Нет, московские артисты не должны и не могут жаловаться на дирекцию: она к ним отнеслась не как мачеха, а с полным уважением и сочувствием. Если ты укажешь опять на Садовскую, то поверь моему честному слову: большего

в настоящем году сделать было нельзя; не забывай, что она почти только что поступила на службу, репертуар ее пока не велик, и что в прошедшем году она получала менее 1500 руб., следоват., ее содержание сразу более, чем удвоено; а за будущее свое, с ее талантом, ей нечего беспокоиться.

Не сердись же на меня понапрасну, мой дорогой друг, не навязывай новой дирекции не свойственные ей желания и намерения, верь моей неизменной любви и уважению к тебе и рассчитывай всегда на полную с моей стороны готовность исполнять твои желания по мере сил моих.

Любящий тебя и теперь, как прежде,

А. Потехин.

3 Августа, 1882 г.

10

Дорогой друг, Александр Николаевич,

Очень неприятно мне было получить от тебя известие о твоей болезни и о том, что ты не надеешься в текущем году дать твое *новое* для русской сцены. Зачем такой упадок духа, зачем излишняя боязнь на неизлечимость болезни? Хочу верить и верю, что твое здоровье поправится, силы восстановятся, и что текущий сезон не будет несчастнее предыдущего и украсится твоим новым произведением. О пиесе Невежина, которую ты исправлял, под названием «Старое по новому» [351] я ничего еще не слыхал; должно быть она еще в Комитете, [352] который впрочем предупрежден мною о ней. Буду хлопотать,

чтобы ее поскорее просмотрели, и постараюсь, чтобы это совершилось в следующую субботу, но во всяком случае, думаю, что пьеса с окончательным разрешением поставить ее на московской сцене, может притти в Москву не раньше, как недели через две. От Управления Московскими театрами я отказываюсь решительно: не стает ни времени, ни сил да на беду, при массе труда, которая теперь лежит на мне, в последнее время все хвораю: простудился должно быть в театре. По причине болезни замедлил и настоящим ответом на твое письмо. Шесть пьес твоих я уже возобновил на петербургской сцене,[353] и все они прошли с таким успехом, что дают сборы и при повторениях. Мечтаю теперь о постановке в будущем месяце, если позволит время и дадут денег, твоего *Воеводы*. Силы для надлежащего исполнения, полагаю, найдутся, а обстановку хотелось бы сделать блестящую, достойную пьесы. — Прошу тебя, если позволит твое здоровье, пришли мне экземпляр *Воеводы* с сокращениями, которые считаешь необходимыми и возможными, а также сообщи и твои предположения о распределении ролей. Мне хотелось бы сделать эту прекрасную пьесу репертуарною на продолжительное время.

Считаю долгом предупредить тебя, что, по мнению Дирекции, авторы возобновляемых в текущем сезоне пьес, должны получать гонорар по новому положению об авторском вознаграждении. На основании этого Положения требуй и своего гонорара как с Московского, так и с Петербургского Театра; в случае же каких-либо недоразумений пиши к Директору и одновре-

менно уведомь о том меня. В редакцию § Положения о вознаграждении авторов возобновляемых пиес вкралась неясность, которая Дирекциею объясняется в пользу авторов.

Пожалуйста, обращайся ко мне, не стесняясь, во всех случаях, когда я могу чем-либо услужить тебе: исполню с величайшим удовольствием. Искренно любящий и уважающий тебя

А. Потехин.

1 Ноября, 82 г.

11

18 Ноября, 1882 г.

Любезнейший друг
Александр Николаевич,

Прости меня, что не мог тотчас же отвечать тебе: так много дела, что, как говорится, в котле киплю. Относительно *Старое по новому* теперь устроена и следоват. говорить об этом нечего. Скажу только, что, по заявлению Шталя, сюда прислано было не три, а два экземпл. этой пьесы. Надеюсь поставить ее в декабре, если не встретятся препятствия, теперь не предвидимые, но возможные: на сколько мало было пьес в начале сезона, на столько много новых теперь, к концу. Во всяком случае, просил бы тебя прислать предполагаемое к этой пьесе распределение ролей — поскорее. Порадовал меня Бурдин, что ты кончаешь свою пьесу, которая пойдет в его бенефис, вероятно на праздниках.[354] — Написал и Соловьев пьесу: предполагается в декабре или январе на 25 летний бенефис Александровой. По словам Бурдина, Иван Алексан-

дрович сообщил уже тебе о том, что вскоре будет выслана форма условия с авторами относительно гонорара за возобновляемые пьесы. Советую тебе упомянуть в этом условии все твои пьесы, возобновленные в текущем сезоне в Петербурге и Москве, и требовать за них поспектакльной платы по новому положению, т. е. 10% за 4-х и 5-актные. Назови и те, за которые ты получил уже поспектакльную плату в октябре: доплатят согласно условию. — На будущее время о всех, предполагаемых к возобновлению пьесах, придется перед началом сезона входить в соглашение с авторами, или прямо уплачивать по новому Положению. Теперь, как я уже тебе писал, контроль не соглашается выдавать за старые пьесы по новому Положению, опираясь на неясность §, говорящего об этом. Условия с авторами дают выход из этой неясности: может случиться, что некоторые авторы согласятся взять и дешевле за свои старые пьесы, но, конечно, не ты: твои пьесы все репертуарные.

Будь здоров, мой дорогой друг и присылай поскорее свой новый труд. Искренно любящий и уважающий тебя

А. Потехин.

12

Спешу тебя успокоить: все сделано так, что ты, надеюсь, останешься доволен тем условием о вознаграждении, которое будет тебе предложено, любезнейший друг Александр Николаевич. Ты будешь освобожден от неустойки, за то-

бою останется право дозволять представление твоих пьес (поставленных до 1882 г.) на всех частных и столичных сценах, а в случае возобновления их на Императорских, будешь получать гонорар в 2% валового сбора за каждый акт. Я полагаю, что ты будешь доволен таким исключительным среди авторов и вполне заслуженным положением.

Прости, пишу все это на-скоро, в театре, во время репетиций, желая поскорее успокоить тебя и освободить от тревог, причиненных тебе не ясно понятым и не так переданным первым предложением. Будь здоров. Вскоре буду писать больше, подробнее и обстоятельнее.

Искренно тебя любящий и уважающий

А. Потехин.

8 Декабря, 82 г.

P. S. Пьеса «Старое по новому» не может итти раньше января.

13

25 Декабря, 1882 г.

Многоуважаемый друг,
Александр Николаевич,

Дело об авторском гонораре затормозилось вследствие протеста Контроля и в ожидании возвращения Министра, которому с нашей стороны приготовлен подробный доклад. Вчера Министр приехал и можно надеяться, что дело будет решено в интересах авторов при первом же докладе, который будет иметь у министра Иван Александрович. Я нахожусь в этом

случае точно в таком же положении, как и ты с тем только различием, что мои пьесы в течение нынешнего сезона шли в Петербурге только 2 раза, а твои около 25 раз. Брат Николай, без моего ведома, послал уведомление в Комитет Общества о заключенном с Дирекциею условии, и думаю, что напрасно поторопился, потому что и против этого условия Контроль протестует и денег по нему не уплачивает. Ты указываешь на затруднения, которые вытекают при соглашении действий Общества др. писателей с новыми правилами об авторском гонораре; но эти затруднения одинаковы, как относительно старых, возобновляемых Дирекциею, так и новых пиес. Как бы ни был решен вопрос о вознаграждении за старые пьесы, но правило о том, что вновь поставленная Дирекциею пьеса в течение двух лет не может итти на частных сценах — останется без изменения; следоват., Обществу, во всяком случае, нужно подумать о применении этого правила. О поспектакльной плате за пиесы, данные в Петергофе летом, я говорил и надеюсь, что ты ее получишь. За спектакли в Красном Селе получить мудреннее, да почти и невозможно. Считка «Красавца» уже была, роли розданы согласно твоему желанию, переданному мне Бурдиным; с завтра приступаем к репетициям, а 6 января пьеса должна пойти.

Будь здоров, мой дорогой друг. Не хандри и жди хорошего, а не дурного: последнего и без того не мало выпадало на нашу долю. Поздравляю с праздниками. Искренно тебя любящий и уважающий

А. Потехин.

14

Любезный друг,
Александр Николаевич,

С нетерпением ожидаю я присылки *Воеводы*, который, как ты мне писал, уже готов и будет доставлен тотчас, по окончании переписки. До сих пор его еще нет, а чем скорее рукопись будет доставлена, тем скорее можно бы поставить пьесу. Согласно твоему указанию, посылаю это письмо в Москву, в твою квартиру, а так как носятся слухи, что *Воевода* будет ставиться и в Москве, то пишу вместе с сим режиссеру Черневскому: не имеет ли он экземпляра вновь переделанной пьесы или каких-либо сведений о ней. Мне хотелось бы дать первое представление *Воеводы* в бенефис Давыдова; но если тебе это не нравится, то можно поставить и в простой день. Надеюсь, что ты будешь доволен обстановкою, если только буду иметь для нее достаточно времени и не придется торопиться. Мне, надеюсь, не нужно уверять тебя ни в моем уважении к тебе, ни в готовности сделать все для тебя угодное и тебя достойное. Прими теперь только одно желание: отдыхай, собирай силы, выздоравливай совершенно и не лишай сцены надежды — видеть твой новый труд даже в текущем сезоне. Я уверен, что тепло, отдых и южная природа подействуют благотворно на твое здоровье и вполне восстановят его.

Прости за торопливость письма: завален делом по горло, без отдыха. Распорядись, чтобы поскорее высылали *Воеводу*.

Пиши и приказывай, что нужно.

Твой искренне уважающий, любящий и преданный

А. Потехин.

10 Октября, 1883 г.

15

Любезный друг,
Александр Николаевич,

Пьесу твою отослал к Кейзеру и получил от него ответ, что раньше понедельника он не успеет процензуровать ее. Это, если ты пожелаешь, не помешает нам прочитать твою комедию завтра же, в Комитете. Было бы, конечно, очень приятно, если бы ты прочитал ее сам, о чем смело заявляю тебе, как от себя, так и от прочих членов комитета, интересующихся твоим трудом и желающих послушать твоего чтения. Если же здоровье тебе не позволит приехать самому, то уведомь, по крайней мере, желаешь ли, чтобы мы прочитали пьесу завтра, до просмотра цензурного. Ожидаю ответа.

Твой искренне
уважающий и преданный

А. Потехин.

16 Декабря, 1883 г.

P. S. Комитет собирается в 12 часов, в здании Александринского театра. главный подъезд.

16

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Спешу Вас уведомить, что пьеса Ваша Комитетом единогласно одобрена. [355] Экземпляр, согласно Вашему желанию, при сем возвращаю с Давыдовым. Извини, в торопях пишу тебе Вы.

Твой *А. Потехин.*

17 Дек., 83 г.

17

Дорогой друг
Александр Николаевич,

В. Н. Давыдов передал мне о твоем удивлении и неудовольствии, что, в-торопях я написал к тебе записочку на Вы и ничего не сказал о впечатлении, произведенном твоею пьесою. В первом я извинился тотчас же, в том же письме, а писать подробнее не мог, потому что, по кончании чтения твоей комедии, комитет тотчас же приступил к чтению другой, в присутствии автора.

Комедия твоя, разумеется, всем понравилась и появление ее всеми искренно приветствовалось; некоторые сцены, преисполненные настоящего комизма, вызывали неудержимый хороший смех; страдания и радость матери, в исполнении Стрепетовой, должны производить потрясающее впечатление. Думаю, что пьесу твою можно будет поставить тотчас после бенефиса Дюжиковой, который предполагается не позже

6 января. Пришли мне подписанное тобою предполагаемое распределение ролей и не забудь, что нужен еще экземпляр комедии, которого и ожидаю. Роль Незнамова нужно отдать здесь Ленскому, который останется в Петербурге до весны; в Москве ее должен играть, мне кажется, Садовский. Мы говорили с Давыдовым о распределении ролей. Как ты о нем думаешь? Будь здоров. Обнимаю тебя.

Твой *А. Потехин.*

18 Дек., 83 г.

18

Милый друг,
Александр Николаевич,

Позволь тебе рекомендовать юного музыканта, молодого профессора Московской консерватории, моего родного племянника, Антония Степаныча Аренского. Ты, может быть, слыхал о нем: он давно уже обратил на себя внимание в Петербурге, как очень талантливый композитор, а нынешнею зимою, в Москве, на одном из концертов Музыкального общества, его оркестровая симфония имела большой успех, о котором говорили все газеты. Антоний давно уже носится с мыслью сделать оперу на твоего *Воеводу;* он уже написал несколько нумеров, которые может и сыграть тебе, если пожелаешь. Кроме чести и счастия познакомиться с таким писателем, как ты, которого он привык уважать с детства, он хочет просить тебя, чтобы ты поруководил его в составлении либретто, а может быть, осчастливил бы его, взяв на себя

труд его сочинения. Как юный, полный сил, энергии и таланта музыкант, он мог бы написать музыку, как мне кажется, очень скоро и оправдал бы твое доверие; я же прошу тебя, ради нашей старой приязни, приласкать, приголубить юношу и помочь ему советом и делом. Кстати: *Без вины виноватые*, надеюсь, поставить 17 января. Мурова играет, как ты желал, Ленский, а Незнамова — Петипа. Поздравляю тебя с новым годом, обнимаю и желаю здоровья и всех благ.

Искренно тебя любящий и преданный

А. Потехин.

6 Января, 1884 г.

19

27 Марта [другой рукой]. [1885].

Христос воскресе!

Любезный друг,
Александр Николаевич,

Говорят, и сам замечаю, что ты на меня сердишься, а за что? — не умею и не могу понять, так как вины за собою никакой не знаю. В отношении к тебе я тот же, каким был тридцать лет назад и каким оставался в этот же краткий период нашей приязни: по прежнему я люблю тебя, как человека и почитаю, как большого писателя, творца целой школы, патриарха современных русских драматургов. В искренности моих слов нельзя сомневаться, так как я ничего не ищу и не ожидаю от тебя, кроме сохранения

любви твоей и прежней приязни. В доказательство посылаю к тебе дочь мою, новую актрису Московского театра, которую ты должен, во имя нашей продолжительной приязни, сердечно благословить на предстоящий ей тернистый путь. Тяжело и мучительно было бы мне думать, что Островский игнорирует дочь мою, актрису, воспитанную и выросшую в благоговейном уважении к твоему имени и творчеству. Не считай ее барышней, зараженной модною болезнью театромании: она человек очень серьезный и с непобедимой, почти органической любовью к сцене, против которой я долго, но бесплодно боролся. Знаю, что ты никогда не бываешь в театре, не смею и надеяться, чтобы ты когда-либо захотел увидеть ее на сцене, но для меня, а тем более для нее, дорого уже одно твое доверие к ее призванию, твое внимание и сердечное к ней отношение.

Теперь, кстати, о нашем деле. Мне хотелось бы открыть осенью сезон твоим *Воеводою*. Пришли его поскорее, чтобы я теперь же мог приступить к монтировке. Обнимаю тебя, по-прежнему и, надеюсь, что заочно жму твою *дружескую* руку. Будь здоров.

Твой *А. Потехин.*

20

Любезный друг,
Александр Николаевич,

Прости меня, пожалуйста, что в письме своем я дал свободу простому искреннему движению сердца. Я ожидал в ответ на него не сухого ана-

лиза моих слов и поступков, но такого же искреннего примирительного движения и дружески протянутой руки. Я привык любить людей мне симпатичных и уважать достойных уважения, и относительно тебя никогда не терял этих чувств, но мыслить и действовать я позволяю себе независимо и самостоятельно, худо ли, хорошо ли, но по собственному внутреннему убеждению, по внушениям совести и сознанного долга. То, что ты называешь совершенным падением русского драматического театра, по моему мнению, есть только временное оскудение творческих сил и невознаградимая еще утрата таких исполнителей, как Мартынов, Щепкин, Садовский, Шумский, Васильевы, Самарин, Самойлов и др. Явится новая жизнь и большая сила творческая вызовет и нужных для нее исполнителей. Но и теперь, если бы ты мог быть беспристристным, в силах был бы посещать театр и вглядеться в дело без предвзятых предубеждений, во многих случаях твое скорбное чувство успокоилось бы, рассеялся печальный скептицизм, ты увидел бы, что традиции не забыты, уважение к делу и интересам искусства и таланта не меньше прежнего, а доброй воли и искреннего любовного желания и знания еще даже более, чем было прежде. Я говорю о том, что вижу здесь, в Петербурге, у себя, перед глазами... Но не в этом дело. Обращаюсь к нашей переписке.

Без всяких практических целей и соображения просил я тебя благословить мою дочь на предстоящий ей артистический путь — и это была не фраза. Никаких практических резуль-

татов не ожидал я от тебя: ни покровительства, ни содействия, ни помощи. Под благословением твоим я разумел только ласку, сочувственное отношение к молодому человеку, ободряющее внимание большого таланта, искреннее участие и желание счастия и успеха. Когда отец благословляет свое дитя на близкое и дорогое ему дело, он естественно желает, чтобы в этом благословении участвовали уважаемые и высокочтимые ими люди, для которых это дело так же как и ему дорого и близко. Мне отрадно было думать, что Островский сочувственно отнесется к дочери Потехина, которая идет на службу искусству, для них обоих дорогому. О таком благословении моей дочери я просил бы Тургенева, если бы он был жив, просил Григоровича и Максимова, которые знают и любят мою дочь. Мне очень грустно, что ты слишком материально понял мою просьбу.

С нетерпением ожидаю твоего *Воеводу*, чтобы по мере сил моих доказать тебе мое глубокое уважение к твоему таланту, а также и оправдать мою уверенность в том, что русский драматический театр не упал совершенно, *при моем в нем участии*, на что ясно намекаешь ты в своем письме.

От всей души желаю тебе доброго здоровья.

Не только искренно желающий тебе добра, но искренно тебя любящий и преданный

А. Потехин.

5 Апреля, 1885 г.

21

Глубокоуважаемый, дорогой
друг Александр Николаевич,

Пишу тебе накануне Светлого праздника, в который даже настоящие враги чувствуют примирительное настроение, а случайные недоразумения между старыми друзьями не должны быть и поминаемы; пишу глубоко огорченный и потрясенный тяжкою и опасною болезнью моей жены; несмотря на то, что никогда не изменялся в отношении тебя, никогда не переставал искренно и много любить и уважать тебя, а между тем, без всякого повода и вины с моей стороны, был незаслуженно оскорблен тобою и видел явное нерасположение к себе, несмотря на это я первый протягиваю тебе руку с полной верою в твое сердце — и в этом одном уже все мои оправдания перед тобою. Надеюсь, что ты не оттолкнешь эту руку, которая в течение тридцати лет встречала твое дружеское пожатие, и, откинувши всякое сомнение и недоверие, забывши все, что было причиною основательного или неосновательного неудовольствия против меня, ответит[ь] мне так же искренне и сердечно, как я пишу к тебе.

Дочь моя, Раиса, пользуясь отпуском, целый месяц ухаживала за больною матерью, ни день, ни ночь не отходя от нея, присутствовала даже при двух очень серьезных и опасных операциях, которые должна была перенести жена; никакая в мире сиделка, никакая сестра милосердия не могла бы заменить при больной матери заботливость и уход любящей дочери: ты это

вполне поймешь и оценишь. Присутствие дочери при больной сделалось для последней совершенно необходимо, так же, если не более, как доктора и лекарства. Жена еще очень слаба и до сих пор в постели. И вот моя просьба к тебе: не позволишь ли Раисе остаться здесь до окончания сезона с тем разумеется, что это ни в каком отношении не повредит ее службе. До закрытия спектаклей весною, в виду отъезда Вашей труппы в Варшаву, остается, вероятно, не более двух-трех недель, и отсутствие дочери, конечно, не будет заметно для театра, не было бы только вредно для нее самой; но последнее зависит от твоего усмотрения. Если ты найдешь возможным исполнить эту мою просьбу, то, будь добр, разреши твоим словом, без всяких формальностей. А если разрешишь, и дочь может пробыть здесь до окончания весеннего сезона, без необходимости приезжать в Москву в апреле месяце, то кстати позволь спросить тебя и о другом, очень важном для нее и для меня вопросе: может ли она надеяться на возвышение получаемого ею жалованья. В настоящее время она получает 1500 р. в год с казенным гардеробом. Годовая практика показала, что право на казенный гардероб не освобождало дочь от необходимости делать значительные затраты для костюмов на сцене, так что на жизнь ей оставалось очень немного из получаемого жалованья. Не могла ли бы она рассчитывать в будущем году на получение 2400 руб. в год с тем, чтобы все костюмы, разумеется, кроме характерных, были на ее счет. Разумеется, она согласится беспрекословно и с тем жалованьем

которое получает теперь, но, повторяю, его оказалось вполне недостаточно для сколько-нибудь сносной жизни и, без моей помощи, дочь не могла бы существовать.

Буду ожидать твоего ответа и надеюсь, что ты не обидишь меня безмолвием или холодными, безучастными словами.

В заключение позволь мне дружески, по-русски, по-христиански, похристосоваться с тобою, с тою любовью и неизменным уважением, с каким всегда был и остаюсь твой

А. Потехин.

12 Апреля, 1886 г.

22

Глубокоуважаемый, дорогой
друг Александр Николаевич,

Искренно, сердечно благодарю тебя за ответ и за дозволение дочери остаться в Петербурге. Пользуясь твоим разрешением, она оставалась здесь до Пасхи и по окончании своего формального отпуска, а свидетельство об отпуске, согласно указанию, данному ей еще в Москве, в день срока было представлено в Контору Московских театров.

Письмо твое застало меня больным: страшная невралгия в голове не дает покоя и лишает возможности чем-либо заняться. Едва в силах написать и эти немногие строки, чтобы поскорее высказать тебе мою благодарность, которую вновь повторяю. Ожидаю с нетерпением обещанного подробного ответа и надеюсь, что он окончательно утешит меня и навсегда устранит

все тягостные недоразумения, а если ты считаешь меня и до сих пор в чем-либо виноватым перед [т]собою, то прошу тебя* только об одном: верь, что никогда, ни на одно мгновение, я не переставал глубоко уважать и любить тебя. Верь мне в этом. Прости, не могу больше писать. Обнимаю тебя и крепко жму твою руку. Будь здоров.

Всей душой тебя уважающий и преданный

А. Потехин.

18 Апреля, 86 г.

Пыпин, Александр Николаевич

От Пыпина и Григоровича.

Петербург, 3 Февр., 1881 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Д. В. Григорович сообщил мне Ваши последние письма по поводу Грибоедовской премии [356] и просил меня, с своей стороны, написать Вам мое мнение.

Ваши объяснения очень упростили наш вопрос. Если не требуете подробного разбора и мотивировки дела, то решение весьма облегчается. На сколько нам известен репертуар прошлого (отчетного) года, у нас не было недоумений относительно лучшей пьесы этого года. Я вполне присоединяюсь к мнению Д. В. Григоровича, что лучшей должна быть признана ваша пьеса: «Красавец-мужчина»,

Но является одно затруднение, перед которым мы оба недоумеваем. Вам известно уже, что И. А. Гончаров, по болезни, отказался от суждения по этому предмету, и таким образом вместо трех требуемых мнений и голосов остаются только два. Д. В. Григорович и я не знаем, как может быть решено это затруднение. Не имея на то никаких данных, мы естественно затрудняемся взять на нас двоих постановление окончательного приговора и полагаем, что, так как для решения этого вопроса потребовалось бы толкование самих правил о премии, то и вопрос окончательно должен бы быть выяснен самим обществом русских драматических писателей. Мы с своей стороны можем лишь представить вышеприведенное наше мнение.

Пользуюсь случаем высказать Вам пожелание всего лучшего и прошу Вас принять уверение в моем глубоком уважении и преданности

Ваш готовый к услугам

А. Пыпин.

К мнению А. Н. Пыпина присоединяю свое мнение

Д. Григорович.

Гр. Растопчина, Евдокия Петровна.

1

Уведомляются сим все мои милые субботники, как-то, Александр Николаевич Островский,

Евгений Николаевич Эдельсон,

Борис Николаевич Алмазов,
Николай Васильевич Берг,
Терентий Иванович Филиппов,
Николай Алексеевич Шаповалов,
а если можно, и Садовский (Щербина занят) что в Москву приехала им всем задушевная и сердечная барыня, Рязанская Губернаторша, то есть Марфа Александровна, что она здесь пробудет без малого 3 дня, и просит *всех их* вкупе и порознь, вообще и в частности, собраться ради ее в *субботу* всем непременно да пораньше, а я с своей стороны объявляю им, что не будет *никаких стариков*, им антипатичных и против шерстки, что все около них и ради их будет молодо и свежо, как они сами, и что их ждем, требуем, просим и зазываем.

друг их

Графиня *Растопчина*.

P. S. Барыня спрашивает *вив туалет* так называется лозунг после завтрашнего сбора, а кто не придет, значит барыню не любит!

[На обор.:]

Его Высокоблагородию, Александру Николаевичу Островскому для сообщения.

2

[1851]

Вы говорили намедни, что хотите посмотреть и послушать *Скупого Рыцаря*, и вот ко мне пристает Бегичев, чтоб я напомнила Вам Ваши слова, любезный Александр Николаевич, и уговорила Вас ехать поддерживать его неопыт-

ность и дерзость. Самой же мне нельзя, мне сегодня опять хуже, лихорадка была, а досадно — я очень любопытствовала взглянуть на эту попытку. Имеет же быть она в среду вечером; если кто из наших еще соберется, то дайте знать заблаговременно, чтоб распорядиться билетами. Все ли Вы сердитесь на меня... Впрочем об этом надо еще потолковать; с Бергом я объяснилась, — и кажется — он укрощен. Ради бога, не покидайте меня в субботу, — я больна и сиротлива, будет Вам грех, если меня забудете. Покуда, так глупа, что умею только прибавить.

Радуйся, Москвитянина украшение,
Радуйся, Современника отвращение,
Радуйся, Краевского усмирение,
Радуйся, купцов бичевание,
Радуйся, бедных невест похвала!

Каково для больной и пустой головы!.. право ведь не хуже других. Прибавляю к этим шалостям серьезный и задушевный поклон и дружески пожимаю Вашу дружескую руку, преданная Вам

Г. Е. Растопчина.

3

Воскресенье, 16-е Марта [1852].

Хоть я и знала, что вашей больной стало хуже, но все-таки я никак не могла ожидать того ужасного известия, которое получила вчера в вашей записочке чрез Домбровского. Ах, бедный друг мой, что можно вам сказать, или хотеть сказать в утешенье, когда для вашей утраты нет утешенья. Скажу только, что я понимаю вполне ваше горе и вполне ему сочув-

ствую; позвольте вас упрекнуть в том, что вы не дали мне знать раньше. — я бы приехала на Ваганьково помолиться с вами за ту, которую любила ради вас, и о которой жалею искренно, хотя я ее никогда не видала.

Вчера у меня было пусто и жутко, несмотря на присутствие Полонского, оживлявшего нас своими рассказами с Грузии: — слишком заметно было, что не доставало моих лучших друзей, и над всеми тяготело печальное известие о горе, поразившем того, кого все так любят и уважают.

Я сейчас от Гр. Салиас, у нее тоже горе—умирает кузина, воспитавшая ее дочь, а она сама нездорова; от души принимает в вас участие и просила Вам это передать. Мы с нею пробыли часа два одни: как она умна и мила, когда ее не держат на поводьях ее архистратиги.

Бергу лучше, я заезжала к нему от обедни и не застала его дома. На-днях, когда дозволит погода, навещу и вас; примите меня, как близкую вам по чувствам, не церемонясь; по счастью, я не довольно молода, чтоб не иметь права посещать моих друзей, как бы молоды они ни были.

До свиданья; от души жму вашу руку, и остаюсь навсегда сердечно преданная вам,

Г. Евдокия Растопчина.

4

31-го Декабря.

Очень мне было грустно не видать вас третьяго дня, милый и добрейший друг, и еще грустнее узнать, что вы нездоровы. Ваше отсутствие испортило мне одну из удачнейших на-

ших суббот. — В вознагражденье себя, а отчасти и вас, я намеревалась сегодня вечером устроить братскую вечеринку на подобие прошлогодней, — и сказала было о том многим из наших; но вышло, что все мои родственники собираются тоже за [не разбор.] у Пащковых, и мне невозможно отговориться. — И так, если я не с вами начну *новый год*, то пусть мой искренний привет первый вам, пожелание всевозможного благополучия и здоровья, — и подкрепление здоровья вашей бедной и столь дорогой больной. От души посылаю вам мой поклон; и прошу на следующий год любить меня, как в кончающийся и в предыдущий; в моих чувствах вы, кажется, уверены, — а я никогда не изменяюсь для моих истинных друзей, итак, досвиданья!

Преданная вам,

Г. Евдокия Растопчина.

5

Вороново, 6-е Августа, 1851 г.

Благодарю вас от души, добрый и искренно-любимый Александр Николаевич, за вашу память и поздравления ваши: верю и знаю, что Вам бы самому приятно было обрадовать меня вашим всегда мне дорогим посещением, — и что причины, которые мешают вам, должны быть из таких, которым нельзя прекословить.

Печальные слова ваши о болезни сестрицы вашей были мне подтверждены Михаилом Васильевичем. — Но из подробного описания этой болезни — я почерпнула убеждение, скажу бо-

лее, *уверенность*, что она не столь опасна, как вам говорят доктора, и что положение сестрицы вашей еще не отчаянно. Эта болезнь общая всем нам, детям и страдальцам Севера, — и она проявляется у всех нас в разных видах, более или менее опасных, — но начало и зародыш, как везде, одинаковы: *золотуха*. Я видела, собственными глазами, видела, что Кавказ исцеляет эти недуги, даже сильнее развитые, чем у вашей драгоценной страдалицы, — не только частную сухотку членов, но вместе с нею и раны, и наросты, и частные недвижности, от нее происходящие. — Минеральные воды Кавказа действуют на самое начало всех этих проявлений, — но теперь, в Петербурге, изобретено другое леченье, по крайней мере, им равносильное, и о котором вы, вероятно, слышали: это трава, названная *Петровичем* по имени ее изобретателя, купца или мещанина, которому факультетом дана привиллегия на леченье ей, и который совершал ею чудеса,—вылечивал таких больных, от которых все первенствующие доктора отказались.— Еще недавно я наслышалась дивных рассказов о *Петровиче* от соседей из Петербурга, между которыми есть одна женщина, которую эта трава избавила от *рака* в сильнейшей степени.

Попробуйте это средство, которое ни сколько, говорят, не утомляет больного, — уговорите сестрицу вашу; для этого нужно написать Петровичу и послать ему подробное описание хода болезни и употребленного леченья. — Поверьте, что большая часть наших докторов Московских ничего не понимают в таких казусах, где климат, действуя на несколько поколений, медлен-

но приготавливал и развивал результат, которого причину они не постигают и отыскать не умеют.—Я около себя, в своем родстве, знаю много примеров, особенно над женщинами, — что московские немцы залечили и на век сделали больными таких, кому бы поездка на воды или равносильная система леченья возвратила бы здоровье в несколько месяцев. — Положенье сестрицы вашей может продолжаться несколько лет: как бы ни были несчастны упущенья и недоразуменья до сих пор с нею случившиеся по милости докторов, все таки есть еще время захватить и остановить сухотку руки ее. Я знаю примеры таких исцелений и потому-то так и желала бы убедить вас прибегнуть к Петровичу. — Михаил Васильевичь добавит вам все нужные сведенья о предмете, столь для вас занимательном. — Я могу только сказать вам, что я до слез была тронута, когда он мне рассказал в каком расстройстве он вас видел, — и как вы писали эти строки, которые я навсегда сохраню, как залог вашей, мне очень дорогой, дружбы.

Бог с вами, милый и бедный друг мой, — от всего сердца желаю вам успокоенья и утешенья горя вашего, а вашей больной выздороветь для всех ее любящих: — скажите ей от меня, что в Петербурге *воскрешает* многих, не только что вылечивает, средство, которое я вам так рекомендую. — Простите, любезный и уважаемый Александр Николаевич, верьте всегда и везде в истинную к вам привязанность

преданной вам

Гр. *Евдокии Растопчиной.*

6

Москва, 14 Сентября, 1851 г.

Я здесь, любезные друзья мои, Александр Николаевич и Терентий Иванович, — я здесь, а спешу вам напомнить, что завтра день субботний, и что надо его святить по смыслу заповеди; — дайте знать и Евгению и Борису Николаевичам, и скажите им, что я нетерпеливо ожидаю удовольствия с ними свидеться. Что ваша больная? Лекарство, о котором я вам писала, продается уже и в Москве, у меня есть адрес. — До свиданья, — а покуда, вы оба уверены, я надеюсь, в неизменной к вам дружбе

преданной вам от души

Евдокия Р.

7

Душа моя, — еще не успела переписать вам моей серенады, но за то, вот вам новинка, внушенная мне намеднишним чтением и разговором, перерывшим святыню воспоминаний на дне моего сердца... По принадлежности, это новое вдохновенье посвящается вам, моим избранным и верным, сочувствующим всему, что я вам читала и доверяла. Спешу его послать, желательно, чтоб оно поспело еще в Москвитянин, под прикрытием *Бедной и милой Невесты*, если можно заставьте старика опустопорожнить мне страничку в 4-м нумере, только, *без имени моего*, и с заглавными буквами ваших имен; также не нужно выставлять числа; это стихотворенье из таких, которое должно таиться под скромным покро-

вом анонима, и это скорей всех поймет ваша душа, милый друг мой.

До свиданья, может быть раньше, чем вы предполагаете: *завтра* именины нашего Льва укрощенного, и если он не успеет уехать к своим, то обещался провести вечер у меня *со всеми вами*, и я раненько вас о том уведомлю. и заранее прошу тогда не изменить.

Преданная вам, *Е. Растопчина.*

ЧЕГО-ТО ЖАЛЬ

НА ПРОЧТЕНЬЕ НОВЫМ ДРУЗЬЯМ СТАРЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Посвящается Островскому, Бергу, Мею и Эдельсону.

Чего-то жаль мне... И не знаю я,
Наверное, чего... Опять его ли,
Кого безумно так любила я, —
Так долго, и с такой упрямой волей!..
Или тебя, пора моей весны, —
Цветущая пора младых стремлений,
Желаний и надежд и вдохновений,
Той грустной, но все милой старины?..

О *нем* жалеть зачем... Ведь счастлив *он*,
Своей судьбой доволен и покоен...
Минувшего забыл минутный сон,..
И, счастия оседлого достоин,
Рассудку подчинил свой гордый ум.
Житейских благ всяк цену понимает,..
Без детских грез, без лишних дум,
Живет,.. и жизни смысл и цель уж знает!..

Он знает, что богатство нужно нам,
Чтоб все иметь и поддержать значенье;
Что душу не разделит по-полам
С другой душой,.. что это заблужденье
Мальчишек и девчонок в двадцать лет,
Что барский дом, стол лакомый на славу
Превознесут друзья, уважит свет...
Друзья и свет так падки на забавы!..

С поэзией простился он на век,
И с прозою сухою помирился;
Член общества, степенный человек,
С приличием в ладу, — он научился
Условной речи их,.. Нет! *Он* не тот,
Чем прежде был!.. О нем жалеть зачем-же?..
От женского он сердца ведь не ждет,
Чтоб было век оно одним и тем же...

Нет! не его мне жаль!.. Мне жаль тебя,
Моя любовь,.. Любовь души безпечной,
Восторженной, — и верящей в себя,
Как в святость клятв и вечности сердечной...
Мне жаль еще и слепости сомненья,
Смеющейся измене, клевете,..
Мне жаль тебя, о гордое презренье
К обману, к лицемерью, к суете!..

Мне жаль тебя мой благородный гнев,
Встречавший ложь лицом к лицу отважно,
Дразнивший смело злобы жадный зев,
Отвергший лесть с ее хвалой продажной!..
Мне жаль тебя, мое самозабвенье,
Готовность глупо жертвовать собой,..

Безумно жаль младого увлеченья
С его золотокрылою мечтой!..

Москва, после субботы 16-го Февраля 1852.

8

[1852]

Давно вы меня забыли, любезный Александр Николаевич, но я все таки не меняюсь к вам и стремлюсь всеми силами вас видеть; слышу что наш Писемский здесь; приезжайте с ним во *вторник* и дайте знать Эдельсону; Берг обещался быть; соберемся опять по прежнему; я всю неделю была нездорова, и потому не видала еще *Ипохондрика*, и не знаю, как он прошел; любопытно слышать о его успехе.

По прежнему преданная вам душою

Гр: *Е. Растопчина.*

У *Красных ворот.*

[На обор.:]

Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Островскому, у Никола в Воробине, в собственном доме.

9

Я скоро еду, друг мой, Александр Николаевичь, и желаю еще раз с вами повидаться; приезжайте в середу вечером пить чай со мною.

Преданная вам

Граф. *Е. Растопчина.*

Скажите Садовскому и Рамазанову, что мне приятно-бы было видеть и их.

[На почтовом конверте: Апрель, 21.]

10

Друг мой, какой-то демон ополчается на *субботы* и расстраивает наши мирные сходбища; в прошлую—я вас провожала со всею алчностью выздоравливающей, но потом сообразила, что вы на именинах и утешилась упованьем на следующую, и теперь выходит вот какое обстоятельство: 15-го числа, то есть в будущую субботу, рожденье моего дяди Николая. В: (автора Софи, Мизогина, Метромании, издателя раутов и проч:), и он *просит, требует, желает* и *призывает всех нас* к себе, а я не могу не уступить ему, как старшему в роде. [357] Следственно, прошу вас пожаловать к нему в вышереченный субботний день, а чтобы мне не потерять при этой сделке, то я прошу вас в *воскресенье* и если можно с Петровым, равно и с нашим добрым Садовским; прочим будет оповещено мною отменно; а на вас надеюсь, потому что, если сердце сердцу весть подает, то вы должны по мне соскучиться, так как я соскучилась по вас, а покуда прощайте и будьте здравы и благополучны.

Преданная вам

Евдокия Растопчина.

Пожалуйста, дайте знать и Шаповалову о перемене моего дня на сей раз; он очень мило осведомлялся несколько раз обо мне, покуда я была больна.

[На обор.:]

Его Высокоблагородию, Александру Нико-

лаевичу Островскому, у Николы Воробина, близ Покровских казарм, в собственном доме.

[На почтовом конверте штемпель, Ноябрь 12.]

11

1-го Мая, 1853 г.

Что с вами, Александр Николаевич! вы пропадаете совсем, на свадьбу не явились, ко мне не заглянули; ваши друзья и приятели беспокоятся о вас, и друг друга спрашивают и недоумевают о причинах вашего затворничества. Между тем, завтра последняя суббота перед моим отъездом, и все наши сбираются со мной проститься. Ужели вы не пристаните к ним?.. Это было бы мне очень больно, и даже обидно! — А милый наш генерал-от-Музея остался верен своим Мстиславским правилам, напечатал вашу комедию без посвящения, столь мною ожиданного и уже с гордостью возвещенного всем моим знакомым. Пожалуйста, поссорьтесь с ним за это не благонамеренное упущенье!

Вы отдали мне не все рукописи Лермонтова; не достает целой тетради первобытного Демона, да еще кой-каких листов; у владельца был им полный каталог, и он горько вопиет на меня; ради бога, выручьте мою голову, поройтесь во всех столах и отыщите недостающие листы и тетради. Я брала их на совесть, и если они пропадут, то это заляжет на мою совесть.

Жду вас завтра непременно, а покуда кланяюсь вам от всей души, любящей вас искренно и верно.

Преданная вам

Р.

12

Наши опасения сбылись, — я в субботу отозвана, но вместо того, в *воскресенье* буду дома, и прошу вас, мой любезный Александр Николаевич, со всеми нашими, как прежними, так новыми; мы проводим масляницу вместе по-приятельски, и если можно, весело и приятно. — Последнее наше свиданье оставило во мне самое приятное впечатление, так удачно и роскошно было оно; надо почаще таких встреч, и побольше таких разговоров без принужденья: тут люди познаются, и для вас всех это случай заслужить еще больше уваженья и приязни, — если не от меня, потому что я давно всех оценила и полюбила, — но от прочих, друг от друга, и взаимно.

Буду ждать вас, а покуда посылаю вам задушевнейший мой поклон.

Преданная вам

г. *Евдокия Р.*

[На почтовом конверте: 8 февраля.]

[На обор.:]

Его Высокоблагородию, Александру Николаевичу Островскому. [*Другой рукой:*] у Николы Воробина, близ Воронцова поля, в Собственном доме.

13

В субботу у меня имянины в родстве, и к совершенному моему горю я должна отлучиться; прошу вас, любезный Александр Николаевич, передать нашим, верным и неверным, субботни-

кам о моем неумышленном и невольном исчезновении; но за то, в будущую субботу прошу и буду ждать *всех*, а до тех пор, оставайтесь уверенны в задушевности всей моей приязни к вам,

Гр. *Евдокия Растопчина.*

11 Октября.

14

Москва, суббота, 13-е Ноября [1854].

Вы недавно читали у Григорьева вашу новую комедию, [358] друг мой, Александр Николаевичь: как первой охотнице до ваших произведений и всегдашней любительнице вашего таланта, и мне следует по всем правам насладиться вашею новинкою; как верному другу вашему, мне желательно повидаться с вами после долгого отсутствия; к тому же, я больна, грустна, никого почти не вижу, и тем более дорожу моими верными; назначьте же мне вечер на предстоящей неделе, когда вам удобно будет потешить меня и приезжайте в знакомый вам уголок, где вас ждет с прежним радушием и прежним сочувствием

преданная вам душевно

Гр. *Е Растопчина.*

15

Середа, 1-е.

Зачем откладывать в долгий ящик этот тихий вечер, от которого я обещаю себе и духовное и душевное наслаждение. В *понедельник* прошу вас к себе, любезный Александр Николаевич, и у меня, кроме моих домашних и Лашкевича, вы

не найдете никого; стало быть, вы будете окружены одними доброжелателями, почитателями и преданными вам людьми. Я знаю вашу нервность, — да и к тому, мы так давно не видались, что хочется от души наговориться. — В девятом часу буду ждать вас; напьемся чаю для подкрепленья, а после чтенья отужинаем и поболтаем; если суббот нет, за смертью и разъездом слишком многих из моих милых субботников, то я предоставляю себе право собирать около себя по группам то тех, то других, и ни от кого отставать не хочу, хотя вместе они уж как-то не клеятся. Скажите кому-нибудь из наших, по вашему благоусмотренью; никого еще не видала, всем буду рада.

Примите теплое рукопожатье от верной вам

Г. *Евдокии Растопчиной.*

[На обор.:]

Его Высокоблагородию, Александру Николаевичу *Островскому.* У Николы Воробина, близ Яузы, в собственном доме.

16

[25 Января, 1856].

Душа моя, Александр Николаевич, с вами желает познакомиться удивительно симпатичное существо, а именно — Граф Лев Толстой; знакомый всем нам *с Детства;* он здесь на малое число дней, обедает завтра у меня с *Бергамето,* вам слегка известным; приезжайте в четвертом часу, ибо обед ровнехонько в четыре, а в шесть я на репетиции; Граф без отговорок ждет вас.

Преданная вам

Гр. *Е. Растопчина.*

Гр. Салиас де Турнемир, Елизавета Васильевна

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Давно уже я собиралась написать вам и напомнить вам о моем существовании и близком соседстве. В последнее время молодежь моя не дает мне покоя, и убедительно просит написать вам и просить вас прочесть одну из ваших комедий. Столько времени прошло с тех пор, как вы однажды сделали мне честь читали у меня вашу *Бедную невесту*, что теперь уже не дети мои стали бы слушать вас, а мой внук, племянница и племянники. Время гонит всех стариков к могиле, но я хотела бы еще раз слышать одну из ваших комедий вместе с моим внуком, который проводит у меня всю зиму и страстный чтец и любитель поэзии и драмы. Хоть он очень молод, ему 16 лет, но много уже прочел. Будьте добры, не лишите его, и меня, и моего семейства удовольствия слышать вас и вашу прекрасную комедию. Если вы согласитесь исполнить мое желание, я просила бы вас прочесть *Грозу*. Это моя любимая пьеса из всех ваших прекрасных комедий.

Примите уверение в совершенном уважении преданной вам

Гр. *Ел. Салиас.*

Салтыков, Михаил Евграфович

1

СПБ., 14 Марта, [1863].

Извините, уважаемый Александр Николаевич, что доселе не исполнил Вашего поручения. Был два раза у Чужбинского и насилу застал дома. Чужбинский говорит, что никак не может добиться от Кушелева положительного ответа, наконец, по совещанию со мною, Чужбинский вчера опять был у Кушелева, но не застал его дома и отправился к Благосветлову, которому Кушелев, вместе с журналом, передал все свои издания, а в том числе и ваши. Благосветлов отвечал следующее: что 2 т. р. обязан Кушелев выдать Вам в то время, когда разойдутся первые 3 т. экземпляров, но что эти первые 3 т. экз. еще не разошлись, и он, Благосветлов, предоставляет Вам сделать в этом случае поверку. В записке, которую Вы мне передали, действительно, есть нечто двусмысленное на этот счет, а именно, сказано, что Кушелев имеет право продавать второе издание только по распродаже первого *и заплатив Вам две тысячи.* Мы с Чужбинским условились таким образом: завтра он опять поедет к Кушелеву, и если уж ничего не выйдет, то в воскресенье я к нему поеду и постараюсь на чем-нибудь порешить дело. О последствиях во всяком случае уведомлю Вас не далее понедельника.

Пришлите нам что-нибудь, хоть ко Святой. Кланяйтесь Горбунову и скажите ему, что со-

вестно так обманывать: обещал на первой еще неделе дать рассказ, да и до сих пор ничего не дал.

Прощайте, будьте здоровы.

Весь Ваш
М. Салтыков.

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Сегодня, наконец, я добился удовольствия лицезреть Кушелева, но, к сожалению, не могу сказать Вам ничего утешительного. Он положительно упирается, что обязан заплатить Вам лишь тогда, когда разойдутся первые 3 т. экземпляров Ваших сочинений, и когда я сказал ему, что, очень вероятно, Вы будете отстаивать свое право законным путем, то он мне ответил, что если он в чем-нибудь убежден, то это все равно, к каким бы путям против него ни прибегали. Тем не менее, однакож, в заключение сказал, что на-днях соберет все справки по этому делу и сообразит его окончательно; если он найдет себя в положении сомнительном, то немедленно заплатит деньги. В пятницу на этой неделе обещал прислать решительный ответ, по получении которого уведомлю Вас немедленно.

Уважающий Вас
М. Салтыков.

16 Марта 1863 г.

3

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Очень жалею, что не имею ничего утешительного сказать Вам по Вашему делу с Кушелевым. Этот господин дал мне слово прислать окончательный ответ еще в страстную пятницу, но вот уже и Христос воскрес, а я никакого ответа не получаю. Из этого я усматриваю, что он платить деньги Вам не желает. Условие Ваше у меня в сохранности, но так как Вы писали мне, что на Фоминой будете в Петербурге, то я и надеюсь вручить Вам этот документ лично.

Весь Ваш
М. Салтыков.

2 Апреля [1863].

4

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Проезжая в прошедшую среду чрез Москву, я намеревался быть у Вас, но Плещеев сказал мне, что Вы отправились из Москвы куда-то удить рыбу. Между тем, у меня была до Вас всепокорнейшая просьба: не имеете ли Вы чего-нибудь написанного для «Современника», который ужь так давно не давал читателям ничего хорошего по части беллетристики, что даже становится совестно. В настоящую именно минуту журнал наш находится в величайшем затруднении, и Вы, конечно, сделали бы большое для него одолжение, оказав ему помощь своею пе-

сой. Если у Вас есть что-нибудь готовое, то не будете ли так добры выслать в возможно-непродолжительном времени, адресуя посылку в редакцию «Соврем.», так чтобы мы могли поместить Вашу вещь в Сентябрьской книжке. [359] Вы весьма бы также обязали меня, если бы дали мне ответ на мою настоящую просьбу по тому же адресу.

В ожидании Вашего ответа, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим,
Милостивый Государь,
покорнейшим слугою
М. Салтыков.

15 Сентября 1863 г.
СПБ

5

СПБ., 15 Апреля, [1872]

Многоуважаемый Александр Николаевич. Письмо Ваше об Иванове [360] я получил в Среду, а заседание Комитета было в Понедельник. Поэтому, все сношения по письму Вашему должно было делать письменно, что невольным образом замедлило мой ответ Вам. Вчера вечером, Заблоцкий уведомил меня, что он разрешил послать Вам, для передачи Иванову, 30 рублей. Желаю душевно, чтобы маленькие эти деньги оказали какую-нибудь помощь в данном случае.

У нас по литературе все тихо, так что даже слышно, как Корш во сне жует рукава. Когда это странное положение русской литературы прекратится — одному богу известно.

Душевно желаю Вам хорошо провести праздники. Конечно, с Вашей точки зрения, все равно, что будни, что праздник, а все-таки приятно посмотреть, как другие веселятся.

Сын мой свидетельствует Вам свое почтение. В Петербурге распространился слух, что он пишет в Петерб. Ведом. передовые статьи, но так как ему будет скоро только 3 мца, то я не слишком огорчаюсь этим. Пущай привыкает.

Прощайте, будьте здоровы, крепко жму Вашу руку.

Искренно Вас уважающий и душевно преданный

М. Салтыков.

6

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Пьесу, о которой Вы пишете, я еще не получил, а между тем завтра уезжаю в деревню. Хотя я и буду наезжать каждый понедельник в Петербург, но все-таки это обстоятельство несколько замедлит рассмотрение пьесы. Я вместе с тем пишу к Михаилу Николаевичу, прося его доставить Вашу посылку в Контору «Отеч. Зап.». Вероятно, я попаду в Петербург 6-го июня и немедленно прочту.

Вы не пишете также, кто автор, и куда выслать деньги в случае, ежели пьеса будет принята. Пожалуйста, уведомьте прямо по моему адресу: Литейная, 62.

Здесь Тургенев. Я сегодня только узнал, что ужь он три дня как приехал. У меня он не был, хотя прежде всегда бывал: вероятно, слышал,

что «Новь» не привела меня в восторг.[361] Вот как трудно уживаться с Генералами: нужно всем безусловно восторгаться, чтобы пользоваться их снисходительным вниманием.

Что касается до Гербеля, то я советывал бы Вам написать ему и предложить Ваши условия. Без этого он вряд ли восчувствует. Он пожертвовал 10 т. р. сер. на военные нужды: стало быть, теперь ему самому деньги надобны.

Напишите, пожалуйста, не соберетесь ли Вы сами подарить чем-нибудь «Отеч. Записки»? Это было бы крайне желательно для украшения страниц, которые в последнее время не очень-то красивы выходят. Впрочем, и вообще время теперь для журналов плохое. Подписка шла очень хорошо, а с апреля, т. е. со времени объявления войны, совсем остановилась.

До свидания. Простите за беспорядочность письма: кругом чемоданы, разбросанные вещи, возня, пыль, точно монитор сию минуту взорвали.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

24 Мая [1877].

7

Мыза Лебяжье, близ Ораниенбаума.
28 Июня [1877].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Много виноват перед Вами, что до сих пор не дал ответа по поводу присланной Вами комедии «Счастливый день».[362] Хотя достоинства этой вещи весьма посредственные, но так как ма-

терьяла у нас довольно мало, то я отдал эту комедию печатать в июльскую книжку. А не уведомил Вас до сих пор от-того, что, по безалаберному летнему времени, сопряженному с переездами и всяческим рысканьем взад и вперед, решительно не понимаешь, как идут дни за днями. Не проученный подмосковным опытом, я опять надел на себя ярмо собственности и скажу откровенно, что безалабернее едва ли что может быть. Я ничего не пишу, ничего не читаю, а только с дерьма пенки снимаю. Жалуюсь на дождь и на ведро, укоряю человеческий род в лености и от времени до времени проклинаю час своего рождения. Вообще,..... совершенно не совместная с занятием литературой, а так как в сей последней заключается единственный надежный способ заработка денег, то я уже начинаю подумывать о том, каким бы образом отделаться от собственности.

Что касается до гонорара, то в редакции нашей принято не давать начинающему более 75 р. *за лист*, почему и автору сцен полагается гонорар в этом размере. Я вместе с тем посылаю Конторе записку, чтобы к Вам в Кинешму, выслали 150 р. *до расчета*.

До свидания. Ежели Вы напишете что-нибудь к осени, то не забудьте об нас.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

8

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вы возвестили меня о присылке новой Вашей комедии и, разумеется, я ожидал ее с понятным

нетерпением. Но вот уже 1-е Сентября и ее нет. Будьте так добры, известите, когда можно ожидать. Только в сентябрьской книжке уже нельзя будет поместить, потому что 1-й отдел ее уже заключен и почти весь отпечатан. Некрасову не лучше, но и то хорошо, что хоть не хуже. Мы говорили вчера о Вас, и он просил меня передать Вам поклон.

До свидания; с нетерпением жду Вашего ответа и остаюсь искренно Вас уважающий,

М. Салтыков.

1 Сентября, [1877].
Литейная, 62.

Я только что из деревни переехал.

9

Многоуважаемый Александр Николаевич.

В газетах я прочитал, что Ваша новая пьеса «Последняя жертва» уже получена в Петербурге и будет играться в бенефис Бурдина. Так как Вы обещали эту пьесу в «Отеч. Зап.»,[363] то я считаю долгом известить Вас, что до сих пор ее в редакции нет. Между тем 11-й (Ноябрьский) № уже значительно подвинулся вперед в типографии (первый отдел весь набран и половина отпечатана), и это делает невозможным появление в нем Вашей пьесы. Что касается до Декабрьской книжки, то в ней, по принятому обычаю, помещаются всякого рода «хвосты», чтобы не надоедать подписчикам будущего года «продолжениями».

Поэтому, не будете ли Вы так любезны: 1) разрешить печатать Вашу пьесу в Январской книжке; 2) распорядиться, чтобы оригинал ее был передан в редакцию, по возможности, скорее, ибо никто более меня не желает так горячо познакомиться с нею. Впрочем, если Вам непременно нужно, чтоб пьеса была немедленно напечатана в Декабрьской книжке, то редакция, конечно, выполнит Ваше желание.

Представьте себе: из-за того, что оригинал Вашей пьесы не был доставлен неделю тому назад, мы были вынуждены украсить 11-й № произведением Петра Дмит. Боборыкина — и каким!

Что касается до денег за пьесу, то если Вы желаете получить их, — напишите мне и сейчас же будет выслано.

Будьте так любезны, ответьте на мои вопросы. Может быть, Вы уже и поручили Бурдину передать в редакцию оригинал, но ведь Бурдин — человек убеждений, и одно из таковых —это, по возможности, пакостить *мне*. Это тем более несносно, что я, встретившись с ним 1-го октября, усиленно просил его не задерживать пьесы.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

26 Октября [1877].
Литейная, 62.

Некрасов Вам кланяется: я вчера его видел. Положение его все то же.

10

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Деньги 1200 р. Вам посланы более недели тому назад, через контору Юнкера. Благоволите уведомить, получили ли Вы их. А вот и другая просьба или, лучше сказать, вопрос. Литературный фонд, нуждаясь в средствах, предположил устроить чтение около 15 декабря. Предполагается, что в чтении примут участие: Достоевский, Потехин, я и поэты. Хотели обратиться к Гончарову (и обратятся), но вряд ли можно на него рассчитывать. Фонд поручил мне просить Вас, не пожелаете ли и Вы участвовать в этом чтении. Вся штука в том, совпадет ли срок 15 — 18 декабря с Вашим приездом в Петербург. Ежели не совпадет, то было бы, конечно, странно претендовать, чтоб Вы приехали нарочно для этого; но ежели совпадет, то было бы весьма желательно заручиться Вашим любезным согласием.

Будьте так добры, ответьте мне на это письмо, так чтобы я мог получить Ваш ответ не позднее будущего воскресенья.

Адрес мой: Литейная, 62.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

21 Ноября [1877].

11

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Посылаю при сем записку на Главную Контору «Отеч. Зап.» (Бассейная, дом Краевского),

по которой Вы можете завтра получить требуемые 300 р. (между 12 и 1 ч. утра).

У Некрасова нога отнялась и вообще, кажется, нет надежды

Весь Ваш

М. Салтыков.

16 Декабря [1877].

12

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Будьте так добры, окажите содействие, чтобы «Женитьба Белугина» была на следующей неделе доставлена в редакцию. Может быть, мы еще не будем ее печатать в Мартовской книжке, но на случай всяких авторских измен все-таки необходимо иметь материал. [364]

Я заключаю с Краевским контракт на тех же условиях как и Некрасов, на 6 лет. Нет ли в Москве какого-нибудь нарождающегося таланта, но не в роде Боборыкина. Совсем приходится плохо.

Глубоко Вас уважающий

М. Салтыков.

7 Февраля [1878].
Литейная, 62.

13

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Будьте так добры посодействовать, чтобы Женитьба Белугина была доставлена в Контору «Отеч. Зап.». Ежели это возможно, то не дальше, как в конце будущей недели. Я не

знаю, скоро ли ее напечатаем, но все-таки необходимо, чтоб был готовый материал.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

11 Февраля [1878].

14

14 Апреля [1878].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я сам только что хотел Вас спросить, куда выслать остальные деньги за «Белугина». 300 рублей автор уже получил, а 300 р. я поручил выслать Вам через магазин А. Г. Соловьева. Не сетуйте за последнее: я знаю, наверное, что у Соловьева деньги *есть:* он сам извещал об этом контору. Следовательно, Вы получите беспрепятственно. Комедию мы напечатаем в майской книжке — раньше не успели. Нас очень стеснила г-жа Заионичковская. Все сулила присылать безостановочно, и, наконец, прислала листика два такого содержания, что, в виду настоящего положения книгопечатания, совсем и думать печатать нельзя. Каракозов и Засулич — вот российские историографы, которые, в особенности будут памятны русской печати, которая, по обыкновению, за все про все отдувается. Вчера сдали в цензуру апрельскую книжку, первую под моим официальным редакторством, только боюсь, чтобы первый же блин не вышел комом.

Вы пишете, что начали многое и кончаете в деревне. Помогай вам бог, но не забудьте об

«Отеч. Записках», кои всегда были Вам обязаны и благодарны.

А я все «Московские Ведомости» читаю и думаю: нет человека на свете храбрее Каткова.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

15

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Обыкновенно «Отеч. Зап.» начинали год Вашей комедией — позвольте думать, что и в будущем году не последует в этом отношении перемены. Я читал в газетах, что комедия у Вас уже написана и будет поставлена в половине Ноября на сцену. Не знаю, в какой мере это справедливо, но во всяком случае убедительнейше прошу Вас уведомить меня о Ваших намерениях. Я до сих пор не писал к Вам об этом, потому что слышал, будто Вы зажились в деревне. Да и теперь хорошенько не знаю, воротились ли Вы в Москву.

Что касается до меня, то я. попрежнему, страдаю одышкой и кашлем, которым даже дома всем надоел. Да и себе самому я надоел недугами. Понятно, что в таком положении худо работается. Чувствую, что пора умирать, да и хорошо бы, а тут надо журнал редактировать. Не могу без страха вспомнить, что впереди еще остается пять лет контракта. А журналы между тем плодятся — в будущем году в одном Петербурге будет пять штук больших, тогда как литературных сил совсем не прибавляется. И

что такое совершается кругом — совсем понять нельзя. И никто не помогает разъяснению, а напротив стараются замять и затемнить. Недавно две девицы опять стреляли в жандарма, да еще в городового стреляли. С 1863 года начался этот хаос — подумайте, 15 лет!

Пожалуйста, напишите, можем ли мы рассчитывать на Вашу новую комедию: нам это очень — очень важно. И об деньгах тоже — когда Вам выслать.

До свидания. Искренно Вам преданный,

М. Салтыков.

10. Октября [1878].
Литейная, 62.

16

19 Октября [1878].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я только что вчера отправил к Вам письмо с просьбою дать нам Вашу новую комедию, а сегодня получил Ваше письмо. Мы желали бы начать Вашей пьесой 1879 год: это ужь давно так велось. Нет нужды, что пьеса будет представлена на сцене раньше, от этого она нимало не утратит интереса в чтении. Но если Вы *непременно* желаете, чтоб новая Ваша комедия была помещена в ноябрьской книжке, то пришлите, но, пожалуйста, поскорее. Еще лучше, ежели Вы имеете *две* пьесы: одну для ноябрьской, другую — для январской книжки. Но если *одна* пьеса, то для нас было бы удобнее поместить в январе, потому что январская книжка—

рекомендация. Повторяю, однако: Мы совершенно в Вашем распоряжении. Деньги в том и другом случае будут высланы по первому Вашему требованию. Жду с нетерпением Вашего ответа, ибо ноябрьскую книжку надо начинать печатать (одна статья ужь, кажется, и напечатана). *Но, пожалуйста, не оставьте нас.*

Весь Ваш *М. Салтыков.*

17

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Если Вам удобно провести вечер в пятницу у меня, то очень меня этим обяжете. Я болен по прежнему, но, может быть, и получше будет.

Весь Ваш

М. Салтыков.

15 Ноября, 1878 г.

18

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Деньги 1500 рублей, как удостоверил меня Конторщик, посланы к Вам 28 Октября, в субботу, через контору Юнкера. Будьте так добры, уведомить меня об их получении.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

[1878?]

Комедии Вашей я еще не получал. Впрочем, теперь ноябрьская книжка уже заключена. Хотелось бы, однакож, скорее познакомиться.

19

П-бург, 2 Ноября.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Вчера, получив Ваше письмо, сделал распоряжение о высылке Вам, через Контору Юнкера, 1500 р. Но так как сегодня праздник, то деньги будут внесены в контору Юнкера лишь завтра. Во всяком случае, получение их не замедлится.

С нетерпением жду Вашу пьесу. Повестки еще не получал.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

[1878?]

20

8 Октября, 1879 г.
П-бург, Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Позвольте напомнить Вам, что «Отеч. Зап.» будут издаваться и в 1880 году, и что редакция была бы очень обязана Вам, если бы Вы дали ей возможность, по прежним примерам, начать новый год Вашим произведением. А так как из газетных слухов явствует, что Вы уже написали пьесу, то не будете ли Вы так добры уведомить меня, можно ли рассчитывать на эту пьесу и ежели можно, то как ее заглавие и во скольких она актах. Равным образом не пожелаете ли Вы, чтоб деньги Вам были высланы теперь же.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

21

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Будьте так добры поспешить доставлением в редакцию пьесы «Сердце — не камень». Набор Декабрьской книжки уже близится к концу и 7-го Декабря мы приступим к Январской, которая начнется с Вашей пьесы. На бенефисе Бурдина я встретился с Михаилом Николаевичем, который сказал мне, что Вы никаких инструкций по этому предмету не оставили. Поэтому, я и обращаюсь к Вам.

Играли Вашу пьесу ужасно дурно. Порядочен был только Арди, остальные — из рук вон плохи. В особенности неприятна была Дюжикова. [365]

В ожидании скорого ответа, остаюсь искренно преданный и уважающий Вас

М. Салтыков.

30 Ноября [1879 г.].
П-бург.

22

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Прочитав доставленный Вами рассказ г. Невежина я понял так, что сюжет в том состоит, что старуха украла мешок с сахаром и чаем, а, кажется, даже и с яблоками. Хотя рассказ написан довольно живо, но по моему мнению содержание его чересчур уже слабо для солидного журнала. Мне кажется, что он был бы на своем месте в «Будильнике» или в «Петерб. Листке» и проч. Не желает ли автор, чтобы редакция передала его в одну из газет, и какие

будут его условия? Извините, пожалуйста, что я как будто не исполняю Вашего желания, но мне кажется, судя по письму Вашему, что для Вас это довольно безразлично.

А у нас здесь все чудеса в решете происходят, и во 2-м № «Отеч. Зап.» выдрала цензура ровно 4 статьи (в том числе и мою). Все это вынуждены были на скорую руку заменить другими, и книжка поневоле опоздала.

Боюсь быть пророком, но как-то невольно сдается, что едва ли не близок конец. Очевидно, что «От. Зап.» существуют единственно по неизреченному милосердию начальства. Но ведь и милосердию бывает конец.

К тому же, я никогда не бывал так болен. Уже три недели сряду не выхожу из дома и положительно с утра до вечера задыхаюсь. Был у меня в воскресенье Боткин и прописал лекарствица, от которого как будто полегче. Кашель сделался меньше мучителен, а вчера даже спал ночью. При таком изнурительном недуге не только писать, но и думать не хочется. Стало быть, производительность иссякает и полезным для журнала я быть не могу. Очевидно, журнал развалится само собой, как разваливается само собой III Отделение, которое все делало: и слезы утирало, и шпионов содержало, но одного не совершило: безопасности не достигло.

Здесь Тургенев. Ездит и предъявляет свое сердце.

До свидания, жму Вашу руку и ожидаю ответа, как поступить с рукописью.

Ваш *М. Салтыков.*

29 Февраля [1880?]

23

П-бург, 25 Июня.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вы, по всем вероятиям, находясь в деревне, напишите новую пьесу. Вспомните, ради бога, об Отеч. Записках в этом случае и не обидьте журнала, который столько лет сряду начинает новый год Вашей пьесой. Я думаю, что и без моего напоминания Вы дали бы нам новую пьесу, но во всяком случае считаю за долг выразить Вам, как глубоко я и прочие члены редакции дорожим Вашим сотрудничеством и вместе с тем желаю Вам сказать слово признательности за сочувствие, выраженное Вами в последнем письме к моей деятельности. Прошу верить, что оно мне отменно дорого.

Пушкинский праздник произвел во мне некоторое недоумение. Повидимому, умный Тургенев и безумный Достоевский сумели похитить у Пушкина праздник в свою пользу и медная статуя, я полагаю, с удивлением зрит, как в соседстве с ее пьедесталом возникли два суднышка, на которых сидят два человека из публики. Достоевский всех проходящих спрашивает: а видели вы, как *они* целовали у меня руки. И по свидетельству Тургенева (в Петербурге подагрой страдающего, но, кажется, сегодня уезжающего за границу), будто бы прибавляет: а еслиб *они* знали, что я этими руками перед тем делал.

Я сам уезжаю в субботу, 28 числа, за границу, сначала в Эмс, потом в Париж. Пробуду до 1-го Октября вне Петербурга.

По цензуре теперь легче, да и вообще полегчало. Лорис-Меликов показал мудрость истинного змия библейского: представьте себе, ничего об нем не слыхать, и мы начинаем даже мнить себя в безопасности. Тогда как в прошлом году без ужаса нельзя было подумать о наступлении ночи.

До свидания, будьте здоровы, и буде встретится какая-либо надобность до меня, то адресуйте письмо в Контору, оттуда мне его и доставят.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

[1880?]

24

22 Сентября [1880]. Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Возвратясь вчера из-за границы, я считаю первым долгом обратиться к Вам с обычною просьбой: дать нам для 1-го № Вашу новую комедию, ежели таковая у Вас имеется. Хоть наш журнал и считается ныне злонамеренным (в особенности я лично), но надеюсь, что Вы не откажите нам в продолжении Вашего сотрудничества.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Не будете ли Вы так добры — ответить мне.

25

22 Октября [1880].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Откликнитесь, пожалуйста, и обнадежьте нас. Ведь скоро ужь первую книжку 1881 года надо печатать. Крепко надеется на Вас редакция, да как-то было бы даже неестественно не Вами начинать год. Столько ужь лет так повелось — ужели возможны исключения? Ежели Вы не намерены допускать таковые, то, пожалуйста, уведомьте, как, когда и через кого получить. Весьма обрадуете.

Когда я писал в Париже коллоквиум двух мальчиков, то думал посвятить его Вам для постановки на домашнем детском театре в день ангела (я именно около этого времени писал); но без разрешения Вашего не хотел это сделать, а испрашивать таковое — далеко было. Но ведь Вы не обиделись бы — неправда ли?

Я все письма получаю с упреками, зачем стал мрачно писать. Это меня радует, что начинают чувствовать. А кабы разодрало с верхнего конца до нижнего — и того было бы лучше. Настоящее бы теперь время такую трагедию написать, чтобы после первого акта у зрителей аневризм сделался, а по окончании пьесы все сердца бы лопнули. Истинно Вам говорю: несчастные люди мы, дожившие до этой страшной эпохи.

Жму вашу руку и с нетерпением ожидаю ответа.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Видел в Париже Тургенева и хотел писать статью под названием: «Кто истинно счастливый человек», но больно ужь коротко выходит: Тургенев. Соблюдает все правила общежития, как-то: встречаясь с незнакомой женщиной (разумеется, дамой) на лестнице, поклонится (не бойся! не... у!), встречаясь с знакомой дамой на улице не поклонится (может быть она к любовнику идет и не желает, чтоб ее узнали) и т. д. Слегка попысывает, слегка по...вает, ездит в посольство, но не прочь поддерживать спошения и с рефюжье. Одним словом, умирать не надо. И Вы увидите, всех он переживет, и когда Виардо последние деньги из него высосет, то примет звание Наставника при будущем наследнике престола. Вот-то озлится Достоевский.

26

26. Января [1881].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Около 21 Февраля будет приходить к окончанию печатание 2-й книжки «Отеч. Зап.», а вслед за тем должна начаться печатанием и набор[ом] 3-я книжка. Эту третью книжку я полагал бы начать «Блажью». Экземпляра этой комедии у меня до сих пор нет, хотя Вы обещали мне прислать его еще в бытность Вашу в Петербурге. Комедию давали уже на сцене в бенефис Горбунова, но и г. Горбунов не потрудился доставить ее в редакцию. Будьте так добры, распорядитесь, чтоб пьеса была доставлена мне

или в контору не далее 3-го Февраля, чем премного обяжете искренно Вам преданного,

М. Салтыков.

Прошу Вас, не оставьте меня без ответа.

27

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Скульптор Бернштам, кончающий ныне мой бюст — и притом очень удачно — желает сделать Ваш бюст для Московской выставки.

Позвольте Вам рекомендовать этого талантливого молодого человека.

Комедия Ваша набрана и, конечно, Вам уже доставлена на корректуру.

Надеюсь с Вами видеться. Я простудился, ездивши смотреть на Сару Бернар, в чем раскаиваюсь.

Ваш

М. Салтыков.

15 Декабря [1881].

28

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вы совершенно напрасно заподозрили меня в меркантилизме. В моих глазах, денежный вопрос представляет давно несущественную важность, и я ни минуты не сомневался никогда в совершенной обеспеченности редакции в данном случае. Для меня важно следующее: в субботу 11-го числа пойдет в цензуру 12-й № журнала, а в пятницу типография будет требовать

материала для 1-й книжки будущаго года. Материал, конечно, у нас найдется, но все такой, который можно поместить в средине книжки, я же преимущественно рассчитывал на Вашу пьесу и непременно желал начать с нее год.

Собственно печатание можно начать между 22—25-м числами. А следовательно Ваша пьеса необходима не позднее 17-го числа, чтобы к 22-му успеть набрать и продержать корректуру, хотя первых двух актов, а остальные два акта могут быть присланы и 20-го.

Вот, собственно, что меня тревожит. Но само собою разумеется, что ежели Вы найдете невозможным выполнить эти условия, то желание мое ни мало не должно Вас стеснять, а тем менее денежный вопрос. Повторяю только: нехорошо будет *для* нас, ежели мы без Вашей пьесы выпустим 1-ый №.

Ежели Вы найдете возможным окончить пьесу в тех условиях, какие изложены выше, то я попросил бы присылать ее (в целом или по частям) не ко мне, а прямо в Главную Контору журнала (Бассейная, 2) с надписью: для передачи в типографию. Ее наберут скоро, и ежели Вам нужны копии, то я, вместо них, могу распорядиться высылкою Вам или исправленных корректур или чистых листов, сколько потребуется.

Во всяком случае, я попросил бы Вас к 15-му уведомить меня о положении дела.

Извините за назойливость. Отчасти тут виноваты газетные утки.

Искренно Вам преданный и уважающий

М. Салтыков.

[1882]

29

[*Рукою А. Н. Островского:*]
6 Октября, 1882 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Считаю приятнейшею обязанностью уведомить Вас, что «Отеч. Записки» еще существуют и, следовательно, не невозможно, что и 1-ый № 1883 года выйдет.

А так как мы с древнейших времен начинаем год Вашим произведением, то весьма естественно, что я своевременно озабочиваюсь вопросом: можно ли рассчитывать на Вас для январской книжки, по примеру прошлых лет. И если Вы имеете что-нибудь, то что именно, одни или в сотрудничестве и в скольких актах.

Вы весьма обязали бы меня, уведомивши поскорее.

Я имею известия и от Тургенева лично и об Тургеневе. И из того и из другого источника явствует, что он очень плох. Почти не ходит, хотя пишет твердой рукой. Ежели Вы вздумаете почтить старичка, то вот его адрес: France Seine et Oise, Bougival, villa Les Frenes Mr. Ivan (сохрани бог, Jean) Tourgeneff.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Феоктистов недоволен Толстым: слаб, говорит, не оправдывает надежд! Завтра или послезавтра ожидаем назначения Георгиевского на место Вяземского. А вдруг и этот окажется слаб.

30

6 Ноября [1882].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Сейчас контора уведомила меня, что сегодня же Вам заказным письмом послан денежный перевод на 1500 р.

Болезнь Ваша очень трогает меня. Все нынче болеют: может быть, года такие. Я вот уже лет шесть сряду ни одной минуты не чувствую себя здоровым. От Тургенева сегодня письмо получил; он чувствует себя удовлетворительно, *только* двигаться не может. Анненков нынче летом, будучи совершенно трезв, с горы скатился и разбил себе все лицо. Приходят, значит, такие лета, когда море за сушу принимается, пропасть за ровное место. А на-днях сижу у себя в кабинете и вдруг сам себя спрашиваю: где я? На печку смотришь: что такое? И вот, когда в этом положении приходится не только за себя, да и за других работать — становится тяжело. Я весь прошлый месяц до того был болен, что ничего не писал, не-смотря на крайнюю мою заботливость и аккуратность. Да и возможно ли писать, когда из 24 часов буквально 18 употребляешь на кашель. Через ночь совсем не спал. Теперь несколько легче, но именно только *несколько*.

Я ужасно боюсь, как бы Вы не опоздали с Вашей комедией. Дело в том, что январская книжка начнется набором 8-го декабря. В это время декабрьская уже будет доканчиваться и готовиться к отсылке в цензуру. А мы начинаем год с Вашей вещи и, следовательно, она должна

набираться первою. В уверенности, что пьеса Ваша будет готова к сроку, я так уже и устроился. Поэтому, будьте так добры, обнадежьте меня уведомлением, можно ли рассчитывать на получение Вашей пьесы между 6—8 декабря. Пожалуйста. Ужасно было бы неприятно, почти неловко, начинать год не с Вас.

До свидания. Выздоравливайте. И верьте искренной преданности глубоко уважающего Вас,

М. Салтыкова.

31

Многоуважаемый Александр Николаевич.

В газетах повествуют, будто бы Вашу новую комедию прислали уже Бурдину, в бенефис которого якобы она и пойдет.[366] Ежели это так, то, вероятно, Вы, по бывшим примерам, поручили ему копию с комедии доставить в Отеч. записки, т. е. мне. Но русский Гаррик никогда не обращал внимания на нашего брата мелкоту, и прежде передавал Ваши пьесы не торопясь; нет, стало быть, резона, чтоб он и на этот раз изменил своему высокоумию. Поэтому, не будете ли Вы так добры написать ему, чтоб он поторопился, ибо во всяком случае, в типографии наберут скорее, нежели перепишут. И ему же корректуру можно дать.

Извините, что тревожу Вас. 10-е число на дворе, и мы положительно не имеем что печатать для январской книжки.

Жду Вашего уведомления.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

2 Декабря [1882].

32

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я до сих пор не обращался к Вам с обычной просьбой относительно новой пьесы для январской книжки «Отеч. Зап.», прежде всего, потому, что сам еще не выяснил для себя вопрос, останусь ли я в будущем году редактором журнала. В настоящее время, однакож, обстоятельства мои так сложились, что я вынужден дело это предоставить естественному течению вещей, т. е. решился продолжать редактирование до тех пор, пока сама судьба не наложит на меня всевластную руку свою. Очень уж много рабочего люда лишится средств с прекращением дела, так пусть уж я ни причем останусь в этом разрушении. Да и самому мне туго в материальном смысле. А еслиб Вы знали, как писать тяжело!

Теперь же, по примеру прежних лет, взываю к Вам: ежели у Вас есть что-нибудь готовое, то не оставьте, пришлите. По обыкновению, срок для начала набора 1-й книжки — 10-е декабря.

Но если бы у Вас ничего готового к этому сроку не оказалось, или же если б Вы связаны были другими условиями, то, пожалуйста, ответьте, по возможности, немедленно.

Я крайне болен, обычные болезни осложняются еще случайными: прострелом, флюсом и т. п С каждым годом чувствую, как угасают силы.

До свидания, крепко жму Вашу руку и вновь прошу: не замедлите ответом на это письмо.

Искренно Вас уважающий *М. Салтыков.*

15 Октября [1883].

33

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю искренно за присылку пьесы,[367] которую сейчас же пошлю в набор. Я сам очень болен, и буду очень рад Вас видеть, ежели Вы в состоянии выехать. Плохо живется, плохо.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

10 Декабря [1883].

34

20 Декабря [1883].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю за заступничество и посылаю сказки. Но так как у меня *всего один экземпляр*, то ради бога устройте так, чтобы он был мне возвращен, потому что иначе мне очень трудно будет восстановить. На счет доставки Вам корректуры, распоряжусь.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

35

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Был вчера утром у Вас и к величайшему сожалению не застал, хотя старался поспеть раньше, то есть до часу. Желаю Вам счастливого пути и всяческих благополучий.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

12 Марта [1884?].

36

П-бург, 30 Октября [1884?].

Многоуважаемый Александр Николаевич.

В письме Вашем Вы не сообщаете адреса Вашей новой квартиры. А так как при высылке денег по Вашему старому адресу может произойти путаница, то, пожалуйста, пришлите поскорее новый адрес или телеграфируйте.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Пьесы Вашей еще не получил.

Семевский, Михаил Иванович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Русский «авось» велик; — авось — Вы дома сегодня, будьте добры исполните свое слово и зайдите вечерком посидеть — у искренно преданного и глубокоуважающего Вас

Михаила Семевского 2.

[1855]

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Беру смелость снова беспокоить Вас своею покорнейшею просьбою — подарить мне сего-

дняшний вечер, т. е. если Вы — свободны сегодня, то будьте добры — навестите

искренно преданного, и глубоко
уважающего Вас
Михаила Семевского.

1855 г., 14 Дек.

3

РЕДАКЦИЯ
исторического ежемесячного
журнала
«РУССКАЯ СТАРИНА»
изд. с 1870 г.
С.-Петербург
11 мая 1872 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Будьте столь обязательны, искренно уважаемый Александр Николаевич, сообщите мне для «Русской Старины» следующую справочку:

Что Вам известно о записках Л. П. Косицкой, артистки Москов. театров? Не писал ли их со слов Л. П. — Соленикова? У меня находятся две части записок до поступления ее на Московскую сцену в 1843 г. Записки поражают своею без'искусственностью, простотою, задушевностью рассказа. Местами они чрезвычайно интересны.

Известно ли Вам, что Косицкая писала стихи? Если знаете о записках ее, то не укажете ли, где находится *третья* их часть, т. е. именно та, в которой Косицкая говорит о пребывании на Мо-

ков. сцене? Наконец, могу ли я надеяться на то, что Вы для предисловия к запискам — сообщите, хотя бы небольшое предисловие об этой замечательной артистке?

Получаете ли Вы «Р. Ст.»? Я за особое удовольствие высылал бы ее Вам, если Вы того пожелаете.

С глубоким уважением имею честь быть
покорным слугой *Мих. Семевский.*

[На обороте:]

Батюшка — отец!

Присоединяю свою просьбу. Записки я сейчас прочитал. Писаны они чужой рукой и очень грамотно. Не Соленников ли их писал? Записки кончаются поступлением в Школу. Я помню этот рассказ: слышал от покойницы сам. В тетрадке есть несколько стихотворений. Не помню, чтобы она писала стихи.

Душевно Вам преданный
И. Горбунов.

4

«СКЛАДЧИНА»
Сборник изданный
русскими писателями
в пользу самарцев
11 Апреля 1874 г.
№ 16

Милостивый Государь,
Николай Александрович. [?]

Н. А. Некрасов передал мне Ваше письмо, и я тотчас же написал П. Г. Соловьеву в Мо-

скву, чтобы он без'оговорочно выдавал «Складчину» всем предъявителям билетиков за Вашею подписью. Книги будут ему посланы 14 Апреля, так как здесь «Складчина» выйдет завтра 12 Апреля.

С глубочайшим уважением
покорный слуга
Мих. Семевский.

5

«СКЛАДЧИНА»
Сборник изданный
русскими писателями
в пользу самарцев
21 Апреля 1874 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

После первого же Вашего письма, я уведомил г. Соловьева, чтобы он без малейшей задержки выдавал экземпляры «Складчины» по Вашим подписным билетикам, да и по всем другим подписным билетикам тех лиц, которые принимали подписку на «Складчину». Для удовлетворения этих подписчиков и для продажи — Соловьеву послано от Комиссии, членом ее Гербелем, несколько сот экземпляров; за них Соловьев должен представить частью деньги, частью подписные билетики, т. е. за каждый экземпляр «Складчины», выданный Соловьевым из магазина, он в свое время должен представить в Комиссию (к Гербелю или ко мне) *либо* подписной билетик, *либо* три рубля.

Это поняли все магазины, это делают здесь все магазины.

Если же этого г. Соловьев умышленно не хочет понять, то Комиссия вынуждена будет прекратить с ним всякое дело.

Это же должны делать г. Васильев, г. А. Глазунов, г.г. Салаевы.

Затем никаких особых подписных экземпляров я и не думал, и не предполагал посылать за исключением тех иногородных подп., которые внесли по 4 руб. и точно обозначили свои адреса — и все таковые (до 10 000 лиц) 16-го и 17-го апреля вполне удовлетворены.

Сегодня же послал телеграмму Соловьеву, но вразумит ли она его, не знаю. Покажите ему это письмо.

С глубочайшим уважением
Ваш покорный слуга
М. Семевский,
Председатель Комиссии,
заведывающий «Складчиной»

6

РЕДАКЦИЯ
исторического ежемесячного
журнала
«РУССКАЯ СТАРИНА»
12 Августа 1879 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Извините, что позволяю себе бить Вам челом, а челобитье мое — большое: поделитесь с читателями «Русской Старины» — каким-либо отрывком из Ваших записок. Не может быть, чтобы Вы не остановились на мысли о необхо-

димости писать свои записки. Многие из Ваших друзей и близких знакомых, — отшедших уже в иной мир, — принадлежат истории. Неужели одно это, независимо от того, что Ваша собственная деятельность — целиком принадлежит истории отечественной словесности, не вызовет Вас на составление своих «Воспоминаний».

А Ваше художественное творчество не требует ли оно также, чтобы Вы бросили взгляд назад — и поделились бы с Вашими соотечественниками — рассказом о постепенном ходе Ваших трудов, о тех вопросах, разрешение которых представляли эти высоко-художественные произведения, составляющие гордость и славу современной русской литературы.

Если письмо мое хотя наведет Вас на мысль, — рано или поздно, и чем раньше тем лучше, — приняться за свои «записки», — то я буду считать себя счастливым.

Неизменно, с ранней юности моей — беспредельно Вас уважающий и покорный слуга

Михаил Семевский. [368]

7

СПБ., 1879 г., 3 Сентября.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Сердечно благодарю Вас за те, вполне задушевные, строки, которыми Вы подарили меня в письме от 25 августа.

Не возвращаюсь к ним. — В них много горького и нет более горького, что все они — правда. Грустно за русское общество...

Но возвращаюсь к своей мысли о настоятельной необходимости Вам, именно Вам, — глубокоуважаемый Александр Николаевич, — бросить взгляд назад и оживить в своих «Воспоминаниях» этот род — даровитых, достопамятных и вполне замечательных, на всевозможных поприщах, русских людей, которых Вы знали, из которых некоторые были очень близки к Вам.

Выслушайте. — Я понимаю, что при постоянной работе, — в области художественного творчества — драматических произведений — к прозе не лежит у Вас сердце, да и досугу нет — для *труда* в прозе, хотя и в этой области словесности Вы бесподобно владеете пером, что всем известно.

Но ведь есть же часок отдыха? Набросайте лишь конспект самый сжатый. Призовите стенографа. За стаканом чаю — расскажите. — Какою бы напр. живою, прелестною личностью вышел в Вашем рассказе гениальный П. М. Садовский, боготворивший Вас и воплощавший, в своей игре, гениально созданные Вами типы... Я беру на выдержку только одно лицо из длинной галлереи Вам известных и вполне достойных *воскрешения*...

Записанное стенографом поправить и пригладить труд небольшой и всегда приятный...

С великим удовольствием заплачу я не менее ста рублей за печатный лист «Русской Старины» — Ваших рассказов и воспоминаний...

Наконец дело не спешное... Дайте лишь «Русской Старине» три четыре часа Вашего отдыха в течение недели и в два, в три месяца — у Вас явится большой отрывок из воспоминаний Ва-

ших. А дать своим соотечественникам отчет в процессе своего творчества, ввести их в эту чудную лабораторию, из которой вышли эти полные жизни типические представители и представительницы русского общества всех его слоев, — разве это тоже не превосходная задача, которой стоит отдать хотя некоторые часы отдыха и осуществить которую можно в «Воспоминаниях» при общем обзоре своей жизни.

Во всяком случае, не посетуйте на меня за это письмо. Верьте только одному, что пишущий эти строки в своем беспредельном уважении к Вам и к провидением данному Вам гению — остался столь же неизменным, каковым уважением преисполнен он был 24 года тому назад, когда явился к Вам в ноябре 1855 года.

Душевно преданный Вам

Мих. Семевский.

Большая Подъяческая, д. № 7,
СПБ.

8

РЕДАКЦИЯ
исторического ежемесячного
журнала
«РУССКАЯ СТАРИНА»
изд. с 1870 г.
С.-Петербург
19 Ноября 1879 г.

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Я сделал распоряжение о высылке Вам экземпляра «Русской Старины» за текущий год (на-

днях ее получите) и о своевременной доставке Вам моего издания в будущем году.

Примите мою «Старинушку» как знак моего беспредельного к Вам уважения.

Уведомьте обещанные подробности о группе писателей,[369] т. е. об их портрете 1856 г. или 1857 г.?

Приступайте к Вашему литературному и артистическому архиву. Превосходная мысль высказана Вами 11-го ноября по этому поводу. Нетерпеливо буду ждать ее осуществления. Не начнете ли с группы артистов? Письма Васильева, П. М. Садовского??

Душевно преданный

М. Семевский.

9

21 Июня, 1880 г.

Искренно уважаемый Александр Николаевич. Надеюсь, что июньская книга «Р. С—ны» дошла к Вам по летнему адресу, т. е. в деревню.— В июльской найдете множество весьма интересных «Воспоминаний», писем, материалов и пр. и пр., относящихся до *А. С. Пушкина*.

К зимним книгам «Р. С—ны», между многим другим добром, я собираюсь раскошелиться материалами к биографиям наших знаменитых артистов и артисток: Асенкова, Щепкин, Мартынов, Каратыгина А. М. (рожд. Колосова), Сосницкий, Ленский и друг. явятся вереницей на стр. «. Ст—ны». О Садовском же не имею ни строки. Куда как было бы хорошо, если бы Вы,

глубокоуважаемый Александр Николаевич, прислали о нем воспоминания. — Не дурно бы и портрет Садовского награвировать при «Р. С—не». Исполнением челобитья премного обяжете душевно преданного Вам

М. Семевский.

Большая Подъяческая, д. 7.

Стасюлевич, Михаил Матвеевич

1

СПБ., Галерная, 20.
21 Января, 1867. *Суббота.*

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Весьма рад, что по такому приятному обстоятельству для «Вестника Европы» имею удовольствие положить начало нашему знакомству. Ваша драма уже набрана, [370] теперь начнут ее верстать. Хотя я бываю весьма внимателен к рукописям моих сотрудников, но для человеческой немощи всегда есть место. Потому все таки прошу Вас пробежать верстку; я вышлю Вам ее по почте под бандеролью, и прошу Вас усерднейше не держать корректуры у себя долее 24 часов и возвращать мне тем же способом, надписывая: «В редакцию Вестника Европы, в Спб. Галерная, 20.»

Надеюсь, что я не оставил Вам много заботы по части опечаток, но все же что-нибудь могло проскочить. Надеюсь также, что и внешняя сто-

рона издания, шрифты, набор собственных имен лиц и т. п. Вы найдете удовлетворительным. Я приказал имена действующих лиц набирать прописью, а не текстом, как делается обыкновенно в видах экономии бумаги; за то это гораздно изящнее и опрятнее.

Относительно тех мест драмы, которые Вы согласились изменить, я опять сообщал Н. П. Костомарову, и он на днях напишет Вам сам: Вы опустили из виду показания Исаака Мааса—так говорит Костомаров.

Ваше желание напечатать для себя 3 000 экземпляров — будет в точности исполнено. В сентябрьской книжке журнала я сделаю объявление о выходе *второго* издания драмы и сдам экземпляры, кому Вы укажете. В ожидании же того, и может быть, прежде выхода мартовской книги, я доставлю Вам от редакции 10 веленевых экземпляров драмы для Вашего личного употребления.

Мы с Николаем Ивановичем с наслаждением читали Ваш труд; он изумлялся в особенности Вашему секрету владеть языком эпохи и быть до мелочей верну ее общему характеру. Василий Шуйский у Вас обделан до высокого совершенства: в изображении этой личности поэт берет верх над историком.

Позвольте Вас искренне поблагодарить за то, что Вы доставили Вестнику Европы возможность так великолепно дебютировать на поприще исторической беллетристики; прошедший год мы были вынуждены пройти молчанием в этом отношении. Начнем с Вашей легкой руки! Не оставляйте и на-предки!

С истинным почтением и полною преданностью, остаюсь покорнейшим слугой

М. Стасюлевич.

P. S. Полагаю, что первый лист корректуры можно будет отправить завтра или после завтра, т. е. в понедельник, и никак не позже вторника, а за тем каждый день будет новая посылка. Но не задерживайте долго, чем много обяжете редакцию и доставите ей возможность издать книгу 9 марта; а выпустить 10-го, значит уже опоздать!

2

Галерная, 20. 18 Ноября, вечер. [1867 г.]

Многоуважаемый Александр Николаевич, отправляясь к Вам сегодня, я все твердил себе: напомнить об обещанном письме Шуйской,—и кончил тем, что позабыл. Вы обещали это сообщить хоть при коротеньком письме от Вас; это было бы мне еще удобнее. Я буду ждать.

В один присест прочел я окончание «Василисы»;[371] Ваши работы можно печатать, зажмуря глаза. Самое сильное впечатление произвела на меня сцена Иоанна с Василисою в V действии, и монолог Василисы в начале IV действия. Это превосходно! Можно пожалеть только об одном, что она слишком в сжатых чертах описала жизнь и нравы современных ей боярынь московских; от нее, как от завистницы, можно было ожидать более подробностей, а самая жизнь того времени представляла большой материал к насмешкам для женщины, стоявшей

очевидно выше своих сверстниц, хотя, правда, свои преимущества она добыла путем порока. Но все же этот монолог превосходен, хотя от Василисы ждешь невольно более подробного протеста против заключения в терема, страха пред мужем и т. д.

Теперь буду ждать *шестого* действия с Вашей стороны, а именно присылки мне рукописей до отъезда Вашего в Москву.

Мой поклон Михаилу Николаевичу. Жму дружески Вам руку и остаюсь

преданный Вам

М. Стасюлевич.

Прилагаю рукопись.

3

30 Декабря. Субб., утро [1867].

Не имею от Вас, многоуважаемый Александр Николаевич, положительных известий, когда Вы приедете сюда, и потому посылаю Вам три формы корректуры вдруг, на удачу: если Вы еще в Москве — то успеете поправить и выслать мне назад; — если же нет, то здесь сообщу Вам другой оттиск. Будьте так добры не задержать, и во всяком случае дать с первой почтой весть о себе и о своем возвращении. Как поступать далее??!

Ваш

М. Стасюлевич.

Январская книжка выйдет в Петерб. — 1-го января.

4

Многоуважаемый Александр Николаевич, так как Вы очень заняты, то прошу Вас назначить мне час сегодня или завтра, чтобы я мог переговорить с Вами относительно неизвестных мне трех звездочек. [372] Я от Вас ничего не слыхал об этом и уже в январской книжке, как Вы знаете, объявил, на этом основании, что драма именно Вашего сочинения. Как тут быть? Мне не хотелось бы делать примечание в выноске, что редакция в январе ошиблась, и только во время корректуры узнала, что она ошиблась. Это будет очень неловко, а без такого примечания, подумают, что я с умыслом ограничился одним Вашим именем. После Вашего имени нельзя сказать ничего лучшего, а потому не найдете ли Вы возможным оставить одно Ваше имя, как то уже было объявлено в январе на январской книжке.

Таким согласием крайне обяжете искренне преданного Вам

М. Стасюлевича.

7 Января, 1868.

5

СПБ., Галерная, 20.
5 Мая, 1873.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Только дорожные сборы и сдача дел редакции помешали мне тотчас же поблагодарить Вас за новое посещение Вестника Европы вместе

с Вашею прекрасною «Снегурочкой». [373] На-днях у меня собрались И. А. Гончаров и А. Н. Пыпин, и мы, благодаря «Снегурочке», провели вечер как нельзя приятнее. Мы удивлялись и силе фантазии и покорности ей со стороны языка. Вы превосходно изучили наш сказочный мир и воспроизвели его так искусно, что видишь и слышишь какой-то реальный мир. Исполать Вам!

На-днях я был у М. Н., и мы с ним покончили издательские счеты; но об этом, вероятно, он Вам уже писал.

После завтра уезжаю в Киссинген, а «Снегурочку» запираю в несгораемый шкап на лето. Печатать ее позвольте в осенние месяцы, так как теперь, по журнальному *преданию*, наступает мертвый сезон.

Если имеете что мне сообщить, то пишите по прежнему адресу и отсюда мне перешлют за границу.

Еще раз Вам большое спасибо и поклон дружеский

Весь Ваш

М. Стасюлевич.

6

СПБ., Галерная, 20.
19 Июля, 1873.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Мне сообщил Мих. Ник., что Вы желаете просмотреть корректуру «Снегурочки», и потому

я распорядился набрать ее заблаговременно, чтоб иметь возможность доставить Вам корректуру. Завтра я высылаю Вам под бандеролью первую половину, а вслед за тем вышлю и остальное. Теперь моя просьба к Вам состоит в том, чтобы Вы не задержали высылаемого, и первую посылку отправили бы назад, не ожидая второй. При этом замечу Вам, что, так как Вы можете сделать, кроме корректуры, и поправки, то по почтовым правилам, Вы не можете высылать обратно под бандеролью или иначе посланное не дойдет до нас. Вам придется корректуру выслать, как письмо, в запечатанном конверте. Прошу Вас еще выслать по следующему адресу: *Спб. на Васильевском Острову, 2-я линия, д. № 7, в Типографию Стасюлевича.*

Если окажется вес слишком тяжел для одного письма, то разложите в несколько конвертов, или, наконец, вышлите все вместе посылкою по тяжелой почте; но это будет очень медленно, и потому я просил бы Вас лучше высылать в конверте письмом. Очень Вам буду признателен, если Вы исполните все эти тысячи моих просьб.

На будущей неделе я уезжаю вторично заграницу, чтоб омыться в море от второго предостережения, которым нас наградила судьба в лице наших печатных богов, подозревающих Вестник Европы в колебании доверия к Олимпу, который едва ли бы поколебали и сами титаны, а не только мы, грешные, мы и сами чуть держимся на ногах. Но нас уверяют, что мы колеблем небо и землю, и нечего делать—нужно ве-

рить, по пословице: один раз говорят, что ты пьян, другой раз говорят то же — ну и ложись! А нам именно сказали два раза, что будто мы пьяны. Ничего не поделаешь с нашими берендеями.

Жму дружески Вам руку и остаюсь искренне преданный

Вам

М. Стасюлевич.

7

17/12 73.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Я хотел сам заехать вчера к Вам, чтобы напомнить о данном обещании, но мой катарр не жалует Вашего дедушку «Мороза», и я просидел дома.

Не без страху открыл я Ваше письмо: думал — отказ. Но, слава богу, дело обошлось без беды. Мы сядем за стол в 6½ (половина седьмого), но если бы Вы немножко и опоздали: подождем! — не под дождем, уже и потому что теперь зима, и дождя вовсе не полагается.

Итак, до приятного свидания и веселой беседы.

Искренне преданный

Вам

М. Стасюлевич.

8

СПБ., Галерная, 20.
8 Март, 79.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Вам, быть может, попадалось на глаза задуманное мною лет пять тому назад дешевое издание (75 коп. том) нашей современной классической литературы в извлечениях из главных ее представителей. Общее заглавие издания — «Русская Библиотека»; до сих пор вышло 9 томов, каждый по 25 листов, с портретом автора и биографическим очерком. Вышли: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Жуковский, Грибоедов, Тургенев, Некрасов, Салтыков, гр. Л. Толстой. Имею теперь к Вам просьбу позволить заключить Вашим именем первый десяток, который, очевидно, будет и последним, на тех основаниях, на каких издавалась до сих пор Р. Б. Они очень просты: я издаю на свой счет 5000 экз., которые должны продаваться по 75 коп. с уступкою 25 проц. книгопродавцам; по покрытии типографских расходов из продажи первых экземпляров, все остальное поступает в распоряжение автора. От продажи 5000 экз. по 75 к. валовой сбор = 3750 р.; из этой суммы 25 проц., или ¼, достанется книгопродавцам = около 950 рублей. Из остальных затем 2800 рублей уйдет около 1200 рублей на покрытие расходов по изданию; таким образом, автору очистится около 1600 рублей.

Получив Ваше согласие, я составлю проект книги и пошлю Вам на рассмотрение. Затем

я буду просить Вас дать мне важнейшие факты для составления биографического очерка, но не так скупо, как то сделал Л. Толстой в т. IX Русской Библиотеки, который я высылаю вместе с этим, чтоб ознакомить Вас с внешностью издания. Михаил Николаевич оказал мне свое содействие по надзору за самим изданием.

С истинным почтением остаюсь преданный Вам

М. Стасюлевич.

Галерная, 20.

9

СПБ., Галерная, 20.
14 Марта, 1879 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

С большим удовольствием я получил вчера Ваше письмо, от 12-го, и нахожу, что Вы, к сожалению, правы. У меня был совершенно такой же случай: Тургенев находился в таких же отношениях к Салаеву, как и Вы, и Салаев соглашался только с тем условием, чтобы половина чистого сбора — в его пользу (если не ошибаюсь, это составило слишком 800 р.). Но, при сходстве Вашего положения с Тургеневым, есть и различие: Салаев издал *всего* Тургенева, а у Вас — одну часть. Главное — наследники — Некрасов и Краевский, а в их согласии и сомневаться нельзя. Но тут есть другое неудобство: в эту минуту Краевский за-границею — и следовательно, нужно подождать. Я справлюсь, когда его ожидают обратно. В ожидании же того,

я займусь составлением проекта выбора: может быть, окажется возможным обойтись без 9-й части и ограничиться первыми восьмью, тогда можно будет Салаева и не беспокоить. А вот я после побеспокою Вас вопросами хронологическими: в полном собрании не указаны года написания пьес и время постановки на сцену и на какую именно.

С истинным почтением остаюсь искренно преданный Вам

М. Стасюлевич.

10

СПБ., 1 Мая, 1879 г.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Наконец, я дождался ответа от А. А. Краевского; прилагаю Вам этот ответ в подлиннике. Итак, Ваше «Собрание» переменило своего помещика — и притом не совсем к лучшему, сколько я знаю по опыту. Но «попытка не пытка, спрос не беда» — напишите Ивану Ильичу Г. письмо, или поручите сделать то же от Вашего имени Михаилу Николаевичу. Притом, желательно было бы знать, сколько осталось экземпляров. так что в случае отказа, долго ли придется ждать освобождения из Вавилонского плена. Я с месяц тому назад купил все томы без всякого затруднения (это я купил для вырезки текста с целью подготовить программу в Рус. Библиотеку); значит, еще есть в продаже, но сколько — бог их знает.

Я пробуду здесь еще весь май, а может быть до того времени дело выяснится окончательно.

С истинным почтением остаюсь преданный

Вам

М. Стасюлевич.

11

17. XI. 79.

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Вы совершенно в своем праве, и для меня исполнение Вашего желания составляет расчет удобства избегнуть после почтовых сношений и заменить их более простою посылкою к Вам артельщика, который будет у Вас между 3 и 4 часами: в эту минуту он в походе и вернется после 2 часов.

Искренно преданный

Вам

М. Стасюлевич.

12

СПБ., Галерная, 20.
12. XI. 80.

Многоуважаемый и добрейший
Александр Николаевич,

Вы заставили меня нынешний раз, что называется, кусать локти с досады. Недели две тому назад я приобрел роман в 25 листов, который начнется с февраля, сверх иностранного — та-

кого же объема. Это совершенно запрудит отдел беллетристики на полгода, а январь в эту минуту набит битком. Душевно был бы рад воспользоваться Вашим предложением и много благодарю Вас за неоставление, но драма требует себе хорошего места, раздробить ее нельзя.

С истинным почтением остаюсь преданный

Вам

М. Стасюлевич.

13

17. XII. 80.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Спасибо Вам за предупреждение: я как раз хотел побывать у Вас около 12 часов, а теперь зайду, пожать Вам руку на дорогу или сегодня в 5 часов, или завтра к утру.

Искренне преданный

Вам

М. Стасюлевич.

14

21. XII. 81 г.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

«Да будет Вам стыдно» — других Вы известили о своем приезде, а меня — об отъезде. Очень сетовал я и на то, что Вы не застали меня дома, а еще более на то, что заявили о своем отъезде сегодня же вечером,

Надеюсь, что судьба не метила Вам за меня,— и Вы благополучно теперь созерцаете свой великолепный вид на Спаса.

Искренне преданный Вам и бегущий за Вами в догонку

М. Стасюлевич.

15

27. II. 82.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Исправляю должность музы Мнемозины — и напоминаю Вам наш вторник, 2 марта: в этот день мы ждем Вас у Донона, что у Певческого моста, в 6 часов вечера, и чаем провести время не без веселия.

Искренне преданный

Вам
М. Стасюлевич.

16

26. X. 84.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

От Вас я отправился прямо на Остров, и когда я произнес только имя одного из Ваших претендентов, а именно М., — то в ответ мне всплеснули руками: говорят, менее удобного человека нельзя и приискать для такого дела. Что же тут делать? — Мне приходит на мысль одно,

но дайте подумать до понедельника, — и тогда я явлюсь к Вам часу в пятом, и мы потолкуем об этом заново.

Искренне преданный

Ваш

М. Стасюлевич.

Стахович, Михаил Александрович

1

Любезный друг,
Александр Николаевич.

Вручите, пожалуйста, сему посылаемому Личарде Наездников и Москвитянина моего, и дайте ему адрес вашего переплетчика, он прямо туда и свезет наездников.

Ваш

Мих. Стахович.

22 Декабря, 1854 г.

[На обороте:]

Александру Николаевичу Островскому, а если нет дома, Ив. Федоровичу Горбунову.

Суворин, Алексей Сергеевич

1

6 Дек., 1880.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Шлю Вам свой низкий поклон и таковой же от Анны Ивановны и прошу Вас усерднейше—

не придете ли завтра (воскресенье) к нам и не прочтете ли у нас свою новую пьесу. Обязали бы и одолжили бы бесконечно. Надеюсь завтра утром побывать у Вас.

Ваш от всей души

А. Суворин.

2

18 декабря, 1880.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Мне приходится сказать Вам сегодня то же, что говорил я вчера. Для маленького «Нов. Времени» невозможно выходить из бюджета уже потому, что оно ежегодно приносит убыток в 5—6 тысяч. Высшая плата, которую мы платим там, 10 коп. за строку и больше этого я не могу предложить Вам за переводы из Сервантеса. Что касается отдельного издания интермедий, то я готов сделать его только на тех же условиях, на каких печаталось собрание пьес Ваших и Соловьева, на каких приобретались мною и другие издания, напр. Салтыкова, с незначительной только разницей. Я Вам говорил, что книга не идет, и если журналы имеют возможность предлагать высокую плату, то издатель книг этого не может. Тут расчет простой: число экземпляров, стоимость бумаги и типографии и гонорар. Больше тысячи экз. такую книгу, как интермедии Сервантеса, печатать едва ли возможно. Если класть гонорар во 100 р. с листа, то за книгу надо назначить 3 р., чтоб она окупилась и принесла какой-нибудь

комиссионный процент. Вам теперь решать. Я Вам очень благодарен за Ваше доверие ко мне, но книжный товар, как я убедился на опыте, товар ужасно неблагодарный.

Искренно Вас уважающий и преданный Вам

А. Суворин.

3

19 декабря, 1880.

Многоуважаемый

Александр Николаевич,

Сумму, о которой Вы говорите (250 г.), * препровождаю с особенным удовольствием. Извините, что не мог этого сделать сегодня, так как счеты по конторе в этот день уже были покончены. Желаю Вам здоровья и скорого возвращения сюда. Искренно уважающий Вас и преданный Вам

А. Суворин.

4

[20 дек. 1883]

Многоуважаемый

Александр Николаевич,

Я дома сегодня, но могу к Вам заехать завтра часа в 2 или три, если будете дома. Если не будете дома, дайте знать в телефон, если он станет действовать, — он перестал сегодня.

Ваш *А. Суворин.*

* В письме от 19 дек. А. Н. просил одолжить эту сумму, обещая «заработать» их переводами 5 — 6 интермедий или чем-либо другим.

5

12 Февр., 1884.

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

За то, что сердце говорит — благодарить не надо. А я писал о Вас от чистого сердца, от благодарного сердца за те хорошие моменты, которые я испытывал в театре в течение 18 лет, что я его постоянно посещал. Ваша последняя вещь растрогала всех так, что ничего подобного я никогда не видал.[374] Мужчины самые деревянные плакали. Возле меня сидел один художник, любящий корчить Мефистофеля. Он все время крепился, даже иронизировал надо мною, но последняя сцена так его захватила, что он приставил бинокль к глазам и продолжал в него смотреть на сцену даже после того, что занавес опустился. — Что вы, говорю, пойдемте. — А он все смотрит в бинокль, из под которого слезы текли. И надо отдать справедливость Стрепетовой — она просто сама себя превзошла. Вы когда-нибудь посмотрите, что она делает после того как срывает медальон и говорит «он, он»! Это вдохновенное у нее место, нечто такое, что вообразить себе трудно. Такая радость, ангельская какая-то, блаженная, какой я никогда не видал ни в жизни, ни на сцене. По моему, этому моменту в ее игре даже подражать нельзя. Что же было с Марьей Васильевной? Это уж последнее дело, если она начинает болеть. А Вы уезжайте скорей из Москвы и поправитесь. Я с Анной Ивановной, которая кланяется Вам и Марье Васильевне самым сердечным образом,

уеду в начале марта. Истомился тоже ужасно и совсем околеваю от головных болей. Марье Васильевне мой душевный поклон. Может, на масляницe приеду в Москву. Хочу около первопрестольной усадьбу себе купить; чтоб жить там летом. Дай Вам господи здоровья и еще несколько пьес.

Ваш от всей души

А. Суворин.

6

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Посылаю Вам *Записки* Греча, один экз. которых прошу передать Михаилу Николаевичу. Из под полы я ничего не продаю — это в ответ на вчерашнее упоминание Вами о цене книжки: в этом виде она не продается.

Очень обязали бы, если б заехали к нам в воскресенье чайку напиться и поговорить.

Искренно и душевно Вам преданный

А. Суворин.

29 Ноября, 1885.

Тихонравов, Николай Саввич

1

Позвольте вас просить, почтеннейший Александр Николаевич принять участие в литературном утре (в Пятницу 6 Апреля) в пользу воскресных школ. Студенты, учредители школ и депутат их, Ваш покорнейший слуга, были бы

Вам глубоко благодарны, еслибы Вы не отказались прочесть в пользу школ, что Вам будет угодно. И. Ф. Горбунов хотел быть у меня сегодня, и я душевно был бы Вам благодарен, если б Вы передали ему Ваш ответ, прибавивши, в случае Вашего благосклонного согласия, что мы имеем право поставить в программе.

Глубоко уважающий Вас

Н. Тихонравов.

5 Апреля 1860 г.

2

[1860]

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Сегодня я был у Вас, чтобы передать Вам покорнейшую просьбу студентов — учредителей воскресных школ—принять участие в литературном утре, которое дается в пользу этих школ 8 апреля. К величайшему прискорбию я не застал Вас дома и беру смелость перебросить Вам записку в чужой дом. Публикация об этом утре должна быть завтра, и потому я мог бы все потерять, если б медленности и внешней деликатности пожертвовал общим удовольствием видеть Вас в числе участников утра. У меня сегодня вечером обещал быть Иван Федорович, и я был бы Вам искренно благодарен, если б Вы передали через него Ваш ответ. В случае Вашего благосклонного согласия передайте Ивану Федоровичу, что угодно Вам будет прочесть: это нужно для программы.

Глубоко уважающий Вас

Н. Тихонравов.

5 апреля 1860 г.

3

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Пользуюсь случаем, чтобы при передаче Олеария рекомендовать Вам одного из главных устроителей нашего литературного утра г. студента Веровцева. Он передаст Вам, на чем мы пока остановились. Не хотелось бы, чтоб публика не слыхала Вашего чтения и будем надеяться, что 17 декабря увидим Вас в нашем кружке. Посылаю Олеария все наличные издания. Два издания взяты Бабстом, и я принял меры, чтоб мне их доставили немедленно.

Преданный и уважающий Вас
Н. Тихонравов.

[1862?]

4

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

После Вашего отъезда я нашел документ, на котором я основываю существование списков ролей при Алексее Михайловиче. Вот это место: «1673 года января в 22 день в приказе Галицкие чети окольничему Артемону Сергеевичу Матвееву... магистр Яган Годфрид, что ему надобно на комедию, подал роспись, а в ней пишет: что надобно на комедию: 1-е платья многово нет..... 4-е *четыре дести бумаги, написать робятом комедия*». Из других подробностей доклада надобно заключать, что

готовились ко второму представлению Есфири или первому Иудифи.

С истинным уважением и преданностию имею честь быть

Вашим покорным слугою *Н. Тихонравов.*

P. S. Из этого же доклада видно, что для репетиций комедии требовалось три дня.[375]

[1872]

5

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Очень прискорбно мне было узнать, что во время моей поездки в Лавру Вы приезжали ко мне и еще в отвратительную погоду. Мне очень было бы приятно видеть Вас у себя или к Вам приехать. В четверг вечером я попрежнему дома; но в четверг у меня много бывает студентов. Назначьте, какой Вам угодно день для нашего свидания и не откажите отписать, мне ли Вас навестить или Вы к нам думаете заехать. В субботу 1-го апреля я буду занят часов до шести в университетском совете; вечером у нас домашний праздник. В пятницу свободен весь вечер.

С глубоким уважением и искреннею преданностью имею честь быть

Вашим покорным слугою
Н. Тихонравов.

[1872?]

6

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Узнавши от дяди, что Вы находитесь в Петербурге, я решился обратиться к Вам с покорнейшею просьбою.

В мае 1886 года исполняется *50 лет* со времени первого представления *Ревизора*. Общество любителей российской словесности, открывшее с Высочайшего соизволения подписку на памятник Гоголю, постановило: в ознаменование этого пятидесятилетия иметь публичное заседание, посвященное памяти Гоголя. Я имею в виду приготовить к этому дню статейку о *тексте* Ревизора, коим руководствовались при первом представлении и долгое время потом. Этот текст, известный мне по Московскому театральному экземпляру, *не совпадает ни с одним из печатных*. Но в экземпляре Московского театра, представляющем копию с цензурного экземпляра Петербургских театров, многие места написаны неисправно, иные зачеркнуты. Для моей работы необходим цензурный экземпляр Петербургских театров, *подписанный 2-го марта 1836 г. цензором Евстафием Ольдекопом*. Вы имеете возможность, через любого из петербургских артистов, взять этот экземпляр и привезти на короткое время в Москву. Вы оказали бы мне величайшее одолжение, если б захватили с собою этот экземпляр; — я готов буду сверить с ним свой текст, хотя бы у Вас на квартире. Во всяком случае я продержал бы его не более

дня, так как подготовительная работа мною уже кончена.

Извините великодушно, что беспокою Вас своею просьбою: В Петербурге у меня нет знакомых, близких театру.

С глубоким уважением и истинною преданностию честь имею быть

Вашим покорным слугою

Н. Тихонравов.

[1885?]

Гр. Толстой, Лев Николаевич

1

Очень жалею, любезный друг А. Н., что не успел проститься с тобой еще раз. Выздоравливай скорее и приезжай в Петербург и напиши мне оттуда. Благодарствуй за комедию. [376] В публике, где мы читали, она имела успех огромный. Мое впечатление в отношении сильных мест и лиц усилилось, в отношении фальшивых также. По моему их немного — только интрига Вишневских и еще кое-какие мелочи. Ежели бы этих пятнушек не было, это было бы совершенство, но и теперь это огромная вещь по глубине, силе верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова.

Мне на душе было сказать тебе это. Ежели ты за это рассердишься, тем хуже для тебя, а я никогда не перестану любить тебя и как автора и как человека.

Твой *Гр. Л. Толстой.*

[Вверху письма рукою Островского помечено:] «Пол[учено] 30 янв., 1857 г.»,

2

Любезный друг, Александр Николаевич. Письмо это передаст тебе мой друг Влад. Григор. Чертков, издающий дешевые книги для народа. Может быть ты знаешь наши издания и нашу программу. Если нет, то Чертков сообщит тебе. Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей и имеет нравственное содержание, согласное с духом учения Христа. — Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, а потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если бог тебе это положит на сердце. Обо всех подробностях, если ты согласишься (о чем я очень прошу и в чем почти уверен), то о всех подробностях что, как печатать и мн. др. переговори с Чертковым. Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно общенародным в самом широком смысле писателем.

Любезный Александр Николаевич. Наконец, спокойствия и здоровья.

Лев Толстой.

[1886]

Турбин, Сергей Иванович

1

Любезный Александр Николаевич. Наконец, все мои хлопоты кончились: тело Мартынова

завтра будет отправлено. Вещи, кроме ящика, отосланного по почте, переданы Степану. Почтенный друг мой, Григорий Петрович Данилевский, уже являлся ко мне для получения разных сведений. Когда-то, где-то, что-то было им напечатано о Мартынове, а теперь они изволят хотеть отрыгать жвачку. Но бог с ним, пусть его. Я получил письмо от Федорова, в котором он просит Вас написать что-нибудь о последних минутах жизни покойного Александра Евстафича. Согласно Вашего желания, посылаю к Вам 2 портрета Ваших и один Бобровой. Сия последняя нарядившись в сарафан и кокошник, нацепила такую поднизь, что даже сам мой друг — Антип Полицеймейстер (ужь на что бестия) не отыщет лба ни под каким видом. Если будете писать ко мне, не забудьте сообщить, что за журнал будет «Искусство» и в какой степени в нем будет принимать участие Писемский. Может быть, и я черкну что-нибудь. Писать бы не стать больше, но боюсь наскучить и потому возопив велиим гласом: «до свидания»! остаюсь преданный Вам на всегда, с ног до головы и обратно.

С. Турбин.

30 Августа. Харьков. [1860].[377]

Если Вы сегодня имянинник, то я Вас поздравляю.

Барыня моя Вам кланяется, Лизавета Николаевна тоже, Щербины тоже.

Передайте мой поклон Садовскому и Шуберт.

2

Любезнейший Александр Николаевич, Ваше письмо я получил вчера и спешу отвечать не-

медленно. В настоящее время в Харькове, кроме страшной скуки и невылазной грязи, нет ничего нового. Театр наш замкнут, и бедные актеры уже поступили на пищу святого Антония, потому что в продолжение траура жалованья им не полагается. О Петербургском исполнении *Старого друга* я у Вас не спрашиваю, будучи уверен загодя, что сии чиновники и оные барышни, еще не дошли до понимания того, что просто и естественно. В Москве, дело другое: Вас послушают немедленно и выйдет так, как следует. Если *Старый друг* пойдет при теперешнем составе труппы, то я думаю у нас Васютина играть Нечаеву, Густомесова—Бергу, Оленьку — Кириловой, мать ее — Рыбаковой, мать Васютина — Лавровой. Отца — Соловьеву, который в ролях комических стариков очень недурен. Сваху — М-me Берг, Ореста положим Выходцеву. При такой обстановке пиеса пойдет отлично, конечно, для Харькова. Если эта раздача, по Вашему мнению возможна, утвердите ее Вашим согласием, о чем напишите к Щербине.

По сказаниям летописцев, П. С. Федорова и М. П. Мартыновой, мою *Пансионерку* запретила цензура, полно — так ли? Мне кажется, что ее забраковали в другом месте; за что я не только не сержусь, но даже доволен. Такой жиденькой штучке вовсе не след итти было в один спектакль с пиесами Вашею и Тургенева, и потому ей лучше было скончаться потихоньку, чем умереть постыдным образом conspectusomnispopuli. Новая драматическая фантазия Вашего покорного слуги, под кличкою «*Свекровь и Теща*», кончена, и если не будет сожжена, то Вы ее полу-

чите. Лизавета Николаевна Вам кланяется. Вот ее адрес: на Мало-Немецкой улице, в доме Литварева. Фотограф Аршава решительно отказавшийся от платы за Ваши портреты, просил меня передать Вам, что если Вы подарите ему Ваши сочинения, то он не только почтет себя вполне вознагражденным, но даже еще готов служить двумя экземплярами. Боброву мы опять снимем в другом виде, без подписи и тоже пришлем. Можно прислать и Федорову, если хотите. Вот все, что мог написать Вам вполне и от души преданный

С. Турбин.

28 Октября [1860].[378]

Прову Михайловичу кланяйтесь, а Александре Ивановне * не кланяйтесь, поелику я на нее сердит, а за что, она сама знает.

Барыня моя Вам свидетельствует свое почтение, Ваня тоже. Он теперь счастлив до нельзя: с неделю назад ему удалось убить дикую утку и вальдшнепа.

3

Грех Вам, добрейший Александр Николаевичь, иметь обо мне такое нехорошее понятие. Скажите, ради бога, за что, как и почему я могу иметь к Вам претензию? А что Вы не получили двух моих писем, что я вижу из содержания Вашего, то я право не виноват. Но об этом полно.

Харьковский театр, благодаря дикобразию Щербины, приходит в расстройку. Берги, Рыба-

* Шуберт, артистка моск. театров.

ковы и Соловьев уехали; Кирилова сошла со сцены, а к довершению всех прелестей пожаловал к нам сам господин Милославский. Теперь пойдут *Клары д'Обервиль*, *Серафимы Лафайль*, *Он помешал*, *Они помешали*, *Оно помешало* и проч., и проч., и проч... Короче, будет очень весело. Марья Николаевна Боброва сделала, при моем содействии, блистательную партию или глупость (оба названия совершенно справедливы): она вышла замуж за ротмистра барона фон Радена. Родственники Барона приписывали мне Инициативу (ужасно гадкое слово) этого мезальянса, хотели было меня съесть, но не съели. Недели три, по крайней мере, Харьков был сильно занят этим событием. «Вы слышали?» — Что — ? «Барон Раден»!.. — Ах да!.. «Это все Турбин»—Конечно, кто же больше.— «Il n'a foi ni loi» [379] и так далее, все в этом роде. Назначение нового губернатора и ежеминутное ожидание ответа на крестьянский вопрос [380] отвлекли умственную деятельность в другую сторону. Барон до сих пор не насмотрится на свою баронессу, а баронесса уже кажется того, то есть в интересном положении.

Лизавета Николаевна Федорова продолжает хандрить, блажить и лениться по прежнему. Ровно две недели она сбиралась писать к Вам; были даже приготовлены все письменные принадлежности, но все кончилось сборами. Дозволение снять портрет получено мною давно, но то зимою холодно, то летом жарко, то весною ветрено, то осенью сыро — следовательно, нет никакой возможности выйти из дому. Если же климатические условия оказываются безукориз-

ненными, являются препятствия гигиенические, как-то—головная боль, спазмы, нервы и тому подобные несчастия. Однако надежда мною не потеряна.

Нелепейший слух о Вашей смерти, завезенный в Харьков каким-то московским дурнем, заставил меня телеграфировать к Садовскому. Получив ответ, в содержании которого я не сомневался загодя, я написал письмо; но увы. по части корреспонденции Пров Михайлович должен быть сродни Лизавете Николаевне. — Новое произведение моей творческой фантазии, под кличкою «Свекровь и Теща», прикончено, но так как я не могу мозгами шевелить в настоящем виде, то оно вышло сильно плохо и потому должно остаться под спудом. По содержанию, к сценам из военнопоходной жизни оно нейдет. Вы его, впрочем, получите для распоряжения по Вашему усмотрению. Прежние мои грехи предавайте тиснению, буде есть возможность окупить продажею издержки типографии. Если будете писать ко мне, уведомьте, что за личность Генслер, поместивший *в Библиотеке для чтения Гаванских чиновников*. От этой штуки я, мой Ваня и Тирочка пришли в азарт и, кажется, выучили наизусть целые страницы. Может быть, Вы не разделяете нашего увлечения и, пожалуй, еще и посмеетесь над нами, что же делать, бывают на свете еще и не такие обстоятельства. Но чаша Вашего терпения переполнилась и потому я оканчиваю (да и думаю все). Будьте здоровы, веселы и счастливы, чего лишь от души желает преданный на всегда

С. Турбин.

Из Воронежа на-днях приехала к нам А. Е. Розанова и принята за 35 руб. в месяц + 3 полубенефиса.

Какой у меня портрет M-me Берг в роли Татьяны (Чужое добро в толк [?] не идет), что просто отдай все и еще мало!..

Только вы не забудьте обещания выслать Ваши сочинения Аршаве. За это он готов будет снять для Вас пол-Харькова. Кланяйтесь от меня А. П. Шуберт и П. М. Садовскому. Портреты Федоровой и Розановой пришлю очень скоро.

Адрес мой просто: в Харьков, Турбину. Все собаки знают.

[1861 г., начало].

4

Уважаемый Александр Николаевич, благодаря моей настойчивости, лень Елизаветы Николаевны побеждена, и в доказательство прилагается портрет. Розанова, обратившаяся на нашей сцене в Быстровскую, претерпевает сильное гонение от Милославского. Сей великий артист между Харьковскими хлыщами нашел себе поклонников и приобрел форс, на основании которого выделывает разные штуки и артикулы. По громко высказанным отзывам Милославского, причина вашего внимания к бедной Александре Ефимовне, основана на существовавших между ею и Вами интимных отношениях. Что же касается до Г. Щербины, то сей довлий муж составляет вернейшее изображение скотины. Да оно и кстати: рифма богатая. Вообразите себе, что к нему писала Линская, которая теперь

в Курске, и он даже не потрудился ответить ей. Одно слово—свинья, и больше ничего. Это письмо и портреты Вы получите от моего доброго знакомого, Василия Петровича Плющева, который вызвался избавить меня от почтовой пересылки. Вот все, что может сообщить Ваш преданный от души и на-всегда.

С. Турбин.

11 Июня. Харьков [1861].

Поклонитесь от меня Прову Михайловичу и Александре Ивановне. Что с моими драматическими творениями?

Тирочка и Ваня свидетельствуют Вам почтение.

Если не в труд и не в тягость, напишите.

5

Уважаемый Александр Николаевич. Посылаю к Вам мое юродивое чадо [381] и прошу быть ему восприемником. Прову Михайловичу я его не предлагаю, потому что у него, вне всякого сомнения, будет что-нибудь лучшее, а если только захочет, то, конечно, скорее ему, чем кому-нибудь. Плохо зная состав Московского театра, я не распределял ролей, и хочу только чтобы Дехтярева играл Садовский, Ольгу Васильевну—Колосова и Заровного—женщина. Впрочем, все это одни предположения, потому что, по всем вероятностям, пиеса будет забракована. Письмо это Вы получите от студента Виктора Ивановича Роганева, очень милого и очень теплого юноши, которого я очень люблю. Он, кстати, расскажет Вам о случившемся со мною казусе.

Портрет Александры Ефимовны будет Вам прислан, как только она возвратится из Полтавы, где теперь лицедействует вся Харьковская братия. Затем, пожелав Вам всего хорошего, остаюсь преданный от души и на всегда

С. Турбин.

Если Садовскому будет моя штука не нужна, то ею может распорядиться А. И. Шуберт. При этом скажу еще вот что, буде с дирекции можно получить хотя малую толику, то это при моей гнусности, было бы просто ахти мне, т. е., сорт много выше первого.

25 Июля. Харьков [1861].

Благодарю Вас за «*Свои собаки*» и если можно при случае пришлите мне *Старого друга*, *Грозу* и *Воспитанницу*. Адрес мой просто: в Харьков, Турбину. Все собаки знают.

6

Вот уже в 3-й раз я пишу к Вам, многоуважаемый Александр Николаевич, а Вы...

Хранит упорное молчанье
Неподкупной уездный суд.

(Из ненаписанной поэмы).

Ну, да бог с Вами. Ваше время дорого и его грешно тратить на переписку с таким пустомелею, как я. — Портрет Александры Ефимовны посылаю; этот кажись лучше, а ей самой хуже. Мистер Щербина, маркиз Милославский и барон Выходцев заели бедную девушку совсем: ролей не дают и с свойственным им благородством и великодушием выкидывают самые по-

разительные мерзости. Л. Н. Федорова Вам кланяется; она поступила на сцену и хочет играть Кабаниху, Ничкину, Большову, ну, да одним словом, все Ваше, для нас подходящее. О самом себе скажу коротко и ясно: я сделался еще нелепее прежнего (казалось бы трудно). Тирочка и Ваня Вам кланяются, а я, оставаясь в нетерпеливом ожидании Вашего ответа, рукоприкладствую. Преданный с ног до головы и обратно

С. Турбин.

Поклонитесь от меня А. И. Шуберт и П. М. Садовскому.

По причине, когда-то мною упомянутой, посылаю портреты «при сей верной оказии», которая состоит в нижнем чине и именуется Егор Степанович Весич.

6 Сентября [1861].
Харьков.

7

9/21 Мая. Варшава. [1864].

Уважаемый Александр Николаевич, помнится мне, что, прощаясь с Вами, я вызвался прислать Вам комедии графа Фредро и, как видите, оказываюсь в надлежащем виде. В Варшаву я вкатился 1 мая в 6 часов вечера и прямо в театр. Шло «Пробуждение Льва», и Жулковский был восхитителен до безобразия. Рихтер, к сожалению, болен, и я еще не видал его. Актрисы по прежнему — подлец. Но прежде чем про Варшаву, расскажу кое-что о Гродне, где я не был ровнехонько 20 лет. Гродно не изменилось ни на волос: та же вонь, те же жиды, те же дрянные

домишки и, наконец, та же грязная цукерня, тот же биллиард и та же компания подвизающаяся à la guerre. Ей богу. Разных шерстей (по Щедрину) офицеры, чиновники и помещики тыкали киями то красным по белому, то белым по красному наидружелюбнейшим образом. Вся разница, замеченная мною, состояла в том, что вместо прежних кавы и гербаты игроки вкушали Баварское пиво, чему я от души порадовался. В гродненской губернии русских всегда принимали очень радушно, да и теперь я, при всем старании, не заметил не только ничего враждебного, но даже подозрительного. Говорят, впрочем, что год назад было совершенно не то. Теперь про Варшаву. Зрителей в театре было битком, и число мундиров уступало числу сюртуков и фраков. Барыни разтраурились и очень курьезно: к черному платью пришьют красную, лиловую, а всего чаще синюю полосу, на шляпку приколят цветок и квит. Но есть уже совершенно остро-пестро. На улицах шум, гам, движение; жиды снуют с утра до вечера, и, чего я никак не ожидал, цены вовсе не возвысились, напротив многое стало дешевле 56 года, в котором я заезжал в Варшаву из Крыма. Базары полнехоньки. В Саксонском саду всякий день толпа. 2 мая был парад на Уездовской площади и зрителей было видимо невидимо.

К числу старинных Варшавских обычаев принадлежит гулянье 3/15 мая на Белянах; это за городом у Камальдульского монастыря. Жонд запрещал это гулянье, и его два года к ряду не было, а теперь загуляли по прежнему. Хождение с фонарями продолжается, и в ясные

лунные ночи, как например теперешние, штука выходит препотешная, тем больше, что большая часть фонарей меньше всякой данной величины. Трактиры приказано запирать после 10 часов, но это не соблюдается. И все это сделалось недавно, а еще не дальше, как зимою было колобродие и шатание великое. Оно и то сказать, почудили и будет. В былое время Варшава изобиловала нахально-возмутительными физиономиями Европейского склада. Эти господа постоянно посматривали на нашего брата презрительно, теперь их чрезвычайно мало, да и те, которые остались, улыбаются, кланяются и выделывают различные курбеты до того, что смотреть тошно. В день нового года здесь появился юмористический листок Коса, но увы на другой же день была открыта типография, так на первом номере и кончилось. Я видел этот листок: остроумие довольно пошлое. О бандах ни слуху ни духу, но по дорогам все еще продолжают ездить с конвоем. Графом Бергом [382] по-видимому, очень довольны, по крайней мере не слышно ни жалоб, ни нареканий. Вы, пожалуй, подумаете, от кого же я мог слышать жалобы, а свои-то на что? Мы сами такие само-критики, что просто мое почтение. У нас ходи в аккурате, а нет всякое лыко в строку пойдет. Однако я успел уже Вам надоесть и потому заканчиваю. До свиданья; преданный и уважающий

С. Турбин.

Прову Михайловичу передайте мое уважение.

На днях я приступлю к переделке польской комедии Iaky ojcec taky syn, которую думаю на-

звать *Сынок в батюшку*. Это будет для генерала Дитятина. Мой адрес: в Варшаву, в управление Генерального Штаба, для передачи по принадлежности.

[Сбоку:]

В 1-й том вложены карточки Жулковского, Рихтера i obligacia tymczasowa.

8

27 Октября. Рыки [1864?]

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Ваше письмо, полученное мною только 20 октября, подтвердило мои догадки о причине Вашего молчания. О себе много не скажешь: грязь, жиды, скука, вот три точки, вокруг которых обращается наше квартирование в Польше. Все слухи о разорении края, о неистовствах наших солдат, о безобразии офицеров—самая гнусная ложь и клевета. Что же касается до поляков, то даю Вам честное слово, что им можно сочувствовать только издали. Вблизи же делается невыразимо гадко. Лесть, низкопоклонничество, подлость и доносы друг на друга до того вошли в плоть и кровь здешней интеллигенции, что видишь и не веришь. Да, ну их к черту.

Из *Инвалида* я узнал сперва, что Ваши *Шутники* сыграны, а потом напечатаны, [383] и в настоящее время обуреваюсь желанием проглотить их. Помогите горю, пришлите оттиск. Ваше *Доходное место* переводит на немецкий язык бывший лектор Московского Университета Геринг,

он за-границею, а я это знаю от его сына, который лекарем в нашем полку. Пиесу он озаглавил как-то мудрено. Старик хотел взяться за *Сани*, но сын, по моему совету, отсоветывал и предложил *Воспитанницу*. По моему мнению, *Сани* непереводимы. Все тонкости чисто русской речи, неминуемо исчезнут при употреблении gehabt haben и частички zu, отнесенной к концу.

Вчера в нашем местечке ночевала партия политических арестантов, их было 25 человек, в том числе 2 ксендза и 1 монах капуцин и 1 женщина. 12 идут на каторгу, 12 на поселенье и 1 в каземат.. Я Вам пишу потому, что пересмотревши несколько тысяч этого народа, только вчера встретил 2 юношей, откровенно говоривших, что они пошли в повстанцы по своей воле, все же остальное неиначе как z mus , т. е. по принуждению. Как Вам это покажется. Оставаясь в полной уверенности, что Вы исполните мою просьбу, оканчиваю. Душевно преданный

С. Турбин.

Поклонитесь всем Вашим и Прову Михайловичу.

Барыня моя свидетельствует Вам свое уважение.

Адрес: Люблинской Губернии в М. Рыки, через станцию Мощонку.

9

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Еще раз решаюсь повторить Вам мою покорнейшую просьбу относительно разрешения

с Вашей стороны играть в Вильне «*Василису Мелентьеву*» для бенефиса Г-же Мельниковой. Этим Вы сделаете доброе дело и вместе обяжете преданного Вам от души и навсегда

С. Турбин.

Марье Васильевне передайте мое почтение. Потомство, и в особенности черненьких, поцалуйте.

3 Ноября [1864?]

Ваше согласие, если Вы им удостоите, пришлите ко мне или прямо в Вильну Цейдлеру.

10

[1865]. 9 Генваря. Омск.

Уважаемый Александр Николаевич,

Уезжая в Сибирь, я дал слово написать к Вам и до сих пор не исполнил своего обещания. В Иркутске я пробыл не долго: всего месяцев 8, а потом попал в Омск и уже успел съездить в Большую Орду, персонально познакомиться с озерами Балхашем и Иссык-Кулем. Дорожные мои заметки печатаются в *Петербургских Ведомостях*, где, если хватит у Вас терпения, можете прочитать. Со временем там же помещу поездку в Киргизскую степь и кое что о сибирском казачестве. Киргизы — это чудо что такое. Казаки — мерзость запустения. Дичь, пьянство, лень и невежество до того присущи этим прирожденным воинам, что порядочный человек между ними является в виде исключения и

даже преследуется. Удивительнее всего, что хороший крестьянин-сибиряк, переименовавшись в казаки, сразу делается бездельником. От воевавших в степи моих товарищей я слышал, что в добавок здешние казаки отъявленные трусы, зато первоклассные грабители, иначе барантачи, по местному названию. Вы были в Крыму и, вероятно, видали степных татар, и потому Вам нечего рассказывать, что такое киргизы, это те же татары, только гораздо послушнее, честнее и добросовестнее и вообразите, что при всем нашем старании и известном умении портить целые племена, эта штука удалась, да и то не вполне, только относительно султанов и других влиятельных особ. Ну, да обо всем этом прочтете со временем.

Для Вас я берегу китайскую трубку, подаренную мне Султаном Большой Орды Тезеком, с которым мы сильно подружились: он выпил около ¼ ведра моей водки, и я около ½ ведра кумысу собственноручно приготовленного 3 супругами его Величия. Киргизский кумыс очень вкусен, но выпивши его порядочное количество, можно нагрузиться до риз положения.

А как Вы думаете, кто муллит в степи. Верно, не угадаете. Большая часть Киргизских мулл наши Казанские и Рязанские татары из беглых солдат (есть и ех-каторжане) и ничего: слава Аллаха не умаляется ни на волос. Еще там есть, но я уже чувствую, что надоел Вам, и потому, пожелав Вам всего хорошего, оканчиваю.

Весь ваш *С. Турбин.*

Барыня моя Вам кланяется. Если будете писать ко мне, то адресуйте в Омск, подполковнику Генерального Штаба.

Я читал объявление о новом издании «*Русская сцена*. Если можно, отдайте туда мои драматические произведения. Условия зависят вполне от Вас.

Я читал о Московском спектакле в пользу раненых,[384] в котором Вы являлись Густомесовым. Мы здесь тоже играем — и ничего. Старый друг пойдет у нас на масленице, Густомесовым буду я.

Потрудитесь передать от меня поклон Прову Михайловичу.

11

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Вчера я был у Корша и узнал от него, что Ваш двойник по имени, личность для него совершенно неизвестная. О журнале Валентин Федорович пишет к Вам сам, но, сколько кажется, это дело далеко еще нерешенное. Вчера же давали Вашу *Бедность не порок*, и мое отношение к Струйской возросло еще на 20%. Васильев будет играть Грозного в драме Толстого[385] это решено утвердительно. Вот все, что может сообщить Вам преданный от души

С. Турбин.

30 Ноября. СПБ. [1866?]

Мой привет Агафье Ивановне, юноше и Прову Михайловичу.

12

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

При всем моем желании проводить Вас, я попал на чугунку, когда она испустила свист и шипение. Очень было досадно, «абер вас золь ман махен», как говорят русские генералы, конечно, не все, но большая часть оных (72% по последним исчислениям). Посылаю Вам, т. е. не Вам, а Вашему потомству, билет на «Досуг и дело» в будущем году и книги.

Есть и моей стряпни, есть и Погосского, а одна даже Максимова. Когда придутся сколько-нибудь по вкусу, то можно прислать еще. Ради бога обратите внимание на прошение, посланное мною к Родиславскому от Мельниковой, а я будучи в Вильне, сам обращусь к Потапову, с которым когда-то были приятелями и вместе ремонтировали. Он в качестве поручика Л. Г. Гусарского полка, а я в чине подпоручика 5-й артил. бригады. Да, костати, теперь в Вильне мой задушевный друг—Аркадий Столыпин, тоже товарищ Потапова и, кажется, мне удастся выхлопотать соглашение в пользу нашего общества. Жена свидетельствует Вам свое уважение, а я рукоприкладствую.

Вполне, совершенно и искренно преданный

С. Турбин.

25 Декабря, [1867?].[386]

[Приписка карандашом рукою Островского:]

я, даже без всякой вины с моей стороны, подал В. повод заключать о моем нерасположе-

нии к О. Как доказательство противного, я теперь же предлагаю В. роль в моем новом произведении.

Тургенев, Иван Сергеевич

1

Любезный Александр Николаевич, я сегодня приехал в Москву — и очень желаю Вас видеть— будете Вы завтра вечером около 8 часов дома?—Я непременно буду у Вас. До свиданья.

Преданный вам
Ив. Тургенев.

Четверг, [1855, Январь?].

Адрес: У Николы в Воробине, в доме Островского.

2

Париж.
7/19 Ноября 1856.

Любезнейший Александр Николаевич, много думал я о Вас все это время и не однажды пересылал Вам поклоны через общих наших знакомых. — Искренно огорчило меня несчастное происшествие, случившееся с Вами; я сам в молодости ломал свои члены и знаю, как это гадко. Надеюсь, что Вы теперь уже окончательно выздоровели и ходите.[387] — Боткин писал мне что видел Вас; также сообщил мне, что Вы пи-

шете повесть; с нетерпением ожидаю ее появления в Совр—е; (я получаю его здесь), а что Ваш «Минин»? Эту вещь Вы непременно должны сделать — кроме Вас ее сделать некому — и надо чтобы она у Вас вышла капитальною вещью. — Здесь, на чужой земле, мне все русское еще более близко стало и дорого; — а ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас. Подарите нас всех и меня в особенности «Мининым»;—а мы Вам поклонимся все в пояс.

Что мне сказать Вам о себе?—Я не более двух недель как поселился в Париже; всю осень я прожил в деревне, в 60 верстах отсюда, охотился, бездействовал и очень приятно проводил время. — Теперь я намерен приняться за работу; так же хочется мне посмотреть поближе на здешнюю жизнь и на здешнюю литературу. — Оно, пожалуй, и не весело, да поучительно. — Все здесь измельчало и изломалось. Простоты и ясности и не ищи; все здесь хитро и столь же бедно, нищенски бедно, сколь хитро. — Я непременно в мае месяце вернусь в Россию; не приедете ли Вы, хотя в будущем году, погостить ко мне в деревню?

Слышу я что Писемский в Москве хандрит.— Отчего он хандрит? Вы, кажется, имеете на него влияние — встряхните его. Что его роман? Поклонитесь ему от меня — и попросите его от моего имени, написать мне письмо; мы как-то с ним переписывались. — Я ему отвечу тотчас, вообще я исправный корреспондент. Поклонитесь от меня также Григорьеву.—Так вышло— к крайней моей досаде, что не удалось мне уви-

дать его в нынешнем году в Москве. — Я знаю, мы бы спорили с ним до упаду, но я чувствую, что мы бы очень тесно сошлись. — Меня влечет к нему; он напоминает мне покойного Белинского. — Это сравнение, может быть, ему не понравится; но оно так,—и для меня все, что напоминает Белинского, мило. — Что прикажете делать! Я остаюсь верен своим привязанностям.

Описали ли Вы (и Писемский тоже) свою поездку — и где явится это описание? Вероятно, в *Морском Сборнике*. Мне его перешлют. — [388]

Если вздумается Вам написать мне (за что я Вам буду очень благодарен) — скажите слова два о литературных движениях в Москве. *Русскую беседу* мне здесь обещают; *Русский Вестник*, говорят, тоже у кого-то есть. — Но все это, пока, одне буки — а Вы мне скажите Ваше слово. — Сообщите мне, где Потехин, и что он делает?—Адресс мой: Rue de Rivoli, № 206.— Paris.—

Что делает Садовский?—Передайте ему мой поклон.—

Был я здесь в театрах. — В течении последних 6 лет не появилось ни одного нового замечательного таланта — а старье все поизносилось и поизбилось. — Два — три новых молодых играют просто; — и только; — похвала, как видите, не слишком большая. — Бурдин был здесь и приставал ко мне;—хорош был гусь прежде— воображаю, что он будет из себя выламывать, вернувшись. — Фет был в Париже и уехал к Некрасову в Рим: это человек-душа — милейший поэт, врет иногда так мило, что расцеловать

его хочется. — Скучал здесь ужасно и вздыхал беспрестанно. Авось в Италии ему легче будет.

Прощайте, любезный А. Н. Будьте здоровы, не ломайте себе вперед ни ног, ни рук — и пишите. — Пишите комедии, драмы, повести — и хоть одно письмо ко мне. — Жму Вам дружески руку и остаюсь

Душевно Вас любящий
Ив. Тургенев.

P. S. Пришлите мне свой адрес.

3

Любезнейший Александр Николаевич, сделайте одолжение, пришлите мне или принесите сегодня же «Своих Людей» — отметив в них карандашом, что именно Вы читали в Москве.— Это необходимо нужно, потому что должно пойти на рассмотрение здешней цензуры. — Чтение будет происходить в понедельник или во вторник на 2-й неделе. [389] — Надеюсь, что Вы не забыли, что обедаете у меня завтра. — Не придет ли и брат Ваш? — Доктор велел мне просидеть дня два дома. До свидания.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Четверг утром. Февраль. [1860?].

4

Дорогой Александр Николаевич, *чтения не будет* — Так решило большинство комитета вчера. — При свидании скажу почему. — Таким

образом, Вы освободились скорее, чем предполагали — а мы всетаки в ножки Вам кланяемся за доброе содействие.

До свидания завтра вечером.

Ваш
Ив. Тургенев.

15 Марта 1860 г.
Вторник.

5

Любезнейший Александр Николаевич, это письмо вручит Вам Г. Гайдебуров, студент, которому поручено от Университета составить литературное чтение для кассы бедных студентов. — Вы понимаете, как важно для них Ваше содействие — и я, зная Вашу всегдашнюю готовность помочь доброму делу, почти поручился за Вас. — Г. Гайдебуров переговорит с Вами о времени этого чтения. Заранее благодарю Вас и жму Вашу руку.

Преданный Вам
Ив. Тургенев.

Середа.
[Март? 1860.]

6

Любезный Александр Николаевич,

Мне удержано место в почтовом вагоне в *понедельник* — (там тепло, как в комнате;)—о чем я Вас и предуведомляю.—Дело это конченное и решенное — разве я умру до тех пор. — И потому до свиданья — будьте здоровы.

Ваш
Ив. Тургенев.

Пятница утром.
[1860?]

7

Любезнейший Александр Николаевич — во-первых, напоминаю Вам, что Вы завтра у меня обедаете — а во вторых — прошу Вас доставить прилагаемую записку Мею, адрес которого я позабыл. — Вы, вероятно, знаете о чем идет речь. (Он хочет издавать журнал с помощью денег Дел [?] — и хочет, чтоб мы присутствовали при свидании.)

Будьте здоровы, до свидания

Ваш
Ив. Тургенев.

Понедельник.
[1860?]

8

С. Спасское-Лутовиново,
(Орловской губ., Мценского уезда).
Четверг, 6 Июня 1874.

Любезнейший Александр Николаевич, пишу к Вам из своей деревни, куда приехал вчера. Мне собственно следует, по словам Гоголя, назвать себя публично телятиной... Вот в чем дело. Есть на свете один французский писатель, по имени Э. Дюран, который весьма порядочно знает по-русски. — Он занимается переводами — и я ему порекомендовал Ваши пиэсы, начиная с «Грозы», как более доступной и понятной французам. — Он ее и перевел — и очень недурно: мы вдвоем ее прошли тщательно — я все ошибки выправил — и с наступлением зимы, она, если Ваше на то будет согласие, наверное

будет напечатана — а может быть даже поставлена на одном из хороших Парижских театров. — В самый день моего отъезда, Дюран, который пришел в восторг от «Грозы», принес мне тщательно переписанную рукопись — с тем, чтобы я показал Вам ее и узнал Ваше мнение.— Я почему-то непременно надеялся найти Вас в Москве — а ведь виделся с Вашим братом в Петербурге и знал, что он уезжает в деревню! — То-то моя глупость. Теперь прошу у Вас следующего разрешения: или Вы поверите мне на слово, что перевод хорош и пришлите мне позволение ее печатать и отдать, если можно, на сцену; — (разумеется, я постараюсь сделать это так, чтобы соблюсти Ваш интерес); — либо Вы пожелаете посмотреть-таки рукопись. Тогда напишите мне слово в Москву, в дом Удельной Конторы, на Пречистенском бульваре. — Я там жил у Маслова и оставил там рукопись вместе со многими другими вещами, так как я в деревню приехал не надолго. — Найдя Ваше письмо в Москве, я немедленно распоряжусь и вышлю Вам рукопись в Кинешму — а Вы, прочтя ее, доставьте мне ее (если одобрите) — в Карлсбад (в Богемии) poste restante — я там пробуду 6 недель, начиная с 1-го июля нашего стиля — буду пить воды, которые так хорошо помогли мне от подагры. — Раньше зимы — все равно — ни печатать, ни играть «Грозы» не будет возможно; — а Вы успеете выправить ошибки, если таковые еще найдутся.

Путешественников русских в Карлсбаде много — и Вы можете даже найти оказию.

Dixi et animam salvavi.

Дайте мне знать, как Вы живете-можете, работаете ли — и что именно работаете? — В конце года я, быть может, сам прибуду в Россию. — А познакомить Европу с Вами — мне вот как хочется!

Поклонитесь от меня любезнейшему Михаилу Николаевичу.—

Крепко жму Вам руку и остаюсь

Душевно Вам преданный

Ив. Тургенев.

P. S. В Петербурге я видел *Лес*. Разыграна пиэса была довольно плохо — но какая это прелесть! — Характер «трагика» — один из самых Ваших удачных. *

* В архиве А. Н. Островского сохранился черновик его ответа на это письмо: М[ногоуважаемый] И[ван] С[ергеевич] Благ[одарю] В[ас] за хлопоты обо мне Если дело идет о печатании перевода «Грозы», сделанного Г. Дюраном, то мне остается только по совести совершенно довериться Вам и благод[арить] В[ас]. Напечатать «Грозу» в хорошем французском переводе не мешает, она может произвести впечатление своей оригинальностью; но следует ли ее ставить на сцену — над этим можно задуматься. Я очень высоко ценю уменье французов делать пьесы, и боюсь оскорбить их тонкий вкус своей ужасной неумелостью. С фр[анцузской] точки зрения постройка «Грозы» безобразна, да надо признаться, что она и вообще не очень складна. Когда я писал «Грозу», я увлекся отделкой главных ролей, и с непростительным легкомыслием отнесся к форме, да и признаться торопился, чтобы поспеть к бенефису покойного Васильева. Теперь я сумею сделать пьэсу немного хуже французов и, если хотите, пришлю В[ам] оригинал «Грозы» переделанный для фр[анцузской] сцены. Теперь я в деревне наслаждаюсь летним теплом и прекрасной природой, немножко работаю и очень много ничего не делаю. Я оканчиваю пьесу, из которой

9

Москва.
В д. Конторы уделов, на Пречистенском бульваре.
Суббота, 29 Июня 1874.

Любезнейший Александр Николаевич, я вчера вечером прибыл из деревни, где меня совершенно неожиданно — (ибо я уже имел ее в нынешнем году) — постигла подагра и промучила две недели слишком; я и теперь еще хожу на костылях — и не знаю, как и скоро [ли] я доберусь до Карлсбада.—Что касается до «Грозы»— то вот мое намерение, если Вы его одобрите: приехавши в Париж, я напечатаю — (не знаю еще именно в каком журнале) — тот перевод, который я хотел Вам показать и за точность которого ручаюсь; — а Вы, с своей стороны, зай-

отрывок был напечатан в «Складчине» [*Трудовой хлеб. Редакция*]. Брат В[ам] кланяется. Еще раз благодарю В[ас] за Ваше доброе участие и теплые слова.

Щелыково.

Искренне ув[ажающий] В[ас] и душевно пред[анный].

Костромской губ. Кинешма.
14 Июня 1874 г.

Здоровье мое разбито, силы заметно разрушаются и из студ[енческой] песенки часто мне приходят на ум два стиха: Venit mors velociter, Rapit nos atrociter [«приходит смерть мгновенно, похищает нас жестоко»]. [В начале письма после слов: только по совести — зачеркнуто: Само собой разумеется, что — Далее следовал вариант первых строк письма: в деле, о котором В[ы] мне пишете, мне остается (и т. д.); потом опять зачеркнуто: — но, на случай, еслиб дошло до постановки «Грозы» на сцену, — *Ред.*].

митесь тою переделкой «Грозы» для сцены, о которой Вы мне пишете — и доставьте мне ее в Париж, по следующему адрессу: Rue de Dauai, 50.

Времени у Вас будет довольно — так как пиесы, несколько интересные, ставятся не иначе, как зимой; — можно будет ждать до 15 октября. — Это у Вас прекрасная мысль; я не сомневаюсь в том, что Вы одолеете так называемую сценическую премудрость не хуже любого француза — и вот Вам занятие — и не отяготительное и новое для Ваших вакаций. — Огорчило меня то, что Вы мне пишете о Вашем здоровье: желал бы я, чтобы и Вы были такой же мнительный больной, каким *я* слыву между приятелями. — На сей земле — «все мгновенно, все пройдет»... но не Вам, в Ваши годы, думать об тех двух скверных латинских стихах. — Для самого себя, для Ваших друзей и почитателей — и для блага русской сцены Вы должны еще жить и действовать много лет.

Напишите мне слова два в ответ в Карлсбад — poste restante — да сообщите, кстати, на всякий случай — Ваш Московский адрес.

От души желаю, чтобы деревенский воздух имел лучшее влияние на Вас, чем на меня и дружески крепко жму Вам руку.

Искренно преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. Михаилу Николаевичу мой усердный поклон.

10

Париж.
Понедельник 9-го Апр.
28-го Марта, 77.

Любезнейший Александр Николаевич,

Мой хороший приятель, известный литератор и знаток Русского языка Г-н Эмиль Дюран, получил от редакции Revue des deux Mondes поручение составить монографии (библиографические и литературно-критические) о выдающихся представителях русской словесности — и с этой целью отправился в Россию. — Вы, конечно, стоите в этом случае на первом плане — и он меня просил снабдить его рекомендательным письмом к Вам, что я исполняю с тем большей охотой, что личное знакомство с Г-м Дюраном, как с человеком в высшей степени добросовестным, образованным и умным, не может не доставить Вам самим большое удовольствие. (Г-н Дюран, между прочим, перевел Вашу «Грозу».)

Не сомневаюсь в радушии Вашего приема — и в Вашем сочувствии к цели путешествия Г-на Дюрана, — прошу принять от меня уверение в неизменной преданности и дружбе.

Иван Тургенев.

Фет (Шеншин), Афанасий Афанасьевич

М-me Энгельгардт давно оставила записочку на Ваше имя, добрейший Александр Николаевич. Но вы были в Питере ergo. Вчера она снова слезно просила о пересылке к Вам записки и об назначении Вами дня для чтения у них. Всякого дня, кроме воскресенья. Что и исполняю с пожеланием Вам всего лучшого.

Преданный Вам

А. Фет.

29 Марта 1860.

Цуханов, Михаил Иванович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

В общем собрании членов Артистического Кружка 4 мая имеет быть баллотирование нашего предложения относительно изменений в Уставе. Ваше присутствие и Ваш голос должны иметь огромное влияние на успех этого предложения, который положит начало к проведению принципов, руководствовавших основателями Кружка при составлении его Устава. а потому, если дела Ваши позволяют Вам пробыть этот день в Москве, Совет Старшин покорнейше просил бы Вас пожаловать в это заседание.

С истинным почтением имем честь быть Вашими

покорными слугами
Старшины Артистического Кружка:

М. Цуханов.
А. Смирнов.
Кн. Ф. Урусов.

2 Мая,
1873 года.

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Вчера в публичном спектакле пьеса Ваша [300] прошла великолепно: и с большим успехом и с необыкновенным ансамблем. Еще первый акт прослушан был довольно холодно, но, начиная со второго, смех (не обыкновенный Кружковский рокот, а задушевный, хороший смех) почти не прерывался ни на минуту; вызовы и аплодисменты были очень дружны (вызывали Горохову среди 2-го и 3-го актов, Дюбюк два раза после 3-го и три раза всех). Словом, успех полный.

Что касается до артистов, то—говорю по совести — я не помню в Кружке такого ансамбля. Трудно решить, кто из них был лучше. Но и тут честь этого ансамбля принадлежит Вам: артисты сами говорят, что они играли хорошо потому, что слышали Ваше чтение пьесы и старались держаться того тона, который Вы давали им при чтении. Нам в этом успехе дорого то, что посторонняя многочисленная публика (сбор был весьма утешительный, несмотря на то, что

«Поздняя любовь» шла 6 декабря, в Николин день) познакомилась с нашими артистами так удачно. И тут опять Кружок должен сказать спасибо Вам.

Письмо к Кавелину подается сегодня, завтра рассчитываем подать прошение, и мне поручено уведомить Вас об этом и просить Вас употребить Ваше влияние, чтобы дело выиграло. Билет П. С. Федорову и письмо от Совета Старшин к нему при сем прилагаются. Кружок и в этом случае, как и всегда, рассчитывает на Вас.

М. П. Садовский просил меня передать Вам, что он *тронут* успехом «Поздней любви». Он играл чрезвычайно хорошо, в особенности в сценах с Гороховою. Как видите, «у нас все честно и благородно», но — слава богу — не с тем результатом, какой сообщали Вам другие письма, в которых говорилось тоже, что сделали свое дело честно.

Повторяя просьбу Совета Старшин помочь Кружку в его нужде, остаюсь

Вашим
покорным слугою
М. Цуханов.

7 Декабря,
1873.
Москва.

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Не можете ли Вы устроить так, чтобы в концерте с живыми картинами, который предполагается устроить под чужой фирмой (ради сбора с членов) принял участие Н. И. Музиль? За это

мы во вторник же преподнесем ему билет. Понятно, что Кружку желательно было бы сделать как можно меньше расходов, потому-то мы и обращаемся к Вашему содействию.

А. И. Смирнов с нетерпением ждет субботы, чтобы переговорить с Вами о великопостных увеселениях. — Сегодня Бауер говорил, что он законтрактовал И. Ф. Горбунова на пост. Неужели наш расчет на него не удастся.

Глубокоуважающий Вас

М. Цуханов.

13 Февр.,
1874.

P. S. Концерт предполагается во вторник, 19 февраля.

4

Многоуважаемый
Александр Николаевич.

Совет Старшин [391] имеет к Вам покорнейшую просьбу: не можете ли Вы Вашим влиянием устроить так, чтобы А. А. Рассказов принял участие в нашем вечере 24 Февраля. За это участие мы сложим с него штраф за невозобновление билета в свое время; притом же он, как действительный член, обязан, по силе § 109 Устава, пособить Кружку своею профессиею. Ответ благоволите адресовать в Контору на имя А. И. Смирнова, так как я до субботы не буду в Кружке.

Искренно уважающий Вас

М. Цуханов.

20 Февраля
1874.

5

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Алексей Иванович просит Вас пожаловать завтра для переговоров о литературном вечере в воскресенье, 10 Марта. Если это дело не устроится завтра, придется отдать залу Гейнриху.

Вам преданный
М. Цуханов.

3 Марта
1874.

6

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Завтра, в среду, 26 марта, назначен второй дебют Прокофьева (комика-буффа), первый дебют которого прошел очень удачно. Ваше присутствие необходимо, как для этого, так и для некоторых других очень важных дел. Сегодня было первое заседание Совета Старшин.

Ваш преданный
М. Цуханов.

19 Марта
1874.

7

Пользуюсь первою свободною минутою, чтобы послать Вам, искренно уважаемый Александр Николаевич, отчет о состоянии наших дел и вместе с тем просить Вас от имени Кружка помочь нам в двух казусах.

Прошение о спектаклях послано.[392] Театральная Контора сделала о нас великолепный отзыв: и не мешаем мы казенным спектаклям (так как у нас своя публика), и помощь артистам оказываем. Словом, представление сделано богатое; теперь дело за Вами. Черкните, дорогой наш, два три слова Гедеонову или кому там следует, и тогда у нас дело будет в шляпе.

Другое дело глупее: не было печали, так черти накачали. Печаль эта воплотилась в лице многознаменитого Родиславского. Мне дано знать под рукою, что сей «потрудившийся для сцены» муж имеет намерение *набавить* на Кружок плату за даваемые в нем пьесы. Мне случилось говорить с ним об этом (конечно, не показывая виду, что я знаю его намерения), но он отделывается общими местами, а прямого ответа не дает. Затем то же даровитый писатель взял под свое покровительство некоего артиста Лазарева и супругу его (Левину) и сильно хлопочет об определении их в труппу Кружка; Комитет же[393] *единогласно* убежден, что оба эти артиста ему совершенно не нужны, обременят бюджет, не принеся решительно никакой пользы Кружку. Вот тут и танцуй! Если отказать Родиславскому в этой просьбе, он как раз покажет свои зубы в деле возвышения платы. А потому мы все просим Вас, Александр Николаевич, пособить Вашим влиянием на Родиславского и, если найдете возможным, черкнуть и ему записочку в защиту бедного Кружка. Ваше вмешательство, как одного из основателей Общества драматических писателей, остановило бы излишнее рвение усердного поверенного и еще раз спасло бы

Кружок, в последнее время решительно всем обязанный Вам.

В Кружке же делишки пока идут весьма недурно. Ваши ученики, как видите, стараются, на сколько сил хватает, не посрамить своего равви. Репертуар составлен отличный (лучше прошлогоднего, труппа почти вся готова, возимся еще с любовничком, но, кажется, нашли не дурного. Для *Лира* я заказал аксессуары и декорации, Пузанова только до сих пор поймать не мог, но и с ним — будьте покойны — сделаюсь. Словом, все будет «честно и благородно», и «фиксатура» вместо «департамента» не напишет.

Благословите же, учитель, дело делать да помогите нам в том, о чем мы Вас просим и в чем без Вашей помощи обойтись не можем. Очень бы обязали, если бы отписали о ходе нашей просьбы, хоть бы на имя

Вашего
преданного
М. Цуханова. 394

18 Июня
1874.

8

Простите, многоуважаемый Александр Николаевич, что только теперь отвечаю на Ваше письмо. Хотелось мне, воспользовавшись Вашим любезным приглашением, лично передать Вам все, что делается в нашем маленьком мирке, Да — видите ли — связался чорт с младенцем, и сам не рад: в одну несчастную минуту я, по своей глупой привычке, раздонкихотствовался и вздумал помочь жалкому состоянию русского

языка в младших классах Гимназии и [395] — что всего глупее — самым бескорыстным образом. Таким образом, я и попал на каникулярное время в крепостное состояние — таскаюсь беспрестанно в Коломенское, поправляю чужие грехи и добиваю последнее здоровье. Впрочем я все не теряю надежды, хоть дня на два, попасть в Ваше благословенное Щелыково, если не за тем, чтобы посмотреть, как ловят щук (в благотворном действии природы я никогда не сомневался), то за тем, чтобы от имени Кружка поблагодарить Вас за разрешение Министром Двора десяти публичных спектаклей, которым, как у нас все убеждены, мы обязаны Вам.

Что делается у нас, Вы, вероятно, знаете из писем Садовского. Retch оказался великим лгуном, по крайней мере, по части костюмов; Kreutschmer, конечно, вернее, но британских костюмов у него мало. Пришлось составить рисунки, пользуясь обоими источниками (что для афиш будет еще красивее) и сохраняя возможную историческую верность. Техническую часть рисунков взял на себя Михаил Провович. Тезка Ваш, Пузанов, с неудовольствием чешет в затылке. Ему, конечно, были бы выгоднее гамлетовские костюмы, как у Retch'a. Мне кажется, насчет «Лира» можно быть покойным: он стал моей idée fixe, а я от своих убеждений не так-то легко отказываюсь.

Приобрели мы на днях весьма порядочного любовничка, некоего Шумилина: прекрасная наружность, хорошие манеры и весьма толковое чтение. Есть, правда, некоторая торопливость, а вследствие ее и маленькое скрадывание слов:

но не должно забывать, что он еще очень молод и играл в провинции всякую дребедень, а у нас да еще при Ваших советах из него — я уверен — выработается хороший актер. Главное, то важно, что мы с его ангажементом избавились от ремесленника Суровщикова и можем откреститься от Лазарева и супруги его. — Кстати, по поводу Лазарева: из осьми лиц, бывших в Комитете,[396] один Родиславский высказался против ангажемента Шумилина. Было бы и долго, и глупо рассказывать, какую ерунду говорил сей московский Рафаил Зотов, но договорился он до того, что Д. В. Живокини рассвирепел и чуть-чуть не пустил в него счетами, так что я, во избежание скандала, поспешил закрыть заседание.

Репертуара сегодня не высылаю, так как он переписывается для Вас и еще не готов.

Низко кланяюсь Марье Васильевне и Загорскому, если он еще у Вас. Уведомляйте, бога ради о себе (у меня беспрестанно спрашивают про Вас) и не забывайте

Вашего
душевно преданного
М. Цуханова.

20 Июля
1874.

9

Виноват я перед Вами, многоуважаемый Александр Николаевич, в том, что так долго не сдерживал своего слова и не высылал Вам обещанного репертуара. В таких случаях, обыкно-

венно, стараются оправдаться разными разностями; но я этого делать не стану — скажу только, что Кружок [397] в последнее время отнял у меня и все последние свободные минуты и последнее здоровье. Не то, чтобы работы было много, а то, что волнения на каждом шагу, а поддержки никакой: о наших Старшинах говорить нечего — что купцы какие-то, но хороши и мои товарищи по Комитету. Князь [398] при первом препятствии только зло пророчествует и приходит в отчаяние, а Садовский (не в обиду будь ему сказано) себе на уме и в подобных случаях держится в стороне. Если он кого еще и слушается, то это Вас; но Вас здесь нет и вывертывайся, как знаешь!

А вывертываться приходится на каждом шагу. Первым нашим *другом* в этом отношении оказался Общедоступный Театр. [399] Переманив от нас разную мелюзгу, в роде Рыжкова, он теперь принимается за самого Николая Хрисанфовича Рыбакова. Это дело, заглохнувшее было, снова всплывает наверх. Евгений Петрович передал мне, что почтеннейший старик надеется, что мы разрешим ему нарушить контракт (сам он первый нарушить не решается). Я велел сказать ему, что такого согласия мы, разумеется, не дадим, что стыдно ему бросать камнем в то учреждение, которое в прошлом году, когда ему есть нечего было, выручило его из беды, даже вопреки собственным интересам, что Кружок, наконец, не богадельня, и Комитет не так глуп, чтобы отказываться от законного права и тем давать в руки соперника оружие против самого себя Не знаю, будет ли с этого прок.

Сезон мы открыли 3-го сентября Вашим «Мудрецом» блистательно. Публики было пропасть, но, как видно, несколько предубежденной (должно быть, подействовали слухи о гибели Кружка с выходом Суровщикова и Борисовского, пущенные Григоровским). Сначала публика была холодна, даже Рыбакова не встретила; но со второго акта расходилась и впечатление от этого спектакля у всех, кроме Ф. М. Урусова, осталось самое приятное. Многие даже громко говорили, что они не хотели-было возобновлять билетов, но теперь, видя эту труппу, возобновят. Словом, победу одержали мы блистательную.

Да и действительно, было чем похвалиться: пьеса точно по рельсам шла, и я уверен, что и Вы, ее автор, остались бы довольны. Не буду Вам говорить подробно о каждом члене труппы, скажу только, что при этом персонале я покоен за сцену Кружка. Но...

Но судьба и тут, только что я отдохнул было на этой удаче, подпустила шпильку. Во второй спектакль (шли *Школа мужей и Заколдованный принц)* простак Стрепетов, ангажированный вместо Борисовского, исполняя роль Ганса, взыграл *во всю* и стал выкидывать такие колена, каких не во всяком балагане увидишь. Ему шикнули довольно дружно. К счастью, публики было мало (дело было под 8 сентября), но слух об этой неудаче пойдет так же, как пошел об удачном первом спектакле. Теперь нужно загладить дурное впечатление удачным составом и исполнением следующих спектаклей, что и будет сделано: во вторник выходят Садовские

(в *Женихе из Ножевой линии*), в субботу веселенький составной спектакль (*Не хмель беда — похмелье, Минеральные воды, Стряпчий под столом*), далее, во вторник «*Не все коту масляница*», а в субботу новый у нас «*Ангел доброты и невинности*» и «*Цыганка*» (с Прокофьевой), в публичный (22 сентября) «*Горячее сердце*». Все это обойдется пока без простака, так что впечатление, произведенное им, бог даст, сгладится. А там и с ним что-нибудь сделаем.

Видите, я работаю и сколько могу не опускаю рук. Но еще больше было бы у меня энергии, да и легче мне было бы, если бы Мишка Садовский посерьезнее занялся делом. А то, согласитесь, шутит и все шутит, когда нужно дело делать, и для дела невыгодно, да и для делающих очень тяжело.

Прилагаю Вам на обороте репертуар, пока трагедии и комедии. Может быть, мы будем ставить и другие пьесы, кроме означенных в нем, но из *направления* его не выйдем, за это ручаюсь Вам.

До свиданья же, дорогой Александр Николаевич. Вы представить не можете, с каким нетерпением я жду Вас: только тогда и можно будет дело делать.

Искренно преданный Вам

М. Щуханов.

8 Сентября

1874.

РЕПЕРТУАР

Трагедии и драмы:

Шекспир: Король-Лир,
Кальдерон: За тайное оскорбление, тайное мщение,
Idem: Саломейский алькад,
Чаев: Сват Фаддейч,
Корженевский: Окно во втором этаже,
Кукольник: Деньщик,
Чернышев: Не в деньгах счастье,
Островский: Гроза.

Комедии:

Мольер: Мещанин-дворянин,
**Idem:* Проделки Скапена,
Idem: Замужество лучший доктор,
**Idem:* Мизантроп,
Idem: Школа мужей,
**Idem:* Выбор сердца — воля богов (Нигде неигранная и подаренная переводчиком, кн. Мещерским, Кружку),
Бомарше: Севильский цирюльник,
Кальдерон: Враг своей чести,
Idem:* Сам у себя под стражей,
Адвокат Пателен,
Островский: Горячее сердце,
Idem: Бешеные деньги,
Idem: Не все коту масляница,
Idem: Поздняя любовь,
Idem: Шутники,
Idem: Старый друг — лучше новых двух,
Idem: Праздничный сон до обеда,
Idem: Рабство мужей,

Шекспир: Укрощение строптивой (заявлено Дюбюк в бенефис).
Грибоедов: Горе от ума (заявлено Шумиловым в бенефис).
Бенедикт: Упрямство и настойчивость
Ленский: Война с тещей
Кугушев: Кохинхинка
Александров: К мировому
Idem: На хлебах из милости
Владыкин: Пожившие мужья
Куликов: Весною
Турбин: Приятный собеседник
Поэзия любви и... (с французского)
Статья 213 (перевод А. Н. Андреева)
Соловьев: Невесте 45 лет.

Водевили преимущественно Ленского, Кони, Григорьева, П. Федорова, Каратыгина.

Звездочкой означены пьесы, предназначенные для постановки в публичные спектакли.

10

Вчера Комиссия вместе с Старшинами пришла к следующему относительно настоящего положения дел Кружка: есть три средства поправить это положение и выйти из необходимости ликвидировать дела: а) занять 5000 рублей, что с собранными по подписке и с ожидаемыми от неподписавшихся еще членов, с выгодою от перезалога билетов и т. п. даст до 8500 руб., которыми и заткнуть самые опасные дыры; б) принять предложение Анненкова о займе 15000 р., что оказывается, разумеется

выгоднее, первого; в) обратиться к Вильде [400]
и сдать ему Кружок на предложенных им условиях (мысль подана В. Н. Кашперовым).

Я ждал, что слова Кашперова произведут взрыв, но, к моему величайшему изумлению, все, кроме Мостовского и только отчасти Ф. Урусова, сразу ухватились за эту мысль, как за якорь спасения. Страх неустойки, не миновавший и Вас, почти порешил вопрос и, кажется, так же порешим его и в общем собрании.

Пока мы ограничились следующим решением: собрать к четвергу решительные сведения о возможности займа 5000 (который, сказать мимоходом, оказывается уже сомнительным), о том, можно ли рассчитывать на успех хлопот Анненкова о 15000, и, наконец, об условиях, на которых Вильде берет дело. В настоящую минуту шансов всего больше за него. Урусов с Мостовским берутся уладить сегодня дело с Бронниковым.

Вот что мы сделали вчера. Теперь нужна Ваша помощь. Ради бога, добудьте Родиславского: от него нужно вытянуть сведения об условиях с Вильде и кончать скорее дело. Завтра вечером буду у Вас. Очень было бы хорошо, если бы к этому времени сведения были готовы.

Видите, унывать еще нечего. Помогите только

Ваш преданный

М. Цуханов.

7 Января
1875.

11

Многоуважаемый Александр Николаевич, в ответ на Ваше письмо *решительного* ничего сказать не могу; но, ради бога, не думайте, что уж у нас так плохо.[401] Садовский еще ломается, но, полагаю, сдастся, тем более, что я напустил на него Живаго, который уверяет, что он добьется своего. Что Вы сделали с *оперой*. Мишку, положим, мы и собьем, но ведь этого мало: чтобы поставить дело в нравственном отношении и заручиться кредитом, необходимо нечто в роде оперы. Работайте, родимый, на той почве, если считаете нужным поговорить с Садовским, я пришлю Вам его. — Совет сегодня не состоится, все больны.

Уважающий Вас

М. Цуханов.

16 Декабря
1876.

12

Вчера я действовал, как обещал Вам, многоуважаемый Александр Николаевич, и относительно Садовского и относительно Живаго. С первым мне сделать удалось немного, потому что он, хотя и уверял, что ему необходимо со мной поговорить серьезно, все время бегал от меня (его обыкновенный прием). За то с Живаго я переговорил хорошо, и он часа два беседовал с Садовским и потом сообщил мне, что тот теперь же согласен дать половину, если найдет компаньона на другую. Живаго говорил

ему то же, что и Вы, что и я, частью по моим указаниям, частью по собственной инициативе. Его последние слова были: «Садовский уступает, в пятницу кончу остальное». Таким образом я прошу Вас подождать решительного ответа до субботы, и, если можно, продолжать действовать на Мишу: надобно ковать железо, пока оно горячо. Завтра, в четверг, вечером заеду к Вам условиться в остальном.

Ваш

М. Цуханов.

18 Декабря [1876].

13

Многоуважаемый Александр Николаевич, дела Кружка ничуть не хуже прежнего. Вчера я не был; горло страшно болело; оно болит и теперь, но сегодня я рискнул выехать. Миши до сих пор не видал. Видели ли Вы его? Писали ли ему, как я Вас просил? — Публикаций на всю неделю не будет, потому что мы имеем право публиковать отдельные вечера, а не весь репертуар. На публичные спектакли разрешения получены, на елку и костюмированный бал обещаны завтра. Видите, все идет по тому же пути, и Вы, дорогой наш, напрасно себя расстраиваете излишнею мнительностью. Поберегите себя: разве в одном Кружке дело? Вы нужны более, чем для Кружка. — Вы нужны всей России. — Сегодня Миша играет, значит, от меня не уйдет. Позвольте мне от Вашего имени сказать ему, что завтра Вы просите его

быть у Вас. Я также приеду. Если не писали, напишите теперь, завтра он во время приедет.

Ваш

М. Цуханов.

21 Декабря
1876.

14

Как хорошо сделали бы Вы, многоуважаемый Александр Николаевич, если бы заглянули завтра в Кружок [402] до общего собрания (в собрании я Вас удерживать не стану). У нас вчера после Вашего отъезда Фон дер Зее проповедовал против расходов по сцене. Чтобы старшина не заговорил подобных вещей в Собрании, где мы все должны быть солидарны, нужно на него подействовать и это можно будет сделать только Вашим влиянием. Мы с Коропчевским ждем Вас.

Уважающий Вас

М. Цуханов.

27 Октября. [1874?]

15

Если можете, многоуважаемый Александр Николаевич, приезжайте сегодня в Кружок. [403] Есть важное дело: Фон дер Зее взбесился, рвет и мечет. Без Вас мне трудно. Ему становится обидно, что Комитет [404] не советуется с ним о пьесах, которые он дает и вообще о своих распоряжениях. Чушь несет страшную и вместе грозную.

Ваш

М. Цуханов.

2 Декабря. [1874?]

16

Вчера у нас, как Вам уже известно, разыгралась скверная сценка, которая, только благодаря энергичным усилиям, кончилась *пока* благополучно. Я сильно подозреваю тут влияние Шаламытова: по крайней мере я от него слышал это несколько раз. На меня и на Комитет сделал нападение А. К. Фон дер Зее и сделал в такой форме, которую никак нельзя назвать сколько-нибудь приличною. Алексей Карлович вдруг, что называется ни с того, ни с сего, потребовал уничтожения Театрального Комитета, якобы только держащего руку артистов в явный разрез интересам Кружка, настаивал на том, чтобы все управление сценою было в руках одних старшин, причем ни один из них не имеет права издержать ни копейки и вообще сделать какое-либо распоряжение без согласия других, требовал, чтобы выбор и ангажемент артистов зависел опять-таки от Старшин, которые «не дадут им такого громадного жалованья» и заменят их любителями; словом, буря вышла грозная. Я не говорю о тоне его: это Вы можете узнать от кн. Е. П. Урусова, который всею этою историею был положительно возмущен.

Яблоком раздора послужило 6 декабря, отданное нами (в том числе и Вами) под бенефис Понизовской. День этот, благодаря множеству именинников, был нами обойден, как бесприходный и при переносе бенефиса Понизовской уступлен ей. Фон Дер Зее требовал, чтобы этот день *тотчас же* был взят у Понизовской по *рас-*

поряжению старшин, на что, разумеется, согласиться было невозможно, так как появились афиши бенефиса. Тогда он стал грозить, что выйдет из Старшин, подал мне заявление об этом, в котором говорил, что причины своего выхода он передаст на обсуждение Общего собрания 4 декабря. Я с великим трудом успел убедить его не делать скандала, не узнав на самом опыте, будет ли доходно 6 декабря, тем более, что Понизовская готова продать свой бенефис за 300 р., именно в виду неудачного дня. Дело на этом остановилось: Фон дер Зее взял свое заявление назад, но все-таки произвел порядочный соблазн, потому что кричал по всему клубу, что старшины только артельщики и главные лица Урусов и Садовский. — Вы будете в среду? Не можете ли Вы в своей речи вставить несколько слов о важности и пользе Драматического Комитета, составленного из лиц компетентных. Мне кажется, это будет отличное *асаже*, так как он надеется на Вашу поддержку.

Вот, многоуважаемый Александр Николаевич, одна из красивеньких сторон моей службы Кружку. — С нетерпением жду Вас завтра.

Преданный Вам

М. Цуханов.

3 Дек. [405] [1874?]

17

Я сегодня ждал Вас, многоуважаемый Александр Николаевич или хотя Садовского. Не знаю, говорил ли он Вам, что «*Заколдованный дом*» пока растраивается, с Загорским Вы пого-

ворить не успели, а Шмидтгоф захворал или, может быть, спохватился, как говорят, что роль Корнелия ему, комику, не идет. Словом, вышел ералаш. Предлагали «Трудовой хлеб», но так как он идет чуть не каждый день в Малом Театре, то на сбор рассчитывать мудрено и потому мы с князем [406] порешили дать «Однодворца», благо почти все играли в этой пьесе и с двух репетиций ее поставить можно. Простите, что я распорядился публикациями: дело не ждало, никого не было, и мне, во чтобы то ни стало, нужно было спасать спектакль. — Если бы Вы могли заглянуть к нам в пятницу, Вы оказали бы всему Кружку [407] огромную услугу, тем более, что нам, т. е. старшинам, необходимо чаще видеться. — От Рибо известий пока нет.

Ваш уважающий
М. Цуханов.

11 Декабря. [1874?]

Чаев, Николай Александрович

1

Покорнейше прошу, многоуважаемый Александр Николаевич, приехать в среду (15-го апреля) в семь часов вечера, в квартиру П. А. Бессонова, в старом Университете, над Правлением, в Приготовительное Заседание. Извините, что не приехал пригласить Вас лично; нездоровится так, что еле таскаюсь на службу. Заседание в честь Вашего 25 летия общее собрание решило [408] соединить с годичным, так как вре-

мени мало, а откладывать не хотелось, потому что оно и так удалилось от 14-го марта; да и боялись, чтоб Вы не поднялись в деревню в апреле. Ждем Вас.

С истинным уважением имею честь быть душевно преданный Вам

Н. Чаев.

4-го апреля. Утро 1872.

Марье Васильевне передайте мое глубочайшее почтение и пожмите маленькую ручку Вашего «почтительного» сына.

2

Возвратясь в Москву, каждый день сбирался принести Вам повинную в том, что не мог, не смотря на живейшее желание, воспользоваться любезным приглашением Вашим, многоуважаемый Александр Николаевич; не отказываю себе, впрочем, на будущее время, в надежде, посетить, говорят, весьма живописный и уютный деревенский приют Ваш.[409] На этот раз я думал быть у Вас на возвратном пути с Дону на Царицын, и опять по Волге. Но пролетев шесть тысяч верст и с жадностью кидаясь на старину, где мне она попадалась, я утомился так, что едва доплелся из Ростова на Дону, на Воронеж, во свояси. Нет, в такое короткое время нельзя предпринимать больших путешествий; возвратясь в Москву в конце июля я захворал и только теперь начинаю оправляться. Несмотря на это, путешествием своим я очень доволен; летопись просто оживает теперь предо мною и многое из написанного и передуманного

зачеркнуть пришлось. Нельзя было думать писать роман,[410] не видав людей, края, не подышав тем воздухом.

Я к Вам собирался, не преувеличивая, ежедневно от Васькова, но то одни знакомые, то другие посещали меня, и я бежал, наконец, а то бы пришлось похерить поездку на Волгу и Дон, куда мне было нужно так, как я и не воображал себе. Посвятите одно лето на поездку по России, но не торопясь, а, главное, *инкогнито*, иначе Вам будут мешать наблюдать. С переездом на другую (казенную) квартиру, на Зубов бульвар и со стройкою в домишке моем, я ничего пока не делаю; долго ли Вы пробудете в деревне? Юрьев тоже у себя в Колязине. В Москве пока пусто.

Передайте мое глубочайшее почтение Марье Васильевне. Надеюсь, что и она примет мое покаяние на том основании, что «повинную голову меч не сечет».

Теперь дорога проложена, а главное я убедился, что писателю нельзя сидеть и сосать свою лапу; следовательно, стакнувшись с Дубровским, мы как-нибудь залетим и в Ваши мирные края.

Весь Ваш

Н. Чаев.

14-го Июля, 1873.
Москва.

3

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Скопившиеся с перемещениями вещей в Палате[411] и печатаньем Описи, а главное,

спешные, ремонтные работы, лишают меня возможности посещать пробные спектакли. Сегодня хотел посмотреть Семенова, на коего прошу Вас обратить внимание, как на человека, по моему мнению, с дарованием, но вряд ли попаду. Академики поехали снимать фотографии с вещей для музея Академии Художеств. Разумеется, если понадобится услуга моя при постановках пиэс и т. п., присылайте, и я готов служить Вам в этом с прежней готовностью.

Простите меня; не примите за нежелание отказ мой и верьте в искренность уваженья к Вам и преданности

готового к услугам Вашим

Н. Чаева.

19 Марта. [1886?]

Не оставьте обратить внимание на Семенова. У него страсть к театру и, кажется, не бесплодная.

4

Посылаю Вам, многоуважаемый Александр Николаевич, два билета с покорнейшей просьбою, моею и Акимова (он по болезни не мог лично приехать к Вам) прочесть, по обещанию Вашему, отрывочек из Вашей новой комедии.[412] Зала не велика, — читать не трудно. Помогите.

Марье Васильевне передайте мое глубочайшее почтенье.

весь Ваш

Н. Чаев.

Оруж. Палата. 8-го Марта. [1872?]

Хотел сам быть у Вас и потому поздно посылаю билеты, но захлопотался и не попал.

5

Очень жалею, многоуважаемый Александр Николаевич, что Вы не застали меня вчера. Сегодня хотел сам быть у Вас, но разные хлопоты мешают. Потрудитесь уведомить и, если можно, поскорее: можете ли Вы принять участие в годичном заседании Общества?[413] Нам желательно устроить его в будущее воскресенье. следовательно, в среду нужно назначить приготовительное заседание.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть

готовым к услугам Вашим

Н. Чаев.

19-го Марта, 1872.
Утро.

6

Прошу Вас, многоуважаемый Александр Николаевич, приехать в старый Университет, в квартиру Бессонова, в среду 28-го марта, где назначено приготовительное заседание, так как до меня большинству членов ехать далеко. Все, что бы Вам не прочли, будет хорошо; тут дело в Вашем присутствии. Заседание начнется в 7-мь часов вечера. Петр Алексеевич поспешил объявлением, хотя я был у него и прочел Ваше письмо вчера. Но мы надеемся, что Вы не откажетесь прочесть. Все равно, что Вы прочтете, все будет кстати. и это главное...

В крайнем случае, скажите, что Вы застигнуты врасплох и т. д.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть готовым к услугам Вашим

Н. Чаев.

24-го Марта.
Вечер. [1872].

P. S. Петр Алексеевич объявил, что я буду читать, между тем, как я обещал, в случае отказа Юрьева, прочесть Костомаровскую статью. [414]

7

Я не знаю, что Вы читаете в среду, многоуважаемый Александр Николаевич. Поэтому прошу Вас к Петру Алексеевичу во вторник, в семь же часов; но потрудитесь сегодня меня уведомить: можете ли? Мы должны разослать сегодня же или завтра, повестки. Если не можете сами, то пришлите статью, дабы знать нам размер ее. А лучше, если бы приехали.

С истинным уважением и преданностию имею честь быть готовым к услугам.

Н. Чаев.

25-го Марта.
Утро. [1872].

8

Многоуважаемый Александр Николаевич,

А. Ф. Писемский предложил прочесть завтра в пользу Ф.—ой свою новую драму, всю. Чтение его продолжится часа два, следовательно, мы с Вами уже лишние.

Во всяком случае, Фам—ва благодарит Вас за готовность Вашу помочь ей.

Передайте мое почтение Марье Васильевне.

Преданный Вам

Н. Чаев.

27-го Марта. 1873. Вторник. Утро. [1873].

Хотел сам заехать к Вам, но ломает лихорадка.

Помоги бог. Идет-ли Ваша работа?

Шевырев, Степан Петрович

Милостивый Государь,
Александр Николаевич!

Владимир Иванович Назимов поручил мне пригласить Вас к нему завтра, в понедельник утром, или после завтра в то же время. Он имеет Вам сообщить замечание, полученное из П[етербурга] относительно Вашей комедии, в виде совета Вам, как автору, что он и хочет передать Вам лично, принимая живое участие во всем, что до Вас касается. Я немедленно передаю Вам желание Его П-ва.

Примите чувства моего искреннего уважения и совершенной преданности.

С. Шевырев.

Апреля 9. [1850].

Воскресенье. Считаю за путное прибавить, что все это не имеет никаких неприятных последствий, и что Вы можете быть *совершенно* спокойны, а я Вас нарочно предупреждаю, чтобы Вы знали, за чем Вас приглашает наш Попечитель, исполненный к Вам самого доброго расположения и находящий Вашу комедию и прекрасным и нравственным произведением. [415]

Щебальский, Петр Карлович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич.

Спешу возвратить Вам Вашу рукопись, к прочтению которой Попечитель обещал мне не делать препятствия, просмотрев ее при мне. Он находит несколько щекотливым одну там фразу (на 3 стр.):
Татарин...

...Боярин.

и думает, что ее можно бы исключить при чтении, не вредя пьесе, в виду московского боярства.

Свидетельствую Вам мое искреннее уважение

П. Щебальский.

[1872?]

2

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Если Вы не переменили доброго намерения сообщить несколько блеска заседаниям Общества

Любителей Р. Словесности, то будьте так добры, пожалуйте в пятницу, к 8 часам, в *Приготовительное* собрание, которое будет иметь место в квартире временного председателя, Ник. Вас. Путяты (на Сенной площади, против Страстного Монастыря, в д. Кн. Мещерского), с рукописью пьесы, которую Вы намерены читать.

Имею честь быть искренно уважающий Ваш слуга

П. Щебальский.

1872

3

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Надеюсь, что Вам уже известно из газет, что литературное утро назначено на 27 декабря, в час пополудни, в физической аудитории, согласно желанию Вашему. Прилагаю при сем пять билетов, которыми прошу Вас, как главное действующее лицо нашего маленького торжества, распорядиться по Вашему усмотрению.

С глубочайшим уважением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою

П. Щебальский.

[1872?]

4

Еще раз, уважаемый Александр Николаевич, приношу Вам чувствительнейшую признательность за прочтение превосходной Вашей драмы. Сегодня еду в Петербург, и только это обстоятельство причиною, что я лишен чести быть

органом всеобщего сочувствия вчерашних Ваших слушателей и к сочинению, ими прослушанному и к его автору.

С истинным уважением имею честь быть

Вашим

покорным слугою

П. Щебальский.

Среда. [1872?].[416]

На обороте: Его Высокоблагородию, Александру Николаевичу Островскому за Яузским бульваром у Николы в Воробине в собственном доме.

5

Милостивый Государь,

Александр Николаевич.

Я получил сегодня письмо из Петербурга от Г-жи Новиковой, в котором она просит, по желанию Михаила Николаевича, передать Вам принадлежащие ей и находящиеся у меня 1000 рублей. Деньги эти готовы и будут переданы Вам или тому, кому Вам угодно будет доверить. Адрес мой: у Спаса на песках, близ Арбата, дом Боголепова. Еслиб меня не случилось дома, я просил бы обратиться к жене моей.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Ваш

покорный слуга

П. Щебальский.

22 Марта. [1870?]

Щербина, Николай Федорович

1

Милостивый Государь,
Александр Николаевич,

Письмо мое, — не правда ли, — будет для Вас странною неожиданностью. Но как предмет его — сколько-нибудь русское, патриотическое дело, то я смело обращаюсь к Вам, не принимая в соображение насмешливой иронической улыбки, которая могла бы показаться у кого-либо, при чтении этого письма, — как снег на голову, что называется.

Дело вот в чем.

Будучи этого года заграницей, я несколько распространил там понятие о музыке русской *народной* песни: я взял с собой туда ноты наших песней. [?] Они привели в восторг иностранцев, и они по одним песням получили высокое понятие о нашем народе, так оклеветанном в глазах Европы, по независящим от него обстоятельствам (sapienti sat). Я роздал ноты русских песней в Париже, в одном городке Англии и в Баден-Бадене... но эти ноты стоили мне денег; а я человек без средств.

Нынче я опять получил требование из Парижа, чтоб я составил из наших песней Антологию и переслал бы ее в Париж... А теперь, как на зло, средства мои истощены... нельзя ли Вам будет достать для меня, если можно. то по два экземпляра следующих нот:

1) Русские народные песни с вариациями А. И. Дюбюка. Москва.

2) Собрание Русских народных песней Гурилева. Москва.

3) Собрание русских народных песней Стаховича. Москва.

и

4) Может быть, у Вас есть собственный свой экземпляр «Сборника русских песней» *Вильбуа*, издание петербургское — Стелловского.

Да всех этих изданий и не достанешь в Петербурге. Если захотите, то несколько подробнее об этом можете прочитать в майском № «Современной Летописи Русского Вестника» в моем письме «Из Неаполя».

Да и вообще укажите и посоветуйте мне в этом деле...

Помогите мне в этом: это ведь наше общее русское дело. Жаль, что я не могу лично переговорить с Вами, — а письмо ведь вещь краткая и не так убедительная... Но вы поймете, и дополните его Вашим русским сердцем... Да, славится русский народ и за морями... Да, знают его за морями, с его богатством прирожденного духовного содержания и из врагов сделаются друзьями его!

Адрес мой:

в СПБург., Н. Ф. Щербине. В Эртелевом переулке, в доме Хрущова, в квартире Харламова.

Вас искренно уважающий

Н. Щербина.

8 Сентября,
1861 г.
С.-Петербург.

2

А. Н. Островскому.

На несколько часов остановился в этой же гостинице Н. А. Новосельский и тоже душевно желал с Вами познакомиться. Мы сидели здесь в общей зале, и я пришел за Вами, но, к сожалению, не застал Вас в квартире. Нынче же мы уезжаем в Москву.

До свидания в Великой Руси.

Ваш

Н. Щербина.

Эдельсон, Евгений Николаевич

1

Москва. 1848 г., 20 Августа.

Любезный Александр Николаевич. Мы готовили было вам целый ряд описаний нашей дороги, но последнее время мы были очень серьезно заняты вопросом о поездке в Дербент.— Не дождавшись окончательного его решения, нам не хотелось писать к вам. — Теперь же честь имеем вас известить, что Дербенту нас не видать, как своих ушей; мы и без него проживем; — у нас составились новые планы насчет нашей деятельности: что касается до моего, так он очень прост, я держу на магистра и толковал об этом с кем надобно. — У Евгения тоже

есть план, об котором вы узнаете по приезде.— Теперь мы занимаемся отыскиванием квартиры и все ищем подальше от вас. — Вы — полно там с месяцем-то возиться, приезжайте-ка поскорей к нам, заживем так, что... Москва теперь повеселей, холеры почти нет... Вчера на Якиманке были, сколько народу под Донской проехало — просто страх. Накануне были у всенощной: видел графиню Катерину Михайловну Зубову, урожденную Прудникову. — Она меня узнала... У нас в Ржеве было больных за 5000, умерло слишком 1000; брат выздоровел, мать была больна до крайности, холера перешла в тиф, но ее как-то спасли, поправляется. — В чем вы нам никогда не простите... боюсь даже сказать... мы до сих пор не были у вашей сестры. — Денежки, которые были, все ухнули, а пешком далеко.—

Сделайте одолжение, извините нас перед Николаем Федоровичем и Эмилией Андреевной: мы чувствовали себя обязанными выказать им нашу признательность и не сделали этого. — Теперь уж как-то неприлично. — Вы хвастались в Вашем письме великолепными ночами, роскошною природою; что все возможные красоты природы пред Московскими купчихами? Мы видели их целыми тучами в Новоспасском монастыре в Донском и кроме того, в разных других местах, и остановились на том мнении, что если на том свете будут Гурии, то уж, конечно, из Московских купчих. —

Я не ручаюсь, чтобы Филиппов не израсходывался совершенно до Вашего приезда от сильных ощущений, приезжайте, ради Магомета

спасти его Вашими сценами — пусть он, каналья, узнает, что за души скрываются под такими великолепными наружностями, и что за жисть ведут они. — Но довольно о купчихах. —

Мы взялись за жизнь положительную, начав с того, что отказались от мечтательной поездки в Дербент — хвала пророчеству Николая Федоровича — скажите ему это. Кстати уж и поклонитесь ему от меня низко, низко, сложа руки на груди за его гостеприимство, и за то, наконец, что ему также обязаны мы отчасти тем, что не поехали в Дербент. Вчера были у [*неразборчиво*] танцовали, пели русские песни хором, с одною дамою и, наконец, любовались на пляску хозяйчика дома с кухаркою.—Хотел бы еще порассказать кое-что, да ведь надеюсь Вы скоро приедете — не дожидаться же Вам в самом деле следующих лунных ночей. — Как Ваши дела с Пашей. — Обнимаем Вас и братьев Ваших. Письмо Ваше получили.

Ев. Эдельсон.

2

1853 года, Марта 13, Пятница.

Любезнейший Александр Николаевич.

Спешу с первою же почтою ответить на письмо Ваше, полученное мною только вчера. У нас в Москве случилось важное несчастие, о котором впрочем слухи вероятно уже дошли до Костромы. 11-го числа нынешнего месяца сгорел Большой театр. Теперь остались только голые стены. Впрочем, мы все обстоим благопо-

лучно. Агафья Ивановна совершенно здорова: если успею нынче я заеду к ней с этим письмом и тогда сообщу Вам новейшие известия. Вчера у Погодина было заседание молодой редакции, по возобновлении в первый раз; не доставало только Бориса, который в деревне. Письмо к Панову я отправил еще вчера, к Никулину надеюсь завести сам нынче или завтра. Посылаю Вам 30 р. серебр., которых, вероятно, будет достаточно на обратный проезд. Погодин не возразил ничего на переданную мною от Вас просьбу о деньгах, но не дал их мне вчера, а обещал прислать и потому пока я посылаю свои. Поклонитесь от меня А. Ф. Писемскому и А. А. Потехину, у последнего особенно попросите извинения, что я не отвечал на его письмо. Оно пришло в мое отсутствие, потом я был болен, хлопотал и т. д.; впрочем, если захочет извинить, то извинит и без оправданий. Жена Вам кланяется, а также Писемскому, супруге его и Потехину. Больше писать пока нечего. Напрасно Вы не написали ничего о том, в каком положении застали в деревне дела и проч., это всех нас очень интересует. Сергей уже уехал из Москвы с Лукиным в пятницу на первой неделе. Прощайте, желаю Вам скорого возвращения или вообще того, что найдете для себя более нужным и приятным. Истинно преданный Вам

Е. Эдельсон.

P. S. Мальцов сообщает мне точные известия о надобностях Аг. Ив., и они удовлетворяются, впрочем пока это случилось только однажды. именно по случаю дров,

[другой рукой:]

Хорошо, что успел захватить а то бы послали без меня, а теперь, конечно, я взялся за это дело с особенным удовольствием услужить Вам, хоть чем-нибудь. Пишу у Вас в доме, Агафия Ивановна сильно тоскует по Вас и как заговоришь, так и плачет. Верно уж очень любит, а между прочим здорова и уповает пуще всего на бога и святых его.

Велела скорей приезжать и тратить, как можно меньше, денег.

Театр-то Театр а? Вот горе-то! по крайней мере утешение в ответных трех пунктах государя по телеграфу, вот они: 1) *Спасать народ*, 2) *Не давать гореть окружным обывательским зданиям*, 3) *От чего загорелся?*

Говорят человек 50 погибло.

Ужасно! ужасно, как вспомнишь об этом, это истинное горе всех благородных. Прощайте, приезжайте скорей

Ваш *К. Мальцов.*

Получил письмо от Бурдина, ни чего нет особенного, а то бы переслал, все хвалится.

3

Пятница 2 Декабря. [1859].

Получив вчера Ваше письмо, дорогой Александр Николаевич, я сделал все от меня зависящее, чтобы розыскать Горбунова и отобрать от него нужные Вам сведения, сходил нарочно к Еремееву, где он часто бывает и приказал прислать его ко мне, если покажется, поручил одному господину посмотреть его в представле-

нии Ристори, где, как мне сказали, он должен был быть, наконец, послал ему на квартиру письмо с строгим приказанием дать нужное известие немедленно — лично или письменно. Но все эти старания мои остались напрасными и, прождав его до половины двенадцатого, я, наконец, решаюсь писать к Вам. Съездить к Горбунову сам сегодня утром не мог, ибо уже несколько дней нездоров и вчера был в бане именно с целью сколько-нибудь пропотеть и поправиться.

Мне очень жаль, что я не мог отвечать Вам обстоятельно о деле сегодня, как Вы этого желали, но во всяком случае поиски Горбунова буду продолжать и напишу Вам тотчас же, как добьюсь от него толку. Сейчас только я догадался, что мне бы послать к нему рано утром Егора с тем, чтобы он непременно добился от него ответа, но, откровенно говоря, я не ожидал от Горбунова такой подлости, чтобы он не явился, зная, что непременно нужен.

Я послал Егора в театр — так как сегодня *Гроза* — может быть он на репетиции. Жду ответа.

Егор воротился в 12 часов и объявил, что Горбунова на репетиции не было.

В 3 часа я поймал, наконец, Горбунова у Еремеева, вот что узнал от него.

Сегодня воротился Тимашев, завтра цензор обещал представить ему на утверждение пропуск Вашей пьесы. Долгорукий, с своей стороны, не видит препятствий к этому пропуску. [417]

Цензор, как рассказывает Горбунов, вчера или третьего дня, встретясь с ним, спросил: шеп-

нул ли он в Москву о пропуске пьесы и на отрицательный ответ Горбунова, сказал: «шепните».

Горбунов уверяет, что он следит за этим делом с величайшим усердием и как только узнает что-нибудь решительное, пошлет Вам телеграмму. Письмо это я дописываю уже сегодня, т. е. в Субботу, но так как оно решительного ответа в себе не заключает, то, вероятно, и нет большой беды, что оно опоздало днем.

Весь Ваш *Ев. Эдельсон.*

4

С.-Петербург. Ноября 26-го. [1860?]

Я к Вам с покорнейшею и несколько деликатною просьбою, любезнейший Александр Николаевич, которою, конечно, не решился бы Вас беспокоить, если бы был сам в Москве. Дело вот в чем: Ап. Григорьев был у жены и объявил ей, что продаст дом и надеется отдать нам деньги. Я совершенно верю его желанию и твердому намерению рассчитаться с нами, но Вы знаете, в какой степени он управляем различными веяниями. Очень может быть, что, при получении денег за дом, новое веяние прикажет ему обратить должные нам деньги на подарки Марье Федоровне или на что-либо другое. Откровенно Вам говорю, что такой оборот дела был бы для меня весьма тяжелым сюрпризом. Так как Вы единственный человек, которого он еще побаивается, то я прямо обращаюсь к Вам с просьбой помочь нам, сколько от Вас зависит

в этом деле. Принимая в соображение, что продажа дома есть единственный случай, когда Аполлон может рассчитаться с нами, Вы, вероятно, поймете и оправдаете мою мысль обратиться к Вам в этом случае, как бы ни щекотлива показалась Вам на первый раз моя просьба. Ответьте мне, пожалуйста, об этом деле.

Письма и посылки Ваши я разослал по принадлежности. Комедия Востокова Писемскому не нравится. Новостей в Петербурге, кажется, нет. Вы ведь читаете газеты и притом, вероятно, уже видели Якушкина. Что же я могу рассказать после него? Михаил Николаевич Вам кланяется. Желаю Вам всего лучшего и остаюсь

Весь Ваш *Ев. Эдельсон.*

P. S. Лизавета Константиновна Вам кланяется. Я видел ее на именинах у Писемской.

5

16 Марта, Четверг. [1860?]

Я нахожусь в чрезвычайно глупом положении, любезнейший Александр Николаевич. Во время моей болезни Шипов уехал сюрпризом в Петербург и оставил нас совершенно без денег. Не можете ли Вы одолжить мне на небольшой срок руб. 25 или немного более или менее, смотря по Вашим средствам. Я надеюсь возвратить их Вам не позже конца ме-

сяца, а в случае, если бы Вам понадобилось, и ранее. Если Вы в состоянии оказать мне такую ссуду, то пришлите ее с посланным, чем много обяжете.

Ваш пред. *Ев. Эдельсон.*

6

19-е Марта, Понедельник. [1860?]

В среду, любезнейший Александр Николаевич, я предполагаю поехать в Петербург, и если Вам нужно, как Вы говорили, переслать со мной Михаилу Николаевичу доверенность, то потрудитесь доставить ее ко мне. Как ни желал бы я побывать у Вас перед отъездом, но по слабости здоровья не могу еще решиться на подобный путь при совершенной неизвестности дороги к вам.

Всегда Ваш *Ев. Эдельсон.*

7

Посылаю Вам, любезнейший Александр Николаевич, письмо и посылки для передачи Надежде Николаевне, Эмилии Андреевне и Андрюше. Я сейчас только приехал. Петербургские Вам кланяются. О своей пьесе Вы, конечно, знаете по телеграфу.

Весь Ваш *Ев. Эдельсон.*

[1860?]

Энгельгардт, Софья Владимировна

1

14-е Марта, [1852].

Не думайте, что одно эгоистическое чувство побудило меня писать к вам. Узнавши вас коротко, я душевно полюбила вас. Мы однако не очень много разговаривали с вами, так, что повидимому многие стороны души вашей закрыты для меня. Но, благодаря обстоятельствам, в течении короткого время ваша личность высказалась достаточно, и я вполне оценила ее.

Поручая вам Г.,[118] я, действительно, положила на вас обязанность. Но ежели б не вы, чтоб с ним сталось теперь? Право, сердце сожмется, когда подумаешь о жизни этого человека. Целый день он обременен сухими занятиями, а дома, вы знаете, что он отрады не находит. Он так создан, что и любовь для него новое мучение. Я коротко знаю, что в иных страданиях утешения нет, но он невольно испытывает влияние вашей дружбы и ваших убедительных слов. Не будьте однако слишком строги для него, и не забудьте, что он совершенно иначе создан, чем вы. Вот этого я боюсь, что вы строго его судите. Вы его упрекали в эгоизме? Верьте, он не раз мне доказывал, что он далеко не эгоист. Он меня мучит только тем, что сам себя измучил. Прошу вас, Островский, скажите мне, что он делает. Все одни занятия, работа, ведь это мучительно.

Я вас упрямо буду ждать к Святой. Право одной этой мыслей и живешь. Я изнемогла физически, и не будь надежды на скорое свидание, не знаю, как бы перенесла эти две недели, которым не будет конца.

Где вы проводите вечера? Что сестра ваша, и что нового о *Бедной невесте?* [419] Досадно и больно читать и выслушивать критики завистников и дураков на ваши прекрасные произведения. Да какое вам дело до них? Я вам не прощу головной боли в их честь. *Бедную невесту* прочтут во всех сословиях общества, и все ее оценят.

Я прощаюсь с вами; мы скоро увидимся. Посылаю вам shake hands. [420]

С. Э.

Кланяйтесь от меня всем нашим общим знакомым.

Celui à qui l'on a fait tort de salué. [421]

[На обороте]: Александру Николаевичу Островскому.

2

27 Апреля, [1852].

Я к вам пишу в грустном и встревоженном расположении духа; не спрашивайте, что такое? мало ли что.

Нас очень обрадовал Григорьев известием, что вы к нам писали; мы не получали вашего письма, и, признаюсь вам, очень грустно было думать, что вы нас так скоро забыли. Я не понимаю способность некоторых так легко забы-

вать людей, которых встречали каждый день с дружеским пожатием руки, которым говорили о своих чувствах и убеждениях, так что, наконец, воспоминание об этих людях слилось и с чувствами и с убеждениями. Я очень обрадовалась, когда узнала, что в вашем упорном молчании виноваты не вы, а почта.

Нам было очень грустно слышать о кончине вашей сестры;[422] но об этом я вам говорить не стану, но скажу только — что дети, что Коля?

Мы часто читаем *Свои люди;* я, обыкновенно, чтец. От чтения разговор переходит к вам и воспоминаньям об наших Московских вечерах. Скажите, с кем вы видитесь больше теперь и где засиживаетесь за полночь. Что общие приятели? что Щербина? Под какой формой поклоняется он теперь Афродите-богине? Сколько раз умел он полюбить и разлюбить с нашего отъезда. Мне кажется, что он останется всегда молодым, или скорей вечным ребенком.

Я послала свой перевод Григорьеву, и когда я об нем вспомню, мне становится совестно против Москвитянина. В эту минуту совестно и против вас, писавши к вам по-русски, но я знаю, что вам легче будет прочитать неправильное склонение, чем Французское письмо.

Знаете ли вы, что я и Соничка мы собирались на несколько дней в Москву в мае? Я с большим удовольствием думаю об этой поездке; она нас хоть немножко освежит. Вы не поверите, какая находит иногда тоска и скука в этом ненарушаемом однообразии, одна ваша приятельница Маркизка постоянно весела, так что иногда становится завидно глядя на нее.

А что *Бедная невеста?* не забудьте, что вы обещали мне ее прислать. Я с большим удовольствием и стараньем переведу четвертый акт. Кроме того, что он мне особенно по душе, любопытно было бы знать, какое впечатление наши литературные произведения сделают за границей, где очень недавно говорят о нас, но как о варварах. Боюсь только, что Президент, который исключительно занимает умы, не помешал бы заметке нашей, хоть она гораздо милее его.

Были ли вы у Грановского? Мне всегда больно подумать, что два честных человека не могут сойтиться [?] Как бы их не разделяли убеждения, между ними есть общее, и они должны понять и оценить друг друга. К тому же немного честных людей, в полном смысле слова, потому они и должны бы подавать друг другу руку, во что б то ни стало.

Я не говорю вам прощайте, но до свиданья. Однако, бог знает, скоро ли увидимся; напишите до тех пор, и пошлите верного человека на почту, чтоб письмо дошло.

R. N.

Меня очень огорчала мысль, что вы нас забыли, хотя я в ней и не сознавалась, даже с сестрами, и приискивала все возможные предлоги, чтоб растолковать ваше молчание. Я надеюсь быть в Москве, и мысль увидаться с вами одна из тех, которые меня душевно радуют. Я не понимаю, как пропало ваше письмо, должно быть его не отдали на почту, потому что мы посылали аккуратно в Серпухов.

Напишите ко мне о себе, и о всем, что меня интересует. Ваше предсказание не сбылось, и я не выношу мысли о том, что страдает[423] Г[ригорьев]. Вы думали, что какие-нибудь убеждения на него подействуют. Скажите, что нибудь о нем. Я вам жму руку из дали.

С. Энгельгардт.

3

30 Марта 1860.

Вы обещали прочесть мне вашу *Грозу*, Островский; с тех пор я и жду вас с *Грозой*, и потому только и не читаю. Она мне покажется еще лучше, если вы ее прочтете. За что ее так бранят в одном журнале? — Я хочу иметь право поссориться с журналистом и зову вас в понедельник вечером. Приезжайте и напишите непременно — придете ли вы. Многим хочется вас послушать, — я соберу своих знакомых.

Мы тряхнем стариной, как будто бы никогда не переставали быть старыми друзьями.

С. Энгельгардт.

[На обороте]: Александру Николаевичу Островскому.

4

Мы сейчас приехали и остановились на Мясницкой, в гостинице Перлик, в № 16 — на дворе.

Приезжайте скорей и привезите Григорьева, что с ним? Я не получала от него писем, а ваше меня вовсе не успокоило. — Ежели моя записка

вас не застанет сегодня, приезжайте завтра ранее.

Буду вас ждать до-нельзя.

С. Э.

[На обороте]: [1852?] Александру Николаевичу Островскому. В собственном доме, близ Яузского бульвара — у Николы Воробина.

5

Я узнала через Софью Александровну, что вы в Москве и нездоровы. Напишите, что с вами случилось и точно ли вы больны. Мы по вас соскучились, а вы вероятно нас забыли.

С. Э.

[На обороте]: Александру Николаевичу Островскому.

Юрьев, Сергей Андреевич

1

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Не могу выразить, как мне грустно и досадно, что, может быть, я имел возможность напечатать в моем журнале драму,[424] которую я слышал у Вас, и лишился этой возможности. После Вашего чтения я думал быть у Вас на третий день и просить Вас уступить моему журналу Ваше новое произведение, которое так сильно мне понравилось; но занемог. Я не ожидал, что Вы так скоро перепишете 5-ти актную драму и уедете в Петербург.[425] Я приехал к Вам, а Вас уже не было в Москве. Мой товарищ, помощник

по изданию, почему-то также замедлил съездить к Вам и вот — я потерял давно желанный случай — напечатать Ваше произведение.

Если не поздно теперь, — сделайте одолжение, уступите мне Вашу новую драму. Вы меня этим несказанно обяжете.

Если, к сожалению, Вы передали Вашу драму в которую-нибудь из редакций и не можете уже мне ее уступить, то дайте мне слово, что следующее Ваше произведение передадите в мой журнал. Таким обещанием Вы меня немного успокоите и утешите.

Как упрекаю я себя, что в самый вечер чтения не порешил всего дела! Да было у Вас много слушателей, и я не нашел удобным переговорить с Вами.

Авось, я еще так счастлив, что драма Ваша не передана еще никому. Сделайте милость, ответьте мне на это письмо.

С совершенным почтением остаюсь

Готовый к услугам

Сергей Юрьев.

8 Декабря
1871.

2

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Очень сожалею, что ни я, ни Вы, мы не заставали друг друга дома. Еще более сожалею, что я не застал Вас на шестой неделе В. поста, вскоре после заседания Общества, в котором было положено праздновать открытие памят-

ника и была избрана распорядительная Комиссия из лиц, съехавшихся на заседание.—В первое же заседание комиссии было положено просить Вашего [слова] в публичных заседаниях Об. по поводу празднования открытия памятника Пушкину, в чем можно удостовериться из протокола комиссии.

Порядок празднования следующий:

I 26 числа утром — официальное открытие памятника Высочайше утвержденной Комиссией, а вечером — обед в 6 часов по подписке.

II 27 утром — публичное заседание Общества Л. Р. Словесности, а вечером — Художественно-драматической и музыкальной вечер.

III 28 утром — 2-ое публичное заседание О.Л.Р.С., а в 6 часов — художественно-музыкально-драматический вечер. [426]

Это[т] 2-й вечер будет состоять из повторений первого. Кроме того, в одной из боковых зал собрания будут выставлены портреты Пушкина. картины из его жизни, рукописи Пушкина и вещи, оставшиеся после него, которые удастся собрать.

Двойные заботы и хлопоты по журналу, мною редактируемому и по устройству праздника не дали мне возможности побывать у Вас в последние дни.

С совершенным к Вам почтением
и душевною преданностию

6 Мая
1880

Сергей Юрьев.

3

Прошу, переверните страницу. Извините, что начал я письмо не на надлежащей странице.

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Общество покорнейше просит сказать Ваше слово [427] в одном из публичных заседаний общества 27 и 28 Мая, в которых примут участие Тургенев, Достоевский и Писемский. Конечно, в этих заседаниях должны принять участие корифеи нашей литературы. На основании этого и обратилось к Вам общество, прося Вашего слова в этих заседаниях. — На тех же заседаниях будет читать Грот и Тихонравов, первый от лица Комиссии, Высочайше утвержденной, а последний от Московского Университета.

Итак, мы будем надеяться, что услышим Вас в одно из сказанных публичных заседаний.

С искренним к Вам уважением остаюсь душевно вам преданный

Сергей Юрьев.

7 Мая
1880

4

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

На 31 Января назначено публичное заседание [428] общества Л. Словесности в память Достоевского и Писемского. Мы получили, как теперь оказалось, ошибочное известие, что Вы прибудете к этому времени в Москву и ожи-

дали, что примете личное участие в заседании. Из разговора с А. А. Потехиным я узнал, что Вы не можете оставить Ваших работ в Петербурге; а желание общества слышать Ваше слово в память Писемского остается в силе. Поэтому я прибегаю к Вам с покорнейшею просьбою прислать к 31 января хоть несколько слов, написанных Вами о Писемском, и позволить прочесть их в предполагаемом заседании. Если не слишком запоздала моя просьба, если найдутся у Вас час, другой свободным, Вы много, много обяжете меня и всех членов общества, для которых, конечно, дорого Ваше слово.

С искренним к Вам уважением и
душевною преданностью
остаюсь *Сергей Юрьев.*

26 Января
1882

5

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Николай Михайлович Городецкий передал мне, что Вы высказывали ему неудовольствие на меня за то, что я очень поздно обратился к Вам с просьбою принять участие в заседании Общества Любителей Р. Словесности, устроенном в память Писемского.[429] Это меня крайне огорчило тем более, что самая неловкость позднего обращения к Вам с моею просьбою проистекла из непременного желания иметь от Вас хоть несколько слов, которые могли бы быть прочтены в заседании Общества,

Дело произошло таким образом:

Прежде хотели сделать в память Достоевского и Писемского 2 заседания отдельные, одно в память Достоевского, 31 января, другое в память Писемского, в следующее за 31 января воскресенье (4 февраля). Потом около 20 января в особом заседании Общества, по неимению материала для целого заседания, посвященного Достоевскому, решили оба предположенных заседания соединить в одно. На другой же день после такого решения один из членов Об., не помню сейчас кто, отправлен к Вам на квартиру с приглашением принять участие в заседании, так как мы слышали. что Вы в Москве. Вас в Москве не нашли, но привезли известие, что Вас ожидают со дня на день.

Прошло дня 2 или 3, а Вы в Москву не приезжали. В это время был в Москве Алексей Антипович Потехин, и я отправился к нему с просьбою принять участие в заседании; но [он] уезжал из Москвы. Мне тогда пришло в голову просить его прислать хоть несколько слов о Писемском, которые могли бы быть присланы хоть с Оберкондуктором железной дороги ко дню заседания. Возвратясь домой, я подумал, что может быть и Вы можете также подарить нас несколькими писанными Вами словами, которые, конечно, были бы дороже всех речей тех членов, которые будут во время заседаний в Москве. Эта мысль так охватила меня, что я, несмотря на то, что до заседания оставалось не более 4 или 5-ти дней, немедленно написал Вам письмо. Под влиянием сильного желания иметь от Вас хоть несколько слов для заседания о Писемском

вышибло у меня из головы мысль о том, что письмо мое, кроме позднего его отправления, могло еще запоздать доставлением его по адресу — и я пустил его на удачу.

Впрочем устроители заседания—одобрили мой поступок, как потому, что все желали иметь от Вас хоть несколько слов, так и потому, что Алексей Антипович не вполне утвердительно согласился написать что-нибудь о Писемском в столь короткое время. Здесь же все решительно отказались от этого, а у меня не было времени не только написать что-нибудь, но даже обдумать какую-нибудь речь. А все таки это дело легло на меня, и я был вынужден говорить о Писемском без всякого приготовления, говорить импровизацию в полном смысле этого слова.[430] Вообразите мое положение! Я и теперь не знаю, как я выпутался из него.

Если какая неловкость с моей стороны, в которой я, по крайней мере сознательно, не повинен, оскорбила Вас, прошу, извините меня. Мне крайне прискорбно думать, что Вы питаете на меня какое-нибудь неудовольствие. Я всегда уважал и любил Вас не только как славного писателя, создавшего новейшую русскую драму, но и как человека. Мои нравственные душевные отношния к Вам известны всем знающим меня, а общих у нас знакомых не мало. Всем известно, как высоко я Вас ценю и какое значение Вы имеете для меня.

С искренним к Вам уважением и полною душевною преданностью остаюсь

21 февраля 1882 *Сергей Юрьев.*

6

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

С закрытием *Отечественных Записок* [431] открылась для меня возможность печатать на страницах *Русской Мысли* [432] Ваши произведения, которые, как я узнал, не желает мне уступать редакция Петербургского журнала. *Русская Мысль*, лишенная возможности печатать Ваши произведения, была осуждена ограничиваться посредственностями в области драматической литературы, излюбленной мною и драгоценной для меня и закрыла свои страницы для драмы и комедии. Теперь я открываю драматический отдел исключительно для Ваших работ и Вами задуманных и Вами написанных, а не исправленных только Вами или, в исключительном случае, только для таких, не Вами созданных пиэс, которые по достоинству наиближе подойдут к Вашим, если таковые явятся. Позвольте [надеяться], глубокоуважаемый Александр Николаевич, что Вы не откажетесь сделать честь *Русской Мысли*, украсить ее Вашими произведениями. Еще, я помню, вы мне читали несколько страниц из Вашего проекта народного театра [433] и мне хотелось тогда, чтобы вы прочли этот проект или записку Вашу о народном театре в публичном заседании О.Л.Р.Словесности; не можете ли напечатать эту записку на страницах редактируемого мною журнала? Крайне-бы обязали. — Не могу Вам выразить того удовольствия, которое доставит мне Ваше согласие исполнить мою просьбу. Ваши произведения поднимут или

лучше сказать поставят драматический отдел в *Русской Мысли* на должную высоту. К этому отделу я крайне ревнив. Драматическая литература и сцена были с юности моей сперва предметом почти безотчетной страсти, а потом стали предметом сознательной преданности; так и в настоящее время. Сам, не имея творческих способностей, я много читал, наблюдал и размышлял и готов был оставить всякое дело для служения театру, но не представлялось случая и теперь почту себя счастливым хоть косвенно послужить русской драме, печатая Ваши произведения и мысли о театре.

Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный

Сергей Юрьев.

[1884 г.]

Мой адрес: Тверская губерния, Калязинский Уезд, Нагорская волость, ссло Воскресенское, Сергею Андреевичу Юрьеву.

7

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Приношу Вам искреннюю благодарность за надежду на возможность напечатать следующее Ваше драматическое произведение.[434] Позвольте повторить просьбу мою о сообщении в *Русскую Мысль*, если возможно, Вашей *Записки о народном, русском театре*, отрывки из которой Вы мне читали. Я потому повторяю мою просьбу об этом теперь, не дожидаясь осени,

что желалось бы, если Вы согласитесь, напечатать Вашу *Записку* в начале осени в Сентябре или Октябре.

Очень, очень обяжете меня искренно и глубоко Вас уважающего и Вам преданного

Сергея Юрьев.

17 Июня,
1884 г.

8

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Только сейчас я прочитал в газетах о состоявшемся 21 Октября Собрании Общества русских драматических писателей. [435]

Об этом собрании и о некоторых приготовлениях к нему я не слыхал ничего до настоящей минуты.

Не могу не высказать, не заявить Вам моего глубокого, искреннего и сильного сожаления о том, что таким образом я лишился возможности присоединиться к выражению членами общества чувств их любви и почтения к Вам, а также и участвовать в поднесении Вам чернильницы с пожеланием Вам долго и долго дарить нас и нашу русскую сцену Вашими произведениями.

По крайней мере, глубокоуважаемый Александр Николаевич, чрез посредство этого письма примите от меня выражение тех же

чувств любви и почтения, которые я всегда питал, питаю и, конечно, всегда буду питать в себе к Вам.

С глубоким почтением остаюсь
душевно Вам преданный
Сергей Юрьев.

23 Октября,
1884

9

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Поздравляю Вас и супругу вашу с Новым годом и от всего сердца благодарю Вас за извещение об окончании Вами Вашего произведения [436] и за приглашение меня переговорить об его напечатании, чего я так искренно и давно желаю. Постараюсь непременно быть у Вас до 6-го числа. Дни вышли столь хлопотливые, что простите, если приеду 6-го числа.

Глубоко Вас уважающий и
душевно преданный
Сергей Юрьев.

[Начало января, 1885 г.]

10

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Письмо Ваше я получил сегодня, в понедельник. В среду утром непременно буду у Вас. Сожалею, что не могу приехать ранее.

Искренно Вас уважающий и Вам преданный
Сергей Юрьев.

[1885?]

11

Глубокоуважаемый
Александр Николаевич,

Я прочитал в *Русских Ведомостях*, что вы назначаетесь Управляющим Императорских Московских Театров.[437] Лучшего выбора, конечно, нельзя было сделать. Кому дорого самостоятельное развитие русского театра, кому дорога Московская [сцена] и ее славные предания, не может не радоваться такому назначению. Вступление Ваше в должность Управляющего Московскими театрами можно считать началом нового славного периода истории Московской сцены, подобного тому, который мы еще помним.

Я бы почел себя счастливым, если бы получил возможность сделаться Вашим помощником в осуществлении Ваших целей при управлении театром и Ваших мыслей, которые в сущности мне известны и которым я сочувствую. В настоящее время, как Вам известно, я свободен от журнала и нуждаюсь в службе. Но не это одно заставляет меня писать Вам настоящее мое письмо. Вы знаете, как я люблю театр, и как я желаю трудиться на пользу его, как и насколько могу. Более счастливых условий для удовлетворения таких давнишних желаний, как работать под Вашим руководством и таким образом принести по моим средствам возможную пользу, найтиться для меня не может. Поэтому, если найдете меня в каком-нибудь отношении способным и годным к тому, усердно прошу Вас не забыть меня и доставить мне воз-

можность, если встретится благоприятный к тому случай, занять служебное место при театре под Вашим управлением.

С искренним и полным уважением остаюсь
душевно преданный

Сергей Юрьев.

12 Августа,
1885

Мой адрес: Тверская Губерния, Калязинский Уезд. Нагорская волость, село Воскресенское.

12

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Весьма обяжете меня, если прикажете доставить мне на репетицию *Марии Стюарт* [438] 2 контрмарки (одну для меня, другую для моей дочери). Но я был бы особенно Вам благодарен, если бы Вы нашли возможным приказать прислать мне, вместо 2 контрмарок, контрамарку на ложу. Говорят, что на пиэсу Шиллера записалась публика уже на представления и на все места. — Очень бы желал я поговорить с Вами о многом (не лично меня касающемся), да не знаю, когда Вас застать свободным от посетителей. В субботу вечером не удалось мне Вас застать. В 10 часов утра, по причине далекого расстояния вашей квартиры от моей, мне трудно приехать. Я знаю, что Вы принимаете желающих Вас видеть по вторникам и пятницам в Т. школе и от 1 до 4 попо-

лудни, но думаю, что Вы там осаждены целою толпою посетителей и большою массою дел. Очень бы желал и нужно мне было повидаться с Вами, переговорить и кое-что узнать от Вас

Искренно уважающий
душевно преданный

Сергей Юрьев

9 февраля
1886

Якушкин, Павел Иванович

1

7 Октября, [1867].
Сабурово.

Посылаю вам, дорогой мой Александр Николаевич, статью неоконченную: не успели переписать; с следующей почтой получите окончание. Ежели я не опоздал, отдайте Некрасову, а опоздал — поместите, пожалуйста, где-нибудь, только не у Каткова.

В деревне я просто с ума схожу и теперь хлопочу — хоть в Калугу — за этими разъездами я и не успел послать статьи ранее. Скажите Некрасову, что я еду в Калугу почти без денег; а потому прошу деньги выслать по первому требованию. У меня еще есть статья почти готовая: *Науками юношей питают*, которую тоже вас буду просить поместить где-нибудь.

Я писал Некрасову, чтобы он взял у Аксакова и у Чаева посланные к ним статьи; какая участь постигла их?

Низко кланяюсь Агафье Ивановне и попрежнему

весь Ваш

Павел Якушкин.

Мне писать: на Покровскую станцию, Орловск. губ.

Пришлите мне, пожалуйста, в этот счет Шлоссера 18 и 19 том и Гервинуса 19 стол. прочитать решительно нечего.

Посылаю вам в черновую: набело переписано с большими ошибками; а потому прошу набирать с черновой — конец только с беловой.

2

5 Декабря, 1867 года.
Сабурово.

Как вас бог милует, дорогой мой Александр Николаевич? А мне плохо и больно плохо; авось господь даст с вами и свидемся. Тогда вам расскажу свои мытарства, а пока об деле.

Получили ли вы от меня для передачи — «*Чисти зубы*» — Некрасову? [439] Взяли ли вы от Аксакова — *Путевые письма* [440] — тоже для Некрасова, и тоже для него от Чаева или Кожухова (так было написано на письме в Москву в почтамте) *Жалостливую комедию* тоже, ежели хочет, может взять Некрасов.

Некрасов мне писал после посылки к вам статьи сердитое письмо: сердится, что я не присылаю к нему статьи; а где я буду его искать? Пожалуйста, напишите, что хочет делать Некрасов? Насколько я могу на него рассчитывать, как на издателя? Один ли сборник он издает или

несколько? [441] У меня несколько теперь статей (3 посланных и 2 дома), ежели Некрасову они нужны, я их никому не отдам, в том смысле я писал и Тиблену, кроме Некрасова; об плате за них: Некрасову отдам за лист по 5 руб., а Краевскому не отдам и за 500 р.

Может быть, Некрасо[в] взялся бы издать сборник моих творений — то-то бы обязал! Не можете ли вы нас как-нибудь сосватать? Пожалуйста, напишите хоть строчку об этом на Покровскую стан., Орловск. губ., ко мне.

Всей душой вам преданный

Павел Якушкин.

Агафье Ивановне передайте мой глубокий поклон и попросите, чтоб она вас попилила, пока вы ко мне не напишете хоть строки, и пока не сочтет за вздор, будто бы я потерял задние колеса, поехавши гулять на беговых дрожках.

3

Енотаевск.
20 Мая [1870].

Попросите, дорогой мой Александр Николаевич, помогите П. И. Шестоперову, человеку безукоризненной честности, казанскому студенту.

Ваш брат — М. Н. много может сделать, а человек, ежели останется в Енотаевске, пожалуй и погибнет.

Знаю вас и надеюсь на Вас

Павел Якушкин.

К Тертию пишу с этой почтой.

4

Дорогой мой, родной,
Александр Николаевич,

Может быть мало людей так искренно радующихся, как я, Вашему юбилею. Дай бог Вам много лет жить для глубоких наблюдений над жизнью русских людей. Я сам писать не могу: шесть недель как у меня возвратная горячка, но я счел необходимым известить Вас о делах, касающихся отчасти и Вас лично.

Иван Егорович Турчанинов кончил свою жизнь самоубийством. Медики нашли, что у него было ожирение мозга, и что эта катастрофа должна была произойти, ежели не в тот самый день, то в очень скором времени.

Покойный Иван Егорович, Вы сами знаете, как Вас любил и уважал. В последние дни его жизни только и разговору было у него, что об Вас. Любя Вас, он бережно сохранял все Ваши, а также и Садовского, к нему письма и записки, что мы узнали после его смерти. По смерти его Ваши письма к нему и Садовского появились в руках совершенно посторонних людей. Не считаю своевременным указать на лиц, у которых эти письма находятся, — я современем укажу Вам как на этих лиц, так и содержание писем. Вероятно, Вы пересмотрите Ваши письма у сестры Турчанинова и узнаете — все ли письма разысканы или которые еще здесь, в Самаре.

Душой Вам преданный

Павел Якушкин.

Самара.
23 Декабря, 1871 г.
Губернская Земская
больница.

ДОБАВЛЕНИЯ

Архив А. Н. Островского, ныне хранящийся в Госуд. Театральном музее имени А. Бахрушина, после смерти драматурга начал понемногу распадаться: часть писем к нему, вероятно, вдовой была возвращена некоторым корреспондентам Островского (так, напр., письма Н. Я. Соловьева оказались в семье драматурга-сотрудника Островского; недавно были опубликованы Д. И. Малиппиным в костромском «Литературном Сборнике» (1928) вместе с письмами А. Н. Островского); часть писем была изъята для напечатания в различных изданиях— С. Максимовым, П. О. Морозовым (в «Вестнике Европы», 1916, X), П. Шереметьевым и др. Так как в нашем распоряжении не было автографов писем Горбунова, Л. Толстого, Тургенева и Эдельсона, ниже помещенных, то мы не сочли удобным включать их в общую серию писем корреспондентов Островского, но решили напечатать их в виду обилия любопытных подробностей в них и более полной картины взаимоотношений между Островским и теми лицами, чья переписка дана в основном разделе нашей книги.

Горбунов Иван Федорович

1

6 сентября 1856 г.

Спешу Вам сообщить, Александр Николаевич, обо всем, что делается в Петербурге. 1. Погода стоит лихорадочная, как и всегда. 2. 5-го числа было первое заседание комитета, собранного для рассмотрения пьес для столетнего юбилея.* Вот и все новости. Комитет состоит из следующих лиц: Председатель С. П. Жихарев, который писал дневник студента. Члены: Краевский, Ротчев, Федоров, Никитенко, Лажечников, Майков, Гончаров. Псаломщиком поставили вашего покорного слугу. Всех пьес представлено 21, из которых, вероятно, 20 никуда не годятся, а одна, которая должна непременно годиться, будет хуже всякой посредственности. В первое заседание прочитано 3 пьесы, в одной есть великолепное место о Гоголе. Пьеса [П. И.] Григорьева представлена без девиза и прочитана была первая. Такая дребедень, что уму непостижимо. ** Пьеса какого-то лавочника уложила публику окончательно. «Театр представляет клад-

* В 1856 г. праздновался столетний юбилей русского театра.

** В память столетия русского театра.

бище» и т. д. На сцене Полевой, Брюлов, Мочалов и др. Конец первого акта: «Мочалов. Одначе, семь часов, пора чай пить. (Уходят все в могилы, музыка играет что нибудь»). О дальнейших заседаниях буду сообщать. Что ваша нога? Неужели не легче? Да сохранит вас бог. Поклонитесь Агафье Ивановне, Евгению Николаевичу и Ап[оллону] Александровичу. Майков и Гончаров вам кланяются. У Михаила Николаевича один раз был, но не застал дома. А. Никитичу рассказы посылаю во вторник.

P. S. Гурию Николаевичу низкий поклон. *

2

1856 [октябрь].

Пьеса, данная в бенефисе Марковецкого, принадлежит к числу таких пьес, за которые обыкновеннно бьют по роже: автор и бенефициант получили это. ** Я вам не писал своевременно об этом, потому что не хотел расстраивать вас. Содержания в пьесе нет никакого, рассказан только в лицах известный анекдот о Гореве. Публика ошикала пьесу, а великие князья, бывшие в это время в театре, сказали: «можно ли давать такой вздор?!» Были, разумеется, люди, которые порадовались этому пасквилю; вероятно, найдутся такие же в Москве. (Пьеса идет

* Это и следующие письма И. Ф. Горбунова были напечатаны в III томе «Сочинений И. Ф. Горбунова». (стр. 533 и д.)

** 17 окт. 1856 г. шла двухактная пьеса актера Брянцева «Заблуждение», где был инсценирован эпизод Островский — Горев: Островский был изображен под именем драматурга-плагиатора Васильевского.

в бенефис Живокини). Все любящие вас, ваши друзья драматические, порешили меж собой так: «после представления пьесы в Москве, вам не худо написать письмо к Гедеонову и сказать ему, что поступать подобным образом с литератором, который более чем кто либо принес пользу дирекции,—дело не честное. На публику пьеса не произвела никакого впечатления и разговоров даже об ней не было, [с начала рассказывает содержание пьесы *]. Для сцены это нисколько не интересно, хотя в натуре бывали и бывают, может быть, подобные случаи. «На всякое чиханье не наздравствуешься», говорит пословица, а потому это дело надо оставить втуне, сказал Писемский. В Петербурге новостей нет. Писемский болен не столько физически, сколько морально. Шетулинский сказал, что у него болезнь нервная и лечить его должна сама натура. Пьеса Зотова, избранная комитетом похоронена в III Отделении, «Укрощение строптивых» не пропущена; «Лабазник» ** в цензуре и, кажется, пройдет. Потрудитесь сказать об этом Прову Михайловичу. На следующей неделе я дам ему решительный ответ. Прощайте, Александр Николаевич, благодать божья с вами.

P. S. На днях был бенефис Леонидова. Он давал «Ермака» Полевого. Сбор был очень хороший. На повторении бенефиса в театре сделали скандал: кто-то закричал: «пожар»! Что это

* В скобках слова редактора «Сочинений И. Ф. Горбунова».

** Пьеса Владыкина.

было... Я был в это время на сцене. Вообразите крик, давка, треск... ужас! Мы начали со сцены уговаривать публику; сказали, что это вздор, что никакого пожара нет. Мало-по-малу успокоились; некоторые пришли обратно из корридора и тем убедили прочих в несправедливости сказанного. Все сели на места и попросили кончить пьесу. После спектакля, при разборе шуб, была другая история, следствие первой: многие ушли в чужих шубах, а некоторые должны были итти вовсе без шуб.

3

29 января 1857 г.

Сообщаю Вам одно происшествие, которое случилось в субботу в театральном комитете. Петербургские новости, вероятно, уже дошли до вас, например, что Борщев умер, что Самойлов сошел со сцены, т. е. не совсем, но уже более не играет (он просит 6 тысяч рублей, но дирекция упирается); что Леонидов женится, что в настоящий театральный сезон нового на сцене ничего не было, а вот что для вас будет ново: Горев осчастливил нас всех, открыл свой псевдоним и представил, посредством одного покровителя и почитателя своего таланта, свою комедию «Сплошь да рядом» в комитет под именем Тарасенкова. В комитете заседали: Жихарев, Федоров, Никитенко, Майков, Ротчев, Гончаров, Дружинин. Чтение началось в 8 часов и кончилось около 12. Мне несчастному пришлось испытать такую муку, что вы себе представить не можете. По прочтении составили, разумеется,

журнал, из которого выписываю несколько строк... «Комитет мнением положил: пьеса Г. Тарасенкова «Сплошь да рядом», по недостатку действия, бесцветности характеров, растянутости и пошлому языку не может быть принята на сцену». Дружинин говорит, что Краевский, подписывая журнал, накладывает на себя руки. Впрочем, Краевский отказался от пьесы и говорит, что она действительно плоха; один только Бурдин остается при своем мнении. Гр. Кушелев-Безбородко затевает журнал. * О подробностях этого сообщу вам отдельно. Он меня просил написать вам, но как, что и об чем, узнаю сегодня. Рамазанов был в Петербурге (да и теперь не здесь ли?), я с ним виделся. Хавский в Петербурге, квартирует у Леонидова. Мартынов в понедельник играл Фамусова. Львов, начальник отделения Управы Благочиния, написал очень недурную комедию «Свет не без добрых людей». Вряд ли пройдет она.

4

15 июня 1857 г.

Мне совестно и за перо-то взяться, Александр Николаевич. Я теперь стою перед вами в таком же положении, как Андрей Титыч перед Брусковым: «на все воля ваша!» Новостей в нашем городке решительно нет. Об Садовском вы, вероятно, прочитали в «Современнике». Эта самая нелицеприятная статья об нем. Есть еще в «Отечественных записках», в «Музыкальном вестнике», в «Санкт-Петербургских ведомостях», в

* «Русское Слово».

«Северной пчеле» две, из которых одна, с подписью «Не дикий», принадлежит Старому Пимену, в мире Арапову. * Журналы, вообще, остались довольны Садовским, исключая «СПБ. Ведомостей», в которых театральную критику пишет Вильде. А так как вильде по немецки означает «дикий», то Арапов написал опровержение на оную и подписался «Не дикий!». В этой статье ничего нет. Статья Греча начинается таким дифирамбом, каким он не воспевал даже генерал-адъютантов. По отъезде Садовского, театр пребывает пуст, несмотря на то, что Максимов, после двадцати двух-летней службы сделавшися новостью — играет каждый день. Мартынов очень был болен, теперь, благодарение богу, поправляется. Все думали, что у него горловая чахотка, а кончилось это только геморроем. Самойлов за границей: Бурдин поехал с визитом в Самару. В репертуаре нового ничего нет. Вот и все театральное. Забыл, впрочем: в Питере был Щепкин и благодарил со слезами Павла Степановича за Садовского. В литературном мире хоть шаром покати, ничего нет особенного. Недавно — да вчера — в «СПБ. Ведомостях» была выпущена мораль на «Молву»; тут и вас задели самую малость. Должно быть, князь Назаров сердит на вас. Граф Кушелев-Безбородко издает свои сочинения. Вчера был у меня поэт Смуров. Завтра я еду с ним в Гатчино к Майкову. Кушелева в настоящее время нет в Петербурге. Я напишу ему письмо, может быть, что нибудь и будет. К Толстому я повезу его сегодня. Еще

* Историк театра П. Н. Арапов.

просил он меня справиться о «скатерти», которая послана им государю императору. Я справлялся в канцелярии министра — ни слуху, ни духу. Надо будет толкнуться в Московскую Дворцовую контору. Увидал он у меня ваш портрет и так разошелся в разговоре насчет вас, что я не успевал запоминать фразы, которыми он говорил, — одна другой лучше. «Вот он, батюшка-то! Народный-то наш...» «Любите вы его»? «Кого?» — «Александра-то Николаевича?» — На что-ж лучше. Вишь ты! И ручку за пазушку положил... Много он излил святой Руси своих вдохновеньев [?] и т. п. Не знаю, удастся ли ему что нибудь сделать в материальном-то отношении. То горе, что в Петербурге-то никого нет. Кушелева-то я урезоню. Что бишь еще-то? Да! Федоров просит у вас разрешения отправить пьесу в 3 отделение.

Про Петербург говорить нечего, он пуст теперь. Вся его жизнь, со всеми интересами сосредоточивается за городом, на островах. За то, что на островах и делается! страшно подумать, что там делается, особливо в праздничный день! Это я вам доложу такое пьянство, которого древние и вообразить не могли. В прошлое воскресенье, в 11 часов, три парохода повезли пьяных в Петербург. На каждом пароходе помещалось, по крайней мере до 200 человек. А сколько еще полиция подобрала! По сказанию буфетчика, в вечер выпито 227 бутылок коньяку. Купец К. выпил две бутылки рому и 13 рюмок голландского джину, за что в эту же ночь был поражен двумя ударами, из которых один лишил его удовольствия продолжать земное стран-

ствование: он отошел к родителям. Излер по прежнему продолжает спаивать публику. Петровский остров... да одним словом все пьет.

Рамазанов был в Петербурге; сегодня, кажется, уехал. Желаю вам доброго здоровья. Не будете ли в Нижнем? Увидимся.

23-го июня.

Письмо это должно было отправиться 15 числа, но Смуров поехал 23-го, а потому оно стало немного анахронизмом.

5

1858 г.

Извините, Александр Николаевич. Я только стал действовать, как следует; совсем было... насилу я мог вытащить у г. * деньги. Ему, разумеется, никто не напоминал, он и забыл. Уведомьте меня, получили ли вы? Дело вот какого рода, отлагать нельзя. Нордштрем призывал меня вчера в III отделение и сказал, что есть большая надежда провести «Свои люди». Вот как: Тимашева нет, приезжайте в Петербург, дела устроил насчет Долгорукова. А хорошо, если бы Строганов написал к Долгорукову. Тогда конец. Нельзя ли к Строганову-то посредством Ю. Оболенского? Долгоруков-то не против пьесы, по словам Нордштрема. Щепкин играет слабо. Удалась одна только роль — *Ревизор*, а прочее плохо. Публика хлопает, но не с азартом. *Школа женщин* — совсем ослабела; Фамусов также. Кушелев 9 числа едет в деревню.

* Вероятно графа, т. е. Кушелева-Безбородко.

Ради бога, извините меня. Поцелуйте Агафью Ивановну.

6

3 октября 1859 г.

Что я к вам только что теперь пишу, за диво не почитайте. По приезде в Петербург, я нашел Робуша * при смерти. Заботы и хлопоты около него оторвали меня от всех других интересов. Теперь он, слава богу, начал поправляться. У него был тиф. За просрочку мне ничего не было. Я пришел к Павлу Степановичу и стал в зале с просителями для того, чтобы совсем рассмешить его. Он вышел, подошел к одному, к другому, наконец, увидал меня, хотел состроить строгую физиономию, но это у него не вышло. Сейчас, значит, к Прасковье Сергеевне, так и так и все это, остался у него обедать, ну и значит, конец... На срок явился. Благодетель! Нового в Петербурге, кроме Шамиля, ничего нет. Был у Некрасова, — не застал; письмо оставил. Видел Панаева, кланяется вам, Писемский тоже. Григорьев в отвратительном положении. Кушелев написал ему письмо, в котором было сказано, чтобы он подчинился во всем Хмельницкому. Григорьев отказался и какими средствами живет не знаю. Хмельницкий вооружил всех его кредиторов и теперь, бог знает, что будет. Он, повидимому, весел, но не думаю, чтобы у него все кончилось благополучно. Marie состоит при особе. У директора был и получил поцелуй за исправную

* Доктор Робуш, друг Горбунова.

доставку посылки. В театре было событие следующего рода: Яблочкин взялся играть за Бурдина роль Ильюши («Не в деньгах счастье») и был ошикан всем театром. Я такого позора еще не видывал. «Воспитанница» в Комитете пропущена. Против пьесы был Жихарев и еще один барин Ротчев. Мне это передано по секрету (!!), и я вам передаю за секрет (!!). Не смею умолчать и о том, что пьеса поступила теперь в отделение и, кажется, нждивением Иоанна Нордстрема будет запрещена. По крайней мере, мне он говорил, что он никакой надежды не полагает. В понедельник обещался дать решительный ответ. Ходят слухи, что министр снесся с Долгоруким об цензуре. Что-то будет!

7

[Конец декабря 1860]

Слава богу! Слава богу! Слава богу! Очень рад, что мне первому пришлось сообщить вам то, чего все дожидались. «Свои люди» на днях будут пропущены. Это верно. Пишу вам по приказанию Павла Степановича у него в кабинете. Он просит вас прислать распределение ролей поскорее. Подробно опишу завтра, а теперь в кратце скажу: Нордстрем сам вызвал и сказал П. Ст.: давайте поскорее пьесу, я теперь пропущу. (Тимашева нет.) Сейчас пошла Долгорукову от Сабурова записка с пьесой. Когда Нордстрем представит рапорт о пьесе, Долгоруков уже будет об ней известен. П. Ст. сейчас велел прибавить: пришлите

распределение. От меня каждый день будут к вам письма. P. S. Об этом, кроме меня и Федорова, никто не знает. Не утерпел, сказал директору и Евгению Николаевичу.

8

1861 [конец сентября].

До сих пор, добрейший Александр Николаевич, я не мог Вам написать о судьбе Ваших пьес, потому что ждал окончательного приговора. Вот вам все подробности: во едину от суббот (две недели назад) распространился слух, что пьесы Ваши забракованы Литературным комитетом. * Я обратился с вопросом к Федорову — он мне ничего не сказал; к тому, к другому — то же самое. Я посоветовался с Михаилом Николаевичем насчет того — писать ли вам об этом или подождать. Он мне советовал написать. В этот день, когда я хотел писать, распространился другой слух, что пьесы будут рассматриваемы вновь. Зная, что Вас глубоко огорчит поступок Комитета, я стал ждать конца, не беспокоя вас прежде времени. Теперь все кончилось: одна пьеса пропущена, другая «Зачем пойдешь» забаллотирована. Против пьесы шли Краевский с компанией, за пьесы: Яблочкин, Василько-Петров и Фролов. Зубров шел против и сердится на меня за то, что я ему заметил, что это с его стороны не совсем честно. Григорьев, Каратыгин, Маль —

* 23 сентября театр.-лит. комитет, большинством 7 голосов против 3, забраковал комедию «Женитьба Бальзаминова».

против. Федоров и нашим, и вашим, как всегда. Сначала запретил обе пьесы, но Яблочкин с Фроловым одну («Свои собаки») отстояли. Прения происходили три заседания. Нового у нас довольно.

9

1861 [начало ноября].

Вот Вам, добрейший Александр Николаевич, точные и положительные известия обо всем, что до вас касается. Я пришел в Комитет и стал просить вашу пьесу для отсылки к вам; Федоров мне отвечал, что пьеса будет мне выдана после прочтения вашего письма в Комитет. Это было в четверг на прошлой неделе. Я стал разговаривать с Федоровым о вашем письме; он все жевал, говорил, что быть не может, чтобы вы ничего не дали на сцену и т. п. Я стал просить у него ваше письмо * для прочтения, он мне не дал. В субботу собрался совет нечестивых (эти сведения сообщил мне Яблочкин) и после прочтения, разного вздору, Федоров передал председателю ваше письмо, которое и было прочтено им во всеуслышание. Краевский: Это письмо надо напечатать. Юркевич (председатель), П. Маль согласились с Краевским. Фролов начал говорить за вас и говорил долго и хорошо. С ним никто не согла-

* 26 окт. Островский в письме к П. С. Федорову протестовал против забракования театр.-лит. комитетом комедии «Женитьба Бальзаминова» и заявил о своем отказе работать для сцены и тогда же просил Горбунова сообщить всем знакомым о его «твердом решении оставить театр».

сился. Каратыгин и Григорьев говорили против Вас. Одним словом, письмо задело их всех за живое и они озлились. Федоров в настоящую минуту не знает, что делать: отвечать вам, или нет. Я вчера сказал ему, что о поступке Комитета заявят все журналы, что В. Курочкин приготовил веселую статью (в самом деле, прекрасная будет статья), а Федоров боится статей, как чорт ладану. Он мне сказал, что ответит вам. Не верьте ему. Он вам напакостил при постановке «*Свои собаки*». После «*Отца семейства*» дали какой-то паршивый водевиль, а вашу пьесу поставили в конец; но, при всем его желании, пьеса не упала, мы ее играли уже три раза; во второе представление вызывали автора. Степанов был в Устрашилове очень недурен; сваха — Воронина играла бесподобно; Линская была из рук вон плоха; про себя я вам скажу по совести: — в первый раз я сконфузился и играл не смело, во второй раз, начиная с чтения письма Устрашилова и до конца пьесы получал одобрение. За первый акт вызывают меня одного. За второй меня и Воронину. Ротчев заявил в комитете, что он напишет ругательную статью о первом представлении. Статья еще не появлялась. Братья Курочкины подробно излагают комитетское дело в своих журналах. Яблочкин сказал мне вчера, что «ваших пьес комитет читать больше не будет, а предоставит вам самим отвечать за них перед публикой. Я стал его спрашивать, кто это подал такую прекрасную мысль и, к несчастью, так поздно? Ответа не было. Григорьев вчера отказался от всего, что он говорил в комитете.

В журнале сказано: «пьеса была баллотирована: за пьесу 3 голоса, против не помню сколько»... Это сообщено мне Яблочкиным. Федоров, хотя два заседания говорил против пьес, но заявил, что он кладет белый шар. На-днях буду в Москве и сообщу вам еще, что услышу. Пьеса послана в Москву Федоровым без моего ведома». P. S. В Курочкин вам кланяется.

Толстой, Лев Николаевич

1861, Ноябрь?

Ежели Горбунов у тебя, скажи ему, что я никак не пойму за что он меня знать не хочет. *

Л. Толстой.

Тургенев, Иван Сергеевич

Петербург 10 февраля 1855 г.

Милостивый государь, Александр Николаевич,

Вы может быть уже знаете, что я на другой день после моего посещения у вас в Москве занемог и целую неделю сидел дома. Потом я

* Записка Л. Толстого была напечатана в III томе Сочинений И. Ф. Горбунова (СПБ. 1907), стр. 71. Затрудняемся точно датировать ее. По предположению Г. Т. Синюхаева, записка относится к началу ноября 1861. В дневнике Горбунова под 1886 годом есть, между прочим, след. записи: «13 марта. С. Стаховичем у гр. Л. Н. Толстого. Много я у него рассказывал. 28. Обедал и вечер провел у Льва Николаевича Толстого. Великий он человек» (там же, стр. 460).

попал в тот несчастный поезд железной дороги, который трое суток слишком был задержан метелью; а прибывши, наконец, сюда, я опять занемог и опять не выхожу из комнаты. Этому неприятному стечению обстоятельств следует приписать, что я до сих пор ничего не мог вам написать о г-не Горбунове, потому что не видел еще Федорова, но как только выздоровею, тотчас пойду к нему и подробно напишу вам результаты нашего свидания.* Теперь же, по поручению редакторов «Современника», обращаюсь к вам с вопросом: не хотите ли вы поместить последнюю комедию у них в журнале? Они примут ее с радостью и предлагают вам за нее 250 руб. сер. Если вы согласитесь, то можете выслать ее на мое имя, и поскорее, потому что они хотели бы поместить ее в мартовской книге. Также я попросил бы вас, если это возможно, прислать ко мне несколько рисунков г. Боклевского (если не к «*Бедность — не порок*», то хотя другие); я пока бы их здесь показывал людям со влиянием и это могло бы послужить в пользу г. Б., произведения которого очень бы нужно было вывести на свет. Прошу вас ответить на оба мои запроса, чем весьма меня обяжете. Я видел Писемского, который велел вам кланяться. Он уже поступил на службу и дела его на хорошей дороге. Нечего говорить, что рисунки г. Боклевского будут возвращены в совершенной целости и исправности. Прошу поклониться Садовскому,

* Сочинения И. Ф. Горбунова, т. III, стр. 180. По просьбе Островского Тургенев взялся хлопотать перед начальником репертуара П. С. Федоровым об определении Горбунова на Александринскую сцену.

гг. Горбунову и Эдельсону (надеюсь, что здоровье его супруги поправилось). Желаю вам здоровья и деятельности и остаюсь с совершенным уважением преданный вам

Ив. Тургенев.

Эдельсон, Евгений Николаевич

Петербург. 4 апреля 1857 г.

Садовский дебютировал в *Бедности не порок* во вторник 23 апреля. Несмотря на дурную погоду в этот день, театр был почти полон и, по замечанию здешних, публика была гораздо чище обыкновенной александринской. Нетерпение видеть и приветствовать дорогого гостя было так сильно, что каждый раз, как отворялась дверь и показывалось на сцену новое лицо, раздавались рукоплескания, которые, конечно, тотчас умолкали, как скоро публика замечала свою ошибку. Наконец, появился и Садовский. Я, как вам известно, видел его и в первый раз, видел и потом, но никогда он не производил на меня такого впечатления. Он мне даже показался выше ростом (говорю без преувеличения). Минуты две или три публика не давала ему начать, и он оставался в дверях в своей монументальной позе, с поднятою рукой. Дальнейшая его игра была рядом торжеств. Уж и постарался же он! Я спрашивал его на другой день, что он делал особого в этот раз и почему игра его была так особенно рельефна, всякое слово так хлестко? Он отвечал мне, что хотел повнятнее передать публике точные

слова роли, которые здесь безжалостно коверкаются. Можете удовлетвориться или нет этим объяснением, а я, по обязанности рассказчика, перехожу опять к рассказу о представлении. Впечатление, произведенное на всех незнакомою петербургской публике игрою Садовского, новость и неожиданность смысла, которые он придал знакомой всем роли, были так сильны, что сами актеры поддались этому обаянию и сделались тоже как будто публикой. С ними случилось то же самое, что с самим Садовским при появлении Васильева в *Наездниках*. Дамы, старики, гусары и проч. плакали без различия. Какой-то старик со звездой, кажется, Греч, говорил во всеуслышание, что он в первый раз видит истинное и высокое исполнение этой роли. По окончании этой пьесы Садовский был вызываем неоднократно; об остальных актерах все как будто забыли (да уж и плохи же были остальные). Садовский играл после того еще три раза: в четверг, т. е. 25, в *Женитьбе*, в воскресенье, по желанию публики, опять в *Бедности не порок* и в понедельник, в бенефис М. Максимова (Лоскутова), в *Что имеем не храним* вместе с Мартыновым. В последних двух я, по болезни, не был, а о втором скажу вам несколько слов. Публика, да и сам, остались не совсем довольны этим представлением. На это было много причин. Во-первых, тон, взятый Садовским в первом дебюте, был так высок, что ни в какой другой роли нельзя уже приблизиться к нему, и как бы ни хорошо знала публика разницу между ролью Любима Торцова и Подколесина, под влиянием свежего

еще первого впечатленья, она все-таки ждет от нового, еще впервые представшего ей, актера чего-то подобного первому впечатлению. Во-вторых, все остальные актеры наводили просто тоску, с небольшими исключениями, особенно Марковецкий (в роли Кочкарева), которого хорошая игра так необходима для яркости лица Подколесина, был невыносим. Не зная совершенно роли, он говорил, бог знает что, кричал, ломался, даже заставил самого Садовского пропустить целую тираду. В-третьих, наконец, сам Садовский был, по моему мнению, не совсем удовлетворителен в этой роли, но об этом я поговорю с вами при свидании. Не испугал ли я вас однако и не подумали ли вы, что Садовский хлопнулся в *Женитьбе?* Напротив, вызовов было много, хотя и холоднее первого представления. Спешу однако кончить письмо, потому что устал. *

* Русская Мысль, 1897, май, стр. 4 (в статье С. Максимова — «Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям). Письмо было получено Островским в Ярославле во время поездки его по Волге.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Потехин, А. А. вступил в управление драматическими труппами б. императорских театров весной 1882 г. Комиссия по пересмотру положения правительственных театров под председательством директора театров И. А. Всеволожского состояла из Аверкиева, Островского, Потехина, Дзибина и др. Комиссия оставила след в истории театра: а) положением об авторском праве; в) упразднением до-реформенного театр.-лит. комитета при б. имп. театрах и т. д. См. Гнедич, Хроника русских драматических спектаклей на Императорской петербургской сцене, 1881 — 90 гг. «Сборн. ист.-театр. секции», том I. П. 1918.

[2] Письмо относится к 1882 г.

[3] «Трогирский воевода», трагедия в 5 действиях, была напечатана в «Русском вестнике» 1882 г., кн. 3, отд. оттиск — издание трагедии. На сцене Александринского театра пьеса была поставлена 23 января в бенефис К. А. Вардамова.

[4] Видимо, «Без вины виноватые», комедия в 5 действиях, представлена в драматическую цензуру 17 декабря 1883 г., разрешена к представлению 18 декабря того же года, первое представление в московском Малом театре — 15 января, 1884 г., в Александринском театре — 20 января того же года.

[5] Общество драматических писателей. Об-во принимало участие в 50-летнем юбилее В. В. Самойлова, которому 5 октября председателем Об-ва была послана поздравительная телеграмма. См. «Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за 25-летие его существования». М. 1889 г.

[6] Одна из них, видимо, «Трогирский воевода».

[7] 1 августа 1856 года Островский заявил, что бережет «Минина» для «Современника» (где эта драматиче-

ская хроника появилась в январской книжке 1862 г.) и что журнал «Русская беседа», вместо обещанного «Минина», получила пьесу «Доходное место». Таким образом, содержание письма Алмазова не позволяет отнести его к более позднему сроку, например, к 1861 г.

[8] «Доходное место» было запрещено к постановке в театрах в декабре 1857 г.

[9] П. М. Садовский с 23 апреля по 19 мая 1857 г. играл в Александринском театре, заменяя заболевшего Мартынова.

[10] П. М. Садовский выехал после гастролей из Петербурга в Москву 21 мая 1857 г. В июле этого года А. Н. Островский жил в Н.-Новгороде.

[11] В «Современнике» 1857 г., № 6, отд. V, стр. 281—292, была напечатана статья И. Панаева «Садовский в Петербурге».

[12] Драма «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» была прочитана самим Островским 20 сентября 1866 г. в Москве, в Артистическом кружке.

[13] Ответное письмо Островского от 30 апреля 1871 г. см. в сборнике «Островский». Труды Пушкинского Дома, стр. 220—221.

[14] В архиве А. Н. Островского сохранились следующие два письма П. Анненкова к М. Н. Островскому.

I

1 Ноября 1867. С.ПБ.

Почтеннейший Михаил Николаевич!

Я сейчас от Евгения И. Ламанского, который при первом моем слове о *Измайлове и Ко* стал изрыгать гром и молнию. Передайте Александру Николаевичу, что, по моему мнению, ничего более не остается делать его protégé как поскорее разведаться с Фалком. Земля не клином сошлась. А то, судя по неописанному раздражению Ламанского — боюсь, чтобы, вместо облегчения, он не ухудшил еще положения провинившихся. Судите сами — вот его слова в буквальной верности: «Я 7-мь лет ждал случая подметить мерзости, о которых слух уже доходил до меня и не могу, по совести — оставить без внимания их теперь, когда они выступили наружу перед всеми служащими и обществом. Вы не можете смотреть на это

дело с надлежащей точки зрения — вам кажется оно, как я замечаю легкомыслием, и служебной погрешностью, а в моих глазах, оно симптом порока, которым страдает целое Ведомство. Согласитесь, что оставить его без примера и без последствий, им вызываемых — я не могу». Это передача почти слово в слово.

Как я не бился поставить его на мою точку зрения, он пребыл непоколебим и даже выразил оттенок презрения к малой моей способности понимать административные необходимости.

Сожалею душевно, что посольство мое было безуспешно, но заверяю Александра Николаевича честно, что я выполнил его с жаром и добросовестно. Копию с документа возвращаю. Прощайте.

П. Анненков.

2

28 Сентября, 1871 г.

За «Окраины» — благодарность безмерна.

А по академическому делу, А. К. Грот известил меня, что в премии Алекс. Ник. отказано. Это порешили те чемоданы, набитые quasi-ученой трухой, которые заседают в Отд. Рос. Словесности. Ни крошечки вкуса, ни искорки поэтического чувства, ни признака понимания мастерских построек в литературе — не обнаруживается давно уже у товарищей Безобразова, Никитенко, Б. Федорова etc. Но мой совет Алекс. Николаевичу не очень отворачиваться от гнилого дыхания этих господ, а наоборот — на зло им и ему тотчас же препроводить к ним «Не все коту масляница». Так как у этих судей нет ничего похожего на взгляд, правило, убеждение, то они могут внезапно притти в восторг, даже и дельный, после длинного процесса самого тупого и ослиного жеванья глупостей. Я настаиваю на своем совете, ибо считаю его даже добрым делом по отношению к Академистам: авось получат человеческий образ внезапу. Аминь.

П. Анненков.

15 Дневник Яна Петра Сапеги, известного своим участием в смутах эпохи самозванцев, был напечатан в русском переводе в «Сыне Отечества» за 1858 г. Очевидно,

был необходим А. Н. Островскому при написании хроники — «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

16 П. А. Бессонов в 1860—74 гг. издал 10 выпусков «Песен П. К. Киреевского», и 1861—64 г г. сборник «Калики перехожие» (шесть выпусков). Вероятно, в письме идет речь о подготовке последнего сборника. Есть указание, что 20 марта 1860 г. Бессонов читал в Обществе Любителей Российской Словесности доклад на тему: «О некоторых народных стихах» («Словарь членов О.Л.Р.С. при Московском университете, стр. 29).

17 По случаю 25-летия литературной деятельности Островского Общество Любителей Российской Словесности устроило 9 апреля публичное заседание, на котором Островский прочитал сцену из пьесы «Комик XVII столетия».

18 В конце 1849 г. или в начале 1850 г. у Е. Ростопчиной начались литературные субботники. Об ее салоне см. Н. В. Берг, Графиня Ростопчина в Москве (отрывок из воспоминаний) в «Историческом вестнике» 1893 г., март.

19 Литературная кофейня, или Печкинская, была местом сборища московских артистов и писателей. О нем см. А. Д. Галахов, «Русская старина», 1886 г., апрель—май. А. А. Стахович, Клочки воспоминаний, М. 1904, стр. 155—157 (ср. материал с примечаниями в сборнике Н. Л. Бродского, Литературные салоны и кружки, М. 1930 г. Изд. Academia, стр. 353—367).

20 «Катарина — дочь разбойника», балет в 2 действ., соч. Перро, музыка Пуни, поставлена в Москве в 1850 г.

21 В 1851 г. Н. Берг переписывается с Г. П. Данилевским, сообщает ему о дружбе Островского. 15 октября 1851 г. Островский везет Данилевского к Погодину. 19 октября Данилевский читает Островскому свои стихи. Следовательно, письмо, из которого видно, что Данилевский еще не знаком с Островским, могло быть написано до 1851 г.

22 Опера Фрейшюц.

23 Предполагаем, что имеется в виду Е. В. Салиас.

24 Речь идет о первом представлении «Бедной невесты» в московском Малом театре 20 августа 1853 г. Распределение ролей: Е. Н. Васильева — Мария Андреевна, Полтавцев — Хорьков, С. В. Васильев — Мила-

шин (Н. Бергу его манера игры напомнила образ Бородкина в «Не в свои сани не садись», сыгранный впервые Васильевым 14 января того же года); П. М. Садовский — Беневоленский, Черкасов — Мерич.

25 О посылке афиши Берг извещал в одной недатированной записке: «Посылаю тебе, любезный друг, обещанную афишку из Новогеоргиевской крепости. Другой экземпляр оставил на случай для себя.

Твой душевно *Б.*».

В архиве А. Н. Островского сохранилось к его брату следующее письмо Н. В. Берга:

30 Октября 1868 г. Варшава.

«Считаю нелишним известить Вас, добрейший друг Михайло Николаевич, что сочинения близкого нам обоим человека разобраны в «Edinburough Review» (Июль 1868 г., № 261, стр. 158—190). Разбор вообще дельный и сделан, без сомнения, человеком, хорошо знакомым с нашей литературой и языком. В заглавии статьи стоит: «Sochinenya A. N. Ostrovsky (The Works of A. N. Ostrovsky»). Пьесы разобраны следующие: Гроза, Женитьба Бальзаминова, Воспитанница, Грех да беда на кого не живет, Доходное место. Тяжелые дни. Так как А. Ник. часто разъезжает, а Вы на месте, то я извещаю только один пункт, вернейший. Напишите ему и поклонитесь. Также прошу кланяться и Т[ертию] И[вановичу] (Филиппову).

Ваш всегда душевно преданный и готовый к услугам

[illegible] *Б.*

26 14 марта 1872 г. Островский праздновал двадцатипятилетие своей литературной деятельности.

27 Н. Берг принадлежал к кружку молодой редакции «Москвитянина», о чем см. в его записках («Русская старина» 1891 г., № 2, стр. 243—245). Главой кружка был А. Н. Островский.

28 «Пан Тадеуш», поэма Мицкевича, в переводе Н. В. Берга вышла в 1875 г.

29 Книга Берга и записки о польских восстаниях напечатаны в 1874 г.

30 В «Библиотеке для чтения», изд. П. Д. Боборыкина, А. Н. Островский не поместил ни одного своего произведения. Обращение П. Д. Боборыкина к А. Н. Ос-

тровскому вызвано работой драматурга в этом журнале при редакторе А. В. Дружинине.

Здесь Островский напечатал:

«Воспитанница», ком. в 4 действ., 1859 г., кн. 1;

«Гроза», драма в 5 действ., 1860 г., кн. 1;

«Свои собаки грызутся», картины моск. жизни, 1861 г., кн. 3.

[31] «Шутники», картины московской жизни в 4 действ., в «Современнике» 1864 г., кн. 9, «Воевода» в «Современнике» 1865 г., кн. 1.

[32] Письмо было напечатано в сборнике «А. Н. Островский», изд. Русского театрального общества, М. 1923 г., стр. 17—18.

[33] «Век» выходил в 1861 и 1862 гг.

[34] «Будильник» при издателе-редакторе П. А. Степанове выходил с 1865 г. по 1871 г.

[35] Журнал «Изящная литература» стал выходить с 1883 г.

[36] В XII книжке этого журнала Островский поместил свой перевод с испанского интермедии Сервантеса «Судья по бракоразводным делам».

[37] В ответном письме от 21 января 1883 г. Островский соглашался на предлагаемый ему гонорар и обещал указать на свое участие в переводе испанского романа Гевара «El diabolo cojuello» («Хромой бес»).

[38] Речь идет об интермедии Сервантеса «Театр чудес».

[39] Интермедия «Театр чудес» появилась в 4 книжке журнала «Изящная литература» (1884 г.).

[40] В 4-й книжке этого журнала (1885 г.) была напечатана в переводе Отровского интермедия Сервантеса «Саламанская пещера».

[41] 16 января 1860 г. Островский читал в Москве в пользу Литературного фонда. Ответ А. Н. Островского на это письмо от 11 ноября — см. «Бирюч» 1918 г., № 4, стр. 37—38.

[42] Это письмо А. Н. Островского не включено в его полное собрание сочинений.

[43] Усмирение строптивой», перевод А. Н. Островского комедии Шекспира появился в 11 книге «Современника» за 1865 г.

[44] «Усмирение своенравной».

[45] Гонорар причитался А. Н. Островскому за перепечатание его перевода «Усмирение строптивой» в Собрании сочинений Шекспира, вышедшем в 1877 г.

[46] Имеется в виду комедия «Без вины виноватые», в первый раз поставленная в Александринском театре 20 января 1884 г.

[47] В архиве А. Н. Островского сохранилось письмо И. А. Гончарова к А. Ф. Писемскому с некоторыми подробностями об А. Н. Островском. Приводим его здесь полностью (см. указание на это письмо в письме Писемского к Островскому от 6 сентября 1859 г.). «Друг» — И. С. Тургенев, об отношении к которому Гончарова см. книжку Б. Энгельгардта «Гончаров и Тургенев».

28 Августа
1859.
9 Сентября

Булонь.

Я только что из моря вылез, любезнейший Алексей Феофилактович, и дрожащей от холода рукой спешу отвечать на Ваше приятное послание. Давно бы я и сам написал к Вам, еслиб нынешнее странствие мое представляло хотя малейший интерес. Но нет ничего: в Мариенбаде я прожил пять недель, потом воротился в Дрезден, наскучило там — поехал на Рейн, там нашел Майковых и оттуда отправился в место злачное и покойное, в Париж, ибо мариенбадский доктор уверил меня, что после Мариенбад. воды, расслабляющей желудочные нервы, нужно укреплять их, или железными водами, или морем, или наконец веселым житьем в большом городе, с хорошей едой, с хорошим вином: я выбрал было последнее, но схватил в Париже жестокую холерину и должен был приехать вот сюда, к морю. Уж не знаю против чего укрепляться мне: разве против сплетен известного нашего общего друга, да нет, ни море, ни расстояние не спасают. Читая некоторые статейки в одном издании, направленные против *людей, звуков и форм* и узнавши, что *друг* побывал в Лондоне, я сейчас понял, откуда подул ветер.

В Париже я встретил никак не угадаете кого — Григоровича! Мне хотелось знать, что с ним случилось на

корабле и я потащил его в нашу отель обедать. Он мне рассказывал, пространную и подробную историю, но так рассыпался в подробностях, что я никак не мог сделать общего вывода о том, почему он удалился оттуда: по смыслу его рассказа выходит, что он яко бы был очень либерален. О поручении писать для матросов он мне что-то рассказывал, но я забыл. Живет он там у Дюма и в настоящее время уехал тоже к морю купаться, и не один, а с какой-то девочкой; у него завелся там роман, который он сейчас же за столом и рассказал нам всем троим, в том числе и Е. П. Майковой. Потом мы хотели показать ей, как бесятся французы и возили ее в Елисейские поля, куда он нам сопутствовал. Потом я отдал ему визит, но не застал дома. Но о нем поговорим поподробнее при свидании, а теперь бог с ним. Есть нужнее кое-что сказать Вам.

Я виделся в Париже с Деляво и беседовал с ним часа два. Он поручил мне передать Вам, что он «давно изготовил статью о Вас и отдал в Редакцию Journal des deux mondes, также не раз напоминал, что пора бы ее пустить в ход, но сам хорошенько не знает причины, почему они ее держат, а догадывается, что редакторы, встретивши там сильные и резкие описания русской администрации, нравов и проч. должно быть не решаются печатать ее, по нынешним отношениям Франции с Россией, чтобы не навлечь на себя замечания своего правительства». Вот приблизительно смысл его слов и я передаю их сколько могу точно. «Il paraît, que les rédacteurs sont gagnés ce moment-ci par le même esprit d'autorité de censure», прибавил он. Так ли это, или нет, не знаю я, слушая это, думал было сначала, нет ли и тут немножко нашего *общего друга*, однако из дальнейших слов его видел, что он разумеет его как следует. Я рассказал Делаво, сколько Вы нам прочли Вашей новой драмы и сильно задел его за живое, равно как и рассказом *воспитанницы* Островского. Последнюю он, как уже вышедшую в свет, хотел бы уже перевести, но у него нет Библ. д. чтения. Между прочим я возбудил его жажду познакомиться покороче с Островским, благо он весь появился теперь в печати и он весьма просил меня прислать ему экземпляр, что я и обещал сделать чрез

Николая Петр. Боткина, который едет туда в конце Сентября из Москвы. Но как я не знаю, застану ли я Боткина в России, ибо буду там не прежде 20-х чисел Сентября, то не возьмете ли Вы на себя труд, Алексей Феофил., с поклоном от меня передать просьбу Делаво прямо Островскому, который мог бы лично передать Боткину экз. своих комедий для доставки в Париж, и особенно еслиб присоединил и оттиск с Воспитанницы. Особенно Делаво понравилась сама мысль *о воспитанницах* и о благодеяниях Уланбековой.

Что касается до Вашей драмы, то не судить собираюсь ее, а наслаждаться ею; до сих пор она ведена удивительно по силе и по естественности; мне кто-то тогда же сказал, что в конце у Вас будто бы предположено разбить голову ребенку взбешенным отцом: не переиначено ли это как-нибудь? Если же это в самом деле так, то извините мою откровенность, если скажу, что это сильное и пожалуй весьма быть могущее и конечно бывалое окончание подобного дела — все-таки не может быть допущено иначе и в натуре, как исключение (примите в соображение общий характер отношений наших крестьян к господам: этого не надо отнюдь выпускать из вида, особенно в искусстве), а искусство непременно задумается и оробеет перед этим. Но опять-таки, поспешу прибавить, это не будет чересчур противно и даже может быть примется одобрительно при последнем современном направлении литературы. Я вот старый литератор может быть гляжу на это очень робко, но это мое личное мнение и я за него не стою горой. Однако я боюсь цензуры — за драму, разве Вы сделаете уступки.

Сам я сначала принялся было писать, но повредил так леченью, что у меня и в Петербурге не было такого зелено-желтого лица, как там, я и бросил в самом начале. И добро бы была коротенькая вещь, а то опять махина: да уж и пора мне бросить, не то теперь требуется, это я понимаю и умолкаю. Кланяйтесь Дружинину, скажите, что в Италию ни за что не поеду; жажду видеться с ним.

Екатерина Павловна Писемская верно велела кланяться мне, а Вы ни слова: поручил бы Вам поцело-

вать ее за меня, да нет, Вас на это не уломаешь! Здоровы ли разбойники? Что рука Павла? До свидания!

Ваш *И. Гончаров.*

[48] Рассказ Левитова был напечатан в 1861 г. в «Русском мире».

[49] Выставка Об-ва поощрения художеств, секретарем которого был Д. В. Григорович.

[50] Билеты на вернисаж выставки Об-ва поощрения художеств.

[51] Юноши — очевидно, сыновья А. Н. Островского.

[52] Дирекция в Александринском театре в СПБ особенно притесняла П. А. Стрепетову, о чем она писала А. Н. Островскому 4 ноября 1884 г.

[53] В 1884 г. Лентовский не дотянул сезона до поста, следствием чего были недоразумения с артистами из-за денежных расчетов.

[54] «Призраки счастья», комедия Крылова, была дана в Александринском театре впервые в 1884 г., в афише упоминалось только имя Крылова, но в создании пьесы участвовал директор театра И. А. Всеволожский.

[55] «Без вины виноватые», комедия в 4 действ. А. Н. Островского.

[56] «Без вины виноватые» шла впервые в Александринском театре 20 января 1884 г., П. А. Стрепетова исполняла роль Отрадиной, М. М. Петипа — Незнамова, В. Н. Давыдов — Шмаги и А. М. Дюжикова — Коринкиной.

[57] Очевидно «Бенвенуто» является здесь именем нарицательным, подразумевающим какого-то художника. Не М. О. Микешин ли это?

[58] Протокол собрания судей по присуждению грибоедовской премии Об-ва драматических писателей. В 1882—83 гг. судьями были Д. В. Григорович, А. Н. Пыпин и И. А. Гончаров.

[59] Протокол собрания судей по присуждению грибоедовской премии.

[60] Грибоедовскую премию, выдаваемую ежегодно Обвом драматических писателей за лучшее драматическое произведение.

[61] Литературно-театральный комитет при Дирекции императорских театров.

[62] А. Н. Островский получил пенсию 28 января 1884 г.

[63] Протокол собрания судей по присуждению грибоедовской премии.

[64] Совета Об-ва драматических писателей.

[65] «Воевода или сон на Волге», комедия А. Н. Островского, во 2-й редакции поступила в Цензуру 22 ноября 1885 г.

[66] Очевидно, в Цензурный комитет.

[67] «На хуторе».

[68] Заглавие пьесы выяснить не удалось.

[69] 3 января 1871 г. А. Н. Островский читал в пользу Литературного фонда для пособия нуждающимся литераторам и ученым свою комедию «Лес».

[70] Ответ на печатаемое письмо помещен в «Бирюче» 1919 г., № 13—14, стр. 153.

[71] А. Н. Островский много работал над изучением русской народной речи. Нам известны три его работы по этому вопросу: «Опыт Волжского словаря», «Пометки и разъяснения разных слов и выражений» (из записной книжки) и «Разбор словаря Даля».

[72] В бумагах А. Н. Островского нашелся черновой набросок ответного письма, написанный на обратной стороне клочка бумаги, на котором набросаны мысли по создаваемой им комедии «Сердце не камень».

«М. г. Я. И.

В самую трудовую и трудную для меня пору застало меня письмо В. П. Я все лето проработал над двумя др[аматич.] пр[оизвед.] и теперь, не отдохнув нисколько, усталый и больной, тружусь над третьим. Я надеялся быть в декабре в Петербурге; тогда я лично объясню Б. П. план моих работ по русск. слов. — и, вероятно буду в состоянии показать образчики. Теперь же я могу известить В., что (я и желаю взять считаю своей обязанностью я проработал для Отд. русск. языка и словесности, что) у меня есть —(есть) трудолюбие и усердие, — одного только мало, а иногда и нет совсем, — это досуга, т. е. возможности заниматься чем-нибудь другим, кроме иссушающего мозг (др. изобретения.)

[На обороте]:

3 действие, исключая 4 и 5 явления. * прибавить сцену Ольги с теткой. **

* Решаются ехать к предводителю.

** Настя к предводителю.

д 1.

Из 1-й тетради нужно *12 и 13 явление 42 стр.*

Блезир, супир, шелопай. — Шуры-муры. (Через семинарию [*неразборчиво*].

[73] «Бедная невеста», комедия Островского, впервые была представлена в Малом театре 20 августа 1853 г.

[74] Роль Марии Андреевны исполняла Е. И. Васильева.

[75] В 1856 г. Г. Данилевский выпустил небольшой биографический очерк «Основьяненко». Сочинения Григория Данилевского, СПБ.

[76] «Женитьба Бальзаминова», или «За чем пойдешь, то и найдешь», сцены А. Н. Островского, напечатанные в 10 книге «Время» за 1861 г.

[77] «Время» — журнал литературный и политический, издаваемый М. М. Достоевским с 1861 по 1863 г.

[78] «Время».

[79] Гонорар за «Женитьбу Бальзаминова».

[80] «Грех да беда на кого не живет», драма в 4 действ. А. Н. Островского, напечатанная в 1 книге «Время» за 1863 г.

[81] «Грех да беда на кого не живет».

[82] «Эпоха», журнал литературный и политический, издаваемый М. М. Достоевским с 1864 по 1865 г.

[83] В 1856 г. Островский заключил с «Современником» «обязательное соглашение» помещать только в нем свои сочинения.

[84] Комедия «Воспитанница» была напечатана в «Библиотеке для чтения» 1859 г., кн. 1.

[85] Слухи об организации особого учреждения по делам наблюдения за печатью стали распространяться в обществе в конце 1858 г. Оно получило наподобие органов, действовавших в Западной Европе, название Bureau de la presse. На официальном языке оно называлось с 24 января 1859 г. «Комитетом по делам книгопечатания». См. М. К. Лемке, Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. П. 1904 г., стр. 328 и д.

Эти данные дают возможность точно датировать письмо редактора «Библиотеки для чтения», где помещены в 1859—61 гг. пьесы Островского.

[86] Имеется в виду «Гроза»; была напечатана в «Библиотеке для чтения» 1860 г., № 1.

[87] Статьи А. В. Дружинина «Сочинения А. Н. Островского в 2 томах» в журнале «Библиотека для чтения» 1859 г., № 8.

[88] А. Н. Островский в начале ноября 1859 г. присутствовал в Петербурге на учредительном собрании Литературного фонда (см. «Труды и дни А. Н. Островского» Г. Синюхаева).

[89] Предполагаем, что здесь имеется в виду «Горькая судьбина», напечатанная в «Русском слове» 1860 г.

[90] Речь идет об еженедельной газете «Век», выходившей в 1861—62 гг.

[91] 14 октября 1865 г. состоялось открытие в Москве на Тверском бульваре Артистического кружка.

[92] «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», драматическая хроника А. Н. Островского, напечатана в 1867 г., в кн. 1 «Вестника Европы».

[93] Ответ на печатаемое письмо помещен в № 13—14 «Бирюча» за 1919 г., стр. 152.

[94] Печатаемое письмо должно быть отнесено к 1862 г., так как мы имеем сведения, что А. Н. Островский читал в пользу Литературного фонда свою пьесу «Козьма Минин» в доме Бернардаки в СПБ.

[95] В апреле 1864 г. праздновалось 300-летие со дня рождения Шекспира. Очевидно это письмо относится к данному событию и может быть датировано 1864 г.

[96] В № 80 «Московских ведомостей» от 5 июня 1856 г. было помещено письмо А. Н. Островского с оправданием против клеветы, возводимой на него «Спб. ведомостями» и «Ведомостями московской городской полиции», обвинявших его в плагиате при создании комедии «Свои люди сочтемся», будто бы написанной Горевым-Тарасенковым. Об этом см. в примечаниях к письмам Н. А. Некрасова.

[97] В. Ф. Корш состоял с 1850 по 1863 г. помощником редактора «Московских ведомостей».

[98] «Спб. ведомости», редактором которых был с 1863 по 1874 г. В. Ф. Корш.

99 Неправильные сведения касались инцидента с баллотировкой Якунчикова в Моск. артистическом кружке в конце 1865 г., следствием чего было опровержение за подписью А. Н. Островского и других в «Спб. ведомостях».

100 «Пучина». Сцены из московской жизни в 4 картинах, напечатанные в 1866 г. в «Спб. ведомостях» в № 1, 4, 5, 6 и 8.

101 «Пучина».

102 Приводимое письмо датируем 1866 г., так как в начале этого года «Пучина» уже появилась в «Спб. ведомостях».

103 «Пучина».

104 Приводимое письмо датируем 1866 г., по тем же мотивам, что в 102-м примечании.

105 «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

106 «Спб. ведомости».

107 Датируем 1866 г., так как в начале 1867 г. хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» уже появилась в «Вестнике Европы».

108 Знакомство А. Н. Островского с М. М. Стасюлевичем началось с 1866 г. и продолжалось до 1880 г. Мы склонны датировать приводимое письмо 1866—67 г., основываясь на издательских делах Стасюлевича с А. Н. и М. Н. Островскими именно в этот период. См. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Спб. 1912 г., т. II, стр. 270—272.

109 За отсутствием в печати письма Островского к Коршу, трудно установить, что могло вызвать неудовольствие драматурга.

110 К приведенному письму приложен сохранившийся в архиве А. Н. Островского печатный проспект издания «Заграничного вестника».

111 «Заграничный вестник», журнал иностранной литературы, науки и жизни, издавался с 1864 по 1885 г. в Спб. М. О. Вольфом.

112 «Доходное место», комедия в 5 действ. А. Н. Островского, впервые напечатанная в «Русской беседе» в 1857 г., кн. 1.

113 Письмо может быть датировано 1880 г. (см. «Островский и Бурдин», 1923 г., стр. 490).

[114] Письмо относится к маю 1880 г. (см. «Островский и Бурдин», 1923 г., стр. 490).

[115] «Сытые», комедия в 5 действ. («Слово», 1879 г., № 11).

[116] «Красавец-мужчина». Пьеса впервые представлена в Александринском театре 6 января 1883 г.

[117] Вопрос о сотрудничестве А. Н. Островского в «Искре», а равно в «Московском городском листке» составляет предмет особых занятий редакции этого сборника.

[118] Юбилей 50-летней литературной деятельности Лажечникова праздновался 3 мая 1869 г. в Московском артистическом кружке.

[119] Газета «Московский вестник» на 2-м № прекратилась в 1861 г.

[120] Рассказ «Сладкое житье», начатый в «Московском вестнике», полностью был напечатан в журнале «Время», 1861 г., № 8.

[121] «Отечественные записки». Под редакц. А. А. Краевского выходили с 1839 г. по 1868 г.

[122] Печатаемое письмо относим к 1850 г., так как в конце 1850 г. А. Н. Островский стал во главе молодой редакции «Москвитянина» и вербовал себе новых сотрудников, могущих поднять интерес к журналу.

[123] Какие это были пьесы, установить не удалось.

[124] Речь идет о грибоедовской премии Об-ва драматических писателей.

[125] 1854 г. Ряд стихотворений по поводу Восточной войны А. Майкова. Спб. 1855 г.

[126] Вероятно, имеется в виду напечатанная в «Беседе» 1872 г., № 7, комедия «Бог не выдаст — свинья не съест».

[127] Список трудов Е. Э. Дриянского (ум. в 1873 г.) см. у Н. К. Гербеля в издании «Гимназия высших наук и Лицей кн. Безбородко», 1881 г., стр. XLIII — XLIV.

[128] 11 сентября 1868 г. состоялся бенефис И. Ф. Горбунова. Шла комедия «Самодур».

[129] «Народные преступления и несчастья» были напечатаны в «Отеч. записках», 1869 г., кн. 1—5, 8—10.

[130] Обитель — контора издательства.

[131] Два тома переводов А. Н. Островского, Спб., изд. Звонарева, 1872 г.

132—133 С. В. Максимов — 1) «Год на севере». Изд. 3-е, Спб., 1871 г., 2) «На Востоке. Поездка на Амур». Дорожные заметки и воспоминания (1860—61 г., 2-е изд., Спб. 1871 г.).

134 Е. Растопчина.

135 Журнал «Народное чтение» выходил в 1859 — 1862 гг.

136 «Стихотворения» Л. Мея были изданы в 1857 г. Смирдиным.

137 «Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую» была напечатана в «Русском слове» 1859 г., кн. 3.

138 В. П. Мещерский был издателем реакционной газеты «Гражданин» с 1882 по 1887 г.

139 Печатаемое письмо можно отнести к 1872 г. В этом году А. Н. Островский праздновал 25-летний юбилей своей литературной деятельности, был особенно популярен и в июне месяце находился в Спб.

140 Сергея Николаевича Островского. Публикуемым письмом точно устанавливается год смерти брата А. Н. Островского.

141 Издание народных лубочных картин сказочного и религиозного содержания, к некоторым из которых А. Н. Островский писал текст.

142 Издание народных картин.

143 Александр Карагеоргий, князь Сербский, в 1858 г. был низложен, а в 1868 г. приговорен сербским судом заочно к 20 годам тюрьмы за участие в убийстве кн. Михаила III.

144 Лубочные картины.

145 Лубочная картина, отпечатанная по рисунку М. О. Микешина.

146 Персонаж из комедии А. Н. Островского «Лес».

147 У Ф. А. Бурдина произошло недоразумение с комитетом Клуба художников в Спб. по поводу постановки в Клубе комедии А. Н. Островского «Не все коту масляница» без разрешения автора. Подробнее см. «А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, неизданные письма». Госиздат, 1923 г., стр. 146.

148 Подданные сказочного царя Берендея из пьесы А. Н. Островского «Снегурочка».

149 В 1873 г. М. О. Микешин принял редакторство ху-

дожественно-карикатурного журнала Маляр», Спб. 1871 — 78 гг.

150 «Пчела», русская иллюстрация, еженедельный журнал, издаваемый М. О. Микешиным с 1876 г. по 1878 г.

151 Довольно (по-немецки).

152 Произведение, обещанное А. Н. Островским для «Пчелы».

153 «Ошвахел» от немецкого слова «швах», обозначающего слабость.

154 Драма Р. Кастельвеккио «Фрина», которую переводил А. Н. Островский. См. «Островский. Новые материалы. Письма». Труды и дни. Под ред. М. Д. Беляева, 1924 г., стр. 371.

155 Ответ на приведенное письмо, помещенное в 6 выпуске «Ежегодника имп. театров» за 1910 г.

156 Александру II.

157 Комедия А. Н. Островского «Таланты и поклонники», шедшая впервые в Московском малом театре 1 октября 1882 г.

158 Приведенное письмо служит ответом на письмо А. Н. Островского, опубликованное в 6 выпуске «Ежегодника имп. театров» за 1910 г.

159 Кн. Вл. Андр. Долгорукова, моск. генер.-губернатора, председателя Комиссии по присуждению премии на выставке проектов памятника Александру II. М. О. Микешину премии присуждено не было.

160 Ответ А. Н. Островского напечатан в 6-м выпуске «Ежегодника имп. театров» за 1910 г.

161 Ответ А. Н. Островского см. там же (прим. 160).

162 28 января 1881 г. А. Н. Островскому пожалована пожизненная пенсия в 3000 руб. в год и золотой портсигар.

163 «Блажь», комедия в 4 действ., соч. А. Н. Островского и П. М. Невежина. «Отеч. записки» 1881 г., кн. 3-я. Вышла отд. изд. у Рассохина, 1881 г.

164 «Карьерист», драма в 4 действ. и 5 картинах (3 действ. и 2 картинах), соч. И. Н. Ге. Дозволено цензурою Спб. 17 августа 1880 г.

165 См. ниже письмо Потехина от 3 августа 1882 г.

166 См. ниже письмо Потехина от 10 июля 1882 г.

167 «Блажь» (см. выше). Была сыграна на сцене Александринского театра в 1881 г. при следующем распре-

делении ролей: Сарытова — Читау 1-я, Баркалов — Петина, Ольга — Савина, Бондарова — Жулева, Бондаров — Нильский, Лизгунов — Давыдов и др.

168 «На зыбкой почве», комедия в 4 действ., напечатана отд. изд. М. 1882 г. Перепечатана в «Драматических сочинениях», М. 1901 г., т. II, стр. 293 — 355.

169 «Блажь» (см. выше).

170 Где помещался «Семейный сад» в Москве, выяснить не удалось.

171 В письме Н. А. Некрасову из Твери 27 июня 1856 г. Островский, имея в виду фельетон В. Зотова в № 96 «Спб. ведомостей», в котором утверждалось, что пьеса «Семейная картина» написана Островским при участии Горева, сотрудничество которого упорно скрывается автором «Банкрута» («Свои люди сочтемся»), писал: «Нет более возможности терпеть. Клеветы и оскорбления дошли до того, что я должен непременно отвечать. Наглость неслыханная». Островский послал из Калязина в редакцию «Современника» письмо от 4 июля 1856 г., где заявлял, что обвинение В. Р. Зотова — выдумка, что вопрос фельетониста, отчего под его пьесой, напечатанной в апрельской книжке «Современника» 1856 г. («Семейная картина»), не подписано двух фамилий, подписанных будто бы под нею в № 60 «Московского городского листка» 1847 г., — «обвинение немаловажное», но просил читателей справиться в 60 и 61 №№ «Моск. городского листка», есть ли там под его пьесой две фамилии. Это «Письмо в редакцию» было напечатано в августовской книжке «Современника» (т. VIII, отд. V, стр. 221). По тому же поводу Островский напечатал «Литературное объяснение» в № 80 «Московских ведомостей» (от 5 июля 1856 г.). Подробности этой газетной травли в эпизоде «Островский и Горев-Тарасенков» рассказаны М. Д. Беляевым в сборнике «Памяти А. Н. Островского» (Петроград 1923, стр. 70—88). Есть указание, что распространителем слухов об Островском, как плагиаторе, использовавшем для своих комедий материал «прогоревшего купца» Тарасенкова, был А. А. Краевский. Слухи эти ходили в литературном мире задолго до письма Островского к Некрасову, как это видно из переписки Тургенева с П. В. Анненковым в ноябре 1853 г.

[172] Островский в ответном письме к Некрасову от 27 июня 1856 г. обещал прислать к августовской книжке пьесу «Не сошлись характерами».

[173] В калязинском письме к Некрасову от 1 августа 1856 г. Островский писал: «Рассказ «Не сошлись характерами» готов, отделываю начисто и пришлю с первой почтой». См. «Островский», Труды Пушкинского дома. Л. 1924 г., стр. 211.

[174] «Тарантасом расшибло мне ногу, и вот уже полторы недели я лежу без движения. Положение больного в отдаленном уездном городе — это ужас», писал Некрасову из Калязина Островский 18 июля 1856 г.

[175] В ответном письме от 25 сентября 1857 г. Островский сообщал, что у него «готовится целый ряд пьес под общим заглавием «Ночи на Волге» и что одна из них будет доставлена им лично в конце октября или в начале ноября. См. «Архив села Карабихи», изд. К. Ф. Некрасова, стр. 136.

[176] Островский 2 октября 1857 г. писал Некрасову, что «Доходное место» в настоящее время никак дать не может, так как 500 оттисков из «Русского вестника» продаются теперь по 1½ руб. Кто же их купит, когда Вы напечатаете пьесу в Легком чтении? Впрочем, они разойдутся скоро, как только комедия появится на сцене. Картины из русского быта печатайте, если Вам угодно». См. «Архив села Карабихи», стр. 137.

[177] Некрасов отвечает на письмо Островского от 2 декабря 1857 г.: «Посылаю вам пьеску, она хоть маленькая, а как мне кажется, серьезная» (имеется в виду комедия «Не сошлись характерами», была напечатана в «Современнике» 1858 г., кн. 1), «сделайте милость пришлите побольше денег, я очень нуждаюсь, а взять мне больше негде, как у Вас». «Доходное место» в декабре 1857 г. было запрещено к представлению во всех театрах.

[178] Предполагаем, что это письмо является ответом Некрасова на следующее письмо Островского от 24 января 1858 г.: «Милостивый Государь Николай Алексеевич. За что Вы так со мной поступаете? Я в критическом положении, а Вы даже не отвечаете ни на одно мое письмо. Повторяю опять свои просьбы и жду ответа.

Преданный Вам *А. Островский*.

P. S. Я постом окончу Минина непременно».

179 Островский в письме от 3 апреля 1858 г. обратился к Некрасову с просьбой помочь ему издать пять его пьес, которые не были отдельно напечатаны: «Мне хотелось бы продать это издание зараз»... Условия Некрасова не удовлетворили драматурга: в 1859 г. двухтомное собрание сочинений Островского вышло в издании Г. А. Кушелева-Безбородко.

180 Известно, что Островский вместе с др. писателями (Л. Толстым, Тургеневым, Григоровичем) вошел в «обязательное соглашение» об исключительном сотрудничестве в «Современнике» с 1857 г.

181 По всей вероятности, имеется в виду комедия в 3 действиях «Старый друг лучше новых двух», напечатанная в 10 кн. «Современника» 1860 г.

182 23 сентября 1861 г. Театрально-литературный комитет после прений в трех заседаниях большинством 7 голосов против 3 забраковал комедию «Женитьба Бальзаминова». 26 октября Островский в письме к П. С. Федорову, выражая протест против этого постановления, заявил, что совершенно отказывается от сцены. Письмо Островского вызвало смущение членов Театрально-литературного комитета, о чем И. Ф. Горбунов сообщил Островскому в начале ноября. Драматург и в конце года продолжал настаивать, чтоб комитет «сам пересмотрел и одобрил пьесу» (в письме к Ф. А. Бурдину).

183 Об исторической хронике «Козьма Минин» Островский писал Некрасову еще 24 января 1858 г.: «Я постом окончу Минина непременно». Пьеса была окончена 9 декабря 1861 г. и появилась в 1 № «Современника» 1862 г.

184 В мае 1861 г. вышло 2 издание «Стихотворений» Н. А. Некрасова.

185 Н. А. Добролюбов умер 17 ноября 1861 г.

186 Отдельное издание «Козьмы Минина» вышло в 1862 г.

187 Профессор П. В. Павлов за произнесенную им 2 марта 1862 г. речь «Тысячелетие России» (на вечере в пользу Литературного фонда) был выслан из Петербурга в Ветлугу 6 марта того же года.

188 «Современник» был приостановлен на 8 месяцев с 15 июня 1862 г.

189 Первая книжка (№ 1—2) «Современника» по истечении восьмимесячной приостановки вышла в 1863 г.

190 «Тяжелые дни» были напечатаны в «Современнике», 1863 г., кн. 9.

191 Некрасов отвечает на московское письмо Островского от 7 марта 1864 г., в котором опять спрашивает, почему ему не выслан первый нумер «Современника». («За что это Вы, Николай Алексеевич, на меня прогневались. Все-то читают Современник № 1, а я один не читаю»... — «Сделайте милость, прикажите высылать мне Современник»).

192 Островский в том же письме от 7 марта сообщал о своем болезненном состоянии и кроме того в связи с недавним впечатлением от комедии Л. Н. Толстого («Зараженное семейство») — «это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения» — писал Некрасову: «я сам весь увядаю преждевременно»... См. «Архив села Карабихи», стр. 139—140.

193 Комедия «Воевода или Сон на Волге» Островского была напечатана в «Современнике», 1865 г., кн. 1.

194 Островский писал Некрасову 7 марта 1861 г.: «Мне интересно очень прочесть Вашу вещь и статью Салтыкова, о которых все отзываются с необыкновенными похвалами». «Мороз — Красный нос» Некрасова был напечатан в «Современнике» 1864 г., январь (т. С, № 1, стр. 5—40).

195 Комедия «Шутники» впервые была поставлена 9 октября 1864 г. в Александринском театре. Артистка Брошель играла Верочку, а В. Самойлов — Оброшенова. В московском Малом театре, где эта комедия была поставлена 12 октября того же года, роль Оброшенова исполнялась Шумским. Указание Некрасова на пьесу «Шутники» позволяет нам датировать его письмо 1864 годом. Кроме того, некоторые смысловые обороты связывают это письмо с тем письмом Островского к нему, которое было опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в сборнике «Островский. Труды Пушкинского дома», стр. 205 (№ 2): «никоим образом не желал бы, чтобы между нами произошло даже и малейшее неудовольствие. Расчеты для меня всегда были и есть дело самое последнее». В конце письма Островский обращается с просьбой выслать ему поскорее сколько-нибудь денег

(«очень нужно к празднику. Сочтемся после»). А так как в этом письме Островский сообщает, что «Сон на Волге» окончен: «Я занимаюсь теперь только отделкой и перепиской» и что Некрасов может объявить, что в 1-й книжке «Современника» (1865 г.) будет:

Воевода

(Сон на Волге).

Комедия в 5 действиях с прологом в стихах, то есть все основания утверждать, что письмо Некрасова к Островскому было написано именно в 1864 г.

196 «На бойком месте» и «Укрощение своенравной».

197 Комедия «На бойком месте» была напечатана в «Современнике» 1865 г., кн. 9, а перевод шекспировской комедии «Усмирение своенравной» в том же журнале, кн. 11. Островский в письме к Гербелю от 17 октября 1865 г. обещал выслать готовый уже перевод данной комедии «На этой неделе», а 5 ноября извещал его о получении обеих корректур переводной комедии.

198 В сентябре 1865 г. был введен в действие закон о печати, отменявший для некоторых органов печати предварительную цензуру, но, наряду с судебной ответственностью, устанавливающий и административные меры взыскания.

199 Речь идет о хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», о которой Островский писал Некрасову: «Хорошо или дурно то, что я написал, я не знаю: но во всяком случае это составит эпоху в моей жизни, с которой начнется новая деятельность» (см. письма № 3 и 4, опубликованные В. Евгеньевым-Максимовым в сборнике «Островский. Труды Пушкинского дома», стр. 203—204).

200 Речь идет о той же хронике. Запрещение «Современника» в мае 1866 г. разрушило планы Некрасова поместить ее в журнале. Летом того же года Островский соглашался уступить Некрасову право отдельного издания хроники за 1500 руб. (см. его письмо к Некрасову от 17 июля 1866 г. в «Архиве села Карабихи», стр. 140—141), но и эта сделка не состоялась. «Дмитрий Самозванец» был напечатан в «Вестнике Европы» 1867 г., т. I, отд. I, стр. 75—223.

201 Вероятно, это письмо является ответом на письмо к Некрасову Островского от 17 июля 1866 г. («Архив

села Карабихи», стр. 141), где сообщается, что Михаил Николаевич Островский «желает выждать время и может дать ему (Александру Николаевичу) теперь (за пьесу) 2000 руб.». Островский предлагает пьесу Некрасову за 1500 руб.: «только, ради бога, поскорее деньги, мне они нужны до крайности».

202 Датировка письма определяется тем, что в «Отечественных записках» в 11 книжке была напечатана комедия «На всякого мудреца довольно простоты».

203 Комедия «Бешеные деньги» была напечатана во 2 кн. «Отечественных записок» 1870 г.

204 Некрасов отвечает на просьбу Островского: «Нет ли у Вас случая повлиять на Адлерберга. Просто скажите: пора сделать что-нибудь для Островского, он написал целый русский театр в 30 пиэс и доставил сборов дирекции более миллиона. Будьте отец и благодетель» (см. сб. «Островский. Труды Пушкинского дома», стр. 206, письмо № 5). Ответ Островского на это письмо напечатан В. Евгеньевым-Максимовым в указанном сборнике, стр. 207.

205 Во 2 кн. «Отечественных записок» 1870 г. была напечатана комедия «Бешеные деньги».

206 Предполагаем, что это повесть «Тише воды, ниже травы» в «Отеч. записках» 1870 г., кн. 1—3.

207 Комедия «Лес» в «Отеч. записках» 1871 г., кн. 1.

208 Это письмо точно указывает на участие Некрасова в хлопотах по делу Островского, ходатайствовавшего перед мин. имп. двора о пожизненной пенсии. Как известно, хлопоты успехом не увенчались. См. в сборнике «Островский. Труды Пушкинского дома», стр. 203—204.

209 Поэма «Княгиня Волконская» в «Отеч. записках» 1873 г., № 1.

210 «Комик XVII столетия» был напечатан в «Отеч. записках» 1873 г., кн. 2.

211 «Снегурочка» была напечатана в «Вестнике Европы», 1873 г., кн. 9.

212 Имеется в виду комедия «Поздняя любовь», которую Островский, судя по его письму к Бурдину 13 августа 1873 г., надеялся скоро окончить. В начале сентября пьеса была отправлена в Цензуру и Театрально-литературный комитет.

213 В архиве А. Н. Островского сохранилось его черновое письмо к Некрасову, написанное карандашом на 3-й и 4-й стр. письма Некрасова от 21 ноября 1873 г. (Спб).

«М. Н. А.

В. письмо несколько успокоило меня. Теперь дело представляется мне в ином виде. Я думал, что Звонарев разорился окончательно, и очень эстественно, что мне было совестно отнимать у нищего последнюю суму. По моему, условия пишутся для того, чтоб закрепить данное слово и с той и другой стороны обеспечить себя от обмана и произвола, чтобы ни той ни другой стороне нельзя было сказать: «да, тогда вот я хотел, а теперь не хочу. При таком нарушении условия взять неустойку я полагаю справедливым; если же нарушение условия произошло от непредвиденного несчастья, разорения, то воспользоваться неустойкой, по моему совестно. Вот что я хотел Вам сказать. Это-то обстоятельство и испугало меня и лишило спокойствия. Компактное издание моих сочинений, конечно будет стоить дешевле и скорее разойдется; но его печатать еще рано, теперь разойдется и дороже издание. С весны нынешнего года, уже нельзя было найти в Москве полного экземпляра моих сочинений, и разбитые экземпляры продавались по 4 руб. за том. Я не скрою от Вас, что очень много теряю от этого, что издание сочинений сейчас замедлилось на целые три года. Я в П[етербурге] буду в начале Д[екабря], а пьесу пришлю раньше. Я надеюсь, Н. А. что Вы хлопочите обо мне и жду от В[ас] известия. В[аш]».

214 В сборнике «Складчина» был напечатан отрывок из комедии «Трудовой хлеб». См. письма Островского к Некрасову от 8 и 13 марта 1874 г. в «Бирюче» 1921 г., стр. 196—197.

215 «Трудовой хлеб», сцены из жизни захолустья в 4 действиях. Напечатаны в «Отеч. записках» 1874 г., кн. 11.

216 «Волки и овцы» напечатаны в «Отеч. записках» 1875 г., кн. 11.

217 Комедия «Богатые невесты» напечатана в «Отеч. записках» 1876 г., кн. 2.

218 Записочки и письма за №№ 56—66 или не датированы в виду трудности установить точную хронологизацию, или датированы по отметкам, сделанным чьей-то

рукой на автографах Некрасова. В виду отсутствия твердой уверенности в точной датировке помещаем письма за указанными номерами в конце переписки Некрасова.

219 В архиве А. Н. Островского сохранилась копия его письма, о которой упоминает Одоевский. Приводим эту копию полностью как комментарий к письму В. Ф. Одоевского.

Копия.

Получено 6 июня 1865.

Ваше Сиятельство,
Князь Владимир Федоровичь!

По поводу возникшего в среде Артистического Кружка недоразумения относительно правильности производимого до сего времени баллотирования действительных членов Общества я, в качестве вновь вступившего старшины, не принимавшего участия в прежних выборах, считаю своим долгом оказать посильное содействие к устранению возникшего недоразумения, могущего самым вредным образом отразиться на будущности Общества, от которого мы ждем обильных и добрых плодов, и в образовании которого Ваше Сиятельство принимали такое деятельное участие. Вашему Сиятельству известно, что устав Кружка, ставя непременным условием присутствие 45 членов из числа 200, представляющих нормальный состав Общества, оставляет неразрешенным вопрос о том, при участии какого числа членов могут быть производимы выборы в новые члены в первое время по открытии Общества, то есть до того времени, пока состав Общества сделает возможным исполнение указанного выше условия. При таком пробеле в уставе, Артистическому Кружку не оставалось ничего более, как принять обычный в других обществах и клубах, естественный исход из затруднительного положения, то есть производить выборы наличным числом членов. Еслиб действия возникающего общества не возбудили неудовольствия, не было бы и вопроса о законности или незаконности первоначальных выборов и вообще мер, принятых в первое время, пока устав, писанный для 200 членов неприложим. Теперь вследствие возникшего вопроса о законности действий, Артистическому Кружку или остается признать произве-

денные выборы недействительными и просить М-во Внутренних Дел о дополнении устава, или не уничтожая своих постановлений, представить дело на усмотрение Министерства, предоставя ему утвердить или кассировать свои действия. Первое, по моему мнению неисполнимо потому, что, по основному юридическому правилу, ни одно юридическое лицо не перерешает своих собственных постановлений. За тем остается только другая мера, — предоставить дело на усмотрение Министерства. Эту меру я считаю благовидною, как лучший исход из неловкого положения, в которое стало общество вследствие неполноты устава.

Обращаясь за сим собственно к лицам, которые считают себя обиженными быв. Обществом забаллотированными, я спешу передать Вашему Сиятельству, что, как новый старшина, почту своим долгом употребить все усилия, чтобы уладить это дело и привести его к концу, по возможности безобидному для обеих сторон и вперед ручаюсь за успешный результат моих действий.

Примите Ваше Сиятельство уверение в моем совершенном почтении и преданности.

[На подлинном:] *А. Островский.*

220 В письме Островского к Некрасову от 1 августа 1856 г. указывалось, что сверх рассказа «Не сошлись характерами» будет доставлено в редакцию «Современника» еще два; Островский просил, чтобы в объявлении об издании «Современника» (оно появилось в «Московских ведомостях» 1856 г., № 114) было указано, что одна его пьеса («Доходное место») отдана им в «Русскую беседу». По поводу истории с Горевым см. примечания к письмам Н. А. Некрасова.

221 В письме А. Н. Островского к И. И. Панаеву от 11 сентября 1856 г читаем: «Московские хирурги нашли, что нога моя переломлена в двух местах и от дурного лечения теперь в весьма плохом состоянии... Лежу на спине без движения и, вероятно, буду лежать долго-долго»...

222 В ответном письме от 11 сентября А. Н. Островский писал И. И. Панаеву: «Не отделанный рассказ («Праздничный сон до обеда») послать я не соглашусь ни за какие сокровища, а отделать мешают и мешают мне мои страдания. Через неделю рассказ будет

у Вас, если со мной не случится чего-нибудь особенного». Островский писал Панаеву 12 октября, что выслать рассказ не может. «Картины из московской жизни» — «Праздничный сон до обеда» появились в «Современнике» 1857 г., кн. 2, а «Не сошлись характерами»,— в «Современнике» 1858, кн. 1.

223 В № 10 «Современника» был напечатан рассказ И. С. Тургенева «Фауст».

224 В ответном письме от 14 декабря Островский сообщал И. И. Панаеву: «Из рассказа, который я Вам обещал выходит большая повесть и я кончу нескоро. К февралю я Вам пришлю комедию в 1-м акте, которую начал». Как известно, последний замысел Островского не осуществился.

225 В письме от 14 декабря Островский просил выслать ему деньги: «Сделайте милость, пришлите рублей 150. Кроме Вас, мне взять денег негде». В письме от 11 января 1857 г. Островский извещал Панаева, что «дня через два или три будет готова комедия в 2 действиях Праздничный сон до обеда»... Я вас не обману, будьте уверены... Пожалуйста, будьте покойны, комедию ей богу пришлю».

226 «Доходное место».

227 В ответном письме от 11 января Островский писал Панаеву: «Комедию «Доходное место» я уже отдал в Р[усскую] Б[еседу], и она набирается. Иначе я поступить не мог: мне надобно было сдержать слово и расквитаться с Р. Б., чтобы уж совершенно посвятить свой труд Современнику. В ленности меня упрекнуть нельзя: с ноября, когда я получил возможность работать, и до сих пор я не отхожу от стола».

228 В «Современнике» 1857 г., кн. 1.

229 В письме от 17 мая 1857 г. Островский писал Панаеву: «Посылаю Вам «Квартет» Дрианского, почитайте его сами, употребите на это денек, вещь стоит этого». Повесть Дрианского была напечатана в «Библиотеке для чтения» в 1858 г.

230 Статья И. И. Панаева «Садовский в Петербурге» напечатана в «Современнике» 1857 г. № 6.

231 «Банкрут» (Письмо датируется, примерно, 7 апреля (см. П. Морозов «Минувший век», стр. 427—428, где это письмо напечатано).

232 «Москвитянин», где А. Ф. Писемский поместил повесть «Тюфяк» (1850 г., кн. 19—21), комедия в 4 действ. «Ипохондрик» (1852 г., ч. 1-я) и др.

233 Речь идет о повести «Тюфяк». Работать в «Москвитянине» Писемскому дал возможность Островский. 4 сентября 1850 г. Островский передал повесть «Тюфяк» М. П. Погодину (Воспоминания С. Максимова, «Русская мысль» 1898 г., кн. 1).

234 Авторский подарок — отдельное издание комедии «Свои люди сочтемся». М. 1850 г.

235 «Тюфяк» (см. выше).

236 «Тюфяк» (см. выше).

237 Повесть «Тюфяк» отдельным изданием вышла лишь в 1861 г. в изд. Стелловского.

238 Альманах-сборник «Комета», издание М. Н. Щепкина. М. 1850 г.

239 «Комик», рассказ. Напечатан в «Москвитянине» 1851 г., ноябрь, кн. 11. Отдельным изданием вышел в 1861 г. Спб.

240 «Виновата ли она?», рассказ напечатан в «Современнике» 1855 г., т. XLVIII.

241 «Ипохондрик», комедия в 4 действ., в «Москвитянине» 1852 г., ч. I.

242 Сыновья А. Ф. Писемского — Николай и Павел.

243 «Бедная невеста», комедия в 5 действ., напечатана в «Москвитянине» за 1852 г., кн. 4, и отд. М. 1852 г. 21 декабря 1851 г. Писемский писал из Костромы: «Погодин восторгался этой комедией: Ура! выдирай наши».

244 Во время службы своей в Костроме А. Ф. Писемский принимал горячее участие в любительских спектаклях, прекрасно играя характерные роли. См. С. А. Венгеров, Собрание сочинений, том V, Спб. 1911 г.

245 «Ипохондрик», комедия в 4 действ., была написана в 1850 г.; в феврале (11—12) 1851 г. Писемский читал ее у Погодина.

246 Видимо, «Раздел», комедия. Напечатана в «Современнике» 1853 г., т. XXVII.

247 «Богатый жених», роман в 3 частях. Печатался в «Современнике» 1851 г., кн. 10—12, 1852 г., кн. 1—5 Отдельное изд. Стелловского. СПБ. 1861 г.

248 Некролог Н. В. Гоголя, написанный М. П. Погодиным в «Москвитянине» 1852 г., кн. 3.

249 Роман «Тысяча душ». «Отечественные Записки» 1858 г., CXVI—CXVIII, кн. 1—6, «Фанфарон», рассказ, напеч. в «Современнике» 1854 г., кн. 8 и «Плотничья артель» в «Отеч. записках» 1855 г., кн. 9.

250 Драматическая пьеска «Ветеран и новобранец». Драматический случай из войны 1854 г. Напеч. в «Отеч. записках» 1854 г., т. XCVI, отд. изд. в 1861 г., Спб.; поставлено на сцене Александринского театра в сезон 1854—55 гг. (Вольф, т. II, стр. 175).

251 «Бедность не порок», комедия в 3 д. А. Н. Островского. Напечатана в «Москвитянине» 1854 г., кн. 1, отд. изд. М. 1854 г.

252 Драма А. А. Потехина — «Суд людской—не божий» была представлена на сцене Александринского театра в сезон 1854—55 гг. (Вольф, т. II, стр. 175).

253 «Ипохондрик», комедия в 4 действ., был представлен в Петербурге на сцене Александринского театра в сезон 1855—57 гг. (см. Вольф, «Хроника петербургских театров», часть III, Спб. 1884 г., стр. 9). В письме идет речь о постановке пьесы в Москве с участием С. В. Васильева.

А. Ф. Писемский в это время жил уже в Петербурге, куда переехал в 1853 г.

254 «Плотничья артель», рассказ из народного быта был напечатан в 9 кн. «Отеч. записок» 1855 г., отд. изд. Стелловским, Спб. 1861 г.

255 «Ночь весною 1855 г. в Севастополе», напеч. в «Современнике» 1855 г., LIII.

256 «Свои люди сочтемся», комедия в 4 действ. (см. выше).

257 «Маленькое личное творчество» — импровизации известных рассказов и сцен И. Ф. Горбунова.

258 «Тысяча душ» (см. выше).

259 «Двумужница или зачем пойдешь, то и найдешь», романт. драма в 2 частях А. А. Шаховского. Изд. Спб. 1836 г.

260 «Ипохондрик» (см. выше).

261 Поездка А. Ф. Писемского на основании рескрипта вел. кн Константина Николаевича от 11 августа 1855 г. о приглашении молодых литераторов для описания быта жителей России, занимающихся морским делом и рыболовством, см. Максимов С. В., Литера-

турная экспедиция («Русская мысль» 1890 г., II, стр. 17—30).

262 Видимо, «Доходное место».

263 «Очерки из крестьянского быта», Спб. 1857 г.

264 «Тысяча душ», роман в 4 частях, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1858 г. и «Боярщина» в «Библиотеке для чтения» 1858 г., кн. 1 и 2.

265 «Доходное место».

266 Видимо, «Свет не без добрых людей», оригинальная комедия.

267 Под Петербургом, имение графа Кушелева-Безбородко.

268 «Тысяча душ» (см. выше).

269 «Гроза», драма в 5 действ. Напечатана в «Библиотеке для чтения» за 1860 г., кн. 1.

270 «Горькая судьбина», драма в 4 действ., напечатана в «Библиотеке для чтения» 1859 г., 11 книжка.

271 «Горькая судьбина» (см. выше).

272 Оттиск из 1 № «Библиотеки для чтения за 1860 г. драмы «Гроза».

273 «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (в «Библиотеке для чтения» 1861 г., № 3).

274 Видимо, «Не в свои сани не садись».

275 Уваровская премия за драму «Гроза» была присуждена Островскому 29 декабря 1860 г.

276 Мартынов А. А. умер 16 августа 1860 г. в Харькове, на руках Островского.

277 За драму «Горькая судьбина» А. Ф. Писемский получил уваровскую премию 29 декабря 1860 г.

278 «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», драматическая хроника в 5 действ. с эпилогом в стихах, напеч. в «Современнике» 1862 г., кн. 1.

279 Полемика А. Ф. Писемского с «Искрой» в «Библиотеке для чтения» 1862 г., кн. 1 и 2.

280 17 ноября 1867 г. А. Н. Островский на вечере у гр. Толстого читал «Василису Мелентьевну».

281 «Просвещенное время», драма в 4 действ. Напеч. в «Русском вестнике» за 1875 г., кн. 1.

282 «Мещане», роман в 3 частях, в «Пчеле» 1877 г. №№ 18—49, отд. изд. Микешина. Спб. 1878 г.

283 В. Корш был редактором «Спб. ведомостей» (см. его письма к А. Н. Островскому).

284 Журнал Михно «Русская сцена» начал издаваться в 1864 г.

285 Публикуемое письмо относится к 1865 г. (см. письмо Иловайского к А. Н. Островскому с просьбой о приеме его в члены Артистического кружка).

286 В конце 1865 г. А. Н. Плещеев был избран старшиной Артистического кружка и хлопотал о проведении в нем литературно-музыкальных вечеров. По письмам Бурдина можно усмотреть, что в середине 1865 г. и в начале 1866 г. жена Островского, Агафья Ивановна, чувствовала какое-то недомогание. Вместе с тем нам известно, что в первой половине января 1866 г. А. Н. Островский читал в Артистическом кружке свою пьесу «Пучина».

287 В декабре 1865 г. в связи с некоторыми внутренними неурядицами были произведены новые выборы старшин Артистического кружка, в число которых попали А. Н. Плещеев и А. Н. Островский (Россиев. Артистический кружок в Москве. «Исторический вестник», № 5, 1912 г.).

288 А. Н. Плещеев был избран старшиной Артистического кружка в декабре 1865 г. Он согласился на эту должность под влиянием Островского, который проводил свой состав старшин.

289 Пьеса А. Н. Плещеева «Чужая тайна» была дана в московском Малом театре в 1866 г. и провалилась. А. Н. Островский писал Ф. Бурдину по просьбе А. Н. Плещеева и советовал ему не давать ее в свой бенефис («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин». Неизданные письма. Госиздат, 1923 г., стр. 56).

290 6 мая 1867 г. старшина Артистического кружка Рахманов сообщил, что он подыскал для Кружка новое помещение в гостинице Журнало, бывш. Лабади, на Большой Лубянке, 13 мая 1867 г. Кружок уже переехал из дома Пукалова в д. Журнало (см. Россиев, Артистический кружок в Москве. «Исторический вестник», № 5, 1912 г.). Перемена помещения была вызвана материальными невыгодами кружка и невыгодностью условий Пукалова.

291 В 1867 г. произошло недоразумение между Вильде и Федотовыми, обвинявшими его в растрате кружковских сумм.

292 А. И. Плещеев был замешан и судим по делу Петрашевцев в 1849 г. и осужден на смертную казнь, замененную ссылкой рядовым в Оренбургский край.

293 Летом 1867 г. Артистическому кружку было разрешено разыграть в свою пользу лотерею с выпуском на нее 25000 билетов ценою по одному рублю каждый (Россиев, Артистический кружок в Москве. «Исторический вестник», № 5, 1912 г.).

294 В 1867—68 гг. А. Н. Плещеев начал принимать близкое участие в издании еженедельного журнала «Антракт» В. Родиславского, следовательно, публикуемое письмо можно отнести к 1867 г.

295 Пьеса Крылова «Неземное созданье» шла в первый раз в Малом театре в октябре 1867 г.

296 Гр. П. А. Шувалов был в 1867 г. шефом жандармов и управляющим III отделением собственной его имп. вел. канцелярии.

297 Официальным издателем в 1868 г. был А. Пономарев, но фактическим был Мамонтов.

298 «Антракт».

299 «Василиса Мелентьева», драма в 5 действ. А. Н. Островского и С. А. Гедеонова, дана в первый раз в Московском Малом театре 3 января 1868 г. Никулина исполняла роль царицы Анны, Дмитриевский — Малюты, Федотова — Василисы, Самарин — Ивана Грозного.

300 В конце 1867 г. у Вильде начали происходить недоразумения с постоянными старшинами. В особенности против его «самовластия» ополчился Урусов, выражавший ему в частных беседах даже недоверие (см. Россиев, Артистический кружок в Москве. «Исторический вестник», № 6, 1912 г.).

301 А. Н. Плещеев часто встречался с Мамонтовым лишь в 1867—68 гг., следовательно, публикуемое письмо можно отнести к указанному периоду.

302 На обратной стороне письма рукою А. Н. Островского (?) карандашом записано: «На Воздвиженке у Арбатских ворот, д. Левшиной. Зала Поли-Клиники в пятницу в 1 ч.». Состоялось ли чтение, а равно и год, установить не удалось.

303 Письмо гр. Блудова содержало предложение М. П. Погодину спешно провести «Банкрута» через местную цензуру и датировано 1850 г., так что помещае-

мое письмо, уже опубликованное в «Минувшем веке» П. О. Морозова стр. 416—444, безошибочно относится к 1850 г.

304 В 1850 г., к которому следует отнести публикуемое письмо, цензором «Москвитянина» был В. Лешков.

305 Попечитель Московскоо учебного округа В. И. Назимов.

306 В. И. Назимову.

307 «Банкрот» — так в первоначальной редакции называлась комедия А. Н. Островского «Свои люди сочтемся», напечатанная впервые в 6-й книжке «Москвитянина» за 1850 г.

308 В. Лешкову.

309 Гр. А. А. Закревский в 1850 г. был московским генерал-губернатором, у которого III отделение запрашивало секретные сведения об Островском.

310 В. И. Назимова.

311 В 6-й книге «Москвитянина» за 1850 г. имеется, кроме Банкрота», «Критический отзыв о появившейся книге стихов А. Фета»; произведений с заглавием «Холостяк» и «Масленица» ни в 6-й книге, ни в ближайших книгах нет; «Лихач, из записок праздношатающегося» И. В. Колошина помещен в 7 книге «Москвитянина» за 1850 г.

312 4 сентября 1850 г. А. Н. Островский привез М. П. Погодину повесть А. Ф. Писемского «Тюфяк» (Воспоминания С. В. Максимова, «Русская мысль» 1893 г., т. I), так что публикуемое письмо относится к сентябрю 1850 г.

313 Слово «крестьянина» в публикуемом письме подчеркнуто карандашом, и сбоку же сделана неизвестной рукой пометка «Ивана Афанасьевича». На обороте письма рукою А. Н. Островского записано: «В с. Воронцово, ехать на Барабаново на Ореховку, спросить Дремина».

314 Кто Сумароков, выяснить не удалось.

315 Хорьков, Мария Андреевна, Меричь, Добротворский и Беневоленский — персонажи из комедии А. Н. Островского «Бедная невеста», законченной в 1851 г., что позволяет публикуемое письмо датировать 1851 г.

316 На письме приписка карандашом неизвестной рукой: «1853 г. Портрет писал художник Каверин».

317 Горев-Тарасенков. В октябре 1853 г. по Москве начинали распространяться дикие слухи о плагиате, совершенном А. Н. Островским при создании своих комедий, сильно его беспокоившие. (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, неизданные письма». Госиздат, 1923 г., стр. 1).

318 16 октября Шевырев обычно праздновал день своего рождения, на который собирались все его литературно-театральные знакомые.

319 «Бедная невеста» шла впервые в Александринском театре в Спб. 12 октября 1853 г., так что публикуемое письмо относится к сентябрю 1853 г.

320 Публикуемое письмо не поддается точной датировке. «Высокое лицо» — не Николай I ли, который, как известно, 20 февраля 1853 г. присутствовал на представлении комедии А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» и сказал о комедии: «Это не пьеса, а поучение»?

321 Публикуемое письмо точной датировке не поддается. Быть может оно относится к октябрю 1856 г. В это время А. Н. Островский болел, ощущал недостаток в средствах и был нравственно подавлен постановкой пьесы Брянцева «Заблуждение», в которой был рассказан в лицах известный эпизод об Островском-Горевe-Тарасенкове. Быть может, упоминаемая в письме, близкая к окончанию, комедия «Доходное место», впервые читанная 11 ноября 1856 г. у брата драматурга М. Н. Островского. «Выписка о комедии» — предполагаем, что комедией этой была «Не так живи, как хочется», напечатанная в 17 и 18 книжках «Москвитянина» 1855 г.

322 «Бедность не порок», комедия А. Н. Островского. 3 декабря 1853 г. А. Н. Островский написал письмо М. П. Погодину с предложением купить и напечатать комедию «Бедность не порок» (Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. XII, стр. 287—288); публикуемое письмо является ответом на упомянутое.

323 Обвинение А. Н. Островского в плагиате.

324 В 1854 г. у гр. Е. П. Ростопчиной вышла непродолжительная размолвка с М. П. Погодиным, напечатавшим без ее согласия ее драму «Нелюдимку». Ростопчина настояла на том, чтобы «Нелюдимка» была изъята из продажи и передана в распоряжение Об-ва бедных.

325 Не относится ли публикуемая записка к 1852 г., когда в ноябре месяце происходили переговоры Молодой редакции с Погодиным о передаче ей «Москвитянина»?

326 «Бедная невеста», комедия А. Н. Островского в 5 действ., впервые поставлена в Спб. в Александринском театре 12 октября 1853 г. Очевидно, публикуемое письмо датируется октябрем 1853 г.

327 Публикуемое письмо является ответом М. П. Погодина на письмо А. Н. Островского от 24 февраля 1851 г. с предложением сотрудничества за 50 руб. в месяц. См. Барсуков, Жизнь и труды Погодина, т. XI, стр. 410—412); следовательно, можно датировать письмо концом февраля 1851 г.

328 15 июля 1854 г. молодая редакция «Москвитянина» почти разошлась с Погодиным.

329 Критическая статья А. Н. Островского о повести А. Ф. Писемского «Тюфяк» появилась в апрельской 7 книжке «Москвитянина» за 1851 г.

330 Насколько нам известно, А. Н. Островский был в ноябре в Спб. только в 1859 г., так что публикуемое письмо, быть может, относится к 1859 г. Собрания, о которых упоминается в письме, вероятно, заседания Об-ва любителей российской словесности, членом которого был избран А. Н. Островский в ноябре 1858 г.

331 Историческая хроника А. Н. Островского «Козьма Минин».

332 Принимая во внимание, что рецензии А. Н. Островского появились в «Москвитянине» в апреле 1850 г. (Повесть Е. Тур «Ошибка») и в апреле 1851 г. («Тюфяк», повесть А. Писемского); мы склонны датировать публикуемое письмо 1850—51 гг.

333 М. П. Погодин был сперва временным, а потом и постоянным председателем Об-ва любителей русской словесности с 1859 по 1866 г.

334 «Бедная невеста».

335 «Додержана Имеретинская», драма в 5 действ., вышла отд. изд. в Москве в 1852 г. Я. Полонский читал эту драму Ап. А. Григорьеву и А. Н. Островскому 25 июля 1851 г.

336 Письма Островского к Я. П. Полонскому от 7 февраля, 11 марта, 16 марта, 22 марта 1876 г., опублико-

ванные Б. Л. Модзалевским в сборнике «Островский. Труды Пушкинского Дома» (стр. 228—231), вскрывают его участие в приобретении для Общества русских драматических писателей библиотеки Я. П. Полонского, тогда сильно нуждавшегося.

337 В письме от 7 февраля 1876 г. Островский писал Я. П. Полонскому: «Видеть г-на Гайдебурова и познакомиться с ним я очень рад».

338 В письме от 22 марта Островский просил Я. П. Полонского, как можно скорее, написать в комитет заявление, что он, Полонский, *продает* свою библиотеку за 1200 руб.

339 Эти стихи были взяты при обыске у Андрущенко, дело которого разбиралось в 1865 г. Андрущенко при допросе показал, что стихи «Долго нас помещики душили» он получил от дворянина Холодовского-Цибульского. Но сам он на допросе свое авторство отрицал, а привлеченные к делу другие обвиняемые — Шатилов и Тыщинский показали, что означенные стихи — песня, которая пелась на студенческих вечеринках в Казани и многим была известна на память. Подписанная П. Холодовским-Цибульским, эта песня была напечатана в сборнике «Лютня», вышедшем в Лейпциге в 1869 г. Есть указания, что автором песни был В. Курочкин; по другим малообоснованным догадкам, автор ее был студент казанского университета Умнов. Письмо Я. П. Полонского дополняет материал об этой революционной песне новыми данными.

340 Это письмо может быть дополнено следующими материалами об отношении Полонского к Аполлону Григорьеву: 1) Я. П о л о н с к и й, Мои студенческие воспоминания в «Ежемесячных литературных приложениях» к «Ниве», 1889 г., декабрь; 2) «Ап. А. Григорьев. Материалы для биографии». Под ред. Влад. Княжнина. П., 1917, на стр. 338—339, письмо Я. Полонского к А. Фету от 14 августа 1889 г. См. также сборник Н. Л. Б р о д с к о г о, Литературные салоны и кружки, изд. Academia, стр. 344—352.

341 Роман А. А. Потехина «Крестьянка», в 3 частях, печатался в «Москвитянине» за 1853 г., вышел отдельным изданием в 1854 г.

342 Роман (см. выше).

343 Шуба овечья — душа человечья». Драма в 4 д.

344 Роман «Крестьянка» (см. выше).

345 Известная полемика «Искры» с Писемским (Никита Безрылов) (см. у А. С. Венгерова, Собрание сочинений, т. V, Спб. 1911, и у Скабичевского, А. Ф. Писемский, Спб. 1894 г., стр. 69—82).

346 Переписка по поводу либретто оперы «Вражья сила».

347 Речь идет о директоре императорских театров С. А. Гедеонове.

348 См. первое примечание.

349 Пьеса П. М. Невежина «Старое по новому».

350 Видимо, «Красавец-мужчина», представленная в Александрийском театре в 1-й раз 6 января 1883 г.

351 «Старое по новому» (см. выше).

352 Литературно-театральный комитет при Александринском театре.

352 Литературно-театральный комитет при Александринском театре пьесы Островского «На всякого мудреца» и «Воспитанница» и др.

354 «Красавец-мужчина».

355 Пьеса «Без вины виноватые» одобрена театрально-литературным комитетом 17 декабря 1883 г.

356 Грибоедовская премия Об-ва драматических писателей и музыкальных композиторов. Судьями по присуждению премии за 1882—83 г. были Д. В. Григорович, А. Н. Пыпин и И. А. Гончаров. Премирована была комедия А. Н. Островского «Красавец-мужчина».

357 Имеется в виду Н. В. Сушков. См. именной указатель

358 Предполагаем, что эта комедия была «Бедность не порок», которую в декабре 1853 г. Островский, как сообщал об этом Н. В. Берг Г. П. Данилевскому 22 декабря, читал чуть не каждый день.

359 В 9-й кн. «Современника» 1863 г. была напечатана пьеса «Тяжелые дни».

360 Островский в письме Салтыкову от 11 апреля 1872 г. просил его посодействовать перед Литературным фондом о выдаче 25—30 руб. молодому писателю Ф. И. Иванову. «Он так беден, что даже смешно. Он живет в свином доме: так называемый ночлежный притон мошенников и бродяг на Хитровом рынке».

361 Отрицательный отзыв Салтыкова о романе «Новь» см. в его письмах к П. В. Анненкову от 17 февраля, 2 марта, 15 марта 1877 г. См. «М. Е. Салтыков-Щедрин». Письма. 1845—1889. «Труды Пушкинского Дома». Л. 1925 г., стр. 157—162.

362 «Счастливый день», комедия в 3 действ. Н. Я. Соловьева.

363 «Последняя жертва», комедия в 5 действ., напечатана в «Отеч. записках» 1878 г., № 1.

364 Эта комедия Островского была напечатана в «Отеч. записках» 1878 г., № 5.

365 Комедия «Сердце не камень» была представлена в первый раз в Александринском театре 21 ноября 1879 г. Арди играл Константина, Дюжикова — Веру Филипповну.

366 «Красавец-мужчина» шел в бенефис Бурдина в Александринском театре 6 января 1883 г.

367 В «Отеч. записках» 1881 г., № 1, комедия «Без вины виноватые».

368 Ответ А. Н. Островского от 25 августа 1879 г. на публикуемое письмо напечатан в томе XII «Русской старины» за 1886 г.

369 20 февраля 1856 г. фотограф Левицкий снял группу писателей сотрудников «Современника». В состав группы вошли: Тургенев, Толстой, Дружинин, Островский, Гончаров и Соллогуб.

370 Драматическая хроника «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» в «Вестнике Европы» 1867 г., т. I.

371 Драма «Василиса Мелентьева» в «Вестнике Европы», 1868 г., т. I, кн. 2.

372 Под пьесой «Василиса Мелентьева», кроме имени и фамилии А. Н. Островского, имелась в журнальной книжке еще подпись: «Г***» (С. А. Гедеонова).

373 «Снегурочка», весенняя сказка в 4 действ. с прологом, была напечатана в «Вестнике Европы» 1873 г., кн. 9.

374 Комедия «Без вины виноватые». Стрепетова играла Отрадину (Кручинину).

375 Н. С. Тихонравов, вероятно, сообщал Островскому материалы во время его работы над комедией «Комик XVII столетия», напечатанной в «Отеч. записках» 1873 г., кн. 2.

376 «Доходное место».

[377] Публикуемое письмо относится к 1860 г. Означенная дата устанавливается как упоминанием о смерти А. Е. Мартынова, последовавшей в 1860 г., так и запросом о журнале «Искусство», выходившем в Спб. с сентября по декабрь 1860 г.

[378] Публикуемое письмо датируется 1860 г. В этом году была запрещена к постановке пьеса Турбина «Пансионерка на станции». Комедия «Свекровь и теща», упоминаемая ниже, была напечатана в «Русской сцене» в 1864 г.

[379] «У него нет ни стыда ни совести».

[380] В начале 1861 г. все ожидали появления манифеста об освобождении крестьян, следовательно, публикуемое письмо датируется началом 1861 г.

[381] Очевидно, «Свекровь и теща».

[382] Упоминания о бандах, конвое и гр. Берге служат указаниями, что публикуемое письмо написано вскоре после Польского восстания 1863 г., поэтому письмо относится нами к 1864 г.

[383] Первая часть публикуемого письма относится к последствиям усмирения Польского восстания 1863 г. Комедия А. Н. Островского «Шутники» играна впервые в Александринском театре в Спб. 9 октября 1864 г. и напечатана в «Современнике» 1864 г., кн. 9, поэтому публикуемое письмо датируем 1864 г.

[384] «Путевые заметки по Сибири» Турбина начали печататься в «С. Петербургских ведомостях» 1863 г. — А. Н. Островский 15 декабря 1863 г. участвовал в спектакле Кружка любителей драматического искусства и исполнял роль Густомесова в комедии «Старый друг лучше новых двух».

[385] Трагедия А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» впервые сыграна в Александринском театре в Спб. 12 января 1867 г., к каковому сроку и относится публикуемое письмо. Роль Грозного исполнял Васильев.

[386] Журнал «Досуг и дело» издавался с 1867 г. по 1870 г. Мы склонны датировать публикуемое письмо 1867 г., так как в конце декабря названного года А. Н. Островский собирался ехать в Спб. на репетиции и премьеру «Василисы Мелентьевы».

[387] См. выше примечания к письмам Некрасова и И. Панаева за 1856—57 гг.

388 В «Морском сборнике» 1859 г., т. XXXIX, кн. 2, было напечатано «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» — результат впечатлений А. Н. Островского от литературной экспедиции на верхнюю Волгу в апреле-июне 1856 г. См. подробности у С. В. Максимова в статье «Литературная экспедиция» («Русская мысль» 1890 г., 2).

389 Учредительное собрание Литературного фонда было в ноябре 1859 г., в январе 1860 г. А. Н. Островский участвовал в публичном литературном чтении в Москве в пользу Литературного фонда, читал 23 и 27 февраля в Петербурге на 3-м и 4-м чтениях в Пассаже сцены из комедии «Свои люди сочтемся» (в новой редакции). Эти факты устанавливают датировку письма И. С. Тургенева.

390 6 декабря 1873 г. в Артистическом кружке была дана комедия А. Н. Островского «Поздняя любовь».

391 Совет старшин московского Артистического кружка.

392 В 1874 г. Артистический кружок хлопотал о разрешении ему давать публичные спектакли. Разрешение было дано на 10 спектаклей (Россиев, Артистический кружок в Москве, «Исторический вестник», т. VII, 1910 г.).

393 Комитет по устройству спектаклей в московском Артистическом кружке.

394 Ответ А. Н. Островского от 1 июля 1874 г. на публикуемое письмо напечатан в выпуске 6 «Ежегодника императорских театров» за 1910 г.

395 М. И. Цуханов был педагогом и преподавал в московских гимназиях.

396 Комитет по устройству спектаклей в московском Артистическом кружке.

397 Московский Артистический кружок.

398 Кн. Е. П. Урусов.

399 В 1873 г. в Москве был открыт «Общедоступный театр». В состав первой труппы театра вошел, среди других, и Н. Х. Рыбаков.

400 В 1872 г., вследствие всевозможных недоразумений, из старшин кружка выбыл артист Малого театра Н. Е. Бильде, ведавший театральной комиссией. В 1875 г. финансовые дела Артистического кружка при-

шли в столь запутанное состояние, что совет старейшин принужден был просить Вильде об его возвращении в кружок, которое и состоялось в том же году.

401 В 1876 г. финансовое положение Артистического кружка пришло в упадочное состояние. За Кружком числилось около 20 000 руб. долга. Заботясь о поднятии материального положения дела, театральная комиссия Кружка решила давать не только драматические представления, но оперу и оперетту (П. Россиев, Артистический кружок в Москве, «Исторический вестник», кн. 7. 1910 г.).

402 Московский Артистический кружок.

403 Московский Артистический кружок.

404 Театральный комитет московского Артистического кружка.

405 Ответ А. Н. Островского на публикуемое письмо напечатан в 6-й книжке «Ежегодника императорских театров» за 1910 г., дата письма не указана.

406 Кн. Е. П. Урусовым.

407 Артистическому кружку.

408 Общее собрание (283-е обыкновенное) Общества любителей российской словесности при Московском университете, о котором пишет Н. А. Чаев, происходило 3 апреля 1872 г., а 9 апреля состоялось 284-е публичное заседание Об-ва, на котором юбиляр А. Н. Островский (25 лет со дня напечатания первого произведения «Несостоятельный должник». Картины московской жизни. «Московский городской листок», № 4, 9 января 1847 г.) читал «Комик XVII столетия, Ф. Б. Миллер — стихотворение «К юбиляру А. Н. Островскому» (см. О. Л. Р. Сл. при Московском университете. Историческая записка и материалы за 100 лет, стр. 131).

409 Сельцо Щелыково, Костромской губ. Кинешемского уезда, ранее имение мачехи А. Н. Островского, а затем было куплено им вместе с братом М. Н. Островским.

410 Вероятно, «Богатыри», роман из времен Павла I, в 3 частях. М. 1873 г.

411 Московская оружейная палата, где Н. А. Чаев занимал должность хранителя и помощника директора до половины 80-х годов.

412 Письмо от 8 марта (IV), видимо, относится к 1872 г. Не чтение ли «Комика XVII ст.» в «Обществе любителей российской словесности»?

413 Общества любителей российской словесности.

414 Отрывок из статьи Н. И. Костомарова «Историческое значение южно-русского народно-песенного творчества», прочитанной 9 апреля 1872 г. в заседании Об-ва любителей российской словесности.

415 Комедия Островского «Свои люди сочтемся», напечатанная в 6-й кн. (второй мартовской) «Москвитянина» 1850 г., вызвала много толков. 30 марта «Комитет, высочайше утвержденный во 2-й день апреля 1848 г.», имел суждение об этой пьесе и, придя к заключению, что в пьесе нет «ни одного характера, призывающего на себя уважение, ни одной черты или порыва, на которых можно было бы с отрадою остановиться», что «заключение комедии — торжество черной неблагодарности в двух лицах — дочери и приказчика... оставляют самое печальное впечатление», признал комедию неудобной для представления на сцене и постановил: «Предоставить через министра народного просвещения попечителю Московского учебного округа призвать перед себя г. Островского и... вразумить его»... На журнале комитета была положена Николаем резолюция: «Совершенно справедливо, напрасно напечатано, играть же запретить во всяком случае, уведомя о том кн. Волконского (министра императорского двора)». 26 апреля 1850 г. А. Н. Островский подал В. И. Назимову, попечителю Московского учебного округа, обширное письмо, в котором благодарил за сообщенные ему замечания министра народного просвещения и проч. См. последнюю публикацию материалов, связанных с мытарствами Островского, как автора этой комедии, в журнале «Искусство», ГАХН, М. 1923 г., № 1 (Статья Н. Ф. Бельчикова, А. Н. Островский. Под секретным надзором. Здесь, на стр. 365—366, библиография вопроса).

416 Нам известно только одно чтение А. Н. Островского в Об-ве любителей российской словесности 1872 г., где им был прочитан «Комик XVII столетия». Н. В. Путята был временным председателем Об-ва с 1866 г. по 1873 г. Щебальский был временным секретарем с 1866 г. по 1869 г., он мог писать Островскому, как лично его

знавший. Исходя из вышеуказанного, мы склонны датировать первые четыре письма П. К. Щебальского 1872 г.

417 «Гроза» в первый раз была представлена в Александринском театре 2 декабря 1859 г. 23 сентября 1859 г. начальник III отделения генерал Тимашев запретил пьесу Островского «Воспитанница». Этими данными определяется датировка письма Евг. Эдельсона.

418 Аполлон Григорьев.

419 13 марта 1852 г. умерла сестра А. Н. Островского, Наталья Николаевна Давыдова, кроме того 21 января того же года напечатана в «Москвитянине» комедия «Бедная невеста», так что публикуемое письмо можно отнести к 1852 г.

420 «Рукопожатие» (по-английски).

421 «Та, которую обидели поклоном» написано другой рукой по-французски.

422 Упоминание о кончине сестры А. Н. Островского дает нам возможность датировать письмо 1852 г.

423 Аполлон Григорьев.

424 «Драма» — очевидно, комедия А. Н. Островского в 5 действ. «Не было ни гроша, да вдруг алтын», законченная написанием 13 ноября 1871 г. и напечатанная в кн. 1 «Отечественных записок» за 1872 г.

425 А. Н. Островский уехал в Петербург 27 ноября 1871 г. и возвратился в Москву в конце декабря того же года.

426 Открытие памятника Пушкина в Москве состоялось 26 мая 1880 г. Заседание Об-ва любителей российской словесности с обсуждением участия в пушкинских торжествах имело место 11 апреля 1880 г. Пушкинские заседания Об-ва состоялись 7 и 8 июня. А. Н. Островский на них не выступал. 7 июня 1880 г. за обедом Об-ва любителей российской словесности в Благородном собрании А. Н. Островский произнес «Застольное слово о Пушкине», напечатанное в № 7 «Вестника Европы» 1880 г.

427 См. предыдущее примечание.

428 Заседание Об-ва любителей российской словесности памяти Достоевского и Писемского состоялось 29-го января 1882 г. Слова А. Н. Островского о Писемском на нем читано не было. А. Н. Островский с 4 января 1882 г. по конец марта того же года был в Петербурге

на постановке «Талантов и поклонников» и «Снегурочки».

429 См. предыдущее примечание.

430 А. А. Потехин на заседании 29 января 1882 г. не выступал, С. А. Юрьев произнес «Несколько слов о значении произведений Писемского».

431 «Отечественные записки», журнал, издававшийся Краевским, прекратил свое существование в апреле 1884 г.

432 «Русская мысль», журнал, издававшийся В. М. Лавровым с 1880 г. по 1894 г. Редактором с 1880 г. по 1885 г. был С. А. Юрьев.

433 «Докладная записка об устройстве в Москве частного народного театра А. Н. Островского написана в 1882 г. и напечатана в «Правит. вестнике» 9 марта 1882 г.

434 Пьеса А. Н. Островского «Не от мира сего» *закончена написанием* в № 2 «Русской мысли» за 1885 г.

435 21 октября 1884 г. состоялось чествование А. Н. Островского на заседании Об-ва русских драматических писателей по случаю 10-летия Об-ва. Островскому был преподнесен адрес и подарок.

436 Комедия «Не от мира сего».

437 В ноябре 1885 г. А. Н. Островский получил назначение заведующего репертуарной частью московских императорских театров. В должность вступил с 1 января 1886 г. 22 января 1886 г. А. Н. Островский привлек С. А. Юрьева в предполагаемый им репертуарный совет.

438 1-е представление трагедии Шиллера «Мария Стюарт» состоялось в Малом театре в бенефис М. Н. Ермоловой 14 февраля 1886 г., вместо назначенного 12 февраля, в виду похорон в этот день отца артистки Н. А. Ермолова.

439 «Чисти зубы, а то мужиком назовут», очерк П. Якушкина в «Отеч. записках» 1868 г., № 1.

440 «Путевые письма» П. Якушкина в «Отеч. Записках» 1868 г., № 10; 1870 г., № 1; 1872 г., № 12.

441 Вероятно, П. Якушкин имеет в виду сборники «На несколько часов», где во 2-м выпуске была перепечатана его статья из «Современника» 1863 г. «Велик бог земли русской!».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрам, дворовый человек Писемского 350
Аверкиев, Д. В., литератор 177, 466
Агафья Ивановна (ум. 1867 г.), первая жена Островского 114, 115, 116, 117, 118, 124, 125, 208, 353, 355, 361, 365, 374, 376, 377, 378, 399, 583, 632, 656, 657
Адлерберг, Вл. Фед., министр имп. двора 295, 299
Акимов 619
Акимова, С. П., артистка Московского Малого театра 357
Аксаков, С. Т., писатель 95, 396, 656
Аксенов, 413
Александр Васильевич (см. Дружинин) 379
Александр II 248
Александр Евстафьевич (см. Мартынов) 568
Александр Иванович 118
Александр Карлович (см. Фон-дер-Зее) 614
Александр Николаевич (Островский) 13, 17, 38, 40, 45, 64, 80, 102, 105, 106, 116, 128, 135, 138, 140, 143, 148, 192, 193, 206, 208, 211, 225, 246, 259, 263, 267, 268, 273, 344, 347, 367, 409, 411, 414, 424, 426, 456, 458, 459, 489, 641
Александра Ефимовна (см. Розанова) 573, 574, 575
Александра Ивановна (см. Шуберт) 369, 570, 574
Александров (псевдоним В. А. Крылова) 609
Александрова, М. М., артистка Спб. Александринского театра 472—473
Алексеев, А. А., артист Александринского театра 269
Алексей Антипович (см. Потехин) 647—648
Алексей Михайлович 563
Алексей Семенович (см. Кашеверов) 11
Алексей Феофилактович (см. Писемский) 62, 144, 365, 461
Алмазов, Б. Н., поэт 12, 28, 80, 371, 374, 375, 388, 489
Алька, сын Я. П. Полонского 455
Аммос Шишкин (см. Сниткин) 146
Андреев, А. Н. 125, 188
Андреев-Бурлак, В. Н., драматический артист 243, 267, 273

Андрей Ильич М. 25
Андрюша (А. Н. Островский) 636
Анна Ивановна (Суворина), жена А. С. Суворина 557, 560
Анненков, П. В., литератор и критик 140, 145, 146, 153, 315, 326, 354, 364, 406, 461, 530, 609, 610
Антип 568
Аполлон (см. Григорьев) 7, 193, 329, 331, 438, 635
Арди, Н. И., артист Спб. Александринского театра 521
Аренский, А. С., композитор 479
Аристофан, античный драматург 142
Арсеньев, К. К., судебный деятель и критик 77, 188
Артемьев, В. А., агент О-ва русских драм. писателей 171, 172, 174, 184
Аршава 570, 573
Асенкова, В. Н., артистка Александринского театра 542
Ахшарумов, Н. Д., беллетрист и критик 77
Ашеберг, А. Я., переводчик, журналист 170

Бабиков, К. И., писатель 196
Бабст, И. К., профессор 563
Багриновский 128
Баженов, А. Н., писатель и театральный критик 405, 408
Базунов, И. В., издатель и книгопродавец 125, 148, 277, 280, 316, 327, 381
Байрон, английский поэт 344
Банашев, издатель 452
Бауер, антрепренер 599
Бауман, издатель 236
Бегичев, В. П., управляющий московскими театрами 133, 403, 404, 489
Безобразов, В. П., публицист 148
Бекетов, цензор 324
Белинский, В. Г. 587
Бенвенуто (см. Микешин) 85
Бенедикт, драматург 609
Берг, граф, Ф. Ф., наместник царства польского 578
Берг, м-м, жена Ник. Вас. Берга 569, 573
Берг, Н. В., писатель-переводчик 80, 325, 424, 432, 489, 490, 491, 496, 498, 569, 570
Бергамето 503
Беринг, московский полицеймейстер 116, 117
Бернштам, Л. А., скульптор 527
Бессонов, П. А., этнограф 616, 621
Благовещенский, Н. А., беллетрист-этнограф 46
Благосветлов, Г. Е., журналист 505
Блудов, граф, Д. Н., государственный деятель 275, 418
Блярамберг, Е. П. 391
Боборыкин, П. Д., писатель 74, 76, 79, 175, 177, 183, 229, 449, 451, 513, 515
Боброва, М. Н. 568, 570, 571
Богушевич, издатель 293

Боклевский, П. М., художник 125
Бомарше, французский драматург 608
Борис Николаевич (Эдельсон) 495
Борисовский 606
Бороздина, В. П., артистка Московского Малого театра 267
Борщев 354, 356
Боткин, В. П., писатель 140 142, 326, 328, 332, 363, 366, 522, 585
Бренко, А. А., артистка Московского Малого театра 177, 274
Бронников 610
Брошель, А. К., артистка Спб. Александринского театра 287
Брюллов, К. П., художник 299
Бурдин, Ф. А., артист Спб. Александринского театра 78, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 210, 211, 212, 227, 228, 229, 238, 294, 316, 354, 382, 401, 453, 454, 464, 472, 473, 475, 512, 513, 521, 531, 587, 632
Бух, Л. К. 165
Быстровская 573

Валуев, П. А., министр внутренних дел 388
Ваничка (см. И. Ф. Горбунов) 224
Ваня, сын С. Турбина 570, 572, 574, 576
Варламов, К. А., артист Спб. Александринского театра 169
Василий Игнатьевич (Живокини), артист Московского Малого театра 357
Васильев (Паша), П. В., артист Спб. Александринского театра 11, 29, 124, 212, 227, 297, 298, 314, 352, 354, 355, 356, 357, 361, 538, 542, 583, 592
Васильева, Е. Н., артистка Московского Малого театра 29
Васильевы, С. В. и Е. Н. 482
Васьков 618
Ватсон, М. В. 50
Вейнберг, П. И., переводчик, драматург, издатель 44, 46, 48, 141, 148, 187, 320
Веровцев 563
Верстовский, А. Н., композитор, управляющий Моск. имп. театрами 356, 361
Веселовский, А. Н., историк литературы 77
Весич, Е. С. 576
Виардо, П., итальянская певица 526
Вильбоа, К. П., композитор 314, 627
Вильде, Н. Е., артист Московского Малого театра 267, 274, 389, 403, 404, 407, 413, 414, 610
Вл(адимир) Ив(анович) 205
Владислав Петрович (см. Печаткин) 375—376
Владыкин, М. Н., драматург, артист Московского Малого театра 609

Волконский, князь, С. В., общественный деятель 292
Вольтер, французский писатель 441
Воронцов (Дашков), И. И., министр имп. двора 83
Востоков 282, 382
Всеволожский, И. А., директор имп. театров 83, 84, 85
Вяземский, князь П. П., начальник Гл. управления по делам печати 529
Выходцев, провинциальный артист 569, 575
Вышнеградский, Н. А. 203

. (см. Григорьев Аполлон) 637
Гайдебуров, П. А., журналист 444, 445, 446, 448, 589
Галахов, А. Д., историк литературы 347
Ган, издатель 161
Гарасим (Герасим) 350, 354
Гаррик, известный английский трагик 531
Гатцук, А. А., издатель 390, 391
Г. Г. (см. Горев-Тарасенков) 423
Ге, Г. Г., артист Спб. Александринского театра 259
Гедеонов, А. М., директор имп. театров 294, 408, 413, 414, 601
Гейне, Г., немецкий поэт 344
Гейнрих 600
Генкель, издатель 236
Генслер, И. С., литератор 572
Георгиевский 529
Гербель, Н. В., переводчик 64, 67, 69, 289, 306, 311, 510, 537
Гервинус, Г., немецкий историк 656
Геринг, лектор Московского университета, переводчик 579
Гирс 305
Глазунов, А., книготорговец 538
Г—н А—в (Авдеев, М. В.), писатель 343, 344
Гнедич, П. П., драматург 90
Гоголь, Н. В. 70, 109, 347, 354, 402, 437, 551, 565, 590
Годфрид, Ягон (Грегори), пастор, устроитель спектаклей при Алексее Мих. 563
Голенищев-Кутузов, граф, А. А., поэт 58
Головачев, А. Ф., литератор 284
Головин, владелец типографии 207
Голицын, князь 246
Гончаров, И. А. 5, 86, 87, 88, 145, 326, 350, 363, 366, 378, 406, 461, 488, 514, 548
Гоппе, издатель 236
Горбунов, И. Ф., артист Спб. Александринского театра 89, 155, 156, 194, 208 214, 215, 216, 226, 227, 231, 237, 240, 283, 293, 316, 320, 352, 395—396,

398, 464, 505, 526, 557, 562, 599, 632, 633, 634
Горев, Ф. П., артист Московского Малого театра 10
Горев-Тарасенков, Д., провинциальный артист 115, 119, 322
Городецкий, Н. М., литератор 646
Горохова, А. Н., артистка Московского Малого театра 597,598
Гоцци, К., итальянский драматург 49, 51, 271
Грановский, Т. Н., профессор Московского университета 640
Греков, И. Н., артист Московского Малого театра 274
Греч, Н. Н., издатель, писатель 119, 561
Грибоедов, А. С. 70, 551, 609
Григорьев, А. А. 7, 14, 116, 117, 120, 122, 140, 142, 194, 322, 324, 325, 326, 330, 366, 371, 374, 438, 439, 455, 456, 502, 586, 609, 634, 638, 639, 641
Григорий Васильев 354
Григорович, Д. В. 61, 73, 74, 77, 79, 111, 188, 323, 326, 327, 331, 364, 366, 483, 487, 488
Григоровский 606
Гриднин, Ф. Д., издатель 187
Грот, Я. К., историк литературы 152, 645
Губонин, П. И., коммерсант 273
Гурий Николаевич (Бурлаков, ум. 1891 г.), секретарь А. Н. Островского в литературной экспедиции по Волге 115, 117, 121
Гурилев, А. А., композитор 627

Давыдов, В. Н., артист Спб. Александринского театра 85, 362, 476, 478, 479
Даль, В. И., писатель-лексикограф 321, 323
Данилевский, Г. П., писатель 26, 437, 568
Делаво 378
Делоне 131
Депп 200
Дидло, К., балетмейстер Спб. балета 364
Димитрий (см. Григорович) 209
Дитятин, генерал (см. П. Ф. Горбунов) 579
Дмитриев, певец 133
Дмитров, Н. Д. 387
Добролюбов, Н. А., литературный критик 280, 282
Долгоруков, В. А., моск.-ген. губернатор 268, 634
Домбровский, М. М. 490
Допон, ресторатор 556
Достоевский, М. М., издатель 97
Достоевский, Ф. М., 257, 309, 397, 514, 523, 526, 645, 646, 647
Дрянский, Е. Э., литератор 111, 115, 120, 135, 149, 205, 332, 333, 374, 434

Дружинин, А. В., критик, беллетрист 12, 44, 161, 194, 325, 326, 336, 370, 377, 461
Дубровский, Н. А., актер-любитель 132, 618
Дудышкин, С. С., критик 360
Дупельт, член Гл. управления цензуры 351
Дюбюк, А. И., композитор 597, 627
Дюжикова, А. И., артистка Спб. Александринского театра 84, 85, 478, 521
Дюран, Э., французский переводчик 590, 591, 592 595

Евгений 628
Евгений Николаевич (см. Эдельсон) 11, 14, 39, 41, 80, 119, 222, 353, 458, 495
Евгений Петрович 605
Егор 633
Елена Павловна, великая княгиня 354
Елисеев, Г. З., журналист 297, 298
Еремеев 633
Ермолова, М. Н., артистка Московского Малого театра 10, 466

Железнов, И. И., литератор 117, 120, 121
Жемчужников, А. М., поэт 396
Живаго 611
Живокини, В. И., артист Московского Малого театра 60, 357, 604
Жуковский, В. А., поэт 425
Жулева, Е. Н., артистка Спб. Александринского театра 469
Жулковский, артист 35, 576, 579

Забелин 428, 430
Заблоцкий (Десятовский), П. П., хирург 360
Загорский 604, 615
Запончковская, Н. Д., писательница 516
Закревский, граф, А. А., Моск. ген.-губернатор 117, 419
Засулич, В., революц. деятельница 516
Звонарев, петербургский книгоиздатель 209, 211, 214, 215, 216, 217, 219, 304, 305, 306
Зотов, В. М., писатель-драматург 322, 604
Зубова, К. М., графиня 629
Зубров, П. И., артист Спб. Александринского театра 369

Иван, слуга Островского 354
Иван, слуга Берга 26
Иван Александрович (см. Всеволожский) 83, 379, 467, 468, 469, 473, 474
Иван Егорович (см. Турчанинов) 128
Иван Ильич Г. (см. Глазунов) 353
Иван Николаевич (см. Греков) 274
Иван Сергеевич (см. Тургенев) 333, 336, 592

Иван Федорович (см. Горбунов) 124, 210, 211, 351, 354, 355, 359, 364
Иванов, Н. И., актер и провинц. антрепренер 420, 508
Ильинская, М. В., артистка Московского Малого театра 168—169
Иловайский, Д. И., историк 398
Имеретинский, светл. кн., А. К., начальник штаба Спб. округа 268
Иноземцев, Ф. И., врач 93
Исаак Маас 544
Исаков, декоратор имп. театров 217

Кавелин, К. Д., литератор 148, 598
Калинович, артист 270
Кальдерон, испанский драматург 608
Каммерфильд 430
Каракозов, революционер 516
Карамзин, Н. М., историограф 223
Каратыгин, П. А. артист Спб. Александринского театра и драматург 609
Каратыгина, А. М. (рожд. Колосова), артистка Спб. Александринского театра 542
Карский, Е. Ф., ученый славист 36
Картамышев 221
Катерина Алексеевна 458
Катков, М. Н., журналист 10, 117, 125, 248, 389, 517, 655
Кашеверов, А. С. 12
Кашеверов, С. С. 12
Кашперов, В. Н., композитор 182, 188, 610
Квитко (см. Основьяненко), Г. Ф., украинский писатель 94
Кейзер, цензор Гл. управления по делам печати 477
Кириллова 569, 571
Климовский, артист Спб. Александринского театра 376
Ковалевский, Е. П., министр нар. просвещения 61, 122, 143, 145, 315
Ковалевский, П. М., поэт 150, 394
Кожанчиков, Д. И., издатель 126, 207, 208, 210, 211, 216, 217, 218, 219, 287, 312, 374
Кожухов 656
Колосова, А. И., артистка Московского Малого театра 402, 409, 542
Колошин, С. П., писатель 112, 431
Кон 430
Кондратьев, И. М., секретарь О-ва русск. драмписателей 55, 182, 187, 188
Кони, А. Ф., писатель, юрист 58
Кони, Ф. А., писатель-водевилист 609
Конорс 421
Константин 345
Константин Николаевич, великий князь 352

Коржепевский, И., польский писатель 608
Коробов 18
Коропчевский, Л. А., писатель 613
Корф, барон, М. А., директор Спб. Публичной библиотеки 116, 379
Корш, В. Ф., журналист и историк литературы 397, 508, 583
Косицкая, Л. П., артистка Московского Малого театра 430, 535
Костомаров, Н. И., историк 15, 207, 258, 544
Краббе, Н. К., морской министр 298, 299
Краевский, А. А., журналист 58, 62, 115, 101, 198, 275, 312, 353, 364, 437, 515, 552, 553
Крейтер 135
Крестовская, М. В., писательница 309
Крылов, В. А., драматург, главный режиссер Спб. Александринского театра 48, 74, 76, 79, 84, 117, 178, 261
Крюковский, агент О-ва драм. писателей 187, 188
Кублицкий, М. Е., театральный критик 438, 441, 442, 446, 449
Кугушев, князь, Г. В., драматург 402, 609
Кузнецов, А. К., 212
Кузьмина, провинциальная артистка 269
Кукольник, Н. В., драматург 608
Куканов, декоратор имп. театров 133
Куликов, Н. И., драматург 609
Кушелев, граф, Г. А., издатель 149, 222, 374, 505, 506, 507

Лаврова, провинц. артистка 569
Лавров-Баженовский, оперный артист 133
Лазарев, О. А., артист Московского Большого театра 601, 604
Лапушинский 212
Лашкевич 502
Лев (см. Мей) 496
Левина, артистка 601
Левитов, А. И., писатель 81, 196
Ленский, А. П., артист Московского Малого театра 10, 479, 480, 542, 609
Лентовский, М. В., антрепренер 83, 176, 177, 264, 269
Леонидов, Л. Л., артист Спб. Александринского и Московского Малого театров 365
Леонтьев, К. Н., публицист 390
Лермонтов, М. Ю., поэт 68, 500, 551
Львов, Н. М., драматург 372, 375
Лизавета Константиновна 635
Лизавета Николаевна 568, 570, 572, 573

Линская, Ю. Н., артистка Спб. Александринского театра 212, 573
Лопатин 392
Лорис-Меликов, граф, М. Т., министр внутренних дел 257, 524
Лузин 402, 403
Лукин 631
Любимов 402, 403
Ляхов 124, 125

Майков, А. А., управляющий моск. театрами 182, 187, 188, 446
Майков, А. Н., поэт 15, 57, 61, 78, 85, 86, 88, 370, 438, 461
Максимов, С. В., писатель-этнограф 237, 314, 461, 483, 584
Максимович, М. А., этнограф 95
Макшеев, В. А., артист Московского Малого театра 191, 271, 274
Мальцев, К. 632
Мамонтов, издатель 405, 406, 407, 408, 412, 414
Мария Васильевна (Островская), жена А. Н. Островского 8, 82, 89, 128, 129, 131, 132, 134, 136, 178, 214, 217, 220, 258, 263, 264, 265, 268, 269, 271, 273, 274, 295, 296, 308, 309, 310, 315, 560, 561, 581, 617, 618, 619, 622
Мария Федоровна 634
Марков, Лаврентий 354
Марковецкий, артист Спб. Александринского театра 359
Маркс, А. Ф., издатель 236
Мартынов, А. Е., артист Спб. Александринского театра 147, 360, 372, 384, 482, 542, 567, 568
Мартынова, М. П., жена А. Е. Мартынова 569
Марфа Александровна 489
Маслов, Н. Д., управляющий Удельной конторой в Москве 591
Матвеев А. С. 563
Матэрн, Э. Ф., драматург 186, 187, 188
Мать Агафья (см. Агафья Ивановна) 355
Маша, дочь А. Н. Островского 127
Медведев, П. М., провинц. антрепренер, артист Спб. Александринского театра 264, 265, 273
Мей, Л. А., поэт 94, 418, 419, 432, 496, 590
Мельников, П. И. (Андрей Печерский), писатель 244
Мельникова, провинц. артистка 581, 584
Мерелли, импрессарио итальянской труппы 133
Мертен 124
Мещерский, князь, И. А., один из учредителей О-ва драм. писателей 182
Микешин, М. О., художник-график и скульптор 226, 239, 391
Милечевич, М., сербский писатель 237

Миллер, Орест, историк литературы 77, 188
Милославский, Н. К., провинц. артист 571, 573, 575
Милютины (два брата), Д. и Н. А., государственные деятели 257
Мирьяков, А. Д. 108, 110
Михаил Васильевич 492, 494
Михаил Николаевич (Островский), брат А. Н. Островского 14, 18, 37, 72, 92, 96, 100, 135, 145, 210, 211, 212, 292, 298, 353, 397, 404, 406, 409, 414, 509, 521, 546, 548, 552, 553, 561, 592, 594, 625, 635, 636, 653
Михаил Петрович (см. Погодин) 109, 112, 114, 456
Михаил Провович (см. Садовский) 603
Михайла 131, 132
Михно, издатель 396
Мицкевич, Адам, польский поэт 31
Миша, сын А. Н. Островского 127, 128, 362
Мишка, Миша (см. М. П. Садовский) 611, 612
Модестов 116
Мокрицкий, литератор 146
Молчанов 52
Мольер, французский драматург 608
Морджеевская, Е., польская артистка 35
Мордовцев, Д. Л., писатель 237, 244
Мостовский, М. С., писатель 610
М. П. (см. Погодин) 199, 201
Музиль, Н. П., артист Московского Малого театра 186, 188, 191, 274, 598

Надежда Николаевна 636
Надеждин, Л. 305, 306, 309
Назарьев, В. Н., литератор 17, 410, 412
Назимов, В. И., попечитель Московского учебного округа 347, 426, 622
Наташа, дочь Я. П. Полонского 455
Невежин, П. М., драматург 187, 188, 465, 470, 521
Незеленов, А. И., историк литературы 188
Неклюдов 206
Некрасов, К. А., брат Н. А. Некрасова 68—69, 392
Некрасов, Н. А., поэт 44, 57, 61, 63, 65, 66, 67, 68, 137, 212, 213, 216, 257, 321, 323, 324, 372, 375, 389, 397, 406, 448, 512, 513, 515, 536, 551, 552, 587, 655, 656, 657
Некрасов, Ф. А., брат Н. А. Некрасова 68—69
Немирович-Данченко, В. И., писатель 187
Немчинов 342
Нечаев 256
Никитенко, А. В., писатель и цензор 373
Николай (см. Потехин, Николай) 475
Николай, В. 499
Николай Васильевич 222
Николай Иванович (см. Костомаров) 544

Николай Федорович, Н. Ф. Островский, отец драматурга 629, 630
Николич, сыщик 256
Николка 116
Никольский, А. А., артист Спб. Александринского театра 389
Никулин 631
Никулина, Н. А., артистка Московского Малого театра 191, 274, 413, 466, 468
Новиков, Н. И., артист Спб. Александринского театра 169
Новикова 625
Новосельский, Н. А. 628

Оболенский 359, 373
Оболенский, князь 196, 206
Оболонский, А. А. 221
Одынец, польский поэт 37
Олеарий, автор воспоминаний о Московии 563
Ольга Осиповна (см. Садовская) 260, 268
Ольдекоп, Евстафий, цензор 565
Ольдридж, Айра, трагик, негр 227
Орлов, Д. А., оперный артист имп. театров 375
Орлова, А. П., артистка 107
Ортнер 124
Основьяненко (Квитка, Г. Ф.), малороссийский писатель 93
Островский, А. Н. 1, 3, 5, 6, 12, 13, 24, 26, 27, 70, 120, 236, 327, 394, 488, 529, 608
Отец Павел 345

Павел, сын А. Ф. Писемского 367, 392, 393
Павлов, Н. Ф., писатель 283
Паж, музыкант 124
Палей, С., казацкий полковник конца XVII в. 61
Пальм, А. Ив., писатель 50
Панаев, И. И., писатель, редактор «Современника» 120, 121, 281, 286, 328, 353, 363
Панов 631
Паршин 269
Паша 630
Пашковы 492
Пельт, Н. И., управляющий моск. театрами 133
Перов 131
Петина, М. М., артист Спб. Александринского театра 85, 480
Петр Александрович 620
Петр Алексеевич (см. Бессонов) 621
Петр Великий 199
Петр Николаевич 128, 403, 404, 414
Петров, О. А., артист Спб. оперы 238, 499
Петров, В. П., режиссер Спб. Александринского театра 263
Печаткин, издатель 146, 147, 372, 375, 377
Печерский (см. Мельников) 362
Писемская, Е. П., жена А. Ф. Писемского 146, 381
Писемский, А. Ф., писатель 5, 44, 61, 125, 138, 139, 140, 143, 144, 145, 146

147, 148, 150, 194, 195, 196, 204, 237, 239, 244, 257, 278, 309, 329, 334, 380, 423, 433, 460, 498, 563, 586, 587, 611, 631, 635, 645, 646, 647, 648
Платон Васильевич 151
Плевако, Н. Н. 165
Плетнев, П. А., критик 160, 384
Плещеев, А. Н., поэт 50, 183, 187, 188, 189, 283, 311, 320, 507
Плющев, В. П. 574
П. М. Н. (см. Невежин) 269
Повалишин 110
Погодин, М. П., издатель «Москвитянина» 14, 108, 110, 120, 197, 221, 340, 345, 347, 420, 631
Погожев, В. П., управляющий Конторой Спб. театров 85, 190
Погосский, А. Ф., писатель 584
Пожарский 207
Полонский, Я. П., поэт 61, 302, 491
Полтавцев, К. Н., артист Московского Малого театра 29, 387
Поляков, Е. С., домовладелец 441, 443, 452
Понизовская, артистка 641, 615
Порецкий. А. У., писатель 104
Посников 206
Потапов, А. Л., управляющий III отд. собств. е. и. в. канцелярией 584
Потехин, А. А., драматург 5, 7, 8, 61, 74, 76, 79, 116, 183, 237, 260, 261, 274, 320, 349, 369, 514, 587, 631, 646, 647, 648
Потехин, И. А., драматург 229, 230
Похвистнев, А. Н., член О-ва драм. писателей 415
Правдин, О. А., артист Московского Малого театра 469
Прахов, А. В., историк литературы 234, 239
Пров Михайлович (см. Садовский) 11, 12, 13, 14, 40, 116, 222, 357, 369, 459, 570, 572, 574, 578, 580, 583
Прокофьев, драматич. артист 600
Прокофьева, артистка 607
Прудникова 629
Пузанов 602, 603
Путята, Н. В., писатель 624
Пушкин, А. С., поэт 267, 394, 395, 523, 542, 551, 645
Пчельников, П. М., управляющий конторою московских театров 274, 466
Пятириков, П., литератор 12
Пятницкий, переводчик 50
Пыпин, А. Н., историк русской литературы 58, 73, 74, 78, 85, 86, 87, 88, 188, 284, 488, 548

Раден, барон 571
Радецкий, австрийск. фельдмаршал 257

Ранса (Р. А. Потехина, дочь драматурга, артистка) 484, 485
Райская, И. П., Уманец-Райская, артистка Московского Малого театра 191
Рамазанов, А. Н., скульптор 22, 125, 498
Рассказов, А. А., артист Московского Малого театра 128
Рахманов, А. А., член О-ва драм. писателей 401, 402, 407
Рашель, французская актриса 227
Решетников, Ф. М., писатель 46
Рибо 616
Ристори, А., итальянская артистка 633
Рихтер 576
Роганев, В. И. 574
Родиславский, В. И., драматург, учредитель О-ва драм. писателей 182, 185, 187, 188, 242, 393, 405, 408, 410, 411, 412, 414, 584, 601, 604
Розанова, А. Е., провинц. артистка 573
Ростовцев, Я. И., госуд. деятель 257
Ростопчина, графиня, Е. П., поэтеса 21, 22, 27, 28, 427, 432
Рубинштейн, Н. Г., композитор, директор Московской консерватории 442
Рудановский 61
Рыбаков, Н. Х., провинц. артист 606, 615
Рыбакова, провинциальная артистка 569
Рыбаковы 570, 571
Рыжков, артист 605
Рыкалова, Н. В., артистка Московского Малого театра 357

Сабуров, А. И., директор имп. театров 282
Савина, М. Г., артистка Спб. Александринского театра 69, 169, 469
Савушка (см. Железнов) 120
Садовский, М. П., артист Московского Малого театра 607, 611, 612
Садовский, Пр. М., артист Московского Малого театра 11, 12, 23, 24, 29, 50, 60, 90, 114, 119, 122, 176, 177, 188, 232, 259, 266, 271, 272, 315, 333, 357, 365, 376, 387, 415, 424, 467, 468, 469, 479, 482, 489, 498, 499, 540, 542, 543, 568, 572, 574, 575, 576, 587, 598, 603, 605, 611, 612, 615, 658
Садовская, О. О., артистка Московского Малого театра 271, 468, 469
Садовские, семья артистов Московского Малого театра 258, 273, 607
Сазонов, Н. Ф., артист Спб. Александринского театра 169
Салаев, издатель 213, 217, 287, 538, 552, 553

Салиас, граф, Е. А., романист, завед. монтиров. частью Московских имп. театров 466
Салиас, графиня, Е. В., писательница 491
Салтыков (Щедрин) М. Е., писатель 283, 284, 297, 298, 310, 311, 379, 396, 407, 551, 558
Самарин, И. В., артист Московского Малого театра 60, 268, 413, 482
Самойлов, В. В., артист Спб. Александринского театра 9, 116, 212, 227, 287, 369, 482
Сапега, Ян, польский военноначальник 18
Сара Бернар, французская артистка 587
Саша (А. А. Островский, старший сын А. Н. Островского) 128
Семевский, М. И., историк; издатель «Рус. Старины» 121
Семенов, артист 619
Сервантес, испанский писатель 49, 51, 55, 56, 165, 558
Сергей (см. С. С. Кашеверов) 631
Сергей Васильевич 126
Сергей Николаевич 110, 112, 114
Сергей Семенович (см. Кашеверов) 14, 631
Серов, А. Н., композитор 462, 463
Серяков, Л. А., гравер 239
Сетов, оперный артист 227
Стебницкий (см. Лесков) 200
Скобелев, М. Д., генерал 257
Слепцов, В. А., писатель 293
Смирнов, А. И., член О-ва драм. писателей 599
Смирнов, М. П. 206
Сниткин, литератор 146
Соколовский, переводчик 311
Соленików 535, 536
Соловьев, Н. Я., драматург 286, 295, 310, 312, 313, 314, 394, 472, 516, 536, 537, 538, 558, 571, 609
Соловьев, С. М., историк 258
Сологуб, граф, Ф. А., художник 369
Сосницкий, И. И., артист Спб. Александринского театра 542
Софья Александровна 642
Спасович, В. Д., писатель 58, 188
Старчевский, А. В., журналист 437
Стасюлевич, М. М., писатель-историк 86, 161, 197, 202, 207, 291, 302, 549
Стахович, М. А., драматург 627
Стелловский, Ф., издатель 382
Степан 568
Степанов, Н. А., редактор журнала «Будильник» 45, 46, 193
Степанов, П. Г., артист Московского Малого театра 357
Столыпин, А. Д., писатель 584
Страхов, Н. Н., философ 77, 455

Стрельская, В. В., артистка Спб. Александринского театра 469
Стрепетов, провинциальный артист 606
Стрепетова, П. А., артистка Спб. Александринского театра 85, 560
Струйская, Е. П., артистка Спб. Александринского театра 583
Сумбатов (см. Южин) 188
Суровщиков, провинц. артист 604, 606

Тарновский, К. А., драматург 185, 187, 212
Тезек, султан Большой Орды 582
Тертий Иванович (см. Филиппов) 223, 495, 658
Тиблен 657
Тимашев, А. Е., министр внутренних дел 633
Тирочка, дочь С. И. Турбина 572, 574, 576
Тихонравов, Н. С., историк русской литературы 34, 645
Толстой, А. К., поэт 583
Толстой, Л. Н. 5, 137, 142, 145, 149, 150, 257, 323, 326, 328, 330, 331, 352, 366, 388, 503, 529, 551, 552
Толстой, граф, Н. Н., брат Л. Н. Толстого 147
Турбин, С. И., драматург 170, 320, 571, 609
Тургенев, И. С. 5, 57, 58, 137, 140, 141, 146, 257, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 331, 350, 364, 392, 483, 509, 522, 523, 526, 529, 530, 551, 552, 569, 645
Турчанинов, И. Е., артист Московского Малого театра 658, 659

Уваров, граф, С. С., министр народного просвещения 369
Унковский, государств. деятель 212
Урусов, князь, Е. П., член О-ва драм. писателей 614
Урусов, князь, Ф. П., писатель 413, 610, 615
Успенский, Г. И., писатель 46, 58, 296
Утин, Евг. Ис., литератор 77
Ушаков 413

Федор Алексеевич (см. Бурдин) 171, 172
Федоров, П. С., начальник репертуарной части Спб. театров 228, 351, 353, 354, 356, 359, 372, 568, 569, 598, 609
Федорова, Е. Н., артистка провинц. театров 369, 372, 570, 571, 575
Федотов, А. Ф., артист Московского Малого театра 22, 273, 274, 403, 404
Федотова, Г. Н., артистка Московского Малого театра 413
Федотовы, А. Ф. и Г. Н. (см. выше) 403, 404, 407, 409

Феоктистов, Е. М., писатель и цензор 16, 529
Фет, А. А., поэт 142, 147, 200, 323, 330, 420, 587
Филатов, Я. Л., художник 96
Филиппов, Т. И., государственный контролер, писатель 22, 24, 93, 94, 355, 364, 399, 489, 630
Филиппчик (см. Филиппов) 37
Ф—а 621, 622
Фон-Визин, Д. И., драматург 70
Фон-дер-Зее, А. К., член О-ва драм. писателей 613, 614, 615
Фосс, Г., немецкий писатель 202
Фредро, Ал., польский драматург 576
Фрейганг, цензор 352, 356, 369

Хан, Е. А., издатель 387
Ходолей 95
Хмельницкий 28

Цветков, М. П., один из учредителей О-ва драм. писателей 182, 188

Чаев, Н. А., драматург 16, 182, 188, 242, 399, 608, 656
Черепин 397
Черкасский, В. А., общ. деятель 257
Черневский, А. А., главный режиссер Московского Малого театра 190, 476
Чернова-Бларамберг, М. К., артистка Московского Малого театра 267
Чернышев, И. Е., драматург 608
Черняев, М. Г., генерал 257
Чертков, В. Г., издатель 567
Чужбинский (Афанасьев), А. С., беллетрист и этнограф 505

Шаломытов 614
Шамиль, герой борьбы Кавказа за независимость 61
Шаповалов, Н. А. 371, 489, 499
Шафарик, П. И., чешский ученый 237
Шевченко, Т. Г., украинский поэт 61, 208, 257
Шевырев, С. П., историк русской словесности 345, 348, 424, 428, 436
Шекспир, В., английский драматург 63, 64, 65, 67, 68, 69, 154, 289, 311, 437, 441, 608, 609
Шеллер-Михайлов, А. К., писатель 46
Шеппинг, барон Д. О., этнограф и мифолог 200
Шереметьев, С. Д., председатель археологической комиссии 197
Шеридан, Р. Б., английский драматург 46
Шестаков, П. Ф., 117
Шестоперов, П. И. 657
Шиллер, Ф., немецкий драматург и поэт 67, 654
Шипов 635

Шлоссер, Ф. Х., немецкий историк 656
Шмидтгоф, М. К., провинциальн. артист 616
Шпажинский, И. В., драматург 172, 173, 174, 177, 178, 182, 188, 268
Шталь, драматург 472
Шуберт, А. И., артистка Спб. Александринского театра 568, 570, 575, 576
Шувалов, П. А., шеф жандармов 410
Шуйская 545
Шумахер, П. В., поэт-сатирик 231
Шумилин 603, 604
Шумский, С. В., артист Московского Малого театра 287, 404, 409, 482

Щедрин (см. Салтыков) 257, 379, 577
Щепкин, М. С., артист Московского Малого театра 60, 344, 357, 404, 482, 542
Щербатов, князь, Г. А., попечитель Спб. учебного округа 373
Щербина, Н. Ф., поэт 439, 489, 568, 569, 570, 573, 575, 639

Эдельсон, Е. Н., литературный критик 20, 38, 116, 347, 349, 354, 355, 371, 488, 496, 493
Эмилия Андреевна, мачеха А. Н. Островского 629, 636
Энаров 407, 408
Энгельгардт, А. Н., писательница 596

Юнкер, банковская контора 158, 514, 519, 520
Юрьев, С. А., писатель-драматург 188, 618, 621
Южин (см. Сумбатов), А. И., артист Московского Малого театра и драматург 191, 260

Яблочкин, А. А., артист и режиссер Спб. Александринского театра 228
Яблочкина, С. В., артистка Спб. Александринского и Московского Малого театров 260, 469
Яков 132
Яковлев, мировой судья 212
Якунин, литератор 442
Якушкин, П. И., писатель 20, 284, 376, 377, 635
Яновский, С. Д. 369

СОДЕРЖАНИЕ

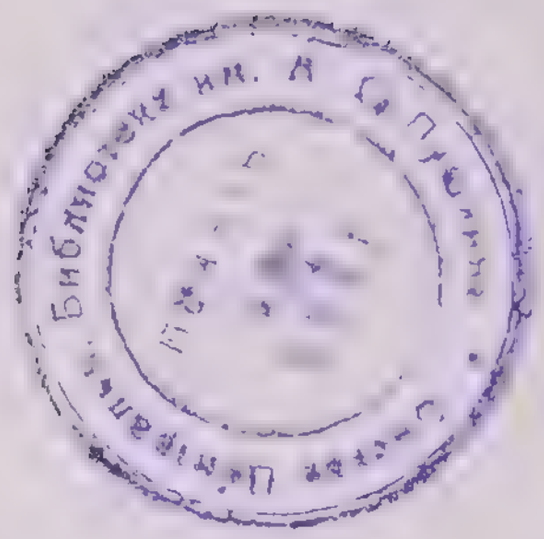
Предисловие 5
Аверкиев, Д. В. 7
Алмазов, Б. Н. 10
Анненков, П. В. 15
Бартенев, П. И. 18
Бессонов, П. А. . . . . —
Берг, Н. В. 21
Боборыкин, П. Д. 38
Боткин, В. П. 41
Вейнберг, П. И. 44
Гайдебуров, П. А. 57
Галахов, А. Д. 59
Гербель, Н. В. 63
Гончаров, И. А. 69
Григорьев, А. А. 80
Григорович, Д. В. 81
Грот, Я. К. 90
Данилевский, Г. П. 92
Достоевский, М. М. 96
Достоевский, Ф. М. 103
Дриянский, Е. Э. 108
Дружинин, А. В. 137
Иловайский, Д. И. 151
Катков, М. Н. . . . . —
Ковалевский, Е. П. 152
Корш, В. Ф. 154
Кошелев, А. И. 168
Крылов, В. А. . . . . —
Курочкин, В. С. 192
Лажечников, И. И. 194
Левитов, А. И. 195
Леонтьев, П. М. 197
Лесков, Н. С. 202
Майков, А. А. 203
Майков, А. Н. 204
Максимов, С. В. 205
Мей, Л. А. 220
Мещерский, В. П. 223

Микешин, М. О. 224
Невежин, П. М. 258
Некрасов, Н. А. 275
Одоевский, В. Ф. 317
Острогорский, В. П. 320
Панаев, И. И. 321
Писемский, А. Ф. 334
Плещеев, А. Н. 395
Погодин, М. П. 418
Полонский, Я. П. 437
Потехин, А. А. 456
Пыпин, А. Н. 487
Растопчина, Е. П. 488
Салиас, Е. В. 504
Салтыков, М. Е. 505
Семевский, М. И. 534
Стасюлевич, М. М. 543
Стахович, М. А. 557
Суворин, А. С. . . . . —
Тихонравов, Н. С. 561
Толстой, Л. Н. 566
Турбин, С. И. 567
Тургенев, И. С. 585
Фет (Шеншин), А. А. 596
Цуханов, М. И. . . . . —
Чаев, Н. А. 616
Шевырев, С. П. 622
Щебальский, П. К. 623
Щербина, Н. Ф. 626
Эдельсон, Е. Н. 628
Энгельгардт, С. В. 637
Юрьев, С. А. 642
Якушкин, П. И. 655

Добавления

Горбунов, И. Ф. 660
Толстой, Л. Н. 673
Тургенев, И. С. . . . . —
Эдельсон, Е. Н. 675
Примечания 681
Именной указатель 725

Редактор Бродский, Н. Л. Технический редактор Филиппов, Н. Н. Книга сдана в набор 1/II—1931 г. Подписана к печати 20/XII—1931 г. № 3. Тираж 4.000 экз.
Ленгорлит 73288
Заказ № 287. Бумага 73 × 105 см., 1/32, 23 1/2 л. Тип. знак. на 1 бум. л. 60/т.
Госуд. тип. „Ленинградская Правда",
Ленинград, Социалистическая, 14



ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

Ап. ГРИГОРЬЕВ
ВОСПОМИНАНИЯ

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА, ОПИСАННЫЕ ИМ САМИМ ДЛЯ СВОИХ ПОТОМКОВ
тт. I, II, III

М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

М. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА

И. Т. КОКОРЕВ
ОЧЕРКИ МОСКВЫ 40-х гг.

В. ОРЛОВ и А. ОСТРОВСКИЙ
ЭПИГРАММА и САТИРА
тт. I, II

«ACADEMIA»
Москва. Кузнецкий мост, 18/7
Тел. 4-34-37
Ленинград. Социалистическая, 14
Тел. 138-98

ЦЕНА 6 РУБ. ПАПКА 50 КОП.